

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ**

С.А.ВАСИЛЬЕВ

**ДРЕВНЕЙШЕЕ ПРОШЛОЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА:
ПОИСК РОССИЙСКИХ УЧЕНЫХ**

**Санкт-Петербург
2008**

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE FOR THE MATERIAL CULTURE HISTORY

SERGEY A. VASIL'EV

RUSSIAN SCHOLARS ON HUMAN PREHISTORY

St.Petersburg
2008

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

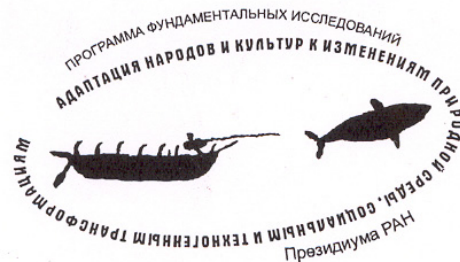
С. А. ВАСИЛЬЕВ

**ДРЕВНЕЙШЕЕ ПРОШЛОЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА:
ПОИСК РОССИЙСКИХ УЧЕНЫХ**

Санкт-Петербург
2008

**РОССИЙСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ
НАУЧНЫЙ ФОНД**

*Издание подготовлено в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН
“Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным
трансформациям” при поддержке гранта РГНФ № 07–01–00512*

С.А. Васильев. Древнейшее прошлое человечества: поиск российских ученых. – 179 С.

Монография представляет собой первый в отечественной археологии целостный очерк, посвященный анализу теоретических и методологических основ археологии древнего каменного века в России, истории ее формирования, оценке современного состояния дел и перспектив развития в будущем. Книга содержит изложение истории развития археологии в нашей стране в плане смены господствовавших теоретических концепций, взаимовлияния теории и практики научного исследования. Рассматривается место и роль отечественной науки в контексте мировой археологии. Последний аспект особенно актуален в наше время в связи с процессами интеграции национальных археологических школ. Работа представляет интерес для археологов, антропологов, историков науки и исследователей четвертичного периода (геологов, палеогеографов, палеонтологов), а также может быть использована преподавателями и студентами кафедр археологии университетов. Книга богато иллюстрирована.

Sergey A. Vasil'ev. Russian Scholars on Human Prehistory

The monograph is an overview of the theoretical and methodological approaches of the Old Stone Age archaeology at Russia, its developmental history, an evaluation of the current state of art and prospects. The monographs deals with the growth of Russian archaeology from the viewpoint of the theories prevailed and interrelationship between theory and practice. The place of the Russian achievements in the worldwide prehistory is analyzed. This last aspect is of prime importance in our time characterized by the integration of different national archaeological schools. The book is oriented toward archaeologists, anthropologists, and Quaternary scientists (geologists, paleogeographers, paleontologists). It could be used by professors and students of the departments of archaeology. The monograph includes numerous illustrations.

ISBN 5-201-01238-8

© С.А. Васильев, 2008

ВВЕДЕНИЕ

Общепризнанно, что российская доисторическая археология представляет собой особое оригинальное явление среди крупнейших национальных школ исследования первобытности. Напомним только два крупнейших достижения отечественных археологов, вошедшие в золотой фонд мировой науки о древностях, а именно открытие феномена палеолитических жилищ и трасологический метод С.А. Семенова. Гораздо меньшей известностью (причем не только за рубежом, но и в России) пользуются такие факты как создание опередивших свое время методических приемов изучения пещерных памятников Г.А. Бонч-Осмоловским и стоянок открытого типа М.Я. Рудинским, технологический и статистический анализ каменной индустрии у того же Г.А. Бонч-Осмоловского, гендерный подход к доистории в работах начала 1930х г.г. у П.П. Ефименко. До сих пор в нашей литературе отсутствует единый очерк, посвященный анализу теоретических и методологических основ отечественного палеолитоведения, истории его формирования, оценке современного состояния дел и перспектив развития в будущем.

Историей исследования палеолита в 1930–1940е г.г. много занимался В.Т. Илларионов (1940а, 1947, 1960), но преимущественно в плане фактографии и библиографии. Позднее, в 1960–1980е г.г., в свет вышла серия книг А.А. Формозова (1961, 1983, 1986), посвященных истории археологии в нашей стране, рассматриваемой в широком контексте культурной жизни русского общества. В большинстве общих работ по истории археологии в России и республиках СНГ тематике древнекаменного века уделено явно недостаточно внимания. Конечно, все труды по палеолиту включают в качестве одной из глав историю исследований. Существуют специальные региональные обзоры изучения древнего каменного века. Но в большинстве случаев они сводятся к перечню открытий и публикаций. Среди литературы этого рода выделим образцовый по сжатости и степени информативности очерк изучения древнейшего прошлого Крыма (Векилова, 1971).

Сибири в этом плане повезло больше, чем другим областям России. Для этой территории мы имеем капитальное двухтомное исследование В.Е. Ларичева (1969, 1972), охватывающее период до 1951 г., и содержащее как подробную историю осуществления конкретных проектов, так и вдумчивый обстоятельный анализ сменявших друг друга концепций сибирского палеолита. Вероятно, данная работа – лучшая из написанного на русском языке об истории изучения палеолита. Детальное критическое рассмотрение истории исследования древнекаменного века на северо-востоке Азии можно найти в монографии В.А. Кашина (2003). Отметим серию живо написанных очерков об ученых, занимавшихся палеолитом Забайкалья (Константинов, 2002), и недавно изданный обзор истории исследования палеолита Алтая (Кунгуров, Цыро, 2006).

Есть также большое число статей, сборников тезисов докладов и биобиблиографических обзоров, посвященных отдельным выдающимся исследователям древнего каменного века. Чтобы не перегружать и без того пространную библиографию, назову лишь несколько примечательных трудов, рассказывающих о жизни и деятельности Ф.К. Волкова (Франко, 2001), В.М. Щербаковского (Куринный, 1995), М.Я. Рудинского (Супруненко, Шовкопляс, 1993), Г.К. Ниорадзе (Каландадзе, 1989), М.М. Герасимова (Флоренсов, Флоренсов, Медведев, 1979), А.П. Окладникова (Ларичев, 1970а; Деревянко, 1980; Васильевский, 1981; Конопацкий, 2001) и др. Однако весь этот массив литературы не может компенсировать отсутствия единого сводного труда.

В 1990е г.г. в связи с общими процессами “открывания” заново отечественной истории, стирания “белых пятен”, интерес к прошлому археологии возобновился. Это время было ознаменовано серией конференций, защит диссертаций по истории археологии, выходом в свет трехтомной “Антология советской археологии” (Мерперт, 1995а, б, 1996), включавшей статьи ведущих ученых прошлого. В журнале “Российская археология” появился раздел “Из истории науки”. Однако за исключением, пожалуй, только книги Г.С. Лебедева (1992), общим пороком всей отечественной литературы вопроса является рассмотрение развития археологии в России в отрыве от мировой науки. Справедливости ради стоит отметить здесь старую статью В.Т. Илларионова (1940б), посвященную анализу взаимодействия русской и европейской научных традиций в конце XIX – начале XX в.в.

Одной из черт современной мировой археологии является повышенное внимание к процессам роста археологического знания под воздействием разнообразных факторов как внешнего, так и внутреннего порядка. Подчеркивается включенность подобных работ исторического плана в нынешние споры, их актуальность. Свидетельство тому – выход в свет в 1980–1990е г.г. ряда капитальных монографий, сборников и антологий по истории нашей науки, переиздание трудов классиков археологии. Помимо работ глобального и европейского охвата (Willey, Sabloff, 1980; Daniel, 1981; Guidi, 1988; Trigger, 1990; Christenson, 1989; Hodder, 1991; Richard, 1992; Meltzer, 1993; Schnapp, 1993; Cohen, 1994, 1999; Ucko, 1995; Coxe, 1998; Gran–Aymerych, 1999), отметим ряд изданий, посвященных

истории изучения проблемы происхождения человека (Grayson, 1983; Bowdoin van Riper, 1993) и специально археологии палеолита (Groenen, 1994), а также книги о выдающихся исследователях древнекаменного века (Junghans, 1987; Delporte, 1987; Cohen, Hublin, 1989; Perello, 1994; Davies, Charles, 1999). Немало полезных сведений об ученых прошлого можно найти в энциклопедическом словаре великих археологов (Murrey, 1999) и издании сходного плана, посвященного истории физической антропологии (Spenser, 1997).

По удачному выражению Б. Триггера (Trigger, 1994), история археологии вступила в “пору зрелости”. Расширяется спектр конкретных разработок, охватывая, помимо традиционных тематических обзоров и биографий ученых, новые мало изученные сюжеты. К ним относятся исследования, посвященные меняющейся роли и статусу археологии в обществе (Hudson, 1981; Patterson, 1995), влиянию национальных традиций научных школ на характер подхода к палеолитическим материалам (Dennell, 1990; Clark, 1991).

Как отмечает Б. Триггер, для современного этапа разработки истории археологии характерен конфликт интерпретаций, выраженный в форме спора “экстерналистов”, придающих особое значение в формировании теоретических концепций внешним факторам (социальная среда, идеологические установки, этнические и классовые интересы исследователей) и “интерналистов”, ориентированных на поиск внутренних закономерностей развития науки. Часто второй подход приобретает форму эмпиризма, сводящего картину к постепенному кумулятивному накоплению материала с его последующим обобщением. С другой стороны, не без влияния самого Б. Триггера, именующего себя “умеренным экстерналистом”, распространились концепции, трактующие археологические модели и теории как своеобразное отражение современных устремлений, проецируемых в прошлое человечества под влиянием идеологии доминирующих социальных групп. Согласно этой, весьма популярной ныне точке зрения, мы не реконструируем, а “конструируем” прошлое по образу и подобию современности. Так, Б. Триггер рассматривает развитие археологии как отражение интересов среднего класса. Можно заметить, что, исходя из такой позиции, археология в России просто не могла бы возникнуть, ибо ни в дореволюционное, ни в советское, ни в пост-советское время среднего класса в западном понимании этого слова в России, в сущности говоря, так и не сформировалось. Как кажется, подобная версия явно преувеличивает воздействие внешних факторов, повторяя увлечение социологическими объяснениями у наших археологов 1930х г.г. (см. главу 3) и сводя к минимуму значение процессов саморазвития научной дисциплины.

Хотелось бы в данной работе отойти от этих крайностей. Самое интересное, на мой взгляд, в интеллектуальном плане – это именно прослеживание постоянного взаимодействия теории и практики археологии, влияния, с одной стороны, новых открытий на смену теоретических концепций, с другой – отражения общих принципов подхода к оценке материала в конкретных исследованиях.

При анализе развития российской доистории также представляется важным отвлечься от двух распространенных в литературе заблуждений. С одной стороны, во всех официальных работах советского периода непременно подчеркивался новаторский, “прогрессивный” характер нашей археологии по сравнению с западной. С другой стороны, самоуничижительная трактовка русской археологии как своего рода “научной провинции”, наглухо замкнутой от идей мировой науки, вряд ли справедлива. На всем протяжении последующего изложения я постараюсь на конкретных примерах показать взаимодействие и взаимное влияние российской и западной доистории.

Прежде чем перейти к рассмотрению материала, необходимо сделать несколько предварительных замечаний. После распада СССР довольно трудно определить сам смысл термина “русская археология”. Неясно, употреблять ли его как синоним “советской” (тем более что большинство центров научной деятельности сосредоточено в России), или искусственно отделять результаты, достигнутые собственно русскими археологами (в том числе работавшими и работающими на территории бывших республик Советского Союза), от археологов, принадлежащих к другим национальностям. Последние, отметим, активно публиковались на русском языке и участвовали в общих дискуссиях. Речь фактически идет о работе тесно связанного единством методологических линий научного поиска и направленности исследований (не говоря уже о понятийной сетке и терминологии) профессионального сообщества. Как и другие основные школы палеолитоведения, российская явно не уместается в рамках современных национальных границ, подобно тому, как невозможно свести французское или американское палеолитоведение к деятельности только археологов Франции и США. Поэтому при описании конкретных исследований я буду анализировать картину на всей территории бывшего СССР до его распада в 1991 г. (Российской Империи в главе 1). Рассматривая же современное состояние дел, я сосредоточусь на деятельности российских научных центров, тем более что бурные политические события последних лет привели к ослаблению

информационного обмена между археологами разных республик, а ныне независимых государств, и мне трудно дать объективную оценку положения на сегодняшний момент за пределами России.

В соответствии с заявленной темой, монография содержит очерк истории археологии палеолита в узком смысле этого слова. Сложные проблемы общего характера, имеющие непосредственное отношение к палеолитоведению (вопросы антропогенеза, происхождения искусства, религии, языка, периодизации древнейших этапов человеческой истории), но требующие анализа в междисциплинарном контексте, будут затронуты в минимальной степени.

Работа строится по хронологическим отрезкам, границы которых во многом носят условный характер, и связаны как с резкими переломами в истории страны и, соответственно, условиями осуществления археологической деятельности, так и с внутренними рубежами в историческом развитии самой дисциплины. Иногда подобные границы не совпадают хронологически. Так, глава 1 посвящена дореволюционной археологии, а глава 2 – исследователям 1920х г.г. Между тем, несмотря на чудовищные по размаху потрясения революции и гражданской войны, в 1920е г.г. отечественная археология продолжила заложенные до революции Д.Н. Анучиным и Ф.К. Волковым традиции палеоэтнологических школ. Глава 3 содержит очерк истории советской археологии в 1930–1950е г.г., проходившей под знаком развития и свержения стадиализма. Ввиду большого объема информации, связанной с периодом 1960–1980х г.г., изложение разбито на две главы (4 и 5). Достаточно условно выделение современного этапа в развитии нашей области знания (глава 6). Несмотря на все расширяющееся проникновение новых методов и подходов, они “наслаиваются” на заложенную в 1960–1980е г.г. основу достаточно консервативной культурно-исторической археологии, не приводя пока к кардинальному пересмотру подхода к материалу.

В сущности говоря, в чисто теоретическом и методологическом плане в развитии нашего палеолитоведения были всего два момента резкой смены установок. Первый из них связан с появлением “марксистской археологии” в форме стадиализма в начале 1930х г.г., а второй – с дискуссией о локальности и стадиальности в палеолите в 1950е– начале 1960х г.г.

Более того, как правило, в археологии различные теоретические концепции сосуществуют в течение длительного времени. Я стараюсь проследить развитие скорее по поколениям ученых, связанных общностью методологических установок. Разумеется, здесь необходим индивидуальный подход. Если Г.А. Бонч-Осмоловский, В.А. Городцов и М.Я. Рудинский, к примеру, в 1930е г.г. продолжили свои линии научного поиска, то было бы искусственно отрывать их произведения, опубликованные в этот период, от контекста 1920х г.г. Совершенно иное дело П.П. Ефименко, который в начале 1930х г.г. резко сменил ориентацию исследований, поэтому его работы 1920х и 1930х г.г. будут рассмотрены раздельно.

В рамках каждого хронологического среза вначале будут очерчены контуры условий, в которых осуществлялась археологическая деятельность, описана организационная структура отечественной археологии, а затем дан краткий перечень важнейших открытий и публикаций, особенно обобщающего характера. Далее переходим к истории взаимодействия археологов с другими исследователями четвертичного периода, вопросам геологии и палеоэкологии палеолита. Последовательно ведется анализ важнейших тем палеолитоведения с упором на методологические новшества и идеи, характерные для описываемого периода. К таким темам относятся, прежде всего, вопросы методики полевых работ и связанные с ними проблемы реконструкции палеолитических жилищ и поселений, экономики и социального строя древних обществ. Другой аспект – подход к изучению каменных индустрий, начиная от технико-типологического и функционального анализа изделий из камня, и заканчивая сюжетами более высокого уровня, такими как классификация культурных проявлений палеолита, проблемы периодизации древнекаменного века в пределах крупных регионов России и в глобальном масштабе. Особую тему представляет изучение палеолитического искусства и вопросы интерпретации данного феномена. Раздел завершается анализом проблем археологической теории, статуса и задач доистории.

Данная работа представляет собой по сути дела первый опыт анализа методологического наследия русской доистории во всем ее богатстве и разнообразии школ и направлений. Специфика задачи заставляет ограничиться при описании конкретной деятельности археологов упоминанием лишь о наиболее значимых полевых проектах и публикациях. Соответственно, приводимый в конце работы библиографический список не претендует на исчерпывающий характер, хотя я и постарался включить в него основные вышедшие на русском языке монографические труды по палеолиту Северной Евразии и статьи, представляющие интерес для нашей темы. При этом я опускаю статьи, отчеты и брошюры чисто информационного характера и научно-популярные публикации. Разумеется, не упомянуты расплодившиеся в последнее время разнообразные непрофессиональные сочинения, а также

публикации, в которых история археологии служит не более чем поводом для сведения давних личных счетов.

Путь книги к публикации оказался непростым. Первый вариант рукописи был подготовлен в середине 1990х г.г., во время максимального сокращения раскопной, публикационной и прочей археологической деятельности в нашей стране. Этот период в совокупности с тогдашней “открытостью” России позволил впервые свободно обсуждать проблемы истории отечественной археологии, включая те сюжеты (в первую очередь, вопрос о роли марксистской философии и связанную с этим оценку нашей археологии первой половины 1930х г.г.), которые в советском прошлом приходилось обходить стороной. Само время благоприятствовало подведению итогов советского периода развития науки, но, с другой стороны, будущее археологии в России представлялось в ту пору весьма туманным. Первоначальный вариант книги благодаря любезному содействию Л.Б. Вишняцкого удалось опубликовать в издаваемом в Молдавии и потому малодоступном для российских коллег журнале *Stratum Plus* (Васильев, 2001/2002).

По мере оживления научной деятельности в стране обрисовывались контуры постсоветской археологии. Состоявшийся в 2006 г. в Новосибирске Всероссийский археологический съезд подвел итог сложному “переходному” периоду. Учитывая неоднократно высказанное коллегами пожелание переиздать очерк, я решил выпустить в свет измененный и дополненный вариант работы. Имея в виду вероятное использование книги в процессе обучения студентов-археологов, я снял присутствовавшие в ранее опубликованном тексте полемические моменты.

За содействие мне хотелось бы выразить глубокую признательность коллегам из Отдела палеолита ИИМК РАН, в первую очередь покойному профессору П.И. Борисковскому, а также З.А. Абрамовой, Н.Д. Праслову, С.Н. Астахову, Н.К. Анисюткину, А.А. Сеницыну. Сердечное спасибо сотрудникам библиотеки ИИМК РАН. По поводу ряда теоретических аспектов я имел счастливую возможность пользоваться консультациями профессора Л.С. Клейна. Я благодарен ученым из научных центров России и стран СНГ – А.П. Деревянко, С.В. Маркину, В.Н. Гладилину, Г.И. Медведеву, М.В. Константинову, В.А. Ранову, Н.Б. Леоновой, Х.А. Амирханову и многим другим.

Важную роль для сравнительного анализа характера российской и зарубежных школ исследования палеолита сыграли встречи и дискуссии с иностранными специалистами – О. Соффер, Р. Дэвисом, Д. Энло, Л. Бинфордом, Ф. Вендорфом, Д. Мельцером, М. Корнфельдом, М.Л. Ларсен, Д. Фризоном, Р. Келли, Х. Дибблом, Д. Хофманом, Ф. Чейзом, Р. Уайтом, П. Виллой, Т. Геблом (США), Ф. Одуз, К. Карлен, Ф. Давид, С. Бейри, Б. Валентином, П. Бодю, Ю. Плиссоном, К. Перлес, И. Таборен, А. Шнаппом, А. Тюффро, Ж.-Ф. Риго, П.-И. Демарсом, Ж.-П. Демудем, Н. Шлангером, К. Коэн (Франция), М. Оттом (Бельгия), Н. Ролланом (Канада), Я. Ходдером, Н. Бартоном, Д. Чапменом, О. Греном (Великобритания), Г. Бозински, П. Билем (Германия), Ф. Ле Брен–Рикаланом (Люксембург), К. Перетто, М. Арзарелло, А. Гуиди, М.Р. Паломбо, М. Мусси, Л. Лонго (Италия), Е. Неуступным (Чехия), И. Гиледом (Израиль), С. Андерсоном, П.В. Петерсоном (Дания), И. Яманака, Х. Кимура, Х. Като (Япония), С. Юем (Республика Корея). Сердечное спасибо участникам заинтересованного обсуждения моих лекций и семинаров по теме работы в Университете Париж I (Пантеон-Сорбонна), Высшей Школе общественных наук (Париж), Кембриджском, Феррарском, Сиенском университетах, университетах Вайоминга и Аляски.

За поддержку своей многолетней работы я благодарен Центру археологических исследований Национального Центра научных исследований и Дому наук о человеке Франции, Римско–германскому Центральному Музею, Институту “Открытое Общество”, Программе Фулбрайт (грант № 22246), Региональной Программе обмена ученых (США), Программе Европейского Сообщества “Эразмус Мундус” по четвертичной геологии и доистории, Немецкому археологическому Институту, Всемирному Археологическому Конгрессу, Международному Конгрессу доисторических и протоисторических наук, Американскому археологическому Обществу, Северному Совету и Центрально–европейскому Университету (грант № 791/1995). Завершение публикуемого здесь варианта книги состоялось в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН “Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям” при содействии РГНФ (грант № 07–01–00512).

ГЛАВА 1 . ЗАРОЖДЕНИЕ ИССЛЕДОВАНИЙ: ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД

Как и в других странах Европы, зарождение археологии каменного века в России было связано с коллекционированием каменных орудий любителями древностей (правда, эта деятельность у нас затрагивала почти исключительно неолитические вещи). Первые свидетельства такого интереса относятся к 20 – 30м г.г. XIX в.; продолжилось собирательство и во второй половине столетия (подробнее историю "антикварной" фазы русской археологии см. Формозов, 1981). В середине XIX в. оформляется организационная структура отечественной археологии, пока еще сосредоточенной на изучении классических и славяно–русских древностей (позже к ним добавятся восточные). Создаются Археологические общества – с 1846 г. в Санкт-Петербурге, с 1864 г. – в Москве. Последнее известно, кроме активной публикационной деятельности (с 1893 г. издается первый русский археологический журнал "Археологические известия и заметки"), также организацией Археологических съездов. Всего с 1869 по 1911 г. было проведено 15 таких собраний. В 1859 г. была основана Императорская Археологическая Комиссия – центральный координирующий орган археологической деятельности в общенациональном масштабе. Большую роль на начальном этапе развития русской доистории сыграли также Императорское Русское Географическое Общество, Общество любителей естествознания, антропологии и географии при Московском университете, Императорская Академия наук, а позже Русское Антропологическое Общество при Санкт-Петербургском университете.

Открытие палеолита было подготовлено в теоретическом плане состоявшимся в середине XIX в. знакомством русских исследователей с последними достижениями европейской науки. Трудно переоценить эффект воздействия на общество того времени эволюционной теории Ч. Дарвина, тем более что в России ожесточенные споры вокруг проблемы происхождения человека были связаны не только с конфликтом науки и церкви, но и с популярными тогда революционно–демократическими идеями. Особенность русской дореволюционной науки – большая степень осведомленности о состоянии современной европейской научной мысли. Помимо распространенного (несравненно шире, чем в последующий период коммунистического режима) знания языков, доступности литературы, возможности непосредственных контактов и поездок, огромную роль здесь сыграли переводы, в основном издававшиеся благодаря инициативе Д.Н. Анучина. Все фундаментальные труды по доистории, выходявшие за рубежом, начиная с "Северных древностей" Ворсо, через непродолжительное время появлялись на русском языке (Ляйель, 1864; Леббок, 1876; Нидерле, 1898; Мортилье, Мортилье, 1903; Гернес, 1913; Обермайер, 1913).

Уже в 1861 г. академики К.М. Бэр и А.А. Шифнер обратились с призывом к собиранию сведений о каменных орудиях в России и к созданию общегосударственного музея древностей (Бэр, Шифнер, 1861). Парадоксальный факт – первая палеолитическая стоянка, известная в нашей стране, была обнаружена на территории, крайне удаленной от центральной части Империи, в Восточной Сибири (рис. 1). Речь идет о сделанном в 1871 г. И.Д. Черским, А.Д. Чекановским и В.А. Бельцовым в Иркутске открытии залегавших вместе с остатками плейстоценовой фауны каменных изделий, необычных предметов из бивня мамонта и обожженной глины (рис. 2). За этими находками последовала серия новых открытий. В 1873 г. на Украине Г.С. Кирьяковым и Ф.И. Каминским была найдена стоянка Гонцы. Примерно в это же время следы палеолитического человека обнаруживаются в крайней западной части Империи, в Польше, где Я. Завиша раскапывает Мамонтовую пещеру под Краковом. В 1877 г. лидер тогдашней археологии А.С. Уваров открывает в своем поместье на Оке Карачаровскую стоянку.

В 1879 г. К.С. Мережковский проводит первое обследование пещер Крыма и сразу обнаруживает здесь следы как позднего палеолита (Сюрень, Качинский навес), так и мустье. Волчий Грот становится первым нижнепалеолитическим памятником, известным в России. В 1879–1881 г.г. Г.А. Оссовский раскапывает Машицкую пещеру в Польше. Крупнейшим событием в дореволюционной русской археологии стало открытие И.С. Поляковым в 1879 г. палеолита в Костенках – этой, по образному выражению А.А. Спицына, "жемчужины русского палеолита". Хотя Костенки как местонахождение гигантских костей ископаемых животных (трактуемых как остатки боевых слонов Александра Македонского, а позже как кости мамонта) было известно еще с начала XVIII в., именно И.С. Поляков определил наличие здесь стоябища древнего человека (рис. 3). В 1881 г. небольшие работы в Костенках проводил А.И. Кельсиев. Важным шагом на пути первичной систематизации немногочисленного пока материала стал выход в свет двухтомного труда А.С. Уварова "Археология России. Каменный период" (Уваров, 1881).

Новые открытия в 80е г.г. XIX в. расширяют географическую зону распространения палеолитических остатков. В 1883 г. Н.Б. Антонович обнаруживает палеолит на Днестре. Первые

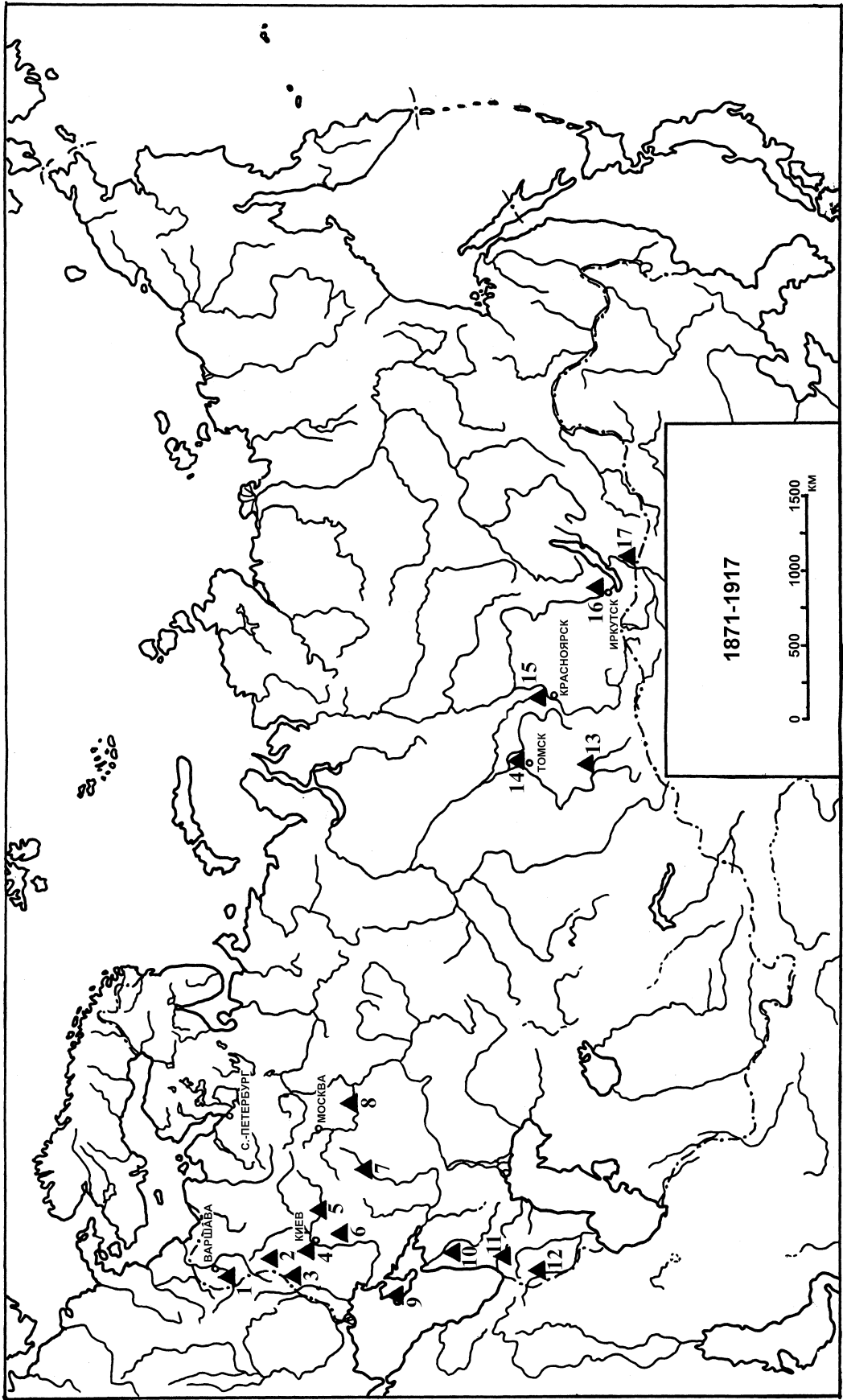

Рис. 1. Карта основных центров изучения палеолита и стоянок, открытых в России до 1917 г. 1 – Окежник, Машицкая, Мамонтова, Гора Пулавская; 2 – Студеница I, Вороновица I, Врублевцы и др.; 3 – Городок I, II; 4 – Кирилловская, Протасов Яр; 5 – Мезин; 6 – Гонцы; 7 – Костенки I, Боршево I; 8 – Карачарово; 9 – Волчий грот, Качинский навес, Сюрень I, II; 10 – Ильская; 11 – Сакажиа, Пещера Уварова, Пещера Бараташвили, Гварджилас–Клде; 12 – Арагац; 13 – Фоминское; 14 – Томская; 15 – Афонтова Гора I–IV, Ладейки, Переселенческий Пункт, Бирюса I; 16 – Верховенская Гора I, Военный Госпиталь; 17 – Кяхта, Усть–Кяхта, Зарубино и др.

исследования в Иркутске остались практически незамеченными, а коллекции погибли. Поэтому подлинным началом изучения древнекаменного века Северной Азии стало открытие И.Т. Савенковым в 1884 г. стоянок на Афонтовой Горе в Красноярске. 80–90е г.г. XIX в. – время развертывания археологической деятельности на местах. Активно создаются региональные археологические общества и кружки, расширяется сеть музеев. В 1883 г. открывает двери Русский Исторический Музей в Москве, включавший зал, посвященный каменному веку, – первое общенациональное хранилище древностей. Налаживается система преподавания археологии. С 1877 г. функционирует Археологический институт в Санкт-Петербурге, где курс первобытной археологии читался Н.И. Веселовским (аналогичный институт в Москве открылся в 1907 г., там читал В.А. Городцов). С 1880 г. в Московском Университете Д.Н. Анучин начинает преподавать антропологию и возглавляет Антропологический Музей. Большое значение для развития археологии в России имела проведенная в 1892 г. в Москве под председательством Д.Н. Анучина XI сессия Международного конгресса по доисторической археологии и антропологии.

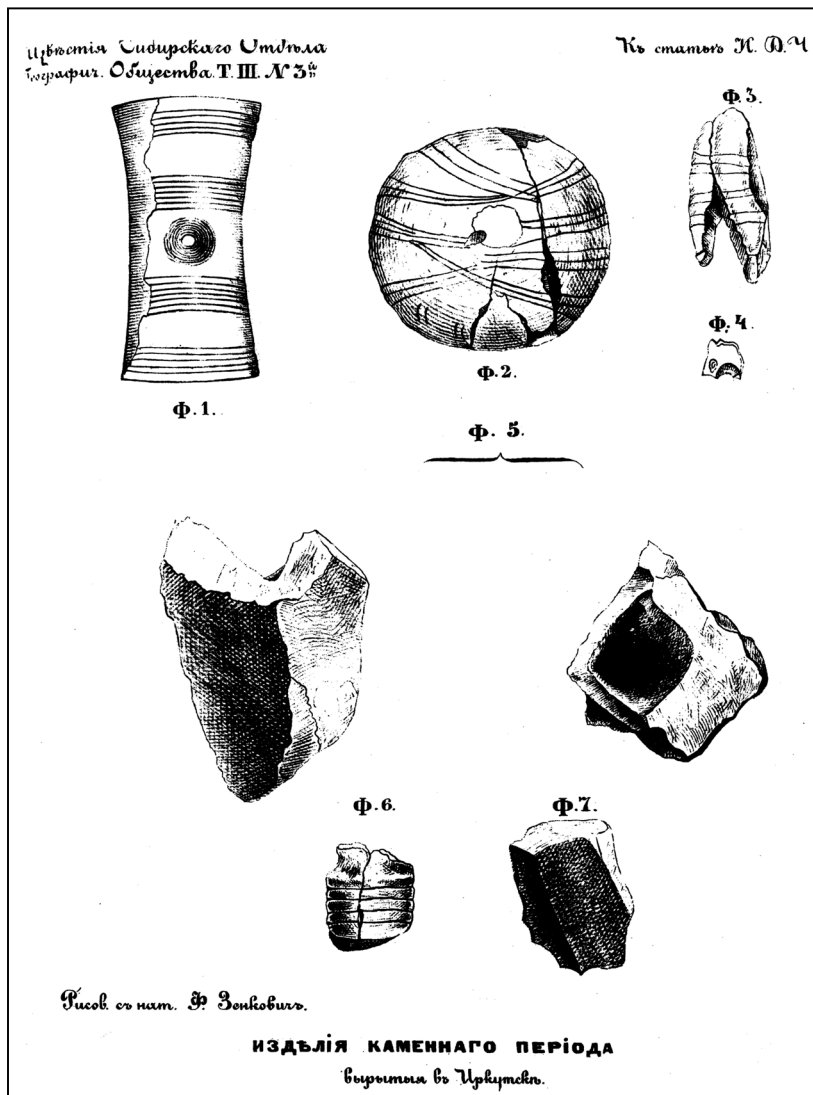

Рис. 2. Изделия из Военного Госпиталя в Иркутске – первой палеолитической стоянки, известной в России (по: Черский, 1872, С. 176, вклейка).

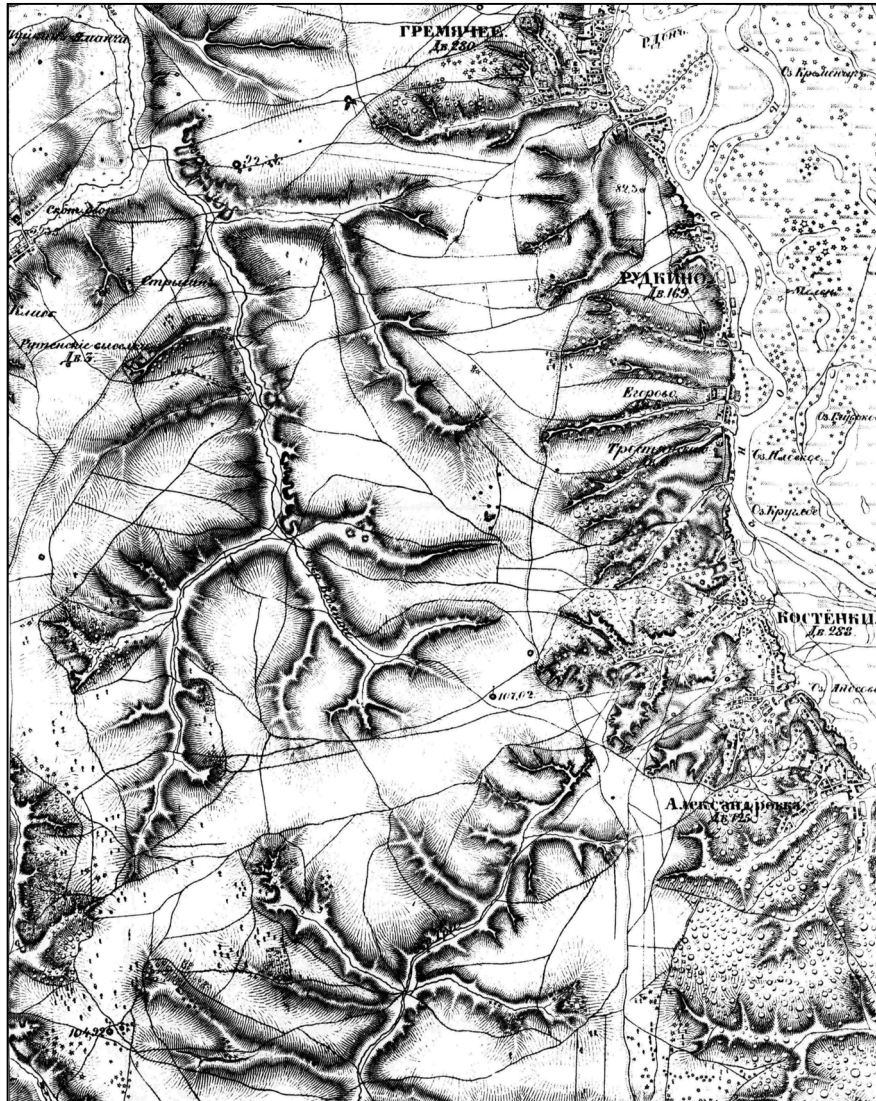

Рис. 3. Первый план с. Костенки с окрестностями (по: Поляков 1880, С. 83).

С середины 1890х г.г. после заметного перерыва следуют новые открытия в поле, причем в различных уголках страны. С 1893 г. В.В. Хвойко начинает исследования Кирилловской стоянки в Киеве, а М.П. Овчинников ведет сборы на Верховенской Горе в Иркутске. В 1894 г. Н.И. Криштафович открывает верхнепалеолитическую стоянку у Гуры Пулавской в Польше, в 1896 г. Н.Ф. Кашенко проводит примечательную кампанию раскопок Томской стоянки. Появляются первые известия о древнекаменном веке в Забайкалье (работы А.П. Мостица). Г.О. Оссовский (1895) в своей монографии обобщает сведения о палеолите в Польше.

1900е г.г. достаточно бедны открытиями. Н.И. Криштафович вел небольшие работы на Днестре и в Киеве. Примечательно обнаружение А.А. Спицыным в 1905 г. стоянки в Боршево. Более важную роль сыграло открытие в 1908 г. Мезинской стоянки. Ее исследование, проведенное в 1909–1916 г.г. Ф.К. Волковым и его учениками (П.П. Ефименко, Л.Е. Чикаленко, С.И. Руденко, Б.Г. Крыжановским и др.), позволило открыть мир "южнорусского мадлена" со своеобразным искусством и орнаментикой (см. Рудинский, 1931; Сергин, 1987).

Особенно увеличивается фонд сведений по палеолиту в 1910е годы (рис. 4). В Польше была открыта пещера Окенник, доставившая первые нижнепалеолитические материалы для данной территории. На Украине продолжились исследования в Мезине, а в 1914–1916 г.г. В.М. Щербаковский при участии В.А. Городцова вел раскопки в Гонцах (по сути дела, работы в Мезине и Гонцах были первыми систематическими раскопочными кампаниями). В Сибири С.М. Сергеевым в 1911 г. была обнаружена стоянка у Переселенческого пункта в Красноярске, появляются сведения о палеолите Алтая (работы М.Д. Копытова), в 1914 г. И.Т. Савенков проводит свои последние раскопки на Афонтовой Горе.

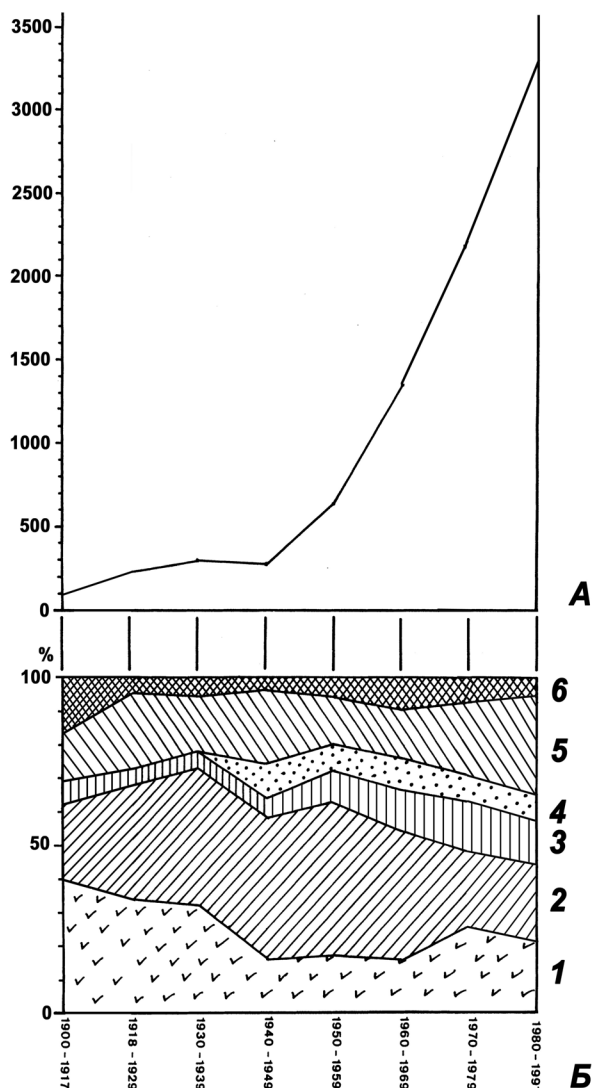

Рис. 4. График роста числа публикаций по палеолиту в 1900–1991 г.г. (по материалам библиографий “Русская археологическая литература” и “Советская археологическая литература”).

А – Общее число публикаций; Б – распределение литературы по следующим разделам: 1 – работы общего характера; 2 – палеолит Европейской России; 3 – палеолит Кавказа; 4 – палеолит Средней Азии; 5 – палеолит Сибири и Дальнего Востока; 6 – палеолит зарубежных стран.

Общий итог дореволюционного этапа развития доистории в России подведен в работах В.А. Городцова (1908) и А.А. Спицына (1915). Оба этих автора по праву могут быть названы классиками отечественной археологии. Их роль в деле систематизации русских доисторических культур сравнима со значением трудов О. Монтелиуса, С. Мюллера и А. Дешелетта для Западной Европы.

Как и в других странах, развитие археологии палеолита в России неотделимо от прогресса в исследовании четвертичного периода. Достаточно высокий уровень, достигнутый отечественной геологией (напомним, что одна из первых гляциалистских теорий была выдвинута П.А. Кропоткиным еще в 1876 г.), стимулировал рано проявившийся интерес к геологическим аспектам археологии древнекаменного века. В конце XIX в. стратиграфия стоянок изучалась В.В. Докучаевым, К.М. Феофилактовым, С.Н. Никитиным. Уже в начале XX в. Н.И. Криштафович (1907) проводил специальные работы по полевому обследованию всех палеолитических местонахождений Европейской России в качестве подготовительного этапа для создания обобщающего труда по геологии палеолита (эту задачу реализовал много лет спустя В.И. Громов).

Подводя итог краткому и неизбежно неполному перечню имен, открытий и публикаций, можно выделить в развитии археологии палеолита в дореволюционное время два пика активности. Первый относится преимущественно к 70–80м г.г. XIX в. и связан с деятельностью А.С. Уварова, И.С. Полякова, К.С. Мережковского и др. В трудах этих исследователей описание и графическая фиксация (в тех случаях, когда она приведена) носит еще достаточно условный и приблизительный характер, стиль и содержание работ ближе к традиционному жанру “ученых путешествий” с частыми экскурсами в область географии, этнографии и т.д. Второй всплеск интереса к палеолиту имел место в начале XX в. и ассоциируется с именами Ф.К. Волкова, В.А. Городцова, П.П. Ефименко и др. Основная заслуга Ф.К.

Волков не только и не столько в собственных полевых работах, но в преподавательской и научно-организационной деятельности. Под его руководством усваивали азы доисторической археологии такие крупные в будущем исследователи как П.П. Ефименко и Г.А. Бонч-Осмоловский. Глубокий след Ф.К. Волков оставил на Украине, заложив здесь традиции изучения палеолита на европейском уровне. Как справедливо отмечает А.А. Формозов (1983), статьи П.П. Ефименко, появившиеся в свет в 1913–1915 г.г., были первыми в России профессиональными исследованиями по палеолиту в полном современном смысле этого слова. Так что речь здесь уже идет о формировании генерации профессиональных археологов.

Подобно другим национальным школам исследования палеолита, русская формируется под непосредственным воздействием французской палеоэтнологии. Д.Н. Анучин длительное время выступал в качестве представителя отечественной науки в Европе, участвуя в деятельности выставок, конгрессов и т.д. В процессе подготовки Антропологической выставки в Москве, состоявшейся в 1879 г., он знакомился с палеолитическими собраниями в музеях Германии, Франции, Англии, Бельгии, Австро-Венгрии, осмотрел гроты юга Франции, тесно общался с археологами и даже принял участие в раскопках грота Биз с Картальяком и Ложери-Басс с Массена (Анучин, 1879). Позже Ф.К. Волков, будучи одним из ближайших учеников Мортилье, активно сотрудничал в журнале "L'Anthropologie", регулярно извещая коллег о новых открытиях в России. П.П. Ефименко прорабатывал коллекции в Лез-Эйзи. Эта линия научных контактов, плодотворная для обеих сторон, продолжится в 1920е г.г. (поездки Г.А. Бонч-Осмоловского и А.А. Миллера во Францию) и окончательно прервется в 1930е г.г. Новое возобновление российско-французских контактов относится уже к 1960–1970м г.г. и связано с именами П.И. Борисковского, В.А. Ранова, З.А. Абрамовой и В.П. Любина.

С другой стороны, сведения о палеолите России привлекали внимание зарубежных специалистов. В 1879 г. в работе съезда русских и иностранных научных обществ, приуроченного к открытию Антропологической выставки, приняли участие Г. де Мортилье, Г. Шантр, А. Катрфаж и другие ученые. В 1890 г. Э. Картальяк и Ж. де Бай побывали на VIII археологическом съезде. Через два года на уже упоминавшемся конгрессе в Москве присутствовали Г. Шове, Ж. де Бай, Р. Вирхов, Л. Нидерле. Именно здесь Ж. де Бай ознакомился с открытиями И.Т. Савенкова на Енисее. Впоследствии (в 1896 и 1897 г.г.) Ж. де Бай посетил Афонтову Гору. Это внимание к сибирской тематике во многом стимулировалось популярными в то время гипотезами об особой роли азиатских культур в доистории, представлениями о распространении волн древнего населения из Азии в Европу вслед за мамонтовой фауной.

Другая область интересов зарубежных исследователей – Кавказ. Еще в 1889 г. Ж. де Морган собирал каменные орудия в районе Алагеза (Армения). В 1898 г. Ж. де Бай на Северном Кавказе обнаруживает мустьерскую Ильскую стоянку. Позже австрийский ученый Л. Козловский вместе с немецким археологом Р. Шмидтом проводят изыскания в пещерах Имеретии, приведшие, в отличие от неоднократно предпринимавшихся ранее поисковых работ, к открытию ряда выразительных верхнепалеолитических комплексов. Отметим, наконец, раскопки польского исследователя С.И. Круковского в 1915–1918 г.г. в Костенках и на Кавказе. Это участие иностранных специалистов в полевых изысканиях на территории России прервется во время революции и возобновится лишь в 1990е г.г., в период перестройки и пост-перестройки.

Теперь постараемся проанализировать ход развития мысли наших предшественников по отдельным аспектам палеолитоведения. Начнем с приемов полевого исследования. Совершенствование методики раскопок пещер в XIX в. заметно опережало таковое для стоянок открытого типа. Уже геолог Г.Е. Щуровский (1878) упоминал в качестве "научных методов раскапывания" съемку плана пещеры, разметку центральной линии, послойное вскрытие отложений участками ("кубическими глыбами") перпендикулярно центральной линии с проведением параллельных разрезов. О послойном стратиграфическом исследовании пещер писали К.С. Мережковский (1881а) и А.С. Уваров (1910). В первых специальных русских руководствах по методике раскопок (Спицын, 1895, 1908; Городцов, 1914б) речь также идет в основном о приемах изучения пещерных комплексов, хотя В.А. Городцов рекомендовал вскрытие площади открытых стоянок квадратными "колодцами" по 10–15 аршин (7 – 11 м). На этом фоне интересен уникальный опыт планиграфического исследования, проведенного Н.Ф. Кашенко (1901) на Томской стоянке. Памятник представлял собой образец "места забоя и разделки", содержащий остатки одного мамонта в сопровождении углей и немногочисленных каменных орудий. Исследователь тщательно зафиксировал расположение объектов на вскрытой площади при помощи квадратной сетки, снабдив итоговый труд цветным планом распространения находок (рис. 5). Отметим, что перед нами по сути дела первая монографическая публикация палеолитического памятника на русском языке. Стоит подчеркнуть факт поразительной предусмотрительности – Н.Ф. Кашенко собрал древесные угли, по которым впоследствии была получена радиоуглеродная датировка комплекса.

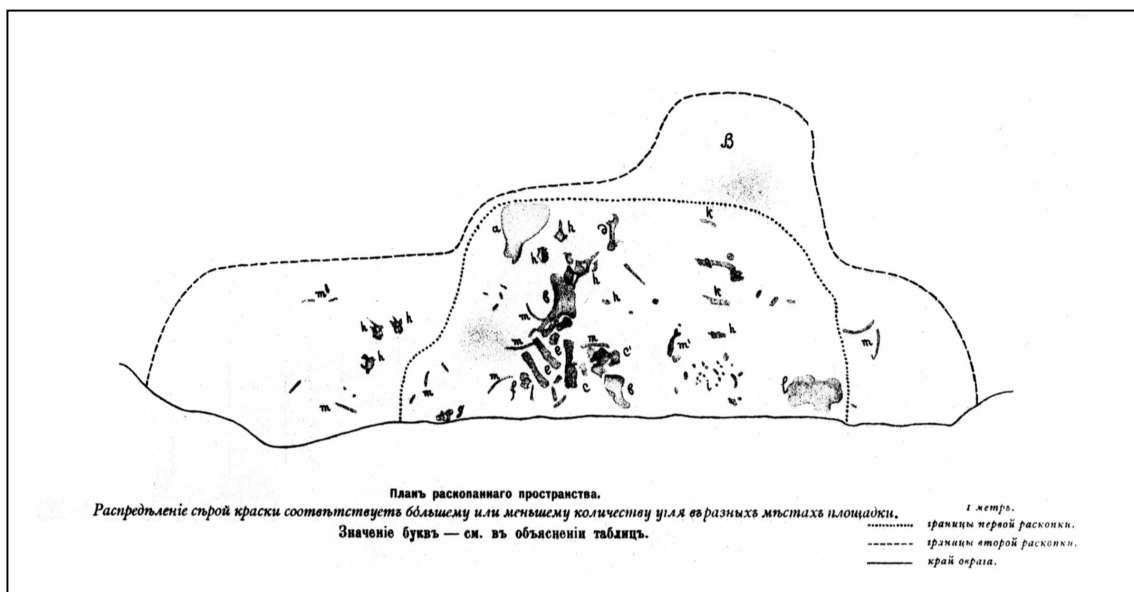

Рис. 5. План распределения находок на Томской стоянке – первый опыт фиксации культурных остатков (по: Кащенко, 1901, табл. II, фиг. 2).

Интересно, что в ту эпоху палеолитоведение было еще столь не развито, что талантливый дилетант (Н.Ф. Кащенко был зоологом, но хорошо знакомым с археологической литературой) мог опередить в понимании памятника профессиональных археологов. Это и вызвало в его адрес упреки со стороны Г.О. Оссовского и С.К. Кузнецова.

Хотя опыт Н.Ф. Кащенко оставался изолированным, все же в начале XX в. методика вскрытия культурных слоев совершенствуется. Так, при раскопках Гонцов в 1915 г. производилась расчистка остатков с оставлением крупных костей и камней на месте для изучения планировки памятника, хотя скопления и интерпретировались как отбросы, мусорная свалка (Городцов, 1926). Схемы распространения культурных остатков в плане составлялись во время работ в Мезине. Основными приемами раскопок выступали шурфы и траншеи и В.В. Хвойко (1913) был единственным, кто применял вскрытия большими площадями. Однако вопиющий даже на фоне того времени непрофессионализм данного исследователя, склонного к фантастическим гипотезам, сводил на нет преимущества методического приема.

Что касается реконструкции облика палеолитических стоянок, то они обычно рассматривались как места отдыха и приготовления пищи группами древних людей. Именно так И.С. Поляков (1880) интерпретировал Костенки I, а А.С. Уваров (1881) Гонцы. Считалось, что на открытых стоянках человек обитал в легких жилищах типа чумов из шкур (Поляков, 1880). В.А. Городцов (1926) предполагал существование где-то в стороне от раскопанных им в Гонцах скоплений "лицевых жилищ". Пожалуй, только В.В. Хвойко (1913) смело интерпретировал вскрытые им в верхних слоях Кирилловской стоянки ограниченные по площади пятна культурного слоя в углублениях как остатки шалашей. Однако эта мысль осталась лишь догадкой, не подкрепленной документально. Обычно из структур обитания опознавались только очаги. А.А. Спицын (1915) впервые наметил определенную типологию очагов палеолита, выделив среди стоянок долго- и кратковременные. Интересна его гипотеза о роли скоплений костей мамонта как запасов топлива, своего рода "кокса палеолита".

Стоит отметить, что дискуссия о соотношении роли охоты и сбора костей мамонта на верхнепалеолитических стоянках Русской равнины восходит к 80м г.г. XIX в. Если И.С. Поляков (1880, 1882) считал доисторических обитателей Костенок и Карачарова охотниками на мамонта, то В.В. Докучаев (1882) и А.И. Кельсиев (1883) полагали, что основным источником пищи палеолитического человека была падаль. Позже эта гипотеза была поддержана применительно к Мезину Ф.К. Волковым (1913б), однако в начале XX в. охотничья версия все же преобладала.

Что касается реконструкции социального устройства и образа жизни палеолитического человека, то данная тема оставалась предметом смутных догадок. Еще И.С. Поляков (1880) считал, что для успешной охоты на мамонта древний человек был сплочен в "порядочные общества". В.А. Городцов (1908) повторяет утверждение о жизни "значительных сообществ" в верхнем палеолите, а А.С. Уваров (1881) писал об относительной оседлости "людей мамонтового периода".

Загравивая проблематику исследования индустрий, вначале рассмотрим вопрос о формировании русской терминологии и номенклатуры изделий из камня. На первых порах отечественная литература (Д.Н. Анучин, И.С. Поляков, В.Б. Антонович и др.) грешила дословным переводом французских терминов. Мы читаем здесь о "граттуарах" (фр. grattoir – скребок), "шишке сотрясения", "бугре ударной раковины", "отбивной луковице" (фр. bulbe de percussion – ударный бугорок), "ручном топоре" или "кулачном орудии" (фр. coup de poing – рубило). Длительное время термином "нож" обозначались пластинки, "осколок" или "отбивок" – отщеп, "бурав", "шило", "провертка" – проколка, "колотушка" – отбойник. "Нуклеусы" и "ядрища" сосуществовали с "нуклеями", "ядрами" и даже "матками", "стержнями" и "зернами". Л.Я. Штернберг в переводе книги Мортилье впервые употребил термин "остроконечник" вместо "острия", "заострения" или "клинка" у других авторов того времени. Основной вклад в формирование современной русской терминологии внесли Ф.К. Волков (переводя монографию Нидерле, он разделил скребки от скребел; до того термин "скребки", иногда подразделяемые на "широкие" и "узкие", охватывал обе эти категории) и П.П. Ефименко, предложивший термин "ручное рубило" вместо "топора".

Параллельно со становлением терминологического фонда идет процесс выработки правил ориентации и зарисовки изделий из камня. Хотя первые безупречные с современной точки зрения рисунки были опубликованы еще в 80е годы г.г. XIX в. К.С. Мережковским (Merejkowsky, 1884), длительное время они сосуществовали с иными менее совершенными методами графической передачи характера орудия (рисунок перекрещивающимися штрихами, изображение светотени рассеянными штрихами, точками и т.п.). Кстати, сходные процессы шли в то время и в зарубежной науке.

К.С. Мережковский пожалуй первым в русской археологии обратил особое внимание на важность разработки типологии каменных орудий. В связи с этим уместно привести цитату из его первого отчета: "Если бы меня спросили, для чего антропологи столько трудятся над изучением формы каменных орудий, для чего такое точное описание их типов и подразделений, какую пользу может извлечь наука из такого по-видимому мелочного разбора этих камешков, то я отвечу, что именно таким тщательным установлением типов каменных орудий одной местности и затем другой местности делается возможным основательное сравнение обеих местностей в этом отношении, только тогда возможно найти между ними сходственные и отличительные черты и, основываясь на таком анализе, решить вопрос о сходстве культуры обоих народов, населявших эти местности, а, может быть, если и другие данные это позволяют, и вопрос о сходстве и различии племенном" (Мережковский, 1880, С. 138).

И.С. Поляков (1880), описывая материалы Костенок, уже выделял "ланцетообразные орудия", напоминающие ножи, а частью копья (наконечники с боковой выемкой). Однако основная типологическая работа была еще впереди и лишь в начале XX в. проявляется стремление к выделению типов орудий, специфических для материалов России. По мнению А.А. Спицына: "Поделки из камня в русском палеолите в общем не уклоняются от форм общеевропейских, да и не могут уклоняться, так как техника держится везде на одном материале и орудия имеют везде одно и то же назначение. Но во всяком случае у нас должны быть и свои разновидности, и свои типы; особенно разность должна выразиться в изделиях из кости и их орнаменте. В Карачарове и Костенках встретились особые широкие клинья из кремня; орнамент мезинский своеобразен. Совпадая типологически с западным палеолитом, русский едва ли совпадает с ним хронологически и, во всяком случае, может не совпадать. Свой палеолит мы должны изучать самостоятельно, прибегая к западному лишь для сравнения" (Спицын, 1915, С. 172).

Примерно в то же время В.А. Городцов (1908) приступает к работе по теоретическому обоснованию типологического метода в археологии, получившую логическое завершение в его трудах 1920х г.г. Однако данные построения пока еще не применялись к реальным палеолитическим коллекциям. Первую подлинно научную классификацию изделий из камня с соподчиненностью подразделений и четкой терминологией мы находим в статьях П.П. Ефименко (1913а, 1915а), посвященных анализу материалов Мезина и Костенок. П.П. Ефименко указывал на необходимость "описания кремневой индустрии, изучение которой в настоящее время вступило в фазу научного знания с установленной типологией, большой литературой вопроса, выработанными приемами исследования" (Ефименко, 1915а, С. 13–14). Он впервые описал индустрию в строго логической последовательности (нуклеусы – заготовки – орудия), выделяя подразделения внутри групп скребков, проколов и резцов. Он же обозначил под именем "пластинок с оббитым концом" ножи костенковского типа. На основании типологического анализа П.П. Ефименко (1915а, С. 23) пришел к важному выводу о том, что "острие с боковой выемкой... – наиболее характерная форма Костенковской палеолитической стоянки, сближает ее с лессовыми стоянками Австрии" (рис. 6). Тем самым была заложена основа традиционной темы нашего палеолитоведения, которая ныне формулируется как проблема восточного граветта – костенковско-виллендорфского единства.

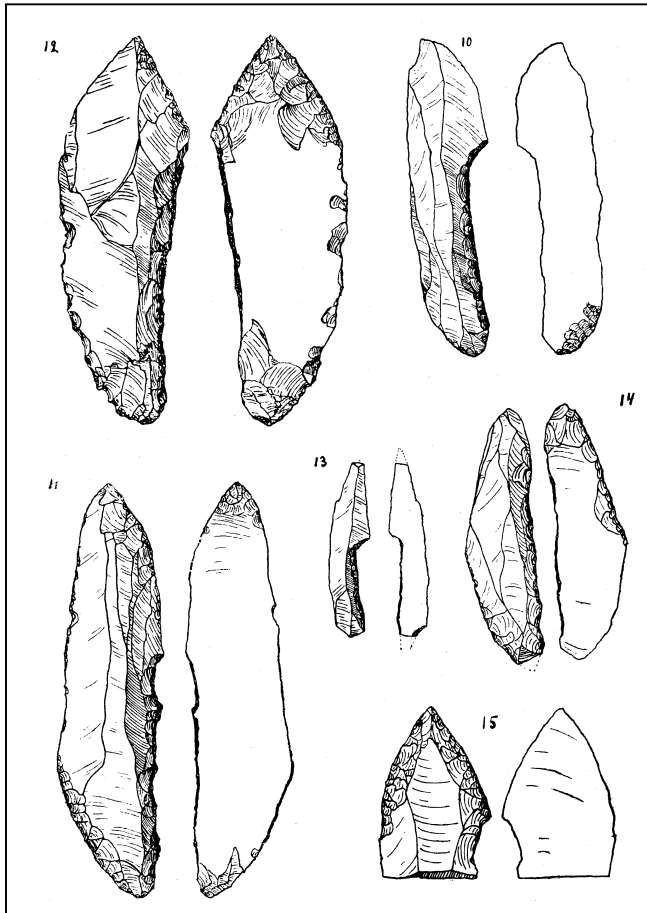

Рис. 6. Орудия из Костенок I (по: Ефименко, 1915а, рис. 12–17).

Интересно отметить, что П.П. Ефименко также впервые поставил вопрос о зависимости облика инвентаря от планиграфии памятника. Отмечая малочисленность проколов в Костенках I, он писал: "...неравномерное распределение форм орудий на территории стоянки представляет нередкое явление; так, например, в Мезинской (Черниговской губ.) проколки встречены в очень большом числе лишь в одном пункте стоянки" (Ефименко, 1915а, С. 21–22). Это краткое замечание предвосхищает развитие еще одной традиционной темы отечественного палеолитоведения – изучения вариации инвентаря в пределах поселения. Для нас становление данного направления связывается с работами П.И. Борисковского в Костенках в 1930е г.г. В 1970е г.г. на новом уровне оно было продолжено в работах Н.Б. Леоновой, М.Д. Гвоздовер, Г.П. Григорьева и ряда других авторов.

Наряду с типологией, в России рано проявился интерес к реконструкции производств эпохи каменного века. Пионером в данном деле был В.А. Городцов. В 1913 г. в Истре под Москвой, он, не имея предварительного опыта в расщеплении камня (сам исследователь признавался, что шел практически на ощупь), тем не менее, провел серию экспериментов по раскалыванию кремня, стараясь вычленив критерии отделения артефактов от продуктов естественного дробления камня (Городцов, 1914а).

Другая важнейшая тема, к разработке которой приступили русские дореволюционные исследователи – периодизация отечественного палеолита. А.С. Уваров (1881) скептически относился как к классификации эпох палеолита по руководящим типам орудий у Г. Мортилье, так и к членению каменного века, основанного на смене фауны у Э. Ларте, считая обе эти системы преждевременными попытками обобщения материала, не имеющими всеобщего значения. Д.Н. Анучин (1882) полагал, что А.С. Уваров ошибочно отрицал полезность схемы Г. Мортилье. Сам Д.Н. Анучин трактовал удобство пользования классификацией Г. Мортилье как временное явление, придавая основное значение для определения древности комплексов фаунистическим остаткам. Неоднократно излагая схему Г. Мортилье на русском языке, Д.Н. Анучин постоянно подчеркивал как предварительный ее характер, так и географическую ограниченность. По его мнению, эта система мало пригодна для других стран Европы, хотя сам принцип членения палеолита по типам изделий несомненно заслуживает внимания (Анучин, 1898а).

К осознанию своеобразия восточноевропейского палеолита русских исследователей подталкивал

опыт коллег из Средней Европы. Еще Г.О. Оссовский (1886) указывал на невозможность классификации по западноевропейским схемам находок из Центральной и Восточной Европы. Считая, что культура определяется во многом физико-географической средой, он поставил задачу создания региональных классификаций на основе изучения материалов колонок многослойных памятников. Так, Г.О. Оссовский выделил "машицкую эпоху" как древнейшую в каменном веке Польши и Австрии, схожую с мадленом, но характеризующуюся местными особенностями. Позже Л. Нидерле (1898) писал о том, что схема Г. Мортилье может не отражать точную хронологическую последовательность палеолитических индустрий в различных частях Европы. О том же говорил, выступая на Московском конгрессе 1892 г., Г. Шове: "Итак, наши французские классификации не могут быть априорно применены ко всему миру. Кажется будет лучше сначала установить региональные классификации, не слишком озадачиваясь соседними явлениями. Сравнения и совпадения, если таковые появятся, выявятся сами по себе позднее" (Chauvet, 1892, С. 63).

Подчеркивая "местный" характер схемы Г. Мортилье, В.А. Городцов (1908) все же не шел в этот период своего творчества дальше применения французских подразделений к палеолиту России. Он соотнес известные стоянки со стадиями французской классификации, в основном определив памятники как мадленские. Этой же точки зрения придерживался Ф.К. Волков (1913б). Термин "культура" В.А. Городцов употреблял только в плане обозначения групп сосредоточения палеолитических памятников ("днепровская палеолитическая культура", "костенковская культура"). Столь же осторожен был и А.А. Спицын: "Простой здравый смысл подсказывает, что русский палеолит не может быть простым повторением французского. Если с одной стороны несомненно, что схема Мортилье может выдержать какое угодно испытание и что она, по своей всеобщности, должна иметь применение и в России, то с другой стороны столь же очевидно, что схема эта неполна, так как она не прослеживает начала и конца культуры и, кроме того, между древним и новым периодом ее ощущается огромный пробел. В отдаленной России, а может быть особенно в Сибири, могут оказаться и искомые промежуточные формы. Во всяком случае здесь должны быть предполагаемы иные условия жизни, не может быть одного и того же на Роне и на Амуре" (Спицын, 1915, С. 134). Следует отметить, что как А.А. Спицын, так и П.П. Ефименко (1915а), отделяли Костенковскую стоянку от основной массы мадленских памятников, относя ее к более древнему периоду в пределах верхнего палеолита.

Нельзя понять подход отечественных исследователей к членению палеолита вне контекста изменений, происходивших в мировой археологии. Если классические труды Д. Леббока, Э. Тайлора и Г. Мортилье раскрывали систему эволюционистских взглядов на развитие первобытной культуры, то в начале XX в. картина меняется. Пример тому – работа М. Гернеса (1913), выступившего против чрезмерного увлечения идеями эволюции и рассматривавшего древние культуры как самостоятельные единства, живущие по законам собственного цикла. А. Брейль (Breuil, 1912) начинает подходить к палеолитическим культурам ("цивилизациям") как к комплексам, отражавшим сложную историю передвижений и взаимного влияния групп древнейшего населения ("племен"), а не фазам прогрессивного развития. Г. Обермайер (1913), отмечая единство нижнепалеолитической культуры в мировом масштабе, для верхнего палеолита очерчивал определенные области распространения индустрий и искусства, выделив, в частности, западно- и средне-восточноевропейские ареалы.

Если Ф.К. Волков (1913а) еще оставался последовательным эволюционистом, выступавшим против "претенциозных попыток" пересмотра классификации Г. Мортилье со стороны Г. Обермайера и А. Брейля, то уже его ученик П.П. Ефименко переходит от эволюционизма к изучению географического распространения культурных комплексов палеолита. Он писал: "В основе доисторической археологии как науки, имеющей дело с последовательной и непрерывной сменой форм, в которую укладывается прогресс человеческой техники и быта ... лежит плодотворная идея эволюции. Эта идея развития и совершенствования ... создала доисторическую археологию в ее современном объеме и значении. Вторым, не уступающим по важности своей, моментом для доисторической археологии является изучение областей (areal) распространения и путей миграции отдельных элементов культуры и целых культурных комплексов, воздействия одних областей которых (высших) на другие (отсталые), иными словами, изучение той реальной обстановки, в которой осуществляется неустанный и неуклонный прогресс человеческой культуры" (Ефименко, 1915б, С. 63). Анализируя костенковские материалы, П.П. Ефименко пришел к выводу о возможности в будущем выделения особой восточно-европейской фации верхнего палеолита (Ефименко, 1915а, С. 26). Таким образом, была поставлена задача прослеживания не только этапов развития, но и установления областей и путей распространения отдельных культур.

П.П. Ефименко обратился к проблеме причин различий в темпах культурных сдвигов, считая эволюцию индустрий следствием изменений природной среды, дающих стимулы к совершенствованию культуры (точка зрения, впоследствии неоднократно повторявшаяся П.П. Ефименко, и выглядящая вполне современной). Исходя из данной позиции, исследователь поставил вопрос о путях эволюции в различных широтах, хотя имевшийся тогда материал конечно не позволял продвинуться здесь дальше догадок.

Отмеченные выше новаторские разработки находились в стадии формирования и в основных обобщающих трудах дореволюционного периода материалы по палеолиту России были представлены в виде списков памятников, организованных по географическому принципу. Таким образом, несмотря на прогресс в деле первичной аккумуляции фактических данных, русская археология той поры еще не вышла на уровень создания собственных схем периодизации палеолита. Эта работа будет выполнена П.П. Ефименко позднее, уже в 1920е г.г.

Все сказанное относится к памятникам Европейской России. Что касается Сибири, то открытия на Афонтовой Горе впервые поставили исследователей перед фактом несоответствия между обликом инвентаря и возрастом комплекса по периодизационной шкале. Нужно отдать должное И.Т. Савенкову, прозорливо определившему время Афонтовой Горы как финал палеолитической эпохи (“век северного оленя”), несмотря на характер каменной индустрии, содержавшей нижнепалеолитические типы (Savenkov, 1892). В этом плане сибирский исследователь, опиравшийся при датировке в первую очередь на естественнонаучные данные, намного опередил современную ему западную археологию, где закрепились тенденции относить енисейский палеолит к мустьерскому времени (Baye, Volkov, 1899). Таким образом, в сферу русской археологии входит тема своеобразия культурных особенностей североазиатского палеолита – сюжет, получивший свое развитие у Б.Э. Петри, Г.П. Сосновского и Н.К. Ауэрбаха, а далее в работах А.П. Окладникова, З.А. Абрамовой и др.

У российских исследователей проявился интерес к палеолиту зарубежных территорий, особенно Ближнего Востока, явно в связи с представлениями об особой роли этого региона как “прародины народов”. К.С. Мережковский (1881б), ознакомившись с коллекциями каменных орудий из Египта и Сирии, нашел здесь немало аналогий с собственными крымскими материалами. Он связывал это сходство с путями расселения древнего человека из Африки через Ближний Восток. Так мы видим зарождение еще одной традиционной для нашей науки темы – соотношения палеолитических культур Крыма и Кавказа с Востоком. Позднее данная проблематика нашла воплощение в трудах С.Н. Замятнина, Г.П. Григорьева, И.И. Коробкова, Н.О. Бадера и др.

Д.Н. Анучин (1898б), описав находки нижнепалеолитических орудий в Египте, обратился к русским исследователям с призывом начать самостоятельное полевое изучение Египта и Востока в целом. П.П. Ефименко в начале XX в. вел сборы каменных орудий в Палестине, представив периодизацию палеолита Ближнего Востока. При этом он отмечал общность развития доисторической культуры в Средиземноморье и Западной Европе (Ефименко, 1915б). После этого ближневосточная тематика на долгие десятилетия останется для отечественных ученых связанной с чисто кабинетной работой и только в 1960е г.г. в рамках Нубийского проекта наши археологи вновь обратятся к непосредственному изучению палеолитических древностей Востока.

Открытие феномена древнейшего искусства также привлекло внимание русской научной общественности. Благодаря переводам становятся известны попытки объяснения смысла палеолитического творчества как изображения сцен реальной жизни (Мортилье, Мортилье, 1903), гипотезы о зарождении тотемизма (Обермайер, 1913) и пиктографического письма в палеолите (Гернес, 1913). На русском языке появилось изложение наиболее популярной в начале XX в. магической концепции С. Рейнака (1913). К сожалению, первое оригинальное русское сочинение на данную тему, принадлежащее перу любителя археологии некоего И.А. Фомина (1912), изобиловало грубейшими ошибками (что вызвало суровую критику со стороны П.П. Ефименко (1913б), хотя и представило отечественному читателю все многообразие художественных проявлений ледникового периода.

Русские исследователи неизменно интересовались осмыслением теоретических аспектов палеолитоведения, выяснением места археологии в системе наук, методологическими вопросами. Уже в 70–80е г.г. XIX в. налицо две линии подхода к вопросу о статусе и методе доистории. Первая из них связана с фигурой наиболее влиятельного деятеля русской археологии той эпохи А.С. Уварова (1878). В своем докладе на III Археологическом съезде он указывал, что задачи археологии близки к истории, это исследование древнего быта. Обе науки взаимно дополняют друг друга в деле воссоздания культурной истории народов, а различия между ними сводятся к методическим приемам. А.С. Уваров выступал за единство русской археологии, охватывающей также первобытные древности. По его мнению, археология не играет вспомогательной роли по отношению к истории. Как справедливо заметил Н.Н. Ардашев (1911), А.С. Уваров впервые определил археологию как историческое источниковедение. Нетрудно видеть, что именно перефразированные формулировки А.С. Уварова стали с 1930х г.г. официальной советской версией статуса археологической науки. Эта же линия рассуждений была подхвачена В.А. Городцовым (1908), для которого первобытная археология представляла собой естественное введение в историю.

Близка данной концепции точка зрения А.А. Спицына, рассматривавшего изучение палеолита как подразделение археологии, хотя и близкое естественным наукам и сочетающее черты геологии и археологии. По его мнению: “... Палеолит есть особая специальная область археологии, столь близкая к

естественным наукам, что еще долгое время она должна находиться в главном ведении натуралистов. Археологу доступно лишь изучение культурных остатков палеолитического периода, особенно изделий из кремня, но восстановление физических условий жизни этого времени, а также понимание геологических наслоений, в которых такие остатки встречены, находится вне его компетенции ... Чем шире и глубже исследователь войдет в вопросы геологии, тем далее уйдет он от археологии. Чем успешнее подвинется он в археологии, тем более удалится от геологии. Дилемма палеолита решится в тот момент, к которому возмужают, идя параллельно в развитии, обе науки" (Спицын, 1915, С. 133).

Как кажется, А.А. Формозов (1985) не совсем прав, считая эту тенденцию, связанную с традициями изучения "национальных древностей" Скандинавии и Германии, отличительной особенностью русской археологии. Дело в том, что в то же время был распространен принципиально другой подход, ориентированный в первую очередь на французскую доисторию.

Речь идет о палеоэтнологическом направлении, у истоков которого в России стоял Д.Н. Анучин (1900, 1902). Он рассматривал доисторическую археологию (или палеоэтнологию) как составную часть антропологии в широком смысле слова, охватывающую также физическую антропологию и этнографию ("анучинская триада"). При этом для Д.Н. Анучина антропология являлась частью естествознания, приложением принципов естественной истории к изучению человека. Эту точку зрения (заметим, полностью соответствующую пониманию общей антропологии в американской системе деления наук) разделяли как основные исследователи палеолита 80х г.г. XIX в. (И.С. Поляков, К.С. Мережковский), так и позднее Ф.К. Волков (1913а, 1915), который резко выступил против "археологов", стремившихся перевести изучение доисторических древностей в русло гуманитарного знания. В этом плане публикация А.А. Спицына была расценена как дерзкое вторжение на свою территорию "чужого", что вызвало незамедлительную реакцию со стороны одного из учеников Ф.К. Волкова (Могиланский, 1916). Рассмотрение А.А. Спицыным геологических и археологических сторон палеолита раздельно было подвергнуто особенно жесткой критике. Адепты палеоэтнологического направления считали, что изучение палеолита обречено оставаться в русле антропологии как неотъемлемой части естествознания. Эта область исследования, по мнению Н. Могиланского, должна навсегда остаться за натуралистами.

Данное перспективное научное направление продолжится в 1920е г.г. в виде палеоэтнологических школ (Б.С. Жуков, С.А. Теплоухов, С.И. Руденко, Б.Э. Петри, М.Я. Рудинский, М.П. Грязнов и др.) и будет насильственно прервано в 1930е г.г.

В заключение нашего обзора можно констатировать, что в дореволюционное время был открыт и зафиксирован факт пребывания палеолитического человека в различных регионах Северной Евразии – от Польши, Русской равнины, Крыма и Кавказа до Восточной Сибири. В области полевой методики большинство археологов осваивало стратиграфический подход и, за редким исключением, не придавало значения планиграфии. Обнаруженные скопления культурных остатков обычно рассматривались как свалки отбросов. Исходя из чисто логических предпосылок, считалось, что обитатели равнин в ледниковую эпоху жили в шалашах и хижинах, не оставивших следа в ископаемом состоянии. В сфере классификации были восприняты из французской литературы элементарные типологические понятия и найдены удачные русские эквиваленты названий основных категорий каменных и костяных орудий, в большинстве своем прочно вошедшие в обиход. Освоены были приемы штрихового рисования изделий из камня.

Что касается подразделения палеолита и выяснения места открываемых памятников, то в России, как и в других странах, эта проблема решалась преимущественно через прямое соотнесение комплексов каменного инвентаря с эпохами, установленными для Франции (иного пути расчленения палеолитических материалов тогда просто не существовало). В то же время в ранних работах П.П. Ефименко уже намечается переход от линейного эволюционизма Мортилье к исследованию ареалов палеолитических культур, осознается своеобразие русского палеолита.

Однако в целом доисторическая проблематика в русской дореволюционной археологии занимала более чем скромное место по сравнению с изучением классических и славяно-русских древностей. В этом плане Россия отставала и по количеству известных местонахождений, и по степени их осмысления, не только от основной "палеолитической державы" того времени Франции, но и от Испании и Германии. Подводя итог развитию науки о древнекаменном веке, А.А. Спицын писал: "Материал по палеолиту в России должен быть по крайней мере немалый. Старый пример Костенок и новый Мезина показывают, что русский палеолит в действительности может принять внушительные размеры. Уже теперь могут быть поставлены ясные задачи для исследований. Если бы можно было надеяться найти должные суммы на раскопки и преданных делу исследователей, то еще на наших глазах палеолит России, надо надеяться, занял бы в науке далеко не последнее место" (Спицын, 1915, С. 134). Прогноз А.А. Спицына оправдывается впоследствии, уже после революционных бурь, однако эта тема для следующей главы.

ГЛАВА 2. В ПРЕДДВЕРИИ ПЕРЕМЕН: 1920е ГОДЫ

Послереволюционный период, до начала 1930х г.г., – время парадоксальное как в плане общей обстановки в России, так и для русской науки. С одной стороны, потрясения революции и гражданской войны, установление режима политического террора и идеологической диктатуры явно не способствовали прогрессу науки. С другой стороны, центральные академические структуры, несмотря на значительные разрушения, гибель специалистов и отток научных кадров в эмиграцию, продолжили свою деятельность. По сравнению с последующим периодом давление идеологического прессы не было еще столь явным и прямым.

Сразу после революции встал вопрос об организационной перестройке археологических учреждений при новой власти. В Петрограде Императорская археологическая Комиссия, переименованная в 1918 г. в Российскую государственную археологическую Комиссию, стала базой для создания в 1919 г. Российской Академии истории материальной культуры (с 1926 г. учреждение носит название Государственная Академия истории материальной культуры). Характерно, что первоначально речь шла об образовании "Академии археологических знаний", а затем название подверглось корректировке в сторону "материализма" и "историзации", явно потакая вкусам новых хозяев страны. Сам В.И. Ленин изменил предложенное название "Академия материальной культуры" на "Академию по истории материальной культуры". Так что с первых шагов археология при коммунистическом режиме испытала непосредственное вмешательство большевистской верхушки.

В составе Академии (далее – РАИМК/ГАИМК) был создан палеоэтнологический разряд, входивший в состав этнологического (а не археологического, заметим) отделения. Он объединял в 1920е г.г. ряд видных специалистов по доистории (С.Н. Замятнин, П.П. Ефименко, А.А. Миллер, С.А. Теплоухов).

Интересно, что в РАИМК действовал Институт археологической технологии – одна из первых в мировой практике специализированных лабораторий по применению естественнонаучных методов. Наряду с изучением археологических материалов и техники изготовления древних вещей, в рамках деятельности Института (его "биологического разряда") была поставлена задача исследования взаимоотношения ландшафта и материальной культуры, реконструкции палеоландшафтов (Фармаковский, 1922). Что касается палеолитической тематики, то она сводилась к петрографическому анализу сырья каменных орудий и определению фаунистических остатков.

Активные исследования по палеолиту вели также археологи из этнографического отдела Русского Музея (в основном речь идет об уже упоминавшихся сотрудниках РАИМК/ГАИМК).

По-иному сложилась ситуация в Москве, где с одной стороны была образована Московская секция РАИМК, а с другой на базе Университета создан Институт археологии и искусствоведения, входивший позже в Российскую Ассоциацию научных институтов общественных наук (РАНИОН). Отделением археологии здесь заведовал В.А. Городцов. Кроме того, группа под руководством Д.Н. Анучина действовала в рамках Московского Университета на кафедре антропологии и в Музее антропологии.

Что касается археологических обществ, то их активность угасает и вскоре прекращается (в Москве с 1923 г., в Петрограде – с 1924 г.), как и археологических институтов (они просуществовали до 1922 г.). Традиция археологических съездов была прервана, но в 1926–1927 г.г. состоялись две конференции археологов СССР (правда, с охватом достаточно узкого круга участников), а на 1929 г. планировался созыв нового археологического съезда.

Преподавание археологии осуществлялось в Ленинградском и Московском Университетах. К числу характерных черт археологии 1920х г.г. относится расцвет краеведческого движения, организация сети местных музеев и кружков, активная популяризация науки.

В 1920е г.г. разворачивается полевая деятельность, охватывая как новые территории, так и расширяя хронологические рамки российского палеолита (рис. 7).

В это время обозначается интерес к исследованию ранее практически неизвестного нижнего палеолита. П.П. Ефименко изучает мустьерское местонахождение Деркул на Северном Донце. В 1924–1926 г.г. Г.А. Бонч-Осмоловский провел блестящую кампанию раскопок мустьерского грота Киик-Коба в Крыму, открыв здесь остатки неандертальских погребений. Кроме того, он обследовал ряд других пещерных памятников – Шайтан-Кобу (см. Колосов, 1972), Кош-Кобу, Аджи-Кобу. Мустьерские остатки в гроте Чокурча исследовались С.И. Забным и Н.Л. Эрнстом. На Кавказе с 1925 г. С.Н. Замятнин раскапывает Ильскую стоянку (см. Щелинский, Кулаков, 2005).

Однако центром притяжения исследователей сил продолжает оставаться верхний палеолит Русской равнины. 1920е г.г. – время возобновления работ в Костенках, что было по сути дела началом непрерывного исследования серии стоянок, имеющих ключевое значение для всей доистории

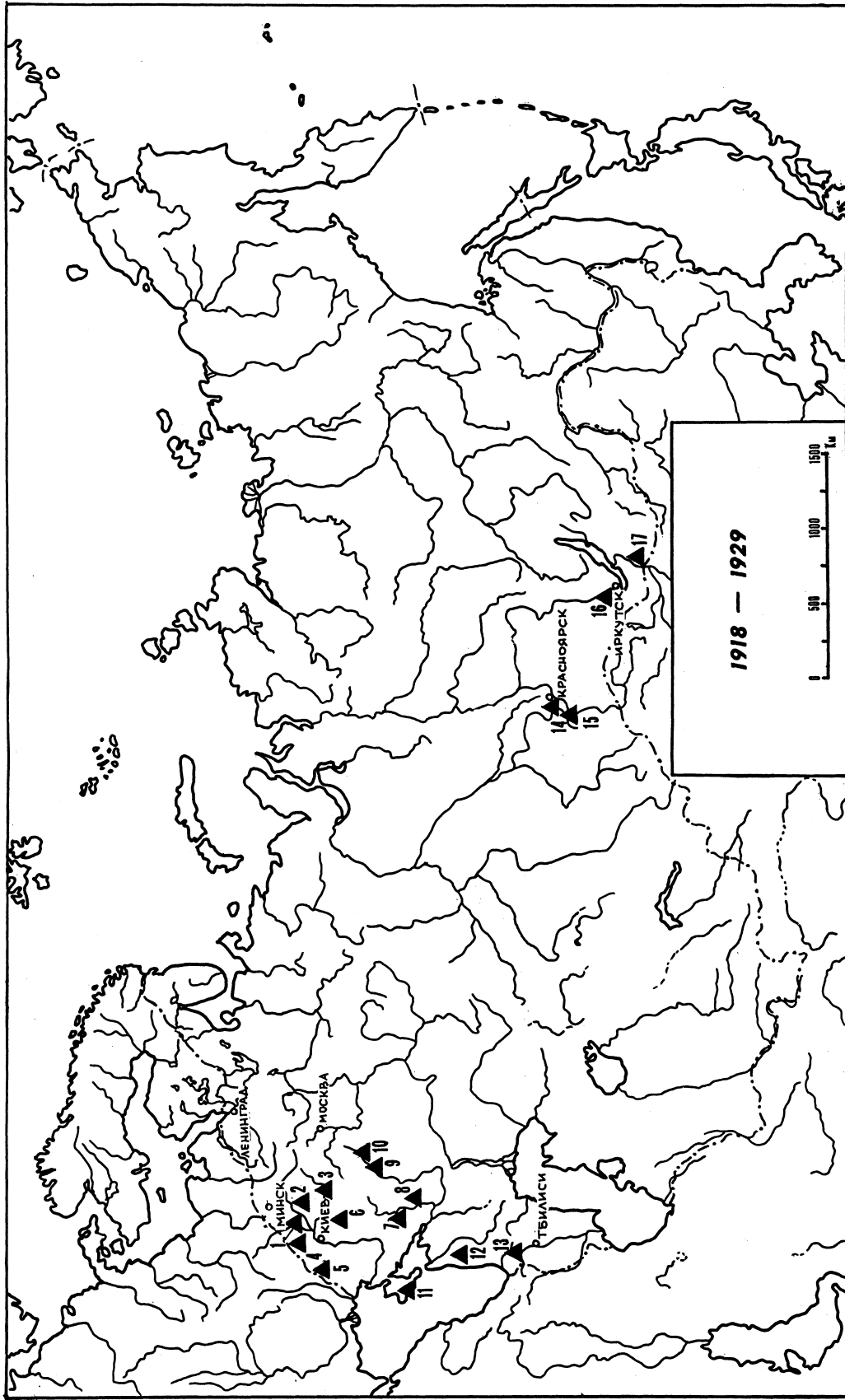

Рис. 7. Карта основных центров изучения палеолита и стоянок, обследовавшихся на территории СССР в 1920е г.г.

1 – Юровичи; 2 – Бердыж; 3 – Октябрьское, Супонево, Тимоновка; 4 – Довгиничи; 5 – Студеница I, Колачковцы I, II, Китайгород I, II, Врублевцы и др.; 6 – Журавка; 7 – Миньевская; 8 – Деркул; 9 – Костенки I–V, XIV, Боршево I–III; 10 – Гагарино; 11 – Киик–Коба, Кош–Коба, Чокурча, Шайтан–Коба, Сюрень I, II, Аджи–Коба; 12 – Ильская; 13 – Девис–Хврели, Хергулис–Клде, Таро–Клде, Бнели–Клде; 14 – Кубеково, Ладейки, Коровий Лог I–III, Кача I, II, Афонтова Гора II–IV, Переселенческий пункт, Гремячий Ключ, Бирюса I и др.; 15 – Янова, Кокорево I–IV, Аешка, Таитык I–III, Лепешкино I, II, Бузуново I, II и др.; 16 – Мальта, Кайская Гора, Верхоленская Гора I и др.; 17 – Кяхта, Ботойская Яма, Харанхой, Зарубино, Номохоново и др.

Восточной Европы. Если упоминавшиеся выше поездки в Костенки И.С. Полякова, А.И. Кельсиева, А.А. Спицына и С.А. Круковского носили характер кратковременных кампаний, то, начиная с 1920х г.г., формируется Костенковская экспедиция – старейшая в стране полевая лаборатория изучения древнекаменного века. Именно материалы Костенок послужили базой для формирования нескольких сменявших друг друга на протяжении десятилетий концепций развития палеолитической культуры.

Интерес к палеолиту Костенок подогревался обнаружением среди материалов из раскопок С.А. Круковского 1915 г. обломка мергелевой статуэтки – первым открытием мобильного искусства костенковской культуры. Нашедший в фондах Воронежского музея эту вещь С.Н. Замятнин предпринимает небольшие работы на Костенках I в 1922 г. В следующем полевом сезоне к нему присоединяется П.П. Ефименко и уже в 1923 г. раскопки в Костенках I доставили великолепный образец статуэтки (Ефименко, 1926а; рис. 8). В дальнейшем П.П. Ефименко и С.Н. Замятнин вели исследование Костенок I, II, III и IV.

Из числа других работ по палеолиту Русской равнины особое значение имели раскопки С.Н. Замятнина в Гагарино в 1927 и 1929 г.г., позволившие впервые достоверно идентифицировать остатки углубленного палеолитического жилища (рис. 9). Целая серия памятников с крупными скоплениями костей мамонта была открыта в бассейне Десны. Среди них отметим Супонево, раскапывавшееся П.П. Ефименко и Б.С. Жуковым, и Тимоновку, исследованную М.В. Воеводским и В.А. Городцовым. К.М. Поликарпович приступает к изучению палеолита Белоруссии. Наиболее интересные результаты принесли раскопки в Бердыже, предпринимавшиеся при участии С.Н. Замятнина. Из других стоянок, открытых К.М. Поликарповичем, отметим Гренск и Юровичи.

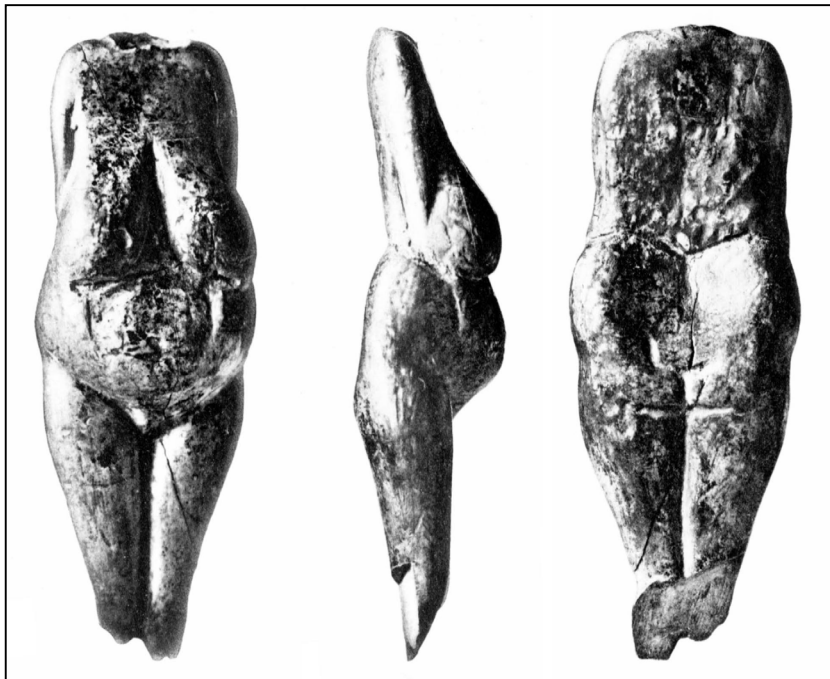

Рис. 8. Палеолитическая женская статуэтка из Костенок I, открытая в 1923 г. (по: Ефименко, 1926а, С. 140–141, вклейка).

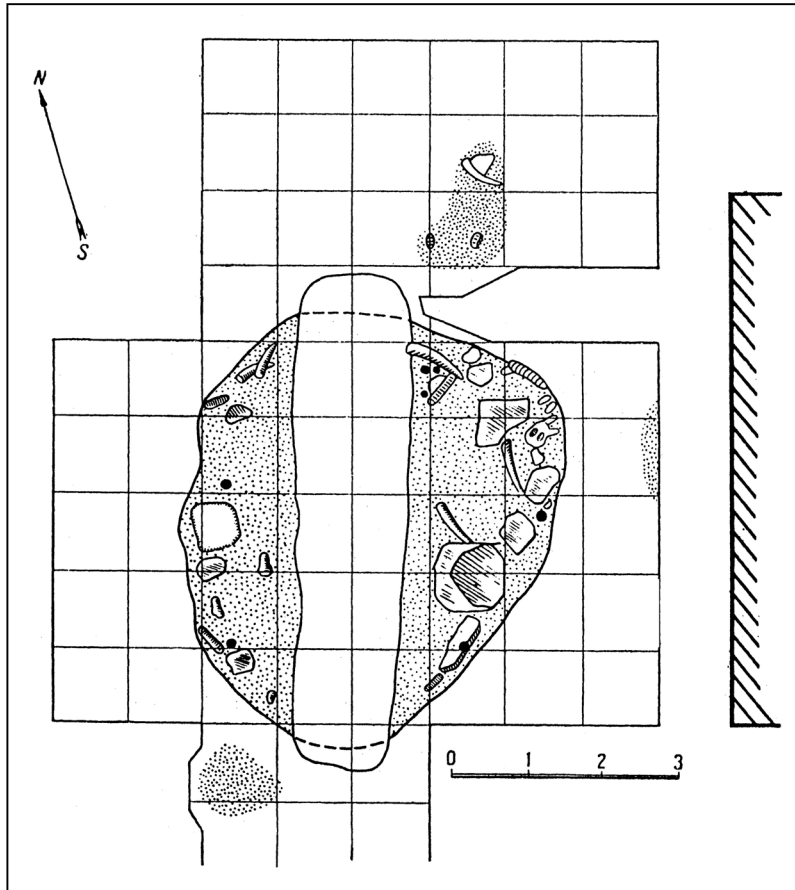

Рис. 9. Остатки круглого жилища из Гагарино – первой искусственной конструкции, идентифицированной в палеолите России (по: Замятин, 1935а, рис. 9).

В Крыму верхнепалеолитические остатки изучались в 1924–1926 г.г. Г.А. Бонч-Осмоловским в Сюрени I и II.

Успешно развивалась археология палеолита на Украине, где она в основном направлялась Кабинетом антропологии и этнологии им. Ф.К. Волкова при Академии наук. М.Я. Рудинский в 1927–1930 г.г. провел комплексные исследования стоянки Журавка на Удае. В это же время он обследовал долину Днестра, обнаружив значительное число новых местонахождений.

Г.К. Ниорадзе (1933) начинает исследование палеолита в Закавказье; он ведет раскопки верхнепалеолитических слоев в Девис–Хврели (Имеретия). Хуже обстояло дело в Средней Азии, где палеолит оставался практически неизвестным.

В Сибири основными центрами доисторических исследований в 1920е г.г. были Красноярск и Иркутск. В первом городе традиции И.Т. Савенкова были продолжены известным австрийским археологом Г.К. Мергартом, оказавшимся в России в ходе первой мировой войны в качестве военнопленного. Позже изыскания на Афонтовой Горе велись Н.К. Ауэрбахом (1930), Г.П. Сосновским и В.И. Грозовым (см. Астахов 1999б), а С.А. Теплоухов осуществил небольшие раскопки стоянок на речке Таштык.

В Иркутске в стенах университета Б.Э. Петри (1923а, 1927), переехавший сюда из Петербурга, основал самостоятельный палеоэтнологический центр. Им и его учениками (среди которых был ряд выдающихся исследователей, достаточно назвать имена А.П. Окладникова, М.М. Герасимова, Г.Ф. Дебеца) велись работы на Верхоленской Горе. К числу сенсационных открытий без сомнения относится обнаружение стоянки в Мальте, изучение которой, начатое М.М. Герасимовым (1931, 2007) в 1928 г., дало уникальные результаты в виде яркой самобытной культуры, столь несхожей с известными тогда памятниками сибирского палеолита.

Краткие обзоры древнекаменного века России можно найти в очерке Б.Н. Вишневого (1924) и книге Ю.В. Готье (1925). Если в этих публикациях в основе изложения лежала упоминавшаяся выше статья А.А. Спицына (1915), дополненная новыми данными, то в работах В.А. Городцова (1923) и П.П. Ефименко (1928) мы найдем действительно оригинальные концепции, которые будут рассмотрены ниже. Наконец, фундаментальная обобщающая сводка, подводящая итог всей деятельности

исследователей палеолита в России к началу 1930х г.г., была опубликована на английском языке Г.А. Бонч-Осмоловским и В.И. Громовым (Bonch-Osmolovsky, Gromov, 1936).

Продолжилось изучение геологических аспектов палеолита. В 1927 г. создается Комиссия по изучению четвертичного периода при Академии наук (КИЧП) во главе с А.П. Павловым, которая со следующего года включилась в работу Ассоциации по изучению четвертичного периода Европы (АИЧПЕ) – предшественницы INQUA. В посмертно опубликованном труде А.П. Павлова (1936) геология палеолита представлена в соответствии с принятыми тогда в Европе схемами – шельф сопоставляется с миндель–риссом, ашель – с концом рисса и рисс–вюрмом, мустье – с финалом рисс–вюрмского межледниковья, а верхний палеолит датирован различными этапами вюрмского времени. Таким образом, геологическая привязка российского палеолита оставалась сопоставимой с европейскими параметрами, в отличие от распространившихся позже, в 1930е г.г., оригинальных схем датирования (см. главу 3).

Из числа частных методик естественнонаучного анализа палеолитических материалов заслуживает упоминания необычно раннее появление в России антракологии. С конца 1920х г.г. А.Ф. Гаммерман (1934) определяла по методике, разработанной В.О. Клером, образцы древесного угля из палеолитических стоянок Крыма и Сибири.

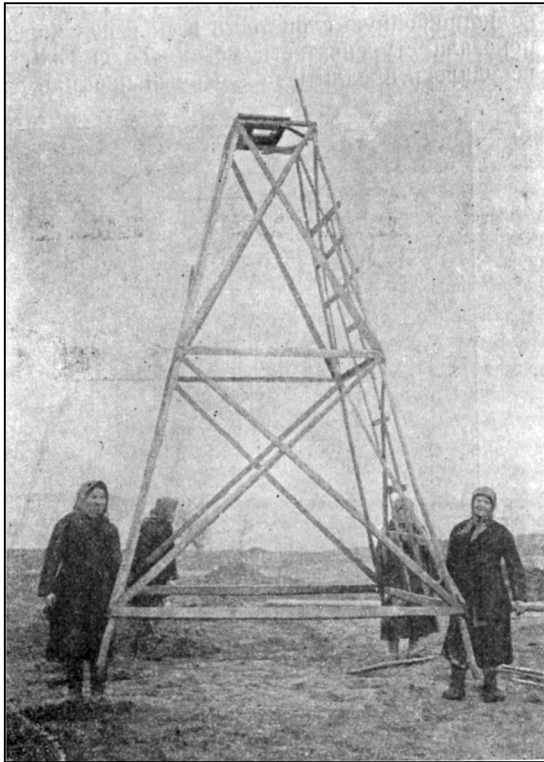
Как и в дореволюционный период, отечественная наука продолжает оставаться достаточно открытой для восприятия зарубежных концепций. На русском языке издаются обобщающие труды иностранных исследователей (Крофорд, 1924; Осборн, 1924; Морган, 1926), выходят в свет благожелательные по тону обзоры популярных тогда направлений (например, теории “культурных кругов” О. Менгина; Богаевский, 1928). В свою очередь, статьи русских доисториков появляются на страницах зарубежной периодики; иногда и в самой России научные работы выходят в свет на европейских языках. В Германии публикуется монография Р. Эберта о доистории Европейской России (Ebert, 1921), в США – обзор енисейского палеолита Г.К. Мергарта (Merhart, 1923). В объемистой книге А. Голомштока (Golomshtok, 1938) мы найдем достаточно подробную характеристику деятельности отечественных археологов по состоянию на 1931 г. К сожалению, автор труда оказался антропологом, мало знакомым с методикой работы с палеолитическими коллекциями, оттого монография носит чисто компилятивный характер.

1920е г.г. – время последних непосредственных контактов русских исследователей с зарубежными коллегами (позже они прервутся вплоть до 1950х г.г.). В 1926 г. Г.А. Бонч-Осмоловский совершил поездку во Францию и Германию, где ознакомился с материалами классических мустьерских стоянок и общался с ведущими специалистами того времени – Д. Пейрони, А. Мартеном, А. Брейлем. А.А. Миллер также посетил Францию. В Германии завершил свое образование Г.К. Ниорадзе.

1920е г.г. знаменуют собой важные перемены в области полевой методики. Что касается стоянок открытого типа, то именно в это время совершается переход от стратиграфического исследования к планиграфическим раскопкам, ориентированным на реконструкцию облика древних поселений. Когда Б.Э. Петри (1923б) изложил программу нацеленного на изучение стратиграфии поквadratного вскрытия слоев, она встретила критику со стороны представителей костенковской группы, которые приходили к осознанию возможности открытия следов искусственных конструкций в палеолите. П.П. Ефименко (1926б) на основании результатов работ в Костенках I отмечал, что очажные ямы указывают на наличие каких–то сооружений типа шалашей. Уже на следующий год С.Н. Замятнин (1929) в Гагарино открывает остатки углубленного жилища, окруженного камнями, и интерпретирует его как шалаш или чум.

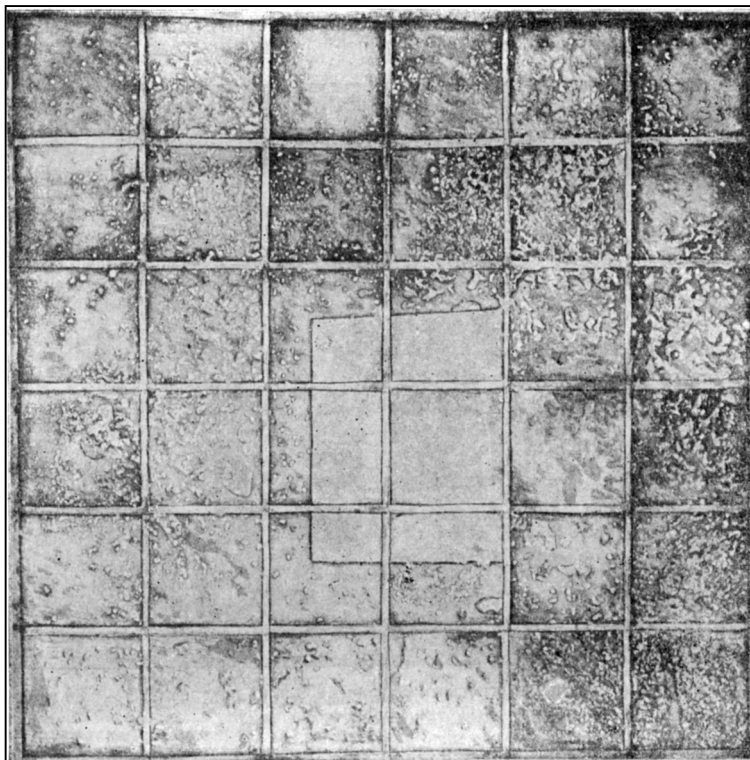
Говоря о развитии методики полевых исследований, нельзя обойти вниманием вклад М.Я. Рудинского. Еще в 1929 г. при раскопках Журавки, когда расчистка слоя осуществлялась в традиционной манере – путем последовательного вскрытия рядов квадратных метров, он применил индивидуальную регистрацию координат и глубины залегания всех находок (Рудинский, 1930). Во время этой кампании ему пришла идея фотофиксации вскрываемого слоя по квадратным метрам и расчистки остатков с досчатого настила, закрепляемого над исследуемой поверхностью. Позднее, в 1933 г. в Пушкарях, М.Я. Рудинскому удалось реализовать на практике эти соображения. В раскопе размерами 12х12 м, разделенном бровками на “кессоны” (участки 2х2 м), он осуществил полную расчистку слоя, ведя фотофиксацию каждого кессона в вертикальной проекции с помощью переносной деревянной вышки (рис. 10). В итоговой публикации (Рудинский, 1947) представлен сводный фотоплан из 36 снимков (рис. 11). К сожалению, этот новаторский опыт, непосредственно предвосхищающий методику А. Леруа-Гурана в Пенсеване (Leroi-Gourhan, Brézillon, 1966, 1972), остался незамеченным со стороны русских коллег и никогда здесь не применялся.

В области изучения пещерных памятников Г.А. Бонч-Осмоловский, не имея непосредственных предшественников, сумел разработать оригинальную методику комплексного исследования,

Рис. 10. Приспособление для вертикальной фотофиксации культурного слоя в Пушкарях (по: Рудинский, 1947, рис. 4).

примененную в 1924–1926 г.г. в гроте Киик-Коба и позже в Сюрени. В основе его работ лежал принцип: “В палеолите нет бросового материала” (Бонч-Осмоловский, 1940, С. 12). Исследователь использовал тактику вскрытия линий квадратных метров или небольших участков с частым (через 1–2 м) профилированием. Находки фиксировались на специальных карточках и нивелировались. В целом

Рис. 11. Сводный фотоплан раскопа в Пушкарях в 1933 г. (по: Рудинский, 1947, рис. 8а).

методика Г.А. Бонч-Осмоловского заметно опережала приемы, практиковавшиеся в то время на западе, и в ряде существенных моментов была близка методике, разработанной уже после Второй мировой войны Ф. Бордом в Пеш-дель-Азе (Bordes, 1972).

Такие приемы раскопок позволили Г.А. Бонч-Осмоловскому перейти от узко стратиграфического подхода к исследованию планиграфии, хотя ограниченные по площади пещерные памятники, с материалами которых он имел дело, не представляют собой наилучшего места для подобного рода опытов. Г. А. Бонч-Осмоловский (1940, С. 94) указывал на “исключительное значение, которое придается советскими археологами изучению поверхностного распределения находок на площади палеолитических стоянок”. В своей книге он привел схемы количественного анализа распределения кремневых изделий и кости по квадратам, соотношения костных и кремневых остатков (рис. 12).

Не менее важен вклад Г.А. Бонч-Осмоловского в такой специфический раздел исследования как археозоология. Вслед за А. Мартеном, Г.А. Бонч-Осмоловский выступает непосредственным предшественником этого перспективного научного направления. Исследователь провел тщательное изучение следов нарезок на костях животных из культурных слоев Киик-Кобы. На основе точной детальной фиксации следов воздействия древнего человека на кости, распределенные по частям скелета и видовой принадлежности, Г. А. Бонч-Осмоловский реконструировал характер разделки

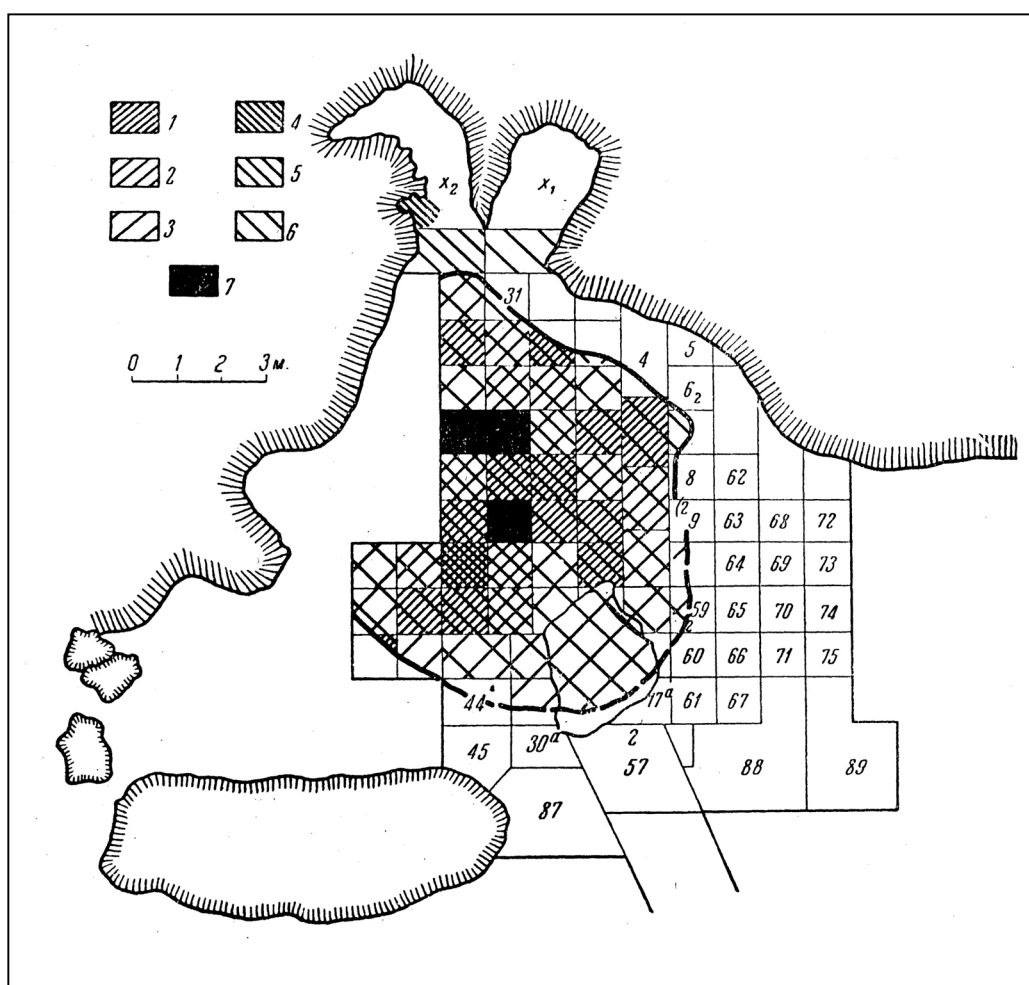

Рис 12. План распределения находок по квадратам в верхнем слое грота Киик-Коба (по: Бонч-Осмоловский, 1940, рис. 26).

Количество кремня на 1 кв. м: 1 – свыше 125 шт.; 2 – от 75 до 125 шт.; 3 – до 75 шт.; количество костей на 1 кв. м: 4 – свыше 3 кг; 5 – от 1,5 до 3 кг; 6 – до 1,5 кг; 7 – кремня свыше 125 шт., кости свыше 3 кг.

охотничьей добычи. Им были выделены такие операции как сдирание кожи, потрошение, расчленение туши, отделение мяса от костей, раскалывание костей для извлечения костного мозга и т.д. Особо исследователь отмечал следы воздействия зубов хищников (пещерных гиен), посещавших стоянку после ее оставления человеком. Он указывал на отличия подобных меток от антропогенного воздействия (Бонч-Осмоловский, 1931б, 1940, С. 92–94, 123–125). В настоящее время всем этим сюжетам посвящена обширная литература. Сравнивая современные труды по археозоологии с работами Г.А. Бонч-Осмоловского, можно отметить, что исследователь не применял только распространенных ныне графических схем фиксации нарезок на костях.

1920е г.г. – время первых попыток разработать более точные методы выделения типов и культур, применить простейшую комбинаторику к задачам археологической классификации. Хотя эти тенденции и проявились в основном в археологии позднейших эпох, они не обошли стороной палеолитоведение. В этом плане некоторый интерес представляют таксономические построения В.А. Городцова. Исследователь исходил из необходимости создания для классификации материала жесткой дедуктивной системы, сходной с естественнонаучной систематикой (Городцов, 1927). Он выделил четыре иерархических классификационных уровня – категория (вещи, общие по назначению), группа (выделяемая по материалу), отдел (по форме) и тип. Последний представляет собой низший уровень классификации, собрание предметов, сходных по назначению, веществу и форме. В качестве примера можно привести классификацию ядрищ Тимоновки (категория – нуклеусы; группа – кремневые; отделы – пирамидальные, усеченно-пирамидальные, плитчатые двубокие, призматические; каждый отдел по размерам делится на три типа – малые, средние и крупные). Уже из приведенного пассажа ясно, что когда схема была перенесена из плоскости абстрактных рассуждений в область описания конкретного материала (коллекции Тимоновки и Супонево; см. Городцов, 1930, 1935в), то все слабые моменты ее выступили достаточно наглядно. Классификация В.А. Городцова оказалась громоздкой и нелогичной (в частности, орудия в ней рассматривались вместе с заготовками; в группе ножевидных пластинок в один ряд попали как не ретушированные изделия, так и острия типа граветт и шательперрон и т.д.). Сказалось и явно недостаточное (по сравнению, скажем, с П.П. Ефименко и Г.А. Бонч-Осмоловским) знание В. А. Городцовым кремневого материала и тяга к оригинальной терминологии. В итоге построения В.А. Городцова остались своего рода курьезом и практически не использовались в типологических разработках вплоть до 1970х г.г., когда В.Н. Гладилин предпринял попытку возродить городцовскую схему (впрочем, столь же неудачно; см. главу 4).

Гораздо более перспективными представляются подходы к анализу каменного инвентаря, практиковавшиеся Г.А. Бонч-Осмоловским. Основной вклад этого ученого в палеолитоведение можно кратко определить как введение в науку представления о единстве каменной индустрии, необходимости анализа не только “выразительных”, “типичных” вещей, а всей совокупности артефактов как неразрывного целого. Еще в 1928 г. он призывал “рассматривать индустрии не как собрания отдельных орудий, а как комплексы, отражающие соответствующие стадии культурного развития” (Бонч-Осмоловский, 1928, С. 149). Отсюда ясен тот интерес, который проявлял исследователь к статистическим методам, позволяющим на количественной основе вести сопоставление памятников. “Статистика должна, как мне кажется, стать для советских ученых основным правилом интерпретации археологических фактов” (Бонч-Осмоловский, 1940, С. 14). В основу сравнения стоянок Г.А. Бонч-Осмоловский положил “количественный учет различных типов орудий”. Таким образом, в теоретическом плане здесь содержалась база для “бордовского” подхода к изучению инвентаря. Г.А. Бонч-Осмоловский остановился “за полшага” до Ф. Борда, следующие усовершенствования (создание типлистов, построение системы индексов и кумулятивных графиков как метода наглядного представления результатов) на этом пути уже являются заслугой французского археолога.

Рассмотрим теперь, следуя за мыслью Г.А. Бонч-Осмоловского, этапы анализа комплекса изделий из камня, столь блестяще продемонстрированного им на примере инвентаря Киик–Кобы. Начнем с вопроса о соотношении сырья и техники. Исследователь в целом утверждал тезис о приоритете технических приемов над характером сырья. Он писал: “Достигнув известных усовершенствований в обработке кремня как основного материала, человек – при его отсутствии – переносил выработавшиеся приемы и на другие породы камня” (Бонч-Осмоловский, 1940, С. 150). Подобное утверждение по сути дела аналогично высказанному много позже Ф. Бордом мнению: “Всегда можно из любого первичного материала ... получить форму, какую пожелаешь, применив подходящую технику” (Bordes, 1961a, P. 11). Вместе с тем, Г.А. Бонч-Осмоловский отмечал, что сырье (величина и форма материала в большей степени, чем порода) накладывает отпечаток на облик индустрии. Так, размеры отдельностей камня обусловили, по его мнению, миниатюрность орудий из Киик–Кобы и Ильской стоянки (Бонч-Осмоловский, 1940, С. 151).

Особенно важен вклад Г.А. Бонч-Осмоловского в область методики изучения первичного расщепления. Для материалов Киик–Кобы исследователь дал общую схему раскалывания, провел анализ формы бугорка и ударных площадок, угла скалывания (Бонч–Осмоловский, 1940, С. 75–76). При членении заготовок он отметил группы сколов (отщепов), примитивных пластин и пластинок, введя правила измерения длины заготовок (по направлению скалывающего удара) и ширины (перпендикулярно к длине) (Бонч–Осмоловский, 1940, С. 74). Классификация Г.А. Бонч–Осмоловским типов ударных площадок по сути дела аналогична бордовской. Он выделил изделия со “сбитой площадкой”, площадки, покрытые коркой, площадки без следов подправки (гладкие), а также площадки с признаками грубой и тонкой подправки.

Другой аспект изучения каменного инвентаря – вторичная обработка. Здесь Г.А. Бонч–Осмоловский задолго до Ф. Борда провел статистический анализ типов ретуши. При этом он подразделил ретушь на отделку, формирующую рабочее лезвие, и ретушь как средство приспособления для захвата или крепления изделия в рукоятке (аккомодационная обработка). Среди выделенных исследователем видов вторичной отделки – ретушь противоположная (нанесенная на брюшке), грубая зубчатая отделка, ретушь с заломами, ретушь со слабо выраженными заломами, тонкая отделка без заломов (Бонч–Осмоловский, 1940, С. 107–110, табл. 8).

Рассматривая третий аспект анализа комплекса изделий из камня – типологию, Г.А. Бонч–Осмоловский применил иерархически организованную трехуровневую систему описания, которая в его монографии иллюстрируется таблицей процентного соотношения типов в верхнем слое Киик–Кобы (Бонч–Осмоловский, 1940, табл. 9). На первом уровне классификации орудия подразделяются на группы, соответствующие современному понятию “категория”. Это остроконечники, скребла, ручные рубила, резцы, орудия неопределенной формы. Отдельно отмечаются осколки со следами ретуши и употребления. Далее в пределах категорий орудия делятся на одно– и двусторонние. Затем, на третьей ступени, определяются разновидности изделий, наиболее близкие понятию “типа” (в системе бордовской типологии). Для выявления типов исследователь предложил методически четкую процедуру классификации, установив закономерности формообразования каменных орудий (Бонч–Осмоловский, 1940, С. 110). По мнению Г.А. Бонч–Осмоловского, в основу выделения типа следует положить сочетание определенных рабочих элементов, формы заготовки и характера оформления рукоятки (там, где это явление прослеживается). Очень важным представляется введенное им понятие “типологического ядра”, вокруг которого распределяются сходные формы (Бонч–Осмоловский, 1940, С. 87–88).

Что касается конкретных моментов типологии, то Г.А. Бонч–Осмоловский разработал схему членения группы скребел, основанную на форме и количестве рабочих краев, а также отнес так называемые “тупые остроконечники” в число скребел (задолго до Ф. Борда, определившего данные вещи как “конвергентные скребла”; Bordes, 1961a, P. 27). Интересно, что, наряду с типом, Г.А. Бонч–Осмоловский обратил внимание на характер “рабочих элементов” орудий, выделив три разновидности таковых – режущий край, острие и выемку (Бонч–Осмоловский, 1940, С. 86–87). Данное направление классификации, ставящее во главу угла морфологические элементы орудий, а не целостные формы, получило дальнейшее развитие в отечественной науке в работах И.И. Коробкова и А.А. Синицына (см. главу 4).

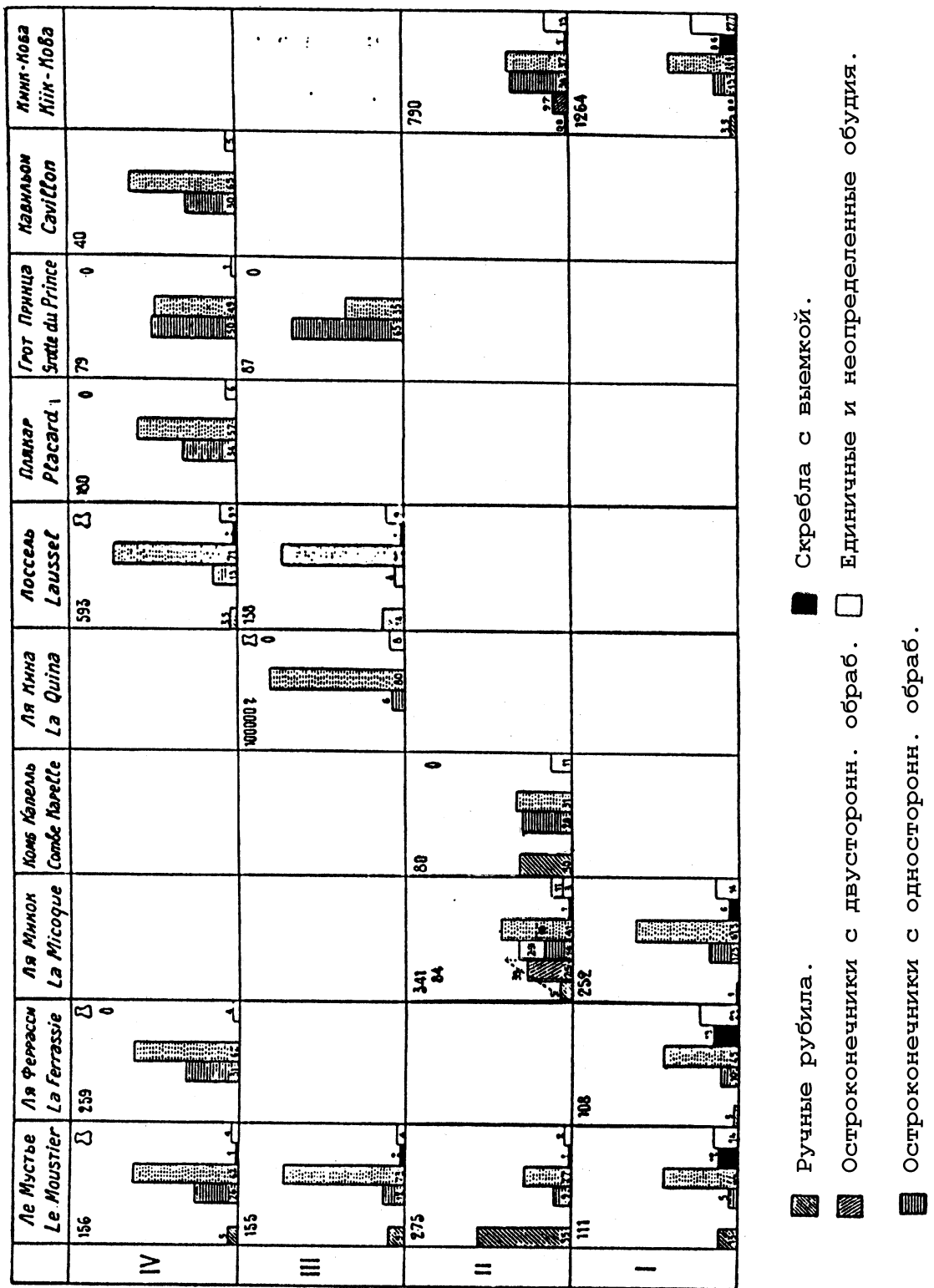
Ярким образцом подхода, позволяющего задействовать для научного анализа всю сумму археологических остатков, явилось его описание индустрии грота Киик–Коба. Г.А. Бонч–Осмоловский рассматривал каменный инвентарь, вычлняя звенья технологической цепочки действий, производившихся древним человеком с камнем, прослеживая сложные причинно–следственные взаимосвязи между доставкой сырьевого материала, расщеплением, вторичной отделкой и использованием орудий.

Технология служила для Г.А. Бонч–Осмоловского не только средством реконструкции древнего производства, но и способом установления хронологии памятников, понимаемой им как единый в своей основе закономерный однолинейный процесс эволюции (см. ниже). Для сопоставления комплексов он разработал оригинальную методику изучения процентного соотношения типов заготовок и классов орудий (рис. 13).

Вновь к вопросам технологического анализа зарубежные исследователи обратятся в 1960–1980е гг., когда была разработана классификация типов стоянок в зависимости от характера производственного цикла обработки камня, а исследование индустрии привело к построению условных графических моделей с изображением последовательности операций.

Хотя первые попытки ремонта изделий из камня относятся к столь раннему времени как 1886 г. (см. Hofman, 1981), но до Г.А. Бонч–Осмоловского эти исследования носили характер единичных разрозненных опытов, своего рода курьезов, и по большей части не служили для

Таблица I. ПРОЦЕНТНЫЕ СООТНОШЕНИЯ ТИПОВ ОРУДИЙ ПО СТОЯНКАМ.

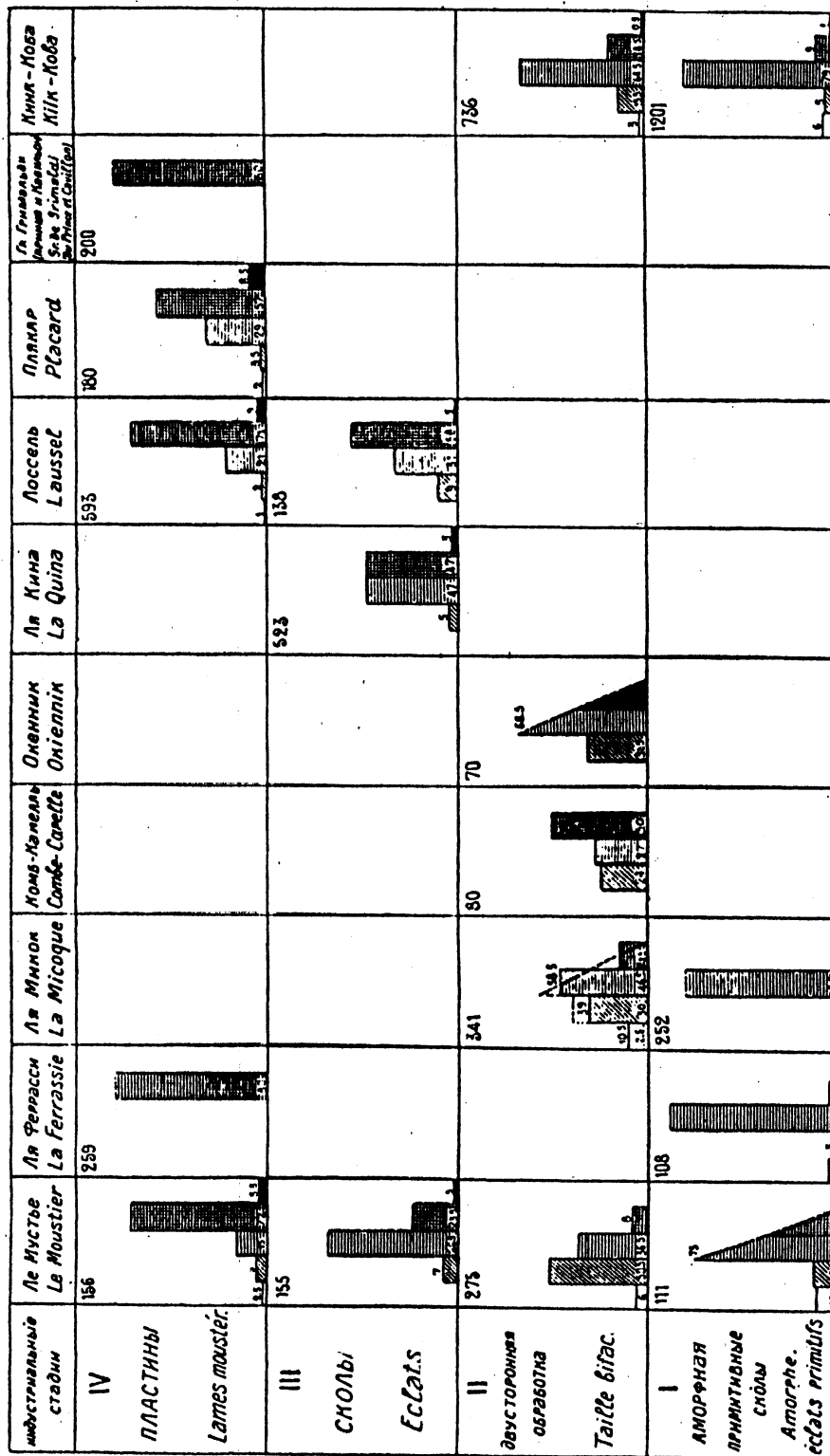
A

Рис. 13. Схемы процентного соотношения классов орудий и заготовок в мустьерских памятниках (по: Бонч-Осмоловский, 1928, табл. I, II).

A – процентное соотношение типов орудий по стоянкам.

Таблица II. ПРОЦЕНТНЫЕ СООТНОШЕНИЯ ТИПОВ ЗАГОТОВОК ПО СТОЯНКАМ.

Б

Нуклеусы
 Сколы
 Орудия с двусторонн. обраб.
 Прimitивные пластинки.
 Пластины

Цифра в левом углу квадрата обозначает общее количество орудий.

реконструкции системы расщепления. Г.А. Бонч-Осмоловский же поставил задачу “восстановить по возможности детальнее весь процесс, все технические приемы и навыки раскалывания камня” (Бонч-Осмоловский, 1940, С. 78).

Перейдем теперь к вопросам более высокого уровня. Основные схемы подразделения отечественного палеолита в рассматриваемый нами период были предложены тремя выдающимися учеными – В.А. Городцовым, П.П. Ефименко и Г.А. Бонч-Осмоловским.

В новом издании своей “Археологии” В.А. Городцов (1923) выделил в пределах “каменного периода” пять эпох – эолитическую, археолитическую (шелль–ашель), мезолитическую (соответствовавшую, в отличие от принятых стандартов, мустье; эта терминологическая новация возникла не без влияния А. Брейля), палеолитическую (верхний палеолит) и неолитическую. Каждая из эпох в соответствии с излюбленным В.А. Городцовым приемом, делилась на три поры – раннюю, среднюю и позднюю. Интересно, что в основе подразделения на эпохи у В.А. Городцова лежала технология производства орудий – “тесаные орудия” считались характерными для археолитической эпохи, “сколотые” – для мезолитической, а “отжимные” – для палеолитической. Под “тесаными орудиями” здесь понималась практика изготовления рубил из целых отдельностей камня (core tools), “сколотые” делались при помощи снятия заготовок со специальных ядрищ, а “отжимные” орудия оформлялись на пластинках, полученных при посредстве отжимника с нуклеусов верхнепалеолитического облика.

Классифицируя немногочисленные российские палеолитические местонахождения, В.А. Городцов распределил их по стадиям, известным европейской науке. Так, материалы из Волчьего Грота и Афонтовой Горы он отнес к мустьерскому времени, Костенки I, Карачарово, Томскую стоянку и Военный Госпиталь в Сибири – к ранней (ориньякской) поре верхнего палеолита, Кирилловскую стоянку – к средней (солютрейской) поре, Мезин и Гонцы – к поздней (мадленской).

Вместе с тем, исследователь отмечал, что “стремление западноевропейских археологов подвести все культуры под один тип ориньякской культуры страдает явным насилием над фактами ... Представляется несомненным, что культуры Восточной Европы (Польши и России) имеют такие особенности, какие дают полное право на выделение в особые типы” (Городцов, 1923, С. 189). Для поздней поры палеолита В.А. Городцов выделял в пределах Европы три культурных области – западно-, средне- и восточноевропейскую, отмечая большую близость между собой двух последних. Здесь же мы читаем о том, что тяга к унификации схем палеолита “создавая неправильные представления о разнообразнейших, хотя и одновременных культурах, отнимает возможность восстановить районы последних, их этнографические и этнологические особенности, их взаимоотношения, связи, влияния друг на друга...” (Городцов, 1923, С. 278). Перед нами скорее пока программа изучения палеолита с точки зрения археологических культур, ориентированная на будущее; для реального осуществления ее материалов тогда было явно недостаточно.

Следующий шаг в данном направлении сделал П.П. Ефименко, предложивший в 1928 г. первую собственную периодизацию палеолита Восточной Европы (Ефименко, 1928). Подобная направленность на разработку национальных схем расчленения палеолита с привязкой к французской последовательности как хронологической канве была общей тенденцией европейской археологии того времени. Сходные системы были разработаны по мере накопления материала для Германии (Schmidt, 1912) и Польши (Kozłowski, 1922).

Итак, для нижнего палеолита П.П. Ефименко отметил существование ашеля, представленного коллекцией из нижнего слоя Киик–Кобы, раннего мустье (Волчий Грот, Ильская, верхний слой Киик–Кобы; при этом вместе с польскими материалами эти комплексы трактовались как особая фация раннего мустье Восточной Европы) и позднего (или классического) мустье – находки из Деркула.

В пределах верхнепалеолитического времени П.П. Ефименко выделил восемь фаз (“времен”), именуя их терминами французской схемы, но трактуя последние как чисто хронологические ступени. Фазы были установлены, как основываясь на облике кремневого инвентаря, так и по характеру фауны. К раннеориньякскому времени была отнесена только индустрия Сюрени I. Далее в схеме следовало ориньяко–солютрейское время, представленное на ранней (позднеориньякской) фазе материалами из Боршево I, а на поздней (раннесолютрейской) – Костенками I. Костенки I и Боршево I трактовались как “особая сравнительно ранняя культура верхнепалеолитической поры, распространяющаяся на восток в связи с расселением ее носителей – каких–то племен, обитавших в ориньякское и солютрейское время на юге и юго–востоке Европы” (Ефименко, 1928, С. 53). В другой работе П.П.Ефименко (1926а) называет данную группу памятников виллендорфско–костенковско–пржедмостской. Она связывалась с распространением наконечников с боковой выемкой и статуэток от Средиземноморья (Пиренеи, гроты Ментоны) через лессовые стоянки Австрии и Баварии до берегов Дона.

Памятников позднесолютрейского времени в России П.П. Ефименко не отметил, а Мезин с осторожностью отнес уже к рубежу мадлена. Особый интерес для нас представляет “среднемадленское время”, где П.П. Ефименко выделил два синхронных “культурных типа”, существовавших на территории России. Первый из них – это мезинская культура, дислоцированная в западной части ареала, по Десне, и характеризующаяся развитой обработкой кости. Восточнее, в районе Оки и Дона, имела более архаичная гонцовская культура. В позднемадленское время продолжила свое развитие культура гонцовского типа (Супонево, верхний горизонт Боршево II). В то же время в Крыму и на Кавказе культура приобретает иной характер с ранним зарождением “пластинок со стесанным краем” – предков геометрических микролитов (Сюрень II, Сакажиа). Завершает палеолитическое время азийская фаза, представленная памятниками Крыма и Кавказа, и сменяющаяся микролитическими индустриями.

Как мы видим, в схеме П.П. Ефименко впервые был четко поставлен вопрос о сосуществовании археологических культур в палеолите с их привязкой к определенным географическим ареалам. Еще ранее П.П. Ефименко (1923) отмечал двоякий смысл термина “культура” в археологии (культура как синоним эпохи и как комплекс бытовых признаков, ограниченных определенной зоной распространения). Культура в последнем понимании, по мнению П.П. Ефименко, несла этническую нагрузку. Интересно отметить, что примерно в те же годы Г. Чайлд применил термин “археологическая культура” к подразделениям палеолита (Childe, 1929). Подобный картографический подход был популярен на западе под влиянием А. Брейля (Garrod, 1926), причем распространение и вытеснение культур трактовалось как результат миграций групп древнего населения.

Если одна линия развития отечественного палеолитоведения (В.А. Городцов, П.П. Ефименко) шла в направлении выделения локальных культурных проявлений, то совершенно иную трактовку представлял Г.А. Бонч-Осмоловский (Bonch-Osmolovsky, Gromov, 1936). В основе по сути эволюционистской концепции исследователя лежало положение о том, что культурные изменения “подчиняются не менее строгой закономерности развития, чем естественноисторические явления, что подтверждается единообразием культурных стадий, открываемых на всем протяжении Старого Света” (Бонч-Осмоловский, 1932б, С. 73). В отличие от А. Брейля, он считал главной задачей археолога выделение среди хаоса локальных вариаций общих черт исторического процесса. Г.А. Бонч-Осмоловский отрицал существование племенных и культурных различий в палеолите, хотя и разделял универсальные стадии от культур или индустрий, представлявших собой местные вариации этих стадий (Бонч-Осмоловский, 1934а). Именно за счет изменчивости индустрий он объяснял перемежающийся характер комплексов в колонках многослойных пещер.

Схема Г.А. Бонч-Осмоловского основывалась на феноменальном удревнении возраста нижнего слоя Киик–Кобы, который он трактовал как принадлежащий к “аморфной стадии” палеолита, чуть ли не предшествовавшей шеллю и ашелю. Далее следовал поздний ашель, к которому были отнесены материалы из верхнего слоя Киик–Кобы, Чокурча, Волчий грот и Ильская стоянка, то есть памятники, обычно (у П.П. Ефименко и С.Н. Замятнина) рассматривавшиеся как мустьерские. Типичное мустье, по Г.А. Бонч-Осмоловскому, представляли Шайтан–Коба и Деркул.

Что касается верхнего палеолита, то памятники, как Восточной Европы, так и Сибири, были распределены Г.А. Бонч-Осмоловским по стадиям французской схемы. Ориньяк был пока открыт, по его мнению, только на юге России (Закавказье, Крым). Отсутствие стоянок данной хронологической ступени (кроме финальной ее фазы) на Русской равнине связывалось с распространением оледенения. В качестве основы для членения ориньяка была принята стратиграфическая колонка Сюрени I. Так, к древнейшей фазе с обилием мустьерских форм были отнесены материалы из Хергулис–Клде, далее следовал ранний (Таро–Клде, нижний слой Сюрени I), средний (Сакажиа, средний слой Сюрени I) и поздний (Девис–Хврели, верхний слой Сюрени I, возможно Боршево I) ориньяк.

Памятники Русской равнины с женскими статуэтками и наконечниками с плечиком (Костенки I, Гагарино, Бердыж), как и далекая Мальта, были оценены как солютрейские. В эту же стадию попали Мезин и Довгиничи в Восточной Европе, Военный Госпиталь и Кайская Гора в Сибири. Основная масса восточноевропейских памятников трактовалась как мадленская, хотя Г.А. Бонч-Осмоловский указывал на атипичность индустрии и наличие в пределах раннего мадлена двух географических групп стоянок с несколько различающимся инвентарем – юго–восточной (Костенки II, III, IV, Карачарово, нижний слой Кирилловской стоянки) и западной (Тимоновка, Супонево). Поздним мадленом датировались Гонцы, Боршево II, верхний слой Кирилловской стоянки и Журавка, а также большинство стоянок Ангары, Енисея и Забайкалья.

Как мы убедились, основу для классификационных схем доставляли восточноевропейские стоянки (П.П. Ефименко намеренно исключал сибирские материалы из рассмотрения как принадлежащие “особому циклу” развития палеолита). В то же время, активизация работ в Сибири

привела к оживлению дискуссии об особенностях сибирского палеолита по сравнению с европейским. Так, Б.Э. Петри (1923а) рассматривал мир сибирского палеолита как изолированный от Европы ареал с длительным переживанием архаичных форм. Он считал, что все сибирские комплексы относятся к единой достаточно поздней в пределах палеолита культуре со смешением мустьерских, ориньякских, солютрейских и мадленских типов орудий. Исследователям 1920х г.г. было очевидно, что европейская классификация мало пригодна для Сибири и необходима выработка собственных схем. М.М. Герасимов (1931) подразделял сибирский верхний палеолит на ранний, соответствовавший ориньяку сибирской фации, этап (Мальта и Кайская Гора) и поздний, соотносимый с мадленом и азилом, период. Последний делится им на основании стратиграфии на 4 фазы, объединяющие енисейские и ангарские комплексы. Особенности каменной индустрии сибирского палеолита, проявившиеся в длительном существовании нижнепалеолитических типов, исследователи 1920х г.г. были склонны относить за счет использования галечного сырья, в частности для производства характерных крупных скребел (Ауэрбах, 1928; Городцов, 1929; Bonch-Osmolovsky, Gromov, 1936).

Работ, посвященных палеолитическому искусству, в 1920е г.г. насчитывается немного, и в них проблема трактуется в отличие от последующего периода в основном в эстетическом ключе. Искусствовед Д.А. Айналов (1929), обратившись к памятникам древнейшего художественного творчества, попытался сравнить стилистические особенности произведений пещерной живописи. По его мнению, в палеолите отсутствовали целостные композиции и сюжеты. Что касается вопросов интерпретации, то он отвергал попытки применения к раннему искусству этнографических понятий (в частности, распространенную в ту пору тотемическую версию Г. Картальяка и С. Рейнака) и рассматривал его как отражение непосредственного симбиоза человека с животным миром, лишенное всякого религиозного мистицизма. Другой исследователь первобытности, А. А. Миллер (1929), напротив, анализировал сущность палеолитического творчества с точки зрения магической теории, привлекая как этнографические аналогии, так и “яфетидологию” Н.Я. Марра. Он пришел к выводу о том, что сочетания фигур в росписях имеют определенное смысловое значение.

Что касается теоретических аспектов палеолитоведения, то 1920е г.г. – это время почти полного господства палеоэтнологического направления, восходящего к Д.Н. Анучину и Ф.К. Волкову. Термины “палеоэтнология” и “доистория”, “доисторическая” или “первобытная” археология обычно употреблялись как синонимы. Даже традиционный оппонент палеоэтнологов – В.А. Городцов (1923) рассматривал археологию как науку, занимающую промежуточное положение между антропологией и этнологией (в этом плане он в 1920е г.г. фактически сближается с палеоэтнологами, хотя последние и сурово критиковали его за отрыв археологии от естественноисторической основы). По определению Б.С. Жукова (1930), палеоэтнология – наука, изучающая общественный строй, технику, хозяйство, образ жизни и деятельность различных групп древнего человека.

При этом смена доисторических культур трактовалась в эволюционном освещении в тесной связи с условиями окружающей среды. Последняя фраза очень характерна. Недаром единство естественнонаучных и гуманитарных аспектов первобытной археологии, рассмотрение древнего человека в широких антропологических рамках, ставились во главу угла в 1920е г.г. В 1928 г. для “объединения естественников и гуманитариев” был основан журнал “Человек” – первая попытка создания трибуны междисциплинарного синтеза (к сожалению, вышло в свет всего два номера). На Украине статьи по палеолиту печатались в издании серии “Антропология”.

В Ленинграде деятельность Института археологической технологии РАИМК была нацелена на введение археологии в “цикл научного мышления”, привнесение основ естественнонаучной методологии в эту область (Ферсман, Фармаковский, 1924). Вряд ли случайно в этом контексте обращение русских палеоэтнологов к новейшим разработкам британской географической школы и организованный Ф.А. Фиельструпом под редакцией такого видного представителя палеоэтнологии как С.И. Руденко перевод книги Кроффорда “Человек и его прошлое” (Кроффорд, 1924). Это один из немногих случаев издания в России зарубежных теоретических трудов по археологии.

Важность экологического момента применительно к палеолиту проявилась у П.П. Ефименко, всегда подчеркивавшего роль природных факторов, и особенно у Г.А. Бонч-Осмоловского. Задолго до нынешней “экологизации” науки и бурного развития междисциплинарных штудий, последним исследователем в качестве центральной темы была поставлена неразрывность развития древнего человека и палеосреды. По мнению Г.А. Бонч-Осмоловского (1932а, С. 44), “изучение четвертичного периода занимает промежуточное положение между естествознанием и обществоведением”. Это с необходимостью заставило поднять вопрос о новых организационных формах научного поиска. Г.А. Бонч-Осмоловский (1931а) выдвигает идею создания “Четвертичного института”, где бы представители всех специальностей, как естествознания, так и гуманитарии, могли практически взаимодействовать. К сожалению, данный проект остался до сих пор так и не реализованным в нашей стране (неминуемое

следствие проведенного в 1930е г.г. в системе Академии наук СССР жесткого деления на отрасли научного знания). Г.А. Бонч-Осмоловский указывал: “Для успешного продвижения вперед совершенно необходимо внедрение новых методов коллективной работы ... эти новые методы исследовательской работы могут быть осуществлены только в новых организационных формах. Всякие попытки заменить действительную коллективность исследовательской работы комиссионными совещаниями, на которых обсуждаются результаты самостоятельно проведенных исследований, или спорадическими консультациями в условиях четвертичного периода приобретают характер признания необходимости коллективных методов работы только на словах, а не на деле, и объясняются консервативной боязнью новых начинаний или недопониманием специфики условий переходных областей знания” (Бонч-Осмоловский, 1932а, С. 45).

По сути дела, у Г.А. Бонч-Осмоловского речь идет о необходимости замены “сопряженного” исследования палеолита с параллельным изучением объекта представителями различных специальностей с собственными исследовательскими установками и задачами, на комплексное. Действительная комплексность заключается в анализе объекта с целью получения единого исследовательского продукта, в данном случае как можно более полной реконструкции древнего общества в его взаимосвязи с природной средой.

По сей день не утратили актуальности замечания Г.А. Бонч-Осмоловского о том, что “в результате наших поверхностных консультаций, так широко практикуемых у четвертичников вообще и у археологов–четвертичников, в частности, мы все страдаем стремлением к обобщениям в таких областях знания, которые довольно значительно удалены от наших специальностей” (Бонч-Осмоловский, 1932а, С. 49).

Идею неразрывности общества и природной среды Г. А. Бонч-Осмоловский конкретизировал, рассматривая ряд узловых эпизодов процесса становления человека. Касаясь начальных этапов антропогенеза, он указывал, что “наиболее вероятные импульсы очеловечения лежат в крупных геологических катаклизмах конца третичного – начала четвертичного периода” (Бонч-Осмоловский, 1932а, С. 47). Такие взгляды во многом совпадают с современными представлениями, связывающими древнейшие следы человеческой культуры с зоной Восточно–Африканского рифта. Другой момент, на котором хотелось бы остановиться, относится к проблеме хозяйственной перестройки общества на рубеже плейстоцена и голоцена, в финальнопалеолитическую эпоху, когда закладывались основы для перехода к производящему хозяйству. Анализируя эти процессы, Г.А. Бонч-Осмоловский строил следующую модель. По его мнению, улучшение условий существования, связанное с изменением природной среды, привело к относительной перенаселенности и ограничению передвижений. В то же время появление разнообразной и богатой растительности создало предпосылки для развития собирательства, а затем и земледелия. Именно в совпадении двух моментов – внутренних противоречий развития охотничьего общества и благоприятных сдвигов природной среды, Г.А. Бонч-Осмоловский видел необходимые условия изменений в хозяйственной жизни человечества. Выражаясь языком современных археологических сочинений, эта модель основывалась на понятии “демографического взрыва”, связанного с экологией. Подобная концепция в кое–каких существенных моментах предвосхищает гипотезу Л. Бинфорда о “пост–плейстоценовых адаптациях” (Binford, 1968).

К сожалению, эти новаторские идеи, как и многое в научном творчестве Г.А. Бонч-Осмоловского, оказалось в исторических условиях той эпохи невостребованным. На дворе стояли иные времена и уже со второй половины 1920х г.г. появляются грозные признаки, предвещающие скорые решительные перемены в развитии русской доистории.

Первые, еще робкие попытки привести марксизм в область изучения древнейшего прошлого человечества принадлежат историку В.К. Никольскому (1923а). Тесно связанный с В.А. Городцовым, этот исследователь заинтересовался возможностью создания некоего “комплексного метода”, сочетающего археологическое и этнологическое изучение культуры. При этом по его мысли, “скелет” развития, хронологическую канву первобытной культуры, давала бы археология, а “наращивала” его за счет привлечения фактов, относящихся к живым обществам, этнология. Сам В.К. Никольский (1923б) называл подобную процедуру “сшивкой” этнологических и археологических культурных комплексов. Тем самым были заложены методологические основы “истории первобытного общества”, расцветшей бурным цветом в последующее время.

В 1929 г. группа молодых московских археологов, учеников В.А. Городцова, выступила с более резким заявлением на Социологической секции Общества историков–марксистов (Арциховский, 1930). Они обвиняли старую археологию в неспособности видеть за вещами людей, сведению исследования к систематике и построению эволюционных рядов вне изучения общественно–политических формаций. Впервые прозвучала оценка палеоэтнологии как “буржуазного суррогата” марксистской науки. Такого тона ученые еще не слышали. В качестве альтернативы был предложен так

называемый “метод восхождения” – реконструкция социологических реалий прошлого на основе археологических данных. По мнению А.В. Арциховского, археология способна к самостоятельным социологическим обобщениям без привлечения данных этнологии (последние, впрочем, допускались в качестве иллюстративного материала). Так, на основании изучения орудий труда можно воссоздать производительные силы древнего общества, по типам жилищ и поселений, погребениям и характеру обмена – производственные отношения и формы семейно–брачных систем, по свидетельствам, касающимся религии, погребальному обряду и искусству – идеологическую надстройку. Интересно при этом отметить, что за основу авторы “метода восхождения” призывали брать уровень культуры широких общественных групп, подвергая критике увлеченность археологов исследованием отдельных “культур” первобытности. Схема “восхождения” носила достаточно абстрактный характер и явно предвещала “социологизирование” 1930х г.г. Вместе с тем, независимо от намерений ее создателей, “социологическое направление” объективно стремилось сохранить общую структуру археологии, соединив ее с марксизмом с минимальным ущербом для первой. Именно за это оно подверглось в последующие годы резкой критике со стороны адептов “истории материальной культуры” (см. главу 3).

В то же время возглавлявший ГАИМК Н.Я. Марр начинает ощущать недовольство традиционным подходом к археологии. В предисловии к сборнику аспирантов ГАИМК он пишет: “Эпоха напряженного искания исследовательских путей, новых путей научного творчества. Гуманитарные науки уже не в тупике, а взорваны ... тайное стало явным: важнейшие в мире области знания, именно науки о человеке, не имеют в какой–либо мере методических норм ... не только история искусства, но и история древностей, вообще история материальной культуры ... не располагает иными приемами исследования, кроме формальных, то есть не имеет самостоятельных методов, следовательно, решительно утверждаем, не имеет никаких методов” (Марр, 1929, С. 2). Естественно, под отсутствием методов подразумевалось отсутствие применения к археологическому материалу идей самого Н.Я. Марра. В следующей главе мы остановимся на этих экстравагантных теориях и том, как они отразились в доистории.

Подводя итоги данного периода, можно констатировать, что в 1920е г.г. русская доисторическая археология продолжила основные методологические линии исследования, начатые до революции. Отечественная наука еще не оторвалась от общего русла мировой археологии. В то же время именно в это десятилетие появляются ростки принципиально новых идей и подходов. К ним относятся статистическая классификация каменной индустрии, разработка методики планиграфических раскопок, интерес к технологии изготовления каменных орудий, выработка представления о локальных культурах в палеолите. Даже столь важное направление как изучение палеолитических жилищ берет начало в эти годы, а не связано исключительно с 1930ми г.г., как это иногда представляется зарубежным коллегам. Таким образом, русская археология 1920х г.г. имела ряд интересных потенциалов, не реализованных в полной мере, а частью отброшенных в сторону последующим ходом развития науки в нашей стране. Они, в сущности, остались неизвестными для западных исследователей, и данная глава является попыткой в какой–то мере отдать дань памяти этой забытой странице истории нашей науки.

1920е г.г. – последний период спокойного хода развития археологии в России. В скором времени тихая гавань академической науки будет взорвана новыми тенденциями. Этим событиям посвящена следующая глава.

ГЛАВА 3. ВЗЛЕТ И ПАДЕНИЕ СТАДИАЛИЗМА

С 1930х г.г. советская археология вступает в принципиально новую фазу развития. Внешние факторы играют отныне столь важную роль, как в организации исследований, так и в судьбе конкретных ученых, что мы вынуждены в начале главы остановиться подробнее на общих моментах, а уже затем переходить к истории изучения палеолита. Итак, начиная с этого периода, большевики приступили, хотя и с запозданием, к решительной “марксизации” науки, по выражению М.А. Миллера (Миллер, 1954), к “революции в археологии”. Этот единый для всего комплекса общественных наук процесс имел свою специфическую окраску в среде основного центра тогдашней археологии – ГАИМКе, в первую очередь связанный с деятельностью всемогущего руководителя учреждения – Н.Я. Марра.

Здесь не место разбирать так называемое “новое учение о языке” (или “яфетическую теорию”) Н.Я. Марра, которое, заметим, с точки зрения лингвистики не выдерживает никакой критики (Алпатов, 1991). Однако нам не обойтись без краткого обсуждения данного вопроса, поскольку личность и взгляды Н.Я. Марра наложили особый отпечаток на характер советской археологии 1930х г.г.

Согласно его концепции, резко противопоставлявшейся традициям индоевропейской лингвистики, историческое развитие языков шло от многообразия племенных диалектов к единству через их последовательное скрещивание. Языковые изменения трактовались Н.Я. Марром как “стадиальный взрыв”, происходивший без смены населения у автохтонных этнических групп. Ввиду большого значения, придававшегося проблеме происхождения языка, не удивителен интерес Н.Я. Марра к палеолиту. Звуковому языку, согласно Н.Я. Марру, предшествовала стадия кинетической (линейной или ручной) речи, непосредственного мышления образами и представлениями (тезис, появившийся не без влияния Л. Леви-Брюля). Стадию кинетической речи Н.Я. Марр относил к нижнему палеолиту, а в верхнем палеолите он уже видел зачатки письменности в форме пиктографии (последний период трактовался как фаза “тотемистического общества” или “космического мышления”). Н.Я. Марр решительно выступал против разграничения культурных комплексов в доистории, неизменно связывая их с идеей существования разрозненных этносов. Как писал его верный последователь, лингвист И.И. Мещанинов (1930, С. 35), “современное положение загнало археологический материал в отгороженные непроницаемыми перегородками ящики, снабженные этикетками с указанием этноса, культуры и даты”.

Одна из характерных черт марровской версии доистории – ее подчеркнуто автохтонный характер, объяснение смены культурных комплексов мистическими “скачками” при переходе со стадии на стадию (именно так трактовал И.И. Мещанинов переход от мустье к верхнему палеолиту).

Н.Я. Марр (1931) крайне неодобительно относился к современной ему археологии и этнографии, считая их не самостоятельными областями знания, а лишь поставщиками сырого материала для некоей синтетической “истории материальной культуры”, в основе которой, разумеется, должна была лежать яфетическая теория. Столь же подозрительно смотрел он на тесную связь доистории с естественными науками, приписывая ее вредоносной тенденции к формальному изучению вещей (Марр, 1933).

Несмотря на абсурдность подобных построений и стиль бесчисленных работ Н.Я. Марра, скорее относящихся к ведомству психиатрии, чем имеющих отношение к лингвистике, “новое учение о языке” было официально признано в качестве обязательной доктрины для всего спектра общественных наук и в известной мере приравнено к стандартному набору марксистских догм.

Особо активную роль во внедрении этой концепции в археологию сыграли С.Н. Быковский и С.Ф. Кипарисов, приставленные от партийных органов в качестве “идеологических наставников” к ГАИМК. Подобные невежественные особы “направляли” работу специалистов, бдительно следя за “идеологической выдержанностью” печатной продукции археологов.

Начало 1930х г.г. – время коренной ломки традиционной структуры археологии. Меняется все – работа научных центров, система преподавания, музейные экспозиции. Сворачивается краеведческое движение, практически прекращается выпуск переводной литературы. Прерывается начавшийся в 1920е г.г. процесс формирования региональных научных сообществ, вся деятельность отныне сосредотачивается в Ленинграде и Москве. Новый облик приобретают археологические издания, представлявшие собой оригинальное зрелище. В журналах анализ конкретных материалов и проблем отходит на второй план, перемещаясь в раздел “Заметки”, а основное место занимают статьи общего характера, перенасыщенные бесконечно повторяющимися цитатами из К. Маркса, Ф. Энгельса и Н.Я. Марра и яростными нападками на отечественных и зарубежных коллег. Претерпевает изменения сам стиль публикаций – критика становится все более жесткой, спокойный тон научной полемики

заменяется бранью, перемешанной с политическими обвинениями. Читать эту литературу современному исследователю нелегко.

Начало “новой волны” было связано с теоретической дискуссией о статусе и месте археологии в системе наук. На первых порах появилось даже стремление вовсе упразднить археологию, заменив ее так называемой “историей материальной культуры”. Аналогичным образом пытались поступить в те годы с этнографией. По версии В.И. Равдоникаса (1930), история материальной культуры представляет собой единую науку, охватывающую все эпохи истории человечества от первобытности до современности, и ставящей целью проследить связь развития культуры с социально-экономическими формациями. При этом понятие материальной культуры трактовалось крайне расширительно, охватывая также предметы, относящиеся к религии и искусству. В центре же истории материальной культуры должна была находиться история технологий.

Некоторые авторы (Быковский, 1932; Арциховский, Киселев, Смирнов, 1932) пошли еще дальше, считая, что и выделять историю материальной культуры не стоит, достаточно весь комплекс общественных наук объявить историей. Отрицалась как необходимость особой методологии для работы с археологическими источниками, так и археологическая терминология. Однако подобные нигилистические взгляды продержались недолго. Сам В.И. Равдоникас, инициировавший дискуссию, перешел на более умеренную позицию, признав право на существование археологии и этнографии как самостоятельных наук. Позже, вероятно под впечатлением потока теоретических статей, почти вытеснивших со страниц изданий публикации материалов, он указал на важность освещения в печати археологических памятников. Нужно сказать, что высокий профессиональный уровень этого исследователя удерживал его от крайностей более ретивых сторонников “растворения” археологии в историческом море. Так, критикуя типологический метод, он, тем не менее, признавал ценность типологии как вспомогательного приема первичной классификации вещей.

Как же мыслили исследователи 1930х г.г. методику реконструкции древних обществ на основании археологических материалов? В.И. Равдоникас (1931, 1934а) отвергал как “сшивку” археологических и этнографических комплексов, так и “метод восхождения”, о которых мы упоминали выше. По его мнению, сравнению подлежат “конкретные эволюции”, в основе хронологической канвы которых должны располагаться упорядоченные средствами археологической науки памятники. Полученная археологическая периодизация подлежала на дальнейшем этапе “социологической” или “стадиальной” атрибуции, то есть соотносению археологических эпох со стадиями развития общества по марксистской схеме. В основе процедуры лежал так называемый “стадиально-комплексный принцип”, учитывающий возможность одновременного прохождения конкретными обществами прошлого стадий развития.

К примеру, фаза первобытного стада, наиболее архаической формы общества с господством бродячих групп охотников и собирателей, соответствовала шеллю-ашеллю, первобытная орда с кровнородственной семьей, занимавшаяся развитыми формами охоты, – мустье, а с эпохи верхнего палеолита происходит становление родовой организации с матрилинейным родством. Нетрудно заметить, что, несмотря на усилия, направленные на построение периодизации палеолита по “социально-хозяйственным признакам”, а не по формам и типам орудий, в итоге дело свелось к простому “оживлению” традиционной схемы за счет “приклеивания” социологических ярлыков на чисто археологические подразделения. Верх подобной практики – книга Б.Л. Богаевского (1936), где таблицы каменного инвентаря сопровождалась следующими подписями: “Орудия начальной эпохи ранней первобытной коммуны. Эпоха мустье” или “Наконечники “Абри Оди”, предшествующие наконечникам “Шательперрон”. Переходное время от начальной эпохи ранней коммуны к развитой ее ступени” и т.п.

Действительно, в плане реконструкции древних обществ дискуссии 1930х гг. вращались по логическому кругу. С одной стороны, акцент марксизма на технику, материальное производство давал археологии как бы индульгенцию, право на существование в качестве самостоятельной отрасли знания (особенно археологии палеолита с ее традиционной концентрацией усилий на изучении орудий труда). С другой, на основании тех же текстов К. Маркса и Ф. Энгельса, оказывалось, что стержнем построения периодизации первобытности должны были быть не формы материального производства, а характер семейно-брачных отношений. А в этом-то аспекте археологические источники оказывались немymi. Попытки же “осоциологизировать” археологические схемы вели только к бесконечной перетасовке понятий – “тотемическое общество”, “родовое общество”, “родовое общество” и т.д. вне всякой связи с реальными данными, на основе той же схемы Мортилье-Брейля. Археологические материалы для подобных выводов становились просто ненужными. Искренность подхода, сводящего археологию к подбору картинок, иллюстрирующих систему Ф. Энгельса, была ясна самим творцам теории стадиальности (Равдоникас, 1934а). Прямолинейной упрощенностью такого рода

интерпретаций были недовольны даже ярые сторонники стадиализма. Так, П.И. Борисковский (1934) выступал против попыток “осоциологизировать” каждую форму каменных орудий и считал, что изменения в наборе инвентаря не обязательно должны были совпадать со сдвигами в общественном устройстве. Он рассматривал эпохи палеолита не как периоды общественного развития, а как своего рода вспомогательную сетку для размещения на ней памятников. Но специальных методов для реконструкции прошлого, базирующихся на археологических источниках, несмотря на неоднократные призывы к их разработке, в арсенале этих исследователей не оказалось.

Добавим, что “социологизирование” охватило (вольно или невольно) в эти годы практически всех археологов. Например, В.А. Городцов, немало пострадавший от ретивых борцов за “перестройку в археологии” (в начале 1930х г.г. этот почтенный исследователь был вынужден оставить свои посты в Москве), пытался достаточно неуклюже сымитировать стиль “археологической публицистики”. Он то повторял свои соображения о технологии производства каменных орудий, изложенные в 1914 г., но с добавкой советской фразеологии и обязательными цитатами из Ф. Энгельса (Городцов, 1935а), то старался пофантазировать на тему о трудовых затратах на строительство жилищ Тимоновской стоянки, формах семейной организации ее обитателей, роли мужского и женского труда (Городцов, 1935б). В ряде работ 1930х г.г. дань стадиализму отдал Г.А. Бонч-Осмоловский (1934б), хотя для него как последовательного эволюциониста такое сближение и кажется более органичным.

Здесь же будет уместным отметить, что, наряду с теоретическими вопросами, исследователи начала 1930х гг. проявляли интерес к истории археологии, причем (и на это стоит обратить внимание) в аспекте социальной обусловленности тех или иных течений мысли в доистории. Впервые была поставлена, пусть в упрощенной форме, проблема связи направленности археологических концепций с реалиями современного общества. Так, М.Г. Худяков (1933), анализируя развитие русской дореволюционной археологии, попытался выделить ряд типов ученых, чьи научные интересы и стиль творчества сложились под влиянием социального статуса (деление на столичных официальных “генералов науки”, происходивших из высших сфер общества, и провинциальных “мелкобуржуазных” любителей). Правда, связь эта трактовалась крайне прямолинейно и наивно, а оценки, даваемые ведущим русским археологам той поры (особенно А.А. Спицыну) были явно несправедливы.

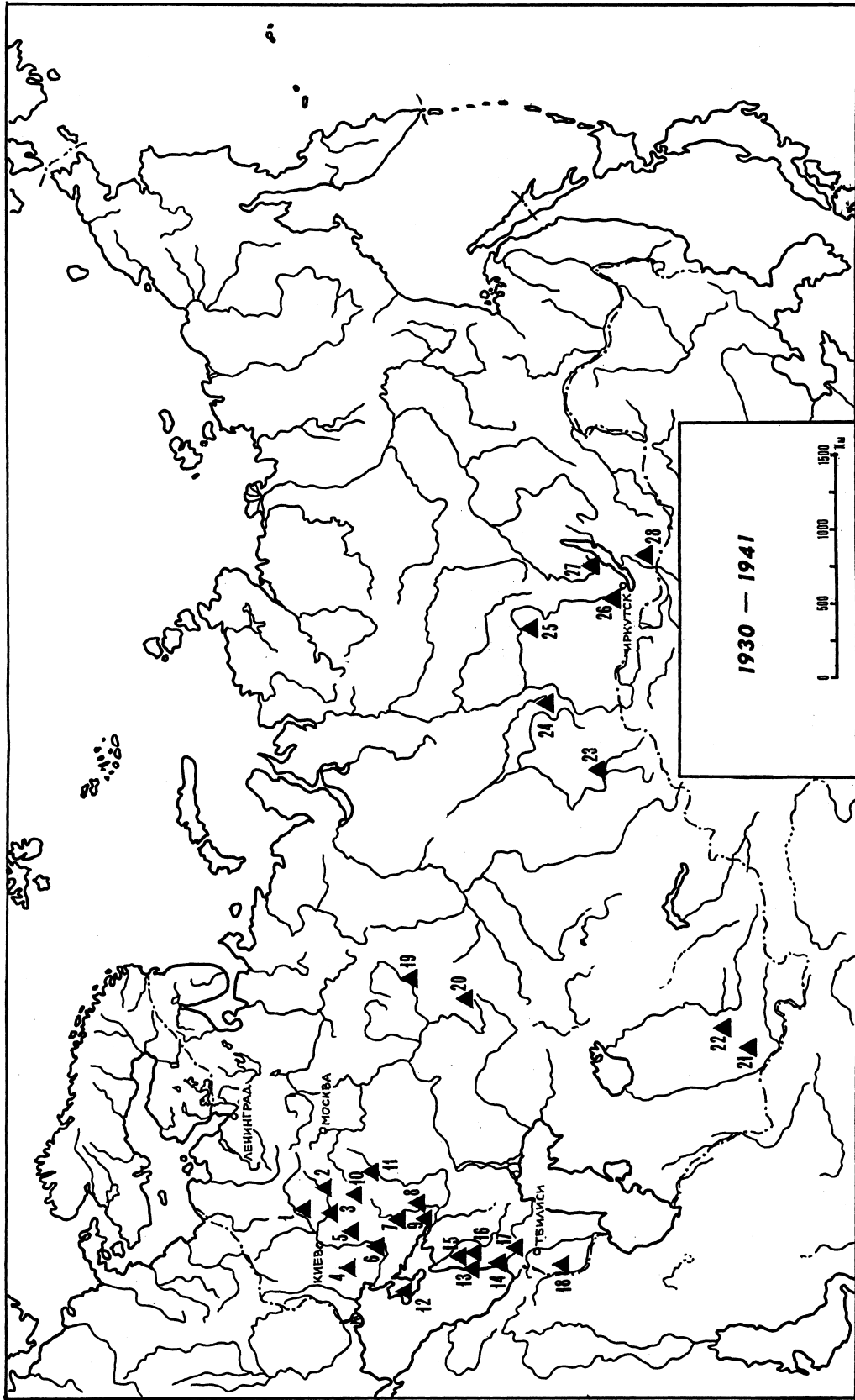
Волна репрессий 1930х г.г. не обошла стороной археологию палеолита, как и археологическую науку в целом. На долгие годы прерывается исследовательская деятельность таких блестящих представителей палеоэтнологии 1920х г.г. как Г.А. Бонч-Осмоловский и М.Я. Рудинский. Первый из названных ученых получил возможность вернуться в науку в конце 30х г.г. и только в 1940 г. выпустил в свет первый том “Палеолита Крыма”, подготовленный к печати в 1928 г. Публикации второго о раскопках начала 1930х г.г. выходят уже после войны. Особенно пострадало украинское палеолитоведение, где, помимо М.Я. Рудинского, были репрессированы И.Ф. Левицкий, Т.Т. Тесля, геолог Л.А. Лепикаш. Из числа других исследователей палеолита погибли Б.Э. Петри, Н.Л. Эрнст (Миллер, 1954).

Со второй половины 1930х г.г. теоретические споры затухают. В этот период была сформулирована стандартная советская версия статуса археологии и ее места среди других наук, которая практически без изменений просуществовала, не подвергаясь критике, вплоть до нового оживления дискуссий в конце 1960–начале 1970х г.г. Согласно ей, археология представляет собой составную часть исторической науки, термин “доистория” практически был исключен из употребления, а основной целью научного поиска была объявлена реконструкция развития древних обществ. По сути дела, в качестве официальной была принята перефразированная формулировка А.С. Уварова (см. главу 1). Это и означало окончательную победу “исторического” направления над “антропологическим”, причем достигнутую не в ходе научной полемики, а путем прямого устранения сторонников противоположной концепции из науки, а то и из жизни.

Сложнее обстояло дело с “историей первобытного общества”, которая трактовалась то, как некая синтетическая дисциплина, призванная объединить достижения археологии, этнографии, антропологии, лингвистики и т.д., то, как подраздел, “предметное поле” этнографии. В реальности она занимала именно эту вторую позицию и развития собственно археологии почти не затрагивала.

Сама ГАИМК с 1937 г. меняет название на Институт истории материальной культуры (ИИМК) и входит в состав академической системы (с 1959 г. – Институт археологии Академии наук СССР с отделением в Ленинграде – ЛОИА). Период “бури и натиска” завершился. К числу положительных сторон такого поворота событий относится то, что археология приобрела, наконец, “право на существование” (больше уже никто не осмеливался “упразднить” нашу науку), наладилась система подготовки кадров (с 1936 г. в Ленинграде и с 1937 г. в Москве она велась на кафедрах археологии в составе исторических факультетов), началась публикация конкретных материалов. В последнем аспекте большую роль сыграла основанная по инициативе М.И. Артамонова серия фундаментальных

Рис. 14. Карта основных центров изучения палеолита и стоянок, обследовавшихся на территории СССР в 1930 – начале 1940х г.г.

1 – Бердыж, Юровичи; 2 – Тимоновка, Елисеевичи, Юдиново, Курово; 3 – Мезин, Пушкари I–VIII, Погон, Бугорок, Чулатово I–III, Язвы, Неготино, Новгород–Северский и др.; 4 – Владимировка I; 5 – Гонцы, Журавка; 6 – Ямбург, Майорка I, II, Осокоровка I, II, Дубовая Балка, Кайстрова Балка I–IV и др.; 7 – Миньевская; 8 – Красный Яр; 9 – Бессергеновка, Лакедемоновка, Амвросиевка; 10 – Авдеево, Октябрьское; 11 – Костенки I, IV, VIII–X, Боршево II; 12 – Чагорак–Коба, Волчий Грот, Бахчисарайская, Аджи–Коба и др.; 13 – Ацинская, Воронцовская, Хостинская, Навалишенская, Ахитырская пещеры; 14 – Яштух, Бырц, Гвард, Апианча и др.; 15 – Ильская; 16 – Фортетьянка; 17 – Мгвимеви, Сагварджиле, Сакажиа; 18 – Арзни; 19 – Пещерный Лог, стоянка Талицкого; 20 – Усть–Катавская II, Смирновская, Бурановская пещеры и др.; 21 – Самаркандская; 22 – Тешик–Таи, Амир–Темир; 23 – Енисейская, Бийская, Сростки, Одинцовка, Фолинское и др.; 24 – Афонтова Гора III; 25 – Усть–Кова; 26 – Усть–Белая, Буреть, Мальта, Бадай I, Черемушник, Камень и др.; 27 – Макарово I, Шишкино I; 28 – Харанхой, Няньги I и др.

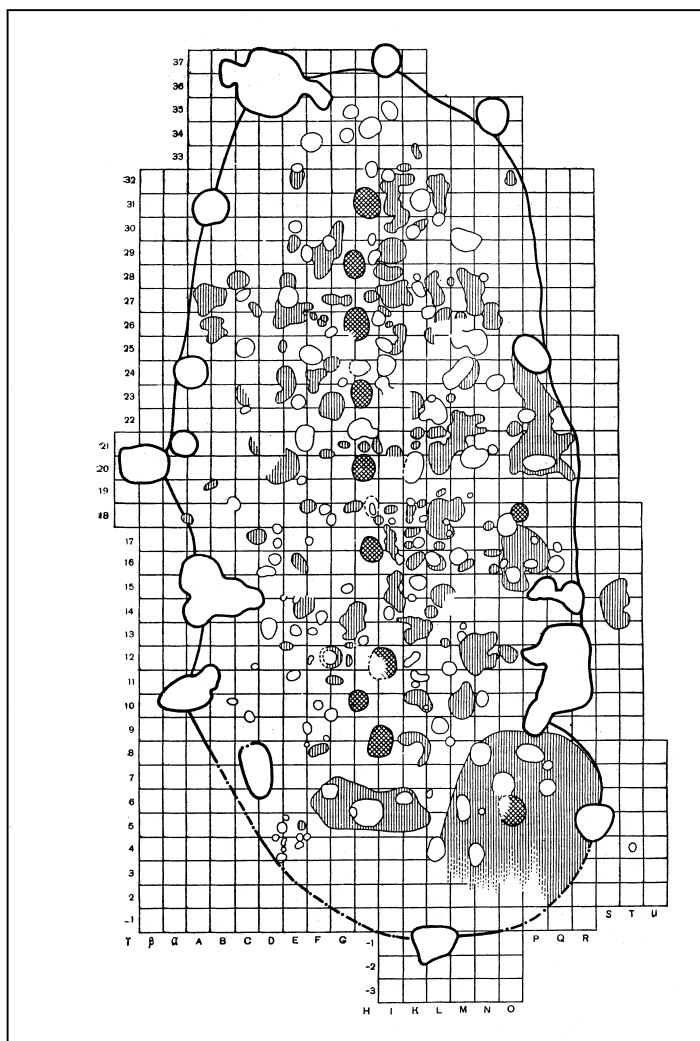
томов сборников и монографий под общим названием «Материалы и исследования по археологии СССР» (МИА), начатая изданием в 1940 г. Отметим появление в 1936 г. сборников «Советская археология» (СА), вначале выходивших нерегулярно, а в 1957 г. приобретших вид журнала, а также серию «Краткие сообщения Института истории материальной культуры» (КСИИМК), публикующихся с 1939 г. В послевоенное время устанавливается традиция проведения ежегодных всесоюзных совещаний, посвященных итогам полевых исследований. Наряду с продолжением ожесточенной критики западной археологии (пример подобных нападок: Монгайт, 1951), на русском языке выходят книги Г. Чайлда (1949) и Г. Кларка (1953).

Словом, российская археология снова начала приобретать «нормальный» вид, экстравагантные построения марризма упоминались в обязательном порядке, но как будто уже не использовались в реальных разработках. Правда, неутомимый В.И. Равдоникас, явно воодушевленный итогами разгрома советской генетики, в 1948 г. попытался снова вернуть археологию к первой половине 1930х г.г., однако успеха эта попытка не имела и поддержки со стороны коллег не встретила (Рабинович, 1949). Так археологическая наука сумела счастливо избежать серии послевоенных кампаний, имевших столь тяжкие последствия для биологии, лингвистики, физиологии и других областей научного знания.

Заметным событием для всех гуманитарных наук стал выход в свет в 1950 г. работы И.В. Сталина «Марксизм и вопросы языковедения» с резкой критикой Н.Я. Марра. Стадиальная теория, таким образом, разом лишилась поддержки сверху. В археологии перемены выразились в серии новых разоблачений и саморазоблачений, итог которых подвел сборник «Против вулгаризации марксизма в археологии» (Удальцов 1953). Развенчание концепции Н.Я. Марра имело свои положительные и отрицательные стороны. Отказ от гипертрофированного автохтонизма, учет реальности миграций и диффузии культурных элементов в доистории, признание необходимости источниковедения и углубленного изучения артефактов не могли не отразиться в лучшую сторону на развитии археологии в России. Призыв к исследованию конкретных культурных общностей прошлого во многом облегчил А.Н. Рогачеву полемику со сторонниками теории стадильности (см. главу 5).

В то же время сам характер смены теоретических установок осуществлялся в уже привычной манере, далекой от подлинно научной атмосферы, – с показным самобичеванием и беспощадной руганью в адрес оппонентов (на этот раз больше всего досталось А.П. Окладникову и В.И. Равдоникасу). Кроме того, отказ от теории стадильности осуществлялся не в пользу какой-либо иной концепции, а скорее в сторону эмпиризма. С тех пор в России теоретические дискуссии надолго прекратились. Считалось само собой разумеющимся, что археология это часть истории и никакой особой археологической теории просто не нужно. Археология свернула на привычный путь консервативного культурно–исторического подхода с тягой к дроблению материала на все увеличивающееся число пресловутых «локальных культур», отождествляемых с некими «этносомами». Такой подход мало стимулировал новаторские поиски. Вряд ли случайно то обстоятельство, что все действительно ценные идеи, высказанные в России, и обогатившие мировую науку о древностях, были сформулированы именно в 1920–1930е г.г., а не позднее.

Перейдем теперь к фактической стороне дела – накоплению материалов по палеолиту в рассматриваемый период (рис. 14). Как и в 1920е г.г., основными центрами исследования оставались ГАИМК–ИИМК и Отдел археологии Музея антропологии и этнографии (МАЭ) в Ленинграде, Московское отделение ГАИМК – Институт археологии и Институт антропологии МГУ в Москве. По–прежнему костенковские материалы находятся в центре внимания большинства дискуссий. С 1931 г.

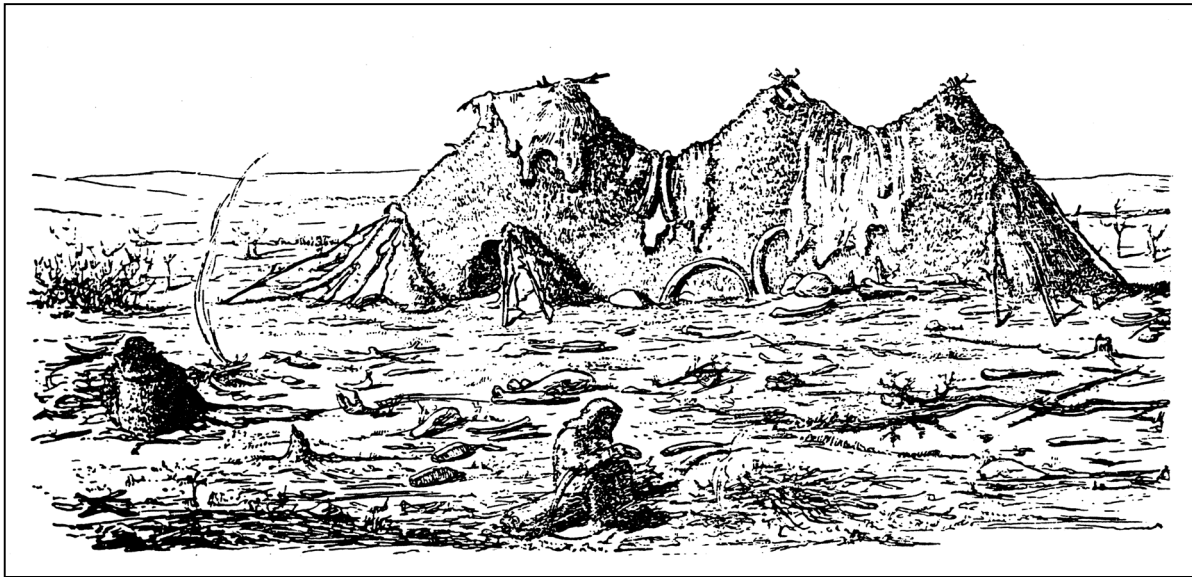
Рис. 15. План жилого комплекса верхнего слоя Костенок I (по: Ефименко, 1958, рис. 1).

П.П. Ефименко (1958) предпринимает новаторский проект раскопок на широкой площади сложного жилого комплекса Костенок I (рис. 15). Из других заметных событий отметим вскрытие остатков землянки на Тельманской стоянке. Расширяется круг участников костенковской школы, в работу активно вовлекаются ученики П.П. Ефименко – П.И. Борисковский раскапывает Боршево II, а А.Н. Рогачев – Костенки IV. Обширные материалы по изучению жилищ из костей мамонта доставили раскопки К.М. Поликарповича (1968) в Елисеевичах и Юдиново. В.А. Городцов продолжил работы в Тимоновке.

На Украине основным районом интенсивных изысканий по палеолиту стало Днепропорожское Надпорожье, где И.Ф. Левицкий и А.В. Добровольский раскопали ряд стоянок в рамках археологических изысканий на Днепрострое – одной из первых широкомасштабных новостроечных экспедиций (Миллер, 1948, 1965; Смирнов 1973). Отметим новые работы в Гонцах, предпринятые под руководством И.Ф. Левицкого. Особенно активно во второй половине 1930х г.г. велось изучение палеолита Десны, где М.В. Воеводским (1948а) и И.Г. Пидопличко была открыта и исследована серия мустьерских и верхнепалеолитических стоянок близ Чулатово, в районе Новгород–Северского. В 1937–1939 г.г. П.И. Борисковский провел в Пушкарях I блестящую полевую кампанию, изучив остатки длинного жилища (рис. 16).

Существенно расширяется география распространения верхнего палеолита Восточной Европы. На Урале на реке Чусовой М.В. Талицкий открывает эффектный позднепалеолитический памятник. Небольшие материалы были получены также из уральских пещер (работы С.Н. Бибикова).

В Крыму после прекращения деятельности Г.А. Бонч-Осмоловского и Н.Л. Эрнста активность изысканий затухает, но С.Н. Бибиков продолжал вести раскопки пещерных комплексов мезолита и финального палеолита (Бибиков, Станко, Коен, 1994). Во второй половине 1930х г.г. московские

Рис. 16. Опыт воссоздания внешнего вида жилища Пушкарей – классический образец "реконструктивного стиля" 1930–1950х г.г. (рисунок В.Д. Запорожской; по: Борисковский, 1953, рис. 93).

археологи (О.Н. Бадер, Д.А. Крайнов) приступают к изучению пещер полуострова (Чагорак–Коба, Волчий Грот, Бахчисарайская).

Работы по палеолиту Кавказа в 1930е г.г. в основном связаны с именем С.Н. Замятнина (1937, 1961), обследовавшего ряд нижнепалеолитических местонахождений на черноморских террасах Абхазии (особенно богатые находки доставил Яштух). Он же открыл и изучил в 1936–1938 г.г. мустьерские Ахштырскую и Навалишенскую пещеры и навес Мгвимеви в Грузии. В предвоенный период работы на последнем памятнике были продолжены Н.З. Киладзе (Бердзенишвили). В Сочинском Причерноморье начинает экспедиционную деятельность Д.А. Крайнов. На Северном Кавказе В.А. Городцов копает Ильскую стоянку. Пещеры Грузии (Сакажиа) активно изучаются Г.К. Ниорадзе (1953). Поступают сведения о находках палеолита в Армении.

На территории Азиатской части России в 1930е г.г., напротив, активность полевых работ несколько снижается. Продолжились с перерывами раскопки Мальты. А.П. Окладников неподалеку открыл “двойник” Мальты – стоянку Буреть, также доставившую следы искусственных конструкций и серию женских статуэток. Г.П. Сосновский ведет изучение палеолита Алтая.

Вторая половина 1930х г.г. ознаменовалась первыми открытиями в Средней Азии, где А.П. Окладников в 1938–1939 г.г. провел раскопки грота Тешик–Таш, обнаружив остатки неандертальца (Гремяцкий, Нестурх, 1949). В 1939 г. был открыт и выразительный верхнепалеолитический памятник – Самаркандская стоянка.

Особая страница в истории русской археологии – деятельность группы оказавшихся в эмиграции в Манчжурии ученых (В.В. Поносова, В.Я. Толмачева, А.С. Лукашкина, А.Г. Малявкина), проводивших в 1930–1940е г.г. обследование палеолитических местонахождений Северо–Восточного Китая (Ларичев, 1972).

Важными рубежами в обобщении сведений по палеолиту в глобальном масштабе явились три издания монографии П.П. Ефименко (1934а, 1938, 1953), которая стала настольной книгой для нескольких поколений русских археологов. В 1930е г.г. другой выдающийся исследователь С.Н. Замятнин начал работу над своей версией “Палеолита мира”, часть которой вышла в свет уже после войны в виде обширной статьи, озаглавленной “О возникновении локальных различий в культуре палеолитического периода” (Замятнин, 1951). Общий очерк палеолита можно найти в I томе “Истории первобытного общества” В.И. Равдоникаса (1939).

Вторая мировая война привела к практическому прекращению археологической деятельности в России. Редкими исключениями стали экспедиция А.П. Окладникова в Якутии, где он в 1941 г. успешно провел разведку по Лене, открыв ряд пунктов с предположительно плейстоценовыми остатками, и небольшие раскопки стоянки Талицкого, предпринятые М.П. Грязновым в 1942 г.

Рис. 17. Карта основных центров изучения палеолита и стоянок, обследовавшихся на территории СССР в конце 1940х – 1950е г.г.

1 – Эйгуляй I; 2 – Бердыж I; 3 – Юровичи; 4 – Елисеевичи I, Юдиново; 5 – Хотылево I; 6 – Мезин, Погон, Бугорок; 7 – Берегово I; 8 – Лука Врублевецкая, Молодова I, V, Оселивка I, Бабин I, Вороновица I–IV и др.; 9 – Выхватинцы, Бобулеиты VI, Чутулеиты VI, Атаки I, Рашков VII, VIII, Гура–Каменка IV и др.; 10 – Костешты I, Старые Дуруиторы, Мерсына; 11 – Большая Аккаржа; 12 – Владимировка; 13 – Фастов, Радомысль, Житомирская стоянка; 14 – Добраничевка, Гонцы; 15 – Круглик, Орел, Ненасытец I, Ямбург, Осокоровка; 16 – Оскольские мастерские; 17 – Миньевский Яр; 18 – Амвросиевка; 19 – Бессергеновка, Герасимовка, Лакедемоновка; 20 – Югино II; 21 – Каменная Балка I, II; 22 – Хряци, Михайловский; 23 – Авдеево; 24 – Костенки I, II, V–VIII, X–XVIII, XXI, Боршево I, IV; 25 – Золоторучье I; 26 – Сунгирь; 27 – Юнга–Кушерга; 28 – Тунгуз, Красная Глинка и др.; 29 – Сталинградская; 30 – Бахчисарайская, Староселье, Сюрень II, Холодная Балка, Кабази; 31 – Фортетьянка, Саратовская, Даховская, Абадзехская, Псекупс, Игнатенков Куток и др.; 32 – Ацинская, Малая Воронцовская пещеры; 33 – Явора; 34 – Кударо I, III, Лаше–Балта, Калети, Морго, Каркуста–Кау, Тамарашени, Джрочула, Цона, Сарекский навес и др.; 35 – Лысая Гора; 36 – Апианча, Квачара, Яштух, Анухва и др.; 37 – Чахати, Сакажиа, Сагварджиле, Гварджилас–Клде; 38 – Цопи; 39 – Сатани–Дар, Джрабер, Нурнус, Арзни, Фонтан, Джаткран и др.; 40 – Дамджилы, Даисалахлы; 41 – стоянка Талицкого; 42 – Каповая пещера; 43 – Смеловская I, II пещеры; 44 – Красноводск–Аишбад и др.; 45 – Магиан; 46 – Самаркандская; 47 – Аман–Кутан; 48 – Учтут, Иджонт; 49 – Кара–Бура; 50 – Ходжикент I, II; 51 – стоянка Валиханова; 52 – Борыказган, Танирказган, Шабакты I, II, Ушбулак, Беркуты I–III, Узунбулак I, II и др.; 53 – Ходжи–Гор, Кайрак–Кумы; 54 – Капчигай; 55 – Ново–Никольское, Пещера, Канай, Свинчатка и др.; 56 – Усть–Канская пещера; 57 – Майма, Усть–Сема; 58 – Сосновое Озеро; 59 – Ийме; 60 – Красный Яр I, Федяево; 61 – Мальта, Бадай I, Шамотный Завод, Перешеек, Черемушник I; 62 – Верхоленская Гора I, II; 63 – Усть–Кяхта III, Зарубино, Няньги I и др.; 64 – Ошурково; 65 – Санный Мыс; 66 – Титовская Сопка; 67 – Кумары; 68 – Устиновка.

Разведки велись А. Бодянским на Днепре, на оккупированной Германией территории Украины (Миллер, 1965).

Послевоенные годы стали временем возобновления полевой и публикационной деятельности (рис. 17). С 1948 г. продолжились работы в Костенках и здесь в 1950е г.г. П.И. Борисковским (1963) были произведены широкомасштабные раскопки таких памятников как Костенки II с остатками жилища из костей мамонта и погребением, и Костенки XIX. В плане споров о характере развития верхнепалеолитической культуры особое значение имели его исследования многослойной стоянки Костенки XVII. В то же время А.Н. Рогачев (1957) в серии глубоких шурфов и раскопов изучил целый пласт культурных комплексов, предшествовавших основному объекту Костенок I, а именно нижние слои стоянок Костенки I, VIII, XII, XIV, XV и др. Эти материалы позволили ему разработать схему культурно–стратиграфического деления палеолита Костенок (см. главу 5). На некоторых из перечисленных памятников удалось изучить жилые конструкции, а Костенки XIV и XV доставили остатки палеолитических захоронений.

В конце 1940х г.г. М.В. Воеводским, а позже А.Н. Рогачевым были предприняты раскопки открытой еще до войны стоянки Авдеево на Сейме. В ходе работ была вскрыта жилая площадка, аналогичная Костенкам I. На Десне Ф.М. Заверняев (1978) исследует сложное раннепалеолитическое местонахождение в Хотылево. К.М. Поликарпович продолжил свои работы в Елисеевичах и Юдиново, а В.Д. Будько копает в Бердыже и Юровичах. С 1940х г.г. берет начало изучение серии финальнопалеолитических стоянок Литвы (Римантене, 1971). В центральной части России 1955 год ознаменовался открытием Сунгиря (Бадер, Громов, Сукачев, 1966).

Исследования по палеолиту охватывают Поволжье, где С.Н. Замятнин раскапывает на широкой площади Сталинградскую мустьерскую стоянку. На северо–востоке Европейской России О.Н. Бадер продолжил работы на стоянке Талицкого (см. Щербакова, 1994).

На юге России М.Д. Гвоздовер открывает позднепалеолитические пункты у Каменной Балки; здесь же разворачивается экспедиционная деятельность Н.Д. Праслова и П.И. Борисковского.

На Украине И.Г. Шовкопляс сосредотачивается на исследованиях эффективных жилищ из костей мамонта в Добраничевке и Мезине. М.В. Воеводский завершает свои работы на Десне. Интересные результаты принесли раскопки мощного скопления костей бизона и расположенной рядом жилой стоянки в Амвросиевке (Борисковский, 1953). С конца 1940х г.г. А.П. Черныш (1953, 1959а, 1961)

начинает многолетние изыскания по палеолиту Буга и Днестра; основные усилия его концентрируются на раскопках группы многослойных памятников у сел Молодова и Бабин. Сенсацией стало открытие в 1959 г. остатков мустьерского жилища на стоянке Молодова I. В этом же районе вел поиски древнего палеолита П.И. Борисковский (1953). Разворачиваются исследования по палеолиту Молдавии (Кетрару, 1973).

В Крыму продолжались работы А.А. Формозова и Д.А. Крайнова. Первый из исследователей провел раскопки мустьерской стоянки Староселье (Формозов, 1958а). А.А. Векилова изучает верхнепалеолитические комплексы в навесе Сюрень II.

На Северном Кавказе исследование палеолитических местонахождений, в том числе достаточно ранних, вели С.Н. Замятин, М.З. Паничкина, А.А. Формозов, В.П. Любин и П.У. Аутлев (1963), а на территории Юго-Осетии – В.П. Любин. Им в 1955 г. были открыты многослойные Кударские пещерные стоянки, доставившие выразительные стратифицированные ашельские комплексы и серию мустьерских слоев (Любин, 1977). Палеолит Абхазии стал темой изысканий Л.Н. Соловьева (1971). В Закавказье интенсивно исследовались пещеры Грузии. Здесь необходимо отметить работы А.Н. Каландадзе, Н.З. Бердзенишвили (1964), Д.М. Тушабрамишвили (1960). Особую известность в 1950е г.г. получили открытия М.З. Паничкиной (1950) в Армении, в первую очередь сборы на холме Сатани-Дар, признанные в то время древнейшим пунктом палеолита на всей территории страны (см. также Сардарян, 1954).

В Северной Азии в 1950е г.г. активно изучал палеолит А.П. Окладников. Маршруты его экспедиций пролегли в Приморье (Осиновка) и Забайкалье (Ошурково, Санный Мыс). В 1954 г. С.И. Руденко на Алтае открывает Усть-Канскую пещеру, позже признанную первым мустьерским памятником в Сибири. В конце 1950х г.г. М.М. Герасимов провел вторую кампанию раскопок Мальты, а сотрудники Братской экспедиции исследовали ряд верхнепалеолитических комплексов на Ангаре (Красный Яр I, Федяево, Шамотный Завод). Как бы продолжили ареал распространения сибирского палеолита в юго-западном направлении открытия С.С. Черникова и Э.Р. Рыгдылона в Восточном Казахстане. В этой же республике Х.А. Алпысбаев (1979) начинает обследование нижнепалеолитических пунктов в районе Каратау. Он открывает основной памятник верхнего палеолита региона – стоянку Валиханова.

В Средней Азии мустьерские памятники (Аман-Кутан) изучаются Д.Н. Левом, который с 1958 г. переключается на многолетние раскопки Самаркандской стоянки (Лев, 1964). Все же основные достижения здесь, как и в Сибири, связаны с именем А.П. Окладникова, проводившего сборы наподъемных местонахождениях Туркмении и Таджикистана (Литвинский, Окладников, Ранов, 1962). В эти годы В.А. Ранов начинает свою деятельность по изучению древностей Таджикистана.

Крупные обобщающие работы в 1950е г.г. в основном появлялись в виде соответствующих глав в распространенных тогда монументальных изданиях типа “Всемирная история” (Окладников, 1955а, б) и “История СССР” (Ефименко, 1956в). Краткий очерк, преимущественно посвященный нижнему палеолиту в связи с проблематикой происхождения человека, дан в учебном пособии П.И. Борисковского (1950а).

Рассмотренная выше деятельность археологов в 1930–1950е г.г. имела результатом многократное увеличение суммы сведений по палеолиту Северной Евразии. Если к началу 1930х г.г. Г.А. Бонч-Осмоловский и В.И. Громов (Bonch-Osmolovsky, Gromov, 1936) насчитывали 90 пунктов с палеолитическими остатками для территории СССР, то в справочнике 1936 г. упомянуто 154 местонахождения (Березин, 1936), а уже к 1940 г. их число увеличивается до 252 (Ефименко, Береговая, 1941). В 1955 г. была известна 831 стоянка (Береговая, 1960). Следует оговорить, что при подсчетах я исключал из общих списков упомянутых работ мезолитические памятники и сомнительные пункты.

Свойственная 1930м г.г. недооценка роли природного фактора в развитии древних культур на практике, однако, не привела к разрыву традиционного сотрудничества археологов и других исследователей четвертичного периода. В это время состоялись вторая конференция АИЧПЕ в Ленинграде (1932 г.), сопровождавшаяся уникальной выставкой с обширными палеолитическими материалами (к сожалению, она не была, вопреки решению Академии наук, сохранена в качестве постоянной), и Международный геологический Конгресс в Москве (1937 г.). Большую роль в координации усилий сыграли Пленумы Комиссии по изучению четвертичного периода в Ленинграде (1935, 1937 г.г.) и Киеве (1939 г.). Геологическим аспектам палеолита занимались в те годы В.И. Громов и Г.Ф. Мирчинк. Положение в этой области осложнялось тем, что В.И. Громов (1940) придерживался мнения о принципиальной возможности использования археологических памятников для установления стратиграфии четвертичных отложений в качестве датирующих, явно спутывая вопросы археологической и геологической датировки.

Усугубляли отрыв русской археологии палеолита от мировой оригинальные хронологические схемы, популярные в 1930–1950е г.г. Первая из них и более известная (какое–то время она была почти всеобщей основой для установления возраста палеолитических культур в СССР) – концепция В.И. Громова (1948). Согласно ней, на протяжении четвертичного периода существовало всего одно оледенение, максимальное развитие которого падало на рисскую эпоху. При этом древний палеолит синхронизировался с минделем и миндель–риссом, мустье – с концом миндель–рисса и началом рисса, ориньяк – с максимальной (рисской) стадией оледенения, а солютре и мадлен были отнесены к единому циклу рисс–вюрм.

Если В.И. Громов, основываясь на неверной интерпретации ряда разрезов, и в какой–то мере следуя концепциям XIX – начала XX в.в., феноменально удрежнял возраст палеолита, то украинский палеонтолог И.Г. Пидопличко поступал обратным образом. В серии его работ, выходящих в свет с конца 1940х г.г., был постулирован маринистский вариант антигляциализма и предложен метод датирования палеолита по содержанию коллагена в ископаемых костях. Данный способ, заметим, оказался на проверку достаточно сомнительным даже для получения относительной хронологии. И.Г. Пидопличко (1969) стремился омолодить палеолит, считая, что человек – современник мамонта обитал на Украине всего каких–то 6–7 тысяч лет назад (к плейстоцену он относил только мустье, а верхний палеолит считал голоценовым), и доходил до того, что связывал некоторые славянские языковые корни с реалиями жизни обитателей построек из костей мамонта.

В области полевой методики 1930е г.г. характеризуются переходом к планиграфическому рассмотрению памятников, тактике вскрытия широких площадей, изучению пространственного соотношения остатков. Эти приемы имели свои издержки. Так, П.П. Ефименко рассматривал мощный культурный слой Костенок I как скопление отбросов, аккумуляировавшихся вне жилья, и, возможно, на его кровле. Впоследствии они заполнили углубление, образовавшееся в ходе обрушения остатков постройки. Соответственно, основной задачей было признано выявление основания (“пола”) культурного слоя с очагами, ямами, землянками, в то время как вопросы внутреннего строения самого слоя были сочтены несущественными. “Центр тяжести исследования стоянок должен переместиться от изучения “слоя” к изучению всего комплекса находок в их естественной связи” (Ефименко, 1934б, С. 67). Кроме того, увлеченность одновременной расчисткой культурных остатков на большом пространстве приводила порой к утрате необходимого стратиграфического контроля.

По–иному смотрел на задачу изучения слоя П.И. Борисковский (1953). При раскопках Пушкарей он сочетал горизонтальную расчистку с поперечными профилями, что позволило в итоге выделить в пределах мощного культурного слоя несколько частей, соответствовавших различным периодам обитания и разрушения жилища.

Интересно, что, судя по воспоминаниям П.И. Борисковского (1989б), сам П.П. Ефименко предложил альтернативную применявшейся в Костенках I методику вскрытия тонких бедных остатками горизонтов залегания. Эта задача была с успехом реализована П.И. Борисковским (1941) при раскопках Боршево II в 1936 г. Тщательная расчистка и фиксация всех остатков в слое позволила здесь выделить различные типы скоплений и изучить вариацию состава находок в пределах поселения (см. ниже). Сходную методику исследования использовал М.В. Воеводский (1952), описавший на стоянке Чулатово II ряд “производственных комплексов” – скоплений материала на местах выделки орудий.

Уже накапливалась определенная сумма сведений для классификации различных типов искусственных сооружений в палеолите. Так, П.П. Ефименко (1950) выделял округло–овальные (иногда двухкамерные) землянки (Костенки I, VIII), слабо углубленные жилища близкой в плане конфигурации (Гагарино), сооружения с обкладкой из костей мамонта (Гонцы, Юдиново, Елисеевичи). Особо отмечались длинные структуры, интерпретированные П. П. Ефименко как ряды составленных вместе хижин (Костенки IV, Пушкари) и “большие дома” – крупные наземные конструкции (Костенки I).

Увлеченность проблематикой жилищ в 1930е г.г. достигает апогея, приводя иногда к стремлению выделить искусственные сооружения во что бы то ни стало. В.А. Городцов (1935в) принимал остатки мощных криогенных структур в Тимоновке за следы землянок и даже трактовал весьма проблематичное скопление каменных плиток на Ильской стоянке как следы основания какой–то конструкции (Городцов, 1941). Очень показательна в этом плане история с “жилищем” на Афонтовой Горе. При открытии на Афонтовой Горе II изгиба культурного слоя исследователи, в том числе Г.П. Сосновский, рассматривали его как следы естественной ложбины (Громов, 1934). Но уже в статье, опубликованной в 1935 г., тот же автор говорит о “жилом комплексе” (Сосновский, 1935, С. 137). В результате жилище Афонтовой Горы начало свой долгий путь по страницам обобщающих работ.

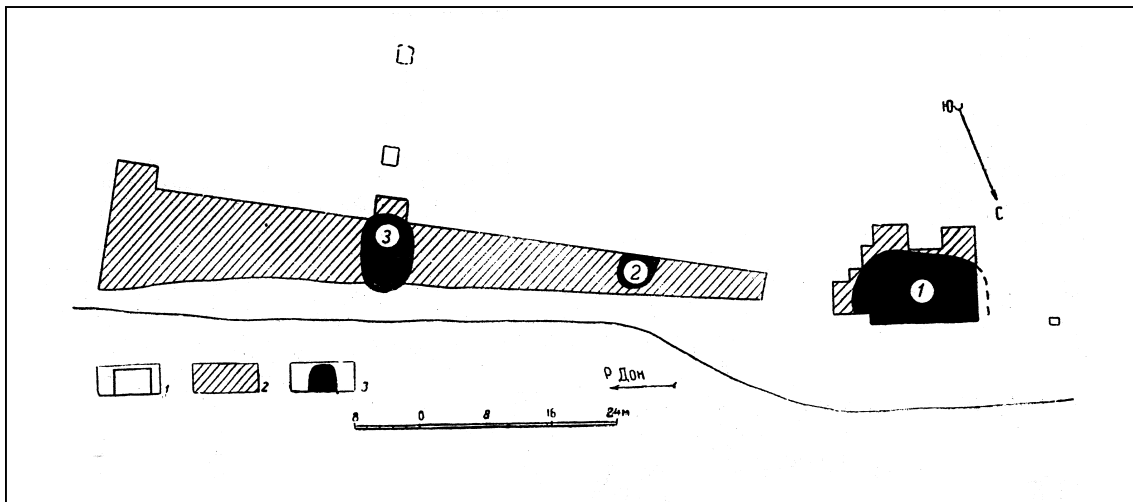

Рис. 18. Скопления культурных остатков в нижнем культурном слое Боршево II (по: Борисковский, 1941, рис. 3).

1 – границы раскопов; 2 – территория распространения редких изолированных находок; 3 – скопления

С активным изучением позднепалеолитических поселений связан еще один интересный аспект, а именно вопрос о функциональной интерпретации различий в инвентаре стоянок и отдельных участков культурного слоя. П.И. Борисковский одним из первых осознал сложность факторов, влияющих на облик каменного и костяного инвентаря. Еще в 1932 г. он обратил внимание на зависимость состава находок от функциональных особенностей комплекса (подобным образом он объяснял бедность типов изделий в инвентаре Костенок IV), степени интенсивности работы и факта наличия/отсутствия выброса (Борисковский, 1932, С. 31–32). Стоит отметить, что перед нами именно те факторы, которые анализируются в качестве определяющих характер индустрий в рамках “поведенческой археологии” (Schiffér, 1976). На этой основе П.И. Борисковский подошел к изучению вариабельности каменного инвентаря на площади поселения (проблема, формулируемая ныне как “вариабельность в пределах стоянки”). Публикуя материалы своих раскопок в Боршево II, он выделил в нижнем культурном слое памятника три концентрации, характеризовавшиеся различным набором каменного инвентаря и костных остатков (рис. 18). П.И. Борисковский интерпретировал данные скопления как места осуществления домашней и производственной деятельности (жилое скопление, зоны преимущественной обработки камня и кости).

В связи с этим он пришел к выводу о необходимости “большой осторожности при учете преобладания в стоянке лишь двух–трех типов орудий, как хронологического момента” (Борисковский, 1941, С. 60). Позже неравномерность распределения кремневого инвентаря в Костенках XIX привела П.И. Борисковского к заключению, “что подобные различия в составе орудий или в использованном для изготовления орудий материале между отдельными стоянками могут объясняться не их различным хронологическим положением, не тем, что перед нами памятники культуры различных племен, а всего лишь тем, что перед нами какая–то часть поселения, а не целое поселение” (Борисковский, 1963, С. 156).

В этом плане работы П.И. Борисковского намного опередили мировую науку. Интерес к исследованию пространственного распределения различных видов артефактов возникает здесь лишь в конце 1960х г.г. в связи с результатами работ в Пенсеване (Leroi-Gourhan, Brézillon, 1966, 1972). Вопрос же о репрезентативности получаемых в ходе наших всегда выборочных раскопок коллекций был поставлен еще позже, в 1980е г.г., когда выявились случаи (причем как в контексте пещерных, так и открытых стоянок) получения с различных участков поселений наборов инвентаря столь несхожих, что в других обстоятельствах они были бы сочтены разнокультурными.

Все указанные достижения связаны с памятниками открытого типа. В области методики исследования пещерных комплексов после Г.А. Бонч-Осмоловского особого прогресса не наблюдалось. Отметим вклад С.Н. Замятнина (1937) в дело выработки систематического подхода к стоянкам с разрушенным культурным слоем. Позднее М.З. Паничкина (1950), ведя сборы на Сатани–Даре, применила тактику поквдратной регистрации находок, стремясь выделить в пределах обширного местонахождения разновременные комплексы.

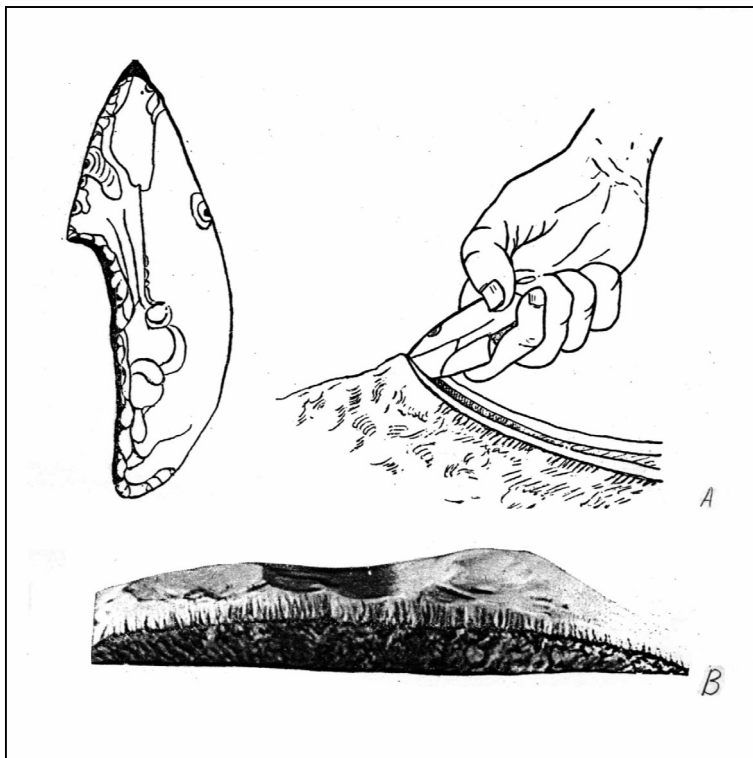
Что касается другой темы палеолитоведения – изучения каменного инвентаря, то описываемый нами период внес сравнительно мало нового в плане типологии. Правда, С.Н. Замятнин (1937), следуя за А. Брейлем, занимался классификацией форм ударных площадок и ядрищ, в известной мере продолжая линию исследований, начатую Г.А. Бонч-Осмоловским, но на менее совершенном уровне.

В работах тех лет мы найдем немало заклятий в адрес так называемой “формальной типологии”. Из отечественных археологов доставалось и В.А. Городцову, и Г.А. Бонч-Осмоловскому. Интересно, однако, отметить, что нападки П.И. Борисковского (1935) на Г.А. Бонч-Осмоловского носили явно надуманный характер, ибо именно критикуемый исследователь всегда призывал к комплексному изучению каменной индустрии. Критика скорее была бы справедлива по отношению к самому П.И. Борисковскому, который в своих публикациях постоянно делал упор на поштучное описание отдельных типичных форм изделий. В сущности говоря, ничего реального советские исследователи той поры противопоставить типологическому методу не могли и вопреки общим декларациям использовали его на практике на примерно том же уровне, что и все до-бордовское палеолитоведение.

Как уже говорилось выше, одна из острейших проблем, стоявших перед создателями “истории материальной культуры”, заключалась в явном противоречии между заявленными целями исследования и отсутствием адекватных методов реконструкции общества прошлого. Без этого смелые гипотезы оставались лишь общими рассуждениями, лишенным подкрепления фактами и наблюдениями. Вторая половина 1930х г.г. ознаменовалась первыми опытами С.А. Семенова по изучению функций каменных орудий. Нужно сказать, что интерес к функционально-технологической стороне индустрии в 1930е г.г. прослеживался довольно отчетливо, хотя попытки подойти к палеолитическим материалам с такой точки зрения до С.А. Семенова сводились к набору догадок и спекулятивных гипотез (Богаевский, 1936). В этом плане можно сказать, что открытие С.А. Семенова было открытием долгожданным и необходимым для советской археологии того времени.

Ввиду принципиальной важности открытия трасологического метода остановимся на истории его формирования более подробно. Напомним первые шаги научной деятельности С.А. Семенова. Еще до начала своей академической карьеры исследователь живо интересовался вопросами воссоздания древнейших технологий, основываясь в ту пору на изучении этнологической и археологической литературы. Его дипломная работа, защищенная в 1927 г. в Педагогическом Институте им. А.И. Герцена, носила название “Происхождение орудий труда”. В последующие годы он продолжил эту линию исследований, и в 1928 г. отправился на север, чтобы изучить традиционные технологии у ненцев п-ова Канин. В 1931 г. С.А. Семенов поступает в аспирантуру сектора доклассового общества ГАИМК (первоначально тема диссертации была обозначена не больше не меньше как “Происхождение человеческого общества”) и интенсивно работает над широким спектром проблем изучения первобытности. Круг его интересов охватывает вопросы антропогенеза, возникновение огня, характер раннепалеолитической культуры, проблему “эолитов” и др. Под руководством признанных мэтров тогдашнего палеолитоведения, П.П. Ефименко и С.Н. Замятнина, он приступает к изучению коллекций кремневого инвентаря, хранящихся в МАЭ. В 1934 и 1935 г.г. исследование артефактов дополняется экспериментами, проводимыми С.А. Семеновым на выходах кремня в Ленинградской области. Одновременно на свет появляется первый вариант диссертации, озаглавленной (согласно различным источникам) “Древнейшие орудия труда и их назначение” или “Происхождение орудий труда”. В этой работе был задействован пока только традиционный арсенал исследовательских методов – описание археологических образцов, их сопоставление с этнографией. Так что решающими для формирования трасологии стали годы с 1934 по 1937. В 1937 г. С.А. Семенов защищает кандидатскую диссертацию, на этот раз под гораздо более конкретным названием: “Изучение функций верхнепалеолитических орудий труда по следам от употребления на материалах Костенок I, Тимоновки и Пещеры Вирхова”, в которой впервые были изложены основы трасологического метода. В том же году итоги новаторских разработок были представлены коллегам во время Пленума Ассоциации по изучению четвертичного периода Европы, проведенной в Ленинграде (Семенов, 1940а, б). В довоенные годы идет трасологическое изучение коллекций Костенок I, Тельманской стоянки, Мальты.

Уже в этих ранних работах мы найдем основные методические приемы определения функций орудий и связанные с ними идеи относительно необходимости кардинальной перестройки традиционной археологии, правда, в еще не развернутом виде. По мнению С.А. Семенова, типологическое, формальное изучение каменных орудий зашло в тупик. Используя бинокулярную лупу, исследователь сумел идентифицировать основные виды следов сработанности – выщербины, заполировку и зашлифовку. Для документации своих наблюдений им была применена техника микрофотографирования с использованием магниевого напыления на изучаемую поверхность (рис. 19). В итоге было установлено двойное использование костенковских наконечников с боковой

Рис. 19. Результаты первых опытов по изучению каменных орудий с помощью микроскопа.

А – наконечник с выемкой из Костенок I и предполагаемый способ употребления его в работе;

В – микрофотография рабочего края кремневого скребка (по: Семенов, 1940б, рис. 2, 3).

выемкой в качестве оснащения метательного вооружения и ножей, различные функции, выполнявшиеся скребками, проколками, строгальными ножами, растирателями краски и т.д., равно как и факт широчайшего употребления не ретушированных отщепов в хозяйственных целях. Описание функций дополнялось в диссертационной работе этнографическими примерами, при этом эксперимент лишь указывался в качестве потенциального источника информации, ориентира будущих исследований.

Нужно сказать, что С.А. Семенов не был одинок в 1930е г.г. в технологической направленности исследований. Одновременно с ним М.М. Герасимов (1941) усиленно занимался реконструкцией техники обработки кости, рога и бивня на материалах стоянки Мальта, привлекая, наряду с наблюдениями и этнографическими сопоставлениями, данные собственных экспериментов. Статья М.М. Герасимова представляет собой один из пионерских опытов функционально-технологического подхода к изучению палеолитических материалов, причем ориентированного на целостную реконструкцию процессов работы, выявление связи между морфологией каменных орудий и приемов обработки кости. Здесь мы находим подробное и иллюстрированное рисунками автора изложение способов расчленения кости, обрубания рога, размачивания бивня, его последующего расчленения и др. С методической стороны интересно отметить, что подход М.М. Герасимова (как и С.А. Семенова) сочетал три элемента. Во-первых, это наблюдения за следами употребления, видимыми на орудиях и отходах (правда, М.М. Герасимов, в отличие от С.А. Семенова, опирался на макро-, а не на микроследы), Во-вторых, это результаты экспериментов. В-третьих, это этнографические данные. М.М. Герасимов привлек данные по обработке кости и выделки шкур у эвенков, гольдов и долган, используя при этом собственные полевые наблюдения. В итоге ему удалось реконструировать основные приемы изготовления игл, статуэток, нанесения орнамента на предметы украшения и др.

Впоследствии С.А. Семенов (1957), обсуждая работу М.М. Герасимова в своем классическом труде, отмечал, с одной стороны, неправдоподобность некоторых предложенных реконструкций (например, картину резания бивня кремневым ножом), но, с другой, говорил о большом значении наблюдений М.М. Герасимова относительно распаривания бивня и кости перед обработкой.

После вынужденного перерыва в исследованиях, вызванного войной, С. А. Семенов возобновляет свои опыты. Начиная с 1946 г., круг его интересов расширяется – он начинает микроскопическое изучение поверхностей костяных палеолитических орудий, ретушеров, ступок и т.д. Позднее эти штудии были дополнены экспериментальной работой и, начиная с 1956 г., С.А. Семенов проводит ежегодные экспериментальные экспедиции, где велись серии опытов по раскалыванию камня, обработке дерева, кости и рога.

Но время уже изменилось. Если в 1930е г.г. развитие новых подходов к изучению археологического материала, ориентированных на реконструкцию древних обществ, всячески приветствовалось, то в 1950е г.г. ситуация в советской археологии становится качественно иной. В этот период в центре внимания исследователей каменного века находились вопросы стадийного и локального разнообразия индустрий, при этом как сторонники стадийного развития культуры, так и противостоявший им А.Н. Рогачев с его идеей локального разнообразия, опирались на типологические критерии (см. главу 5). В данных условиях иные подходы к анализу кремневых индустрий оказывались просто ненужными. К тому же новая для отечественного палеолитоведения точка зрения, согласно которой основной целью археологического исследования должно было быть выделение местных, локальных особенностей культуры, привела к утрате представления об общих закономерностях развития первобытной техники. Неудивительно, что С.А. Семенов стал мишенью постоянных и порой весьма острых нападок со стороны коллег по сектору палеолита, в составе которого он работал, начиная с 1951 г.

Трудно оценить на основании опубликованных источников весь разбой мнений относительно ценности метода С.А. Семенова и его пригодности для изучения конкретных материалов. Отголоски многих споров так и не просочились на печатные страницы. Некоторые археологи, судя по всему, просто игнорировали работы С.А. Семенова. Другие уделяли внимание, пусть и не столь большое, по сравнению с типологией, изучению следов заполировки и повреждений краев кремневых орудий как показателя использования. Так, П.И. Борисковский (1953) и А.Н. Рогачев (1955) использовали трасологические наблюдения (заполировку) при описании коллекций каменного инвентаря из Мезина и Костенок IV.

Споры вокруг С.А. Семенова порой приобретали крайне жесткий характер. В 1954 г. после очередной порции критики со стороны А.П. Окладникова, С.Н. Бибикова и П.И. Борисковского, С.А. Семенов решает исключить из окончательного текста книги "Первобытная техника" вторую главу, посвященную разбору типологического метода и обоснованию трасологии как самостоятельного способа исследования. Эта операция, призванная облегчить "Первобытной технике" путь к печати, в будущем существенно затруднила восприятие работы. Правда, позднее пропущенная глава была переделана автором и включена им в собрание статей теоретического плана под общим названием "Некоторые методологические проблемы археологии". Увы, и эта объемистая рукопись, подготовленная к публикации уже в начале 1970х г.г., не увидела свет. Отсюда понятно недоумение западных читателей книги С.А. Семенова, указывавших на отсутствие в работе четко сформулированной методологии (Anderson et al., 2005, P. 12).

Общие проблемы периодизации палеолита в 1930–1950е г.г. решались в рамках стадийной версии развития культуры. Выше я обрисовал некоторые генеральные принципы стадиялизма, теперь рассмотрим более конкретно их приложение к палеолитическим материалам. Наряду с моментами общетеоретического плана, поворот к стадиялизму стимулировался важными конкретными открытиями 1920х г.г. Сам П.П. Ефименко указывал на два из них. Это обнаружение женской статуэтки в Костенках I и раскопки жилища в Гагарино. Основными создателями стадийной концепции в палеолитоведении выступили П.П. Ефименко и С.Н. Замятнин, а также П.И. Борисковский, позже ставший одной из наиболее влиятельных фигур в российской доистории. Большую роль в оформлении стадийной версии сыграл В.И. Равдоникас, известный своими исследованиями по археологии Северо–запада России. Однако в силу широкого научного кругозора он неоднократно обращался к палеолитической проблематике.

В основе стадийной концепции лежало положение о внутренней структурированности развития палеолитической культуры, наличии ряда закономерных стадий или ступеней, выделяемых для культуры на обширных территориях. В этом плане стадиялизм явно обнаруживает генетическое родство с поздним эволюционизмом (их сближает учение о единстве поступательного развития культуры и автохтонизм). Некоторые исследователи даже обозначали данное направление как "эпи–эволюционизм" (Desbrosse, Kozlowski, 1988, P. 6). Не случайно, что именно в период формирования концепции С.Н. Замятнин и П.И. Борисковский (1934) выступают со статьей, посвященной творчеству одного из "столпов" классического эволюционизма Г. де Мортилье, противопоставляя его заслуги позднейшим западным археологам, в первую очередь А. Брейлю и Г. Обермайеру. Однако, в отличие от эволюционизма, стадиялизм придавал гораздо большее значение моментам "разрыва постепенности" в развитии культуры, трактуемых с марксистских позиций "скачков".

Другая отличительная сторона стадиялизма – подчеркнутый историзм, стремление наполнить выделяемые ступени или стадии историческим содержанием. Стадиялизм резко отличался от принятых на западе в то время концепций. Обличая зарубежную археологию, советские исследователи 1930х г.г. заостряли внимание на критике господствовавшей тенденции к чрезмерному дроблению

археологического материала на отдельные культурные общности и связь их с расами. Последнее было вовсе не правомерно, так как в одну кучу сваливались и *Siedlungarchäologie* Г. Коссины, и диффузионизм Г. Чайлда, и миграционные построения А. Брейля и Д. Гаррод.

В области изучения нижнего палеолита споры о вариации индустрии были связаны с практически единодушным отрицанием наиболее влиятельной в те годы версии А. Брейля (Breuil, 1932). Напомним, что этот исследователь трактовал древний палеолит как ряд самостоятельных культур, длительное время сосуществовавших бок о бок. Однако, если наиболее твердо придерживавшийся эволюционного взгляда С.Н. Замятин (1937) выстраивал индустрии в цепочку последовательных этапов совершенствования техники, то другие археологи отмечали варибельность ашело–мустьерских комплексов. Уже П.И. Борисковский (1934) писал о невозможности расположить все нижнепалеолитические индустрии в единую линию эволюции, объясняя различия между ними за счет колебаний еще неустойчивой технической традиции. Этим, по его мнению, вариация раннепалеолитических материалов принципиально отличалась от наблюдаемой в позднем палеолите. П.П. Ефименко (1934а, 1953) связывал возникновение вариантов нижнего палеолита с хозяйственными сдвигами, происходившими под воздействием изменений природной среды. Так, необходимость интенсификации охотничьей деятельности в условиях плейстоценового похолодания имела следствием дивергенцию ашеля, когда, наряду с индустриями с обилием рубил, появляются так называемые “премустьерские” комплексы. Разобщенность замкнутых групп древнего населения могла приводить, по его мнению, к возникновению разнообразных технических вариантов обработки камня (ашель, клетон, мустье). Эти сосуществовавшие варианты были несопоставимы с культурами позднейших эпох. Данное явление усиливалось в среднем палеолите, где “молекулярная раздробленность” отдельных ячеек общества находила свое отражение в неоднородности облика культуры, параллельном развитии индустрий.

Иную картину локального разнообразия представлял собой верхний палеолит. Там стадиалисты отмечали не только “дифференцирование орудий по типам, но и дифференцирование типов по географическим регионам, все более и более развивающееся в позднейшие эпохи” (Равдоникас, 1939, С. 190). Для обозначения единиц подобной дифференциации различными авторами использовались термины “конкретные варианты” (Равдоникас, 1931; Ефименко, 1934а), “местные варианты развития” (Борисковский, 1932), “локальные типы” (Ефименко, 1953) и т.д.

В.И. Равдоникас (1939) отмечал возможность сосуществования ориньяка и солютре как различных конкретных вариантов культуры раннего этапа верхнего палеолита, считая при этом солютрейскую культуру ограниченной степными районами (Равдоникас, 1931). Вероятно, это мнение отражало взгляды П.П. Ефименко (1934а, 1953), расценивавшего ориньяк и солютре как локальные проявления, свойственные юго–западной Европе. Для самого П.П. Ефименко ориньяк, солютре и мадлен являлись своеобразными системами обработки камня или “вариантами пути развития кремневого инвентаря” (Ефименко, 1953, С. 323), которые удерживались в силу традиций у отдельных древних общин. П.П. Ефименко (1953, С. 489) писал о “существовании в Европе в одно и то же время групп населения, пользовавшихся различным инвентарем и представлявших в наборах орудий труда, с точки зрения типологической, как бы различные культурные ступени, или “эпохи” позднего палеолита”. Такое понимание феномена разнообразия верхнепалеолитических индустрий предвосхищает концепцию Г.П. Григорьева о “путях развития”, изложенную уже в 1960е г.г. (см. главу 5).

Географическая дифференциация признавалась и внутри самих культур. Так, В.И. Равдоникас (1934б) выделял в пределах ориньяка ряд провинций (западно– и центрально–европейскую, средиземноморскую, юго–восточную или русскую). Подобная варибельность объяснялась чаще всего местными особенностями среды и неравномерностью развития отдельных групп населения. Существование же племенных общностей, соответствовавших локальным культурам, и даже само применение термина “археологическая культура” к палеолиту отрицались большинством авторов (Борисковский, 1950б). На этом фоне диссонансом прозвучало мнение А.М. Золотарева (1936) о возможном появлении этнических, племенных и расовых различий в верхнепалеолитическую эпоху, наличии здесь “культурно–племенных групп”. П.П. Ефименко также периодически возвращался к своей старой идее о существовании локальных образований, первых, еще неустойчивых, племенных объединений, уже с позднего палеолита (Ефименко, 1950, 1953).

Существенно отметить, что именно в рамках стадиализма был впервые поставлен вопрос о причинах и характере культурных изменений у древних обществ без смены населения. Не так уж важно для нас теперь, что такая трактовка проблемы в теоретическом плане опиралась на гипертрофированный автохтонизм Н.Я. Марра. Интересно другое – то, что в данном аспекте наши исследователи 1930х г.г. намного опередили современную им зарубежную науку, где миграции оставались едва ли не единственным приемлемым объяснением разрывов в преемственности культуры.

Лишь позднее западная археология обратилась к вопросу о внутренних причинах смены культур (Renfrew, 1973).

Следует добавить, что, отвергая миграционизм и диффузионизм как концепции, стадиалисты вовсе не отрицали в принципе миграции в доистории, и даже признавали значительную роль передвижений отдельных групп населения в палеолитическую эпоху (Золотарев, 1936; Борисковский, 1931). Также не отвергалась с порога и возможность заимствования некоторых элементов культуры, однако, как справедливо указывал В.И. Равдоникас (1933), внешние влияния могли отразиться лишь на “конкретных формах имманентного развития или на темпах развития”, не меняя сущности явления. Культурные заимствования возможны лишь при внутренней готовности общества их воспринять.

Касаясь вопроса о причинах культурных изменений, стадиалисты не были едины. Если П.П. Ефименко (1934а) считал основным фактором изменения в хозяйстве, обусловленные сдвигами в природном окружении, то П.И. Борисковский (1932) и В.И. Равдоникас (1933) придавали первостепенное значение внутренним процессам совершенствования охотничьего хозяйства вне связи с естественной средой. За счет этих явлений исследователи 1930х г.г. пытались объяснить возникновение конкретных культурных комплексов. С.Н. Замятнин (1935а) даже трактовал появление характерных наконечников с боковой выемкой в индустриях виллендорфско–костенковского типа как спонтанное возникновение сходной формы орудия у различных групп населения Центральной и Восточной Европы под влиянием смены способов охоты. Подобным же образом М.В. Воеводский (1934) рассматривал свидерскую стадию развития как отражение общности уклада жизни бродячих охотников.

В этой связи особое внимание исследователей привлекает проблема культурных изменений на рубеже мустье и верхнего палеолита. Все советские ученые с энтузиазмом восприняли версию “неандертальской фазы” в эволюции человека (Hrdlička, 1929), полностью соответствовавшей идее стадиального, поэтапного развития и позволяющей отказаться от распространенных тогда на западе миграционных гипотез относительно появления верхнего палеолита в Европе (Garrod, 1938). Трактовка перехода от среднего к верхнему палеолиту как скачка, обусловленного изменениями в общественном строе и приведшего к быстрой трансформации физического типа человека, господствовала в 1930е г.г. Обычно с началом верхнего палеолита связывали становление материнского рода, переход от замкнутой системы эндогамных ячеек к экзогамии (Борисковский, 1932; Ефименко, 1934а). По мнению П.П. Ефименко (1953), этот переход был подготовлен значительным усложнением форм хозяйственной деятельности, социальной организации и культуры в мустьерское время.

Разумеется, основные дискуссии в 1930–1950е г.г. вращались вокруг проблемы периодизации позднего палеолита. В этот период на основе стадиальной концепции были разработаны схемы членения позднепалеолитических индустрий для различных регионов нашей страны.

Наиболее общий характер носила периодизация П.П. Ефименко (1953). Он предложил трехчленную схему деления верхнего палеолита Северной Евразии, основанную на социально–хозяйственных признаках, а не формах индустрии. В нее входила ранняя (ориньяко–солотрейская) пора, характеризовавшаяся как время сложения раннеродового общества на основе оседлого образа жизни охотников на мамонта. Далее следовала поздняя пора верхнего палеолита, соответствовавшая мадлену, с переходом к кочевому образу жизни. Третья, азильская, пора связывалась с упадком верхнепалеолитического общества и изменениями в добывании средств к существованию.

Предложенная схема приобретала конкретное воплощение при анализе восточноевропейских материалов. Для данной территории П.П. Ефименко в работах разных лет (Ефименко, 1931б, 1934а, в, 1938) выделял от 6 до 7–8 ступеней развития. Схема неоднократно модифицировалась, как исходя из общих соображений, так и принимая во внимание новые открытия. В окончательном варианте (Ефименко, 1953) было выделено 7 фаз (“типов памятников”):

1. Раннетельманская фаза, соответствовавшая перигордью Западной Европы и представленная материалами из нижнего слоя Костенок VIII. Интересно, что на этой, наиболее ранней ступени верхнего палеолита, не отмечалось признаков архаизма и пережитков мустьерских элементов. Данное обстоятельство П.П. Ефименко объяснял за счет принадлежности индустрий к “тримальдийско–перигордненскому” типу, распространенному на юге Европы, и проникавшему на Русскую равнину. Наряду с подобными комплексами на начальной поро верхнего палеолита существовали индустрии с пережиточными мустьерскими компонентами. Таким образом, был поставлен вопрос о многообразии путей развития культуры на начальном этапе верхнего палеолита. “В раннее время позднего палеолита кремневый инвентарь, которым пользовались различные первобытные общины, населявшие приледниковые пространства Европы, не дает тождественной картины в смысле характера подбора орудий труда. Помимо ранее названных – раннетельманского или

гримальдийского, раннеориньякского и протосолютрейского, – здесь, несомненно, существовали и иные варианты подобных наборов орудий труда” (Ефименко, 1953, С. 339).

2. Позднетельманская фаза, сходная с ранним солютре, но хронологически соответствовавшая ориньяку на юго–западе Европы. Эта развитая пора верхнего палеолита, представленная такими комплексами как верхний слой Костенок VIII, нижний слой Костенок I и близкими по облику стоянками Польши и Венгрии. Она характеризовалась как сохраняющая еще влияние мустьерских культурных традиций, в то же время здесь присутствуют характерные солютрейские лавролистные наконечники. На данной фазе появляются углубленные округлые жилища.

3. Костенковская фаза – время расцвета позднепалеолитической культуры, когда на всей территории приледниковой Европы и Северной Азии (вплоть до Байкала) обнаруживается единство культуры, связанное с распространением долговременных зимних поселений охотников на мамонта и женских статуэток. Хронологически она соответствовала солютре Западной Европы. Наиболее характерные комплексы Восточной Европы – Костенки I, Боршево I, Пушкари I и Авдеево.

4. Мезинская фаза, хронологически соотносимая с финальным солютре и переходом к мадлену. Интересно отметить, что начало этой ступени П. П. Ефименко связывал с распадом единообразной культуры типа Костенок–Пржедмости–Виллендорфа и появлением ряда локальных (“племенных”) образований. К этому периоду отнесены стоянки с разнообразным инвентарем, такие как Костенки IV, Мезин, Елисеевичи, Дольни Вестонице. В основе хозяйства по–прежнему лежала охота на мамонта, сохранялись долговременные поселения. Время озаменовано появлением новых типов мелких изделий из камня и кости (широко распространены долотовидные орудия), изменяется стиль женских изображений. К данному хронологическому отрезку П.П. Ефименко отнес древнейшие из известных стоянок Сибири (Мальта, Буреть, Военный Госпиталь), трактуемых им как следы культуры “европейского типа”, близкой позднейшей поре ориньяко–солютрейской эпохи.

5. Кирилловская фаза, сходная по ряду параметров с ранним мадленом Франции, но в парадоксальном сочетании с некоторыми ориньякскими чертами в инвентаре (так называемый “мадлен ориньякской традиции” – нижний слой Кирилловской стоянки, Костенки II, III и др.). Местами сохраняется оседлость охотников на мамонта, но в целом размеры поселений уменьшаются, все большую роль играет добыча северного оленя, бизона, лошади. С этим обстоятельством П.П. Ефименко связывал переход к более подвижному образу жизни.

6. Гонцовская фаза, соответствовавшая финалу палеолита – мадлену в Восточной Европе. Это время характеризуется, кроме собственно стоянки Гонцы, появлением сезонных поселений на береговых террасах (нижние слои Владимировки, Боршево II, стоянки Днепровского Надпорожья). Мамонт исчезает, в хозяйстве все большую роль играет рыболовство.

7. Боршевская (журавская) фаза, уже относящаяся к эпипалеолиту и началу голоцена.

П.И. Борисковский, основываясь на материалах стоянок Украины, внес некоторые дополнения и изменения в схему П.П. Ефименко. В отличие от последнего автора, считавшего возможным связывать начало верхнего палеолита в Средней и Восточной Европе с солютре, а не ориньяком, П.И. Борисковский в большей мере тяготел к концепции однолинейного развития культуры. Однако и он признавал, что “... мы не делаем выводы об абсолютном тождестве культуры всех позднепалеолитических общин Русской равнины и об автоматической одновременности смены их культуры и техники. Из нашего изложения была видна невозможность вытянуть все позднепалеолитические поселения Украины в одну линию – от более ранних к более поздним. Развитие техники и культуры ... можно было бы изобразить не в виде одной генетической линии, а в виде пучка или ствола. Несомненно, имело место отставание и опережение культурного развития отдельных родовых общин ... имели место различия форм хозяйства, связанные с особенностями окружающей среды» (Борисковский, 1953, С. 412–413).

Схема П.И. Борисковского опиралась как на общие соображения относительно характера развития культуры, так и на стратиграфическую последовательность колонок многослойных памятников района Пушкарей, Костенок и долины Прута. Древнейшая, I ступень его схемы, представлена индустриями, не содержащими еще солютрейских элементов (Бабин I и ряд других пунктов Поднестровья, нижний слой Костенок VIII). Далее следовала солютрейская ступень (верхний слой Костенок VIII, нижний слой Костенок I и др.). Костенки I и Авдеево попадали в III ступень, характеризующуюся наконечниками с боковой выемкой. Далее, на IV ступени, солютрейская ретушь исчезает, но продолжают встречаться наконечники (в том числе с боковой выемкой) и остря. Этот этап наиболее четко представлен в Пушкарях I и Гагарино. Для V ступени свойственно разнообразие типов индустрии и в пределах ее П.И. Борисковский выделял не связанные между собой комплексы. Если материалы стоянок Погон и Боршево I демонстрировали генетическую связь с предшествовавшей фазой развития, то иначе обстояло дело с Мезиным и основной группой памятников (нижний слой

Кирилловской стоянки, Амвросиевка, Костенки II, III, Елисеевичи и др.). Эта мозаичная картина объяснялась тем, что верхнепалеолитические общины совершали переход к новым техническим приемам разными путями. Для VI ступени характерно развитие техники обработки кости и связанное с этим обилие резцов и проколов (Супонево, Тимоновка, Чулатово I). Наконец, на финальной, VII ступени, происходит микролитизация инвентаря (Гонцы, Бугорок, Боршево II). Владимировку и стоянки Днепровского Надпорожья, обычно трактуемые как финальнопалеолитические, П.И. Борисковский отнес к древнему мезолиту.

Как мы видим, в отличие от схемы П.П. Ефименко, “ступени” П.И. Борисковского характеризуются лишь различиями в облике кремневого и костяного инвентаря или просто представляют собой хронологические отрезки, не связанные со сдвигами в хозяйственной деятельности. По П.И. Борисковскому, процесс развития верхнего палеолита отражал последовательное совершенствование технических приемов изготовления охотничьего вооружения. Вначале это привело к распространению солютрейских форм наконечников и острий, позже первенство переходит к орудиям из кости, появляется вкладышевая техника и связанная с ней микролитизация инвентаря.

С.Н. Замятнин (1935б, 1957) разработал по материалам имеретинских пещер схему членения позднего палеолита Закавказья на три фазы, также исходя из чисто типологических посылок. Он выстроил комплексы в единый эволюционный ряд, где на ранней, хронологически соответствовавшей ориньяку, ступени (Хергулис–Клде, Таро–Клде) имелись пережитки мустьерских форм. На второй фазе, охватывающей интервал от ориньяка до раннего мадлена в Европе, появляются первые геометрические микролиты (Сакажиа, Пещера Уварова, Бнеле–Клде, Девис–Хврели). В позднейшем палеолите (поздний мадлен–азиль), представленном материалами из Гварджилас–Клде, геометрические микролиты получают дальнейшее развитие. В качестве отличительной черты кавказской эволюции (и шире – всей средиземноморской зоны) С.Н. Замятнин отмечал отсутствие резких изменений в облике инвентаря при переходе со стадии на стадию и невозможность выделить признаки солютре.

Что касается Северной Азии, то Г.П. Сосновский (1934) предложил схему периодизации палеолита Сибири, согласно которой развитие культуры понималось как исключительно автохтонный процесс. В нем были выделены три стадии. На ранней фазе, представленной основным комплексом Мальты, находками из Военного Госпиталя и Кайской Горы, доминировала охота на мамонта и носорога и связанный с этим обстоятельством оседлый образ жизни. Сходство ряда элементов каменной и костяной индустрии и искусства Мальты с европейским верхним палеолитом трактовалось не как свидетельство миграции, а как результат влияния близких хозяйственных условий. В то же время Г.П. Сосновский пронизательно отметил ряд типично сибирских характеристик в инвентаре Мальты и своеобразии форм статуэток, что говорило в пользу местного происхождения данной культуры, и позволяло наметить определенное сходство Мальты с позднейшими сибирскими памятниками. К средней стадии палеолита Сибири, где уже было налицо сочетание архаических мустьерских изделий с мелкими позднепалеолитическими формами орудий и развитой обработкой кости и рога, он относил Афонтову Гору II (нижний горизонт), Афонтову Гору III, Кокорево II и ряд других местонахождений на Енисее, а также Томскую стоянку. Эта линия развития продолжилась на третьей, позднейшей стадии палеолита (верхний горизонт Афонтовой Горы II, Кокорево I, III, IV, Верховенская Гора и многие другие стоянки Енисея, Ангары и Забайкалья). В это время совершался процесс перехода к бродячему образу жизни охотничьих групп. Наличие архаической составляющей в каменном инвентаре североазиатских памятников Г.П. Сосновский относил за счет особой хозяйственной роли крупных орудий. Наряду со стадийными чертами, Г. П. Сосновский отмечал и существенные различия между индустриями, “местные модификации” культуры на Ангаре и Енисее.

По-иному смотрел на периодизацию палеолита Северной Азии А.П. Окладников (1950а, б). В своих работах 1950х г.г. он выделял два цикла развития позднепалеолитической культуры Сибири. На ранней фазе, представленной такими комплексами как Военный Госпиталь, Мальта и Буреть, облик культуры в целом соответствовал европейским нормам, и эта фаза синхронизировалась им с памятниками типа Костенок I в Восточной Европе. Объяснение сходству исследователь видел в заселении сибирских просторов с запада. В дальнейшем Сибирь утрачивает связь с Европой из-за географической изоляции и здесь возникает особая “культурно-этническая область”. Под воздействием хозяйственных изменений, перехода от оседлого образа жизни к подвижному, меняется характер каменной индустрии, происходит возврат к макролитизации, возрождаются мустьерские приемы обработки камня. По мнению А.П. Окладникова, эти процессы имели не регрессивный, а прогрессивный характер, знаменуя собой раннее начало перехода к индивидуальным формам охоты, выразившийся в широком распространении вкладышевой техники.

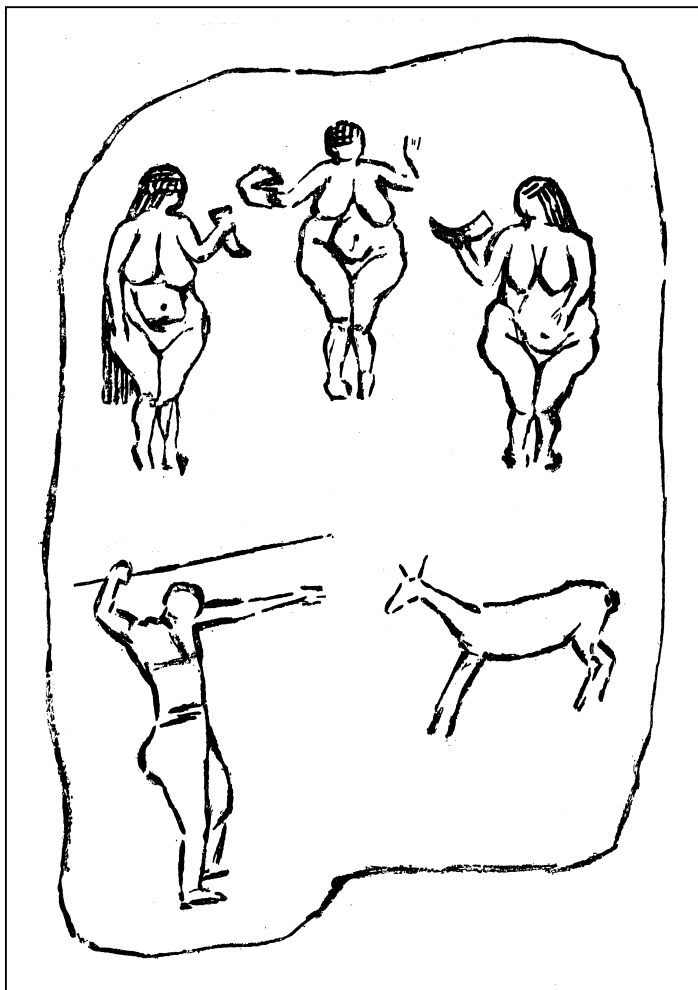

Продолжая традиции предшественников, исследователи 1930–1950х г.г. вновь обращаются к теме глобального сопоставительного анализа палеолитической культуры. Правда, в 1930е г.г. под влиянием идей стадиализма случались попытки трактовать культуру палеолита разных континентов как нечто абсолютно единообразное. Так, П.И. Борисковский (1933) находил даже в Африке аналогии ножам костенковского типа. Помимо обычной для нашей археологии темы специфики культурного развития в Северной Азии, научный поиск в данной области стимулировался открытиями в Крыму и на Кавказе. Особый облик индустрий перечисленных районов связывался с концепцией южного (средиземноморского) пути развития палеолита, обусловленного особенностями хозяйства этой зоны. По мнению П.П. Ефименко (1933), для обширного региона, охватывающего Африку, юг Европы, Закавказье, Крым, Ближний и Средний Восток, Среднюю Азию (вплоть до степей Монголии и Ордоса) была характерна большая роль собирательства и раннее проявление индивидуальной охоты с применением лука и стрел (“микролитический инвентарь”). Типичным для этой зоны он считал капсий Северной Африки, ошибочно расцененный как культура плейстоценового возраста. Для финала верхнего палеолита, хронологическое соответствовавшего мадлену, П.П. Ефименко (1953) выделял ряд территориальных групп (или “типов культуры”) – Западную и Восточную Европу, Сибирь, Северное Причерноморье, Крым и Кавказ. Причины возникновения подобных культурных провинций большинство исследователей видело в характере природной среды – различии в обстановке приледниковой зоны и более южных районов (Ефименко, 1934а; Борисковский, 1950б), изоляции по причине палеогеографических барьеров (Золотарев, 1936; Бадер, 1950). Эти природные особенности нашли свое отражение в своеобразии форм хозяйственной деятельности и, соответственно, в наборе каменного инвентаря. При этом на географическую изоляцию накладывалась специфика используемого сырья (Ефименко, 1934а). Итогом научного поиска стала статья С.Н. Замятнина (1951), в которой было четко сформулировано широко вошедшее в литературу представление о делении верхнепалеолитической ойкумены на три гигантские области (европейскую приледниковую, средиземноморско-африканскую и сибирско-китайскую). Подробнее положения данной работы, послужившей в качестве отправной точки для всей тематики изучения крупнейших областей развития палеолита, мы рассмотрим в главе 5.

Трудовая теория антропогенеза Ф. Энгельса стимулировала научный поиск в области происхождения человека. Здесь следует отметить цикл работ М.П. Жакова (1934а, б). На основании чисто марксистских рассуждений он пришел к парадоксальному с точки зрения большинства археологов выводу – начало человеческого общества связано не с появлением первых орудий, а лишь с постепенным формированием на базе животнo-образного, инстинктивного труда общественных производственных отношений. По его мнению, орудие может трактоваться как подлинное творение человека только при условии наличия сознания, мысленного шаблона в голове производителя. Признаком производственных отношений, возникавших между людьми, служила организация доставки и распределения охотничьей добычи, появляющаяся вероятно только в верхнем палеолите. Взгляды М.П. Жакова не разделялись археологами того времени. Позднее, в 1950е г.г., эта линия исследования была подхвачена Б.Ф. Поршневым (см. главу 5).

Особенно активно в 1930е г.г. разрабатывалась проблематика палеолитического искусства ввиду значения, придававшегося реконструкции идеологических представлений древности и под впечатлением открытий богатейших серий мелкой пластики в Костенках и Мальте. Пионерами социологического направления в интерпретации древнейшего искусства выступили П.П. Ефименко и С.Н. Замятнин. П.П. Ефименко посвятил образу женщины в палеолите специальную и одну из наиболее интересных своих работ, озаглавленную “Значение женщины в ориньякскую эпоху” (Ефименко, 1931а). По его мнению, распространение женских статуэток в ориньяке было связано со спецификой жизни древних охотников на мамонта и лошадь. Продуктивность подобной экономики приводила к возникновению прочной оседлости, причем ряд жилищ на стоянке образовывал единое целое, своего рода место обитания первобытной коммуны. В этих условиях домашнехозяйственная деятельность, в которой доминирующую роль играли женщины, приобретала особое значение, которое к тому же связывалось со счетом родства по материнской линии. Статуэтки, вероятно, изображали женщин-прародительниц. Интересно, что перед нами, вероятно, один из первых опытов в области бурно развивающейся ныне на западе так называемой “гендерной археологии”. Напомним, что в рамках ГАИМК целая группа исследователей работала над проектом “История женщины”.

По-иному подходил к данной теме С.Н. Замятнин (1935а), отталкивавшийся от магической версии палеолитического искусства С. Рейнака. Он трактовал женские статуэтки как вещи, использовавшиеся в процессе обрядов, призванных обеспечить удачу на охоте. Именно так он интерпретировал знаменитые рельефы из Лоссея, представлявшие, по его мнению, части некогда единой композиции (рис. 20). Подобный подход к произведениям палеолитического искусства как

Рис. 20. Возможная ре-конструкция расположения барельефов из Лосселя – попытка воссоздания целостной композиции в палеолитическом искусстве с точки зрения концепции охотничьей магии (по: Замятнин, 1935а, рис. 24).

целостным ансамблям в дальнейшем оказал влияние на сложение концепции М. Рафаэля (Raphael, 1946). В том же ключе охотничьей магии рассматривал проблему искусствовед А.С. Гушин (1937). Соединяя популярные в России в 1930е г.г. концепции Л. Леви-Брюля о первобытном мышлении с гипотезой Н.Я. Марра об особой роли руки как магической силы, он считал изображения “рук” в пещерной живописи древнейшей формой изобразительной деятельности.

Подведем теперь некоторые итоги. Советская доистория 1930х г.г. получила в литературе наименование “марксистской”. Однако вопрос о степени и характере воздействия марксистских идей на развитие археологии достаточно сложен. Не будем при этом забывать, что речь идет не о собственно сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса, а о специфической форме интерпретации их наследия в жестких рамках идеологии тоталитарного государства. В этом плане наша археология 1930х г.г. вряд ли имеет что-либо общее с так называемой пост-процессуальной англо-американской “марксистской археологией”. С одной стороны, было бы неправомерно говорить об отсутствии влияния марксизма на формирования подхода к изучению археологического материала, выдвинутого в России в 1930е г.г. Материалистический характер марксистской философии с ее идеями прогрессивного развития, упором на функционально-технологические аспекты культуры, связь различных сторон жизни общества с экономикой, стимулировал исследования в таких областях как определение функции древнейших орудий, изучение планировки палеолитических жилищ и поселений, анализ феномена древнейшего искусства в его социальном контексте. С другой стороны, вряд ли стоит преувеличивать реальную степень этого воздействия, которое у многих авторов сводилось к вставке в текст публикаций стандартного набора марксистских цитат и формулировок, своего рода обязательных “ритуальных заклинаний” (подробнее об этом см. Клейн, 1993). Кроме того, многие из перечисленных выше направлений научного поиска уже присутствовали в первобытной археологии России 1920х г.г. и, возможно, они проявили бы себя без потрясений и крайностей 1930х г.г. Конечно, вне-научные идеологические установки сыграли свою роль, но нельзя сбрасывать со счетов такие внутренние факторы как недовольство молодых археологов узкими рамками пост-эволюционистских

таксономических схем, бесконечными миграциями как единственным объяснением смены доисторических культур. Отсюда понятно стремление к реконструкции обществ прошлого. Подобная реакция, как кажется, неоднократно имела место при смене поколений исследователей в археологии различных стран.

В западной литературе распространено мнение, что советская доистория 1930х г.г. во многом предвосхитила англо-американскую “новую археологию” 1960–1970х гг. (Davis, 1983; Trigger, 1990). Действительно, даже беглый взгляд способен заметить ряд общих мест. К ним относятся функционализм (тяга к интерпретации сходств и различий в культуре как отражения особенностей хозяйственной деятельности), подчеркнутый автохтонизм с особым интересом к проблеме установления причин смены культуры без подвижек населения. Однако налицо и существенные различия. Прежде всего, это отношение к проблеме классификации в целом и особенно перспективам внедрения статистических методов обработки массового материала. Эти последние, едва появившись в 1920е г.г., в 1930е были отринуты как “формализм”. Далее, резкое различие между стадиялизмом и “новой археологией” заключается в оценке роли природного фактора в развитии доисторических культур.

Под конец стоит затронуть еще один вопрос, – каково же влияние археологии 1930х г.г. на последующее развитие доистории в нашей стране? Несмотря на все изменения, кое-какие моменты продолжают оказывать воздействие, пусть косвенное и не всегда осознаваемое, даже на современных археологов. Речь идет о недостаточном внимании к анализу конкретных исходных данных, рассмотрению их только в качестве базы для дальнейших построений реконструктивного характера (об этой черте нашей археологии см. Формозов, 1977б). Не случайно на русском языке до сих пор нет даже непрямого компонента любой сколь либо развитой национальной школы палеолитоведения – сводного труда по классификации и номенклатурным обозначениям изделий из камня. Сохраняется и традиция, идущая с 1930х г.г., а именно включенность археологических исследований в цикл исторических дисциплин. Археология преподается в университетах на исторических факультетах, труды по доистории часто носят названия типа “Древняя история”, “Историко-археологические очерки” и т.п. Другой момент – уже упоминавшееся выше недостаточное внимание к анализу взаимодействия древних обществ и природной среды (что не исключает высокого уровня комплексных исследований отдельных палеолитических памятников).

Обозревая в целом развитие советской археологии 1930–1950х г.г., испытываешь двоякое чувство. С одной стороны, именно этот период ознаменован выдвижением действительно новаторских направлений научного поиска, получивших заслуженное признание в мировой археологии. С другой, постоянно декларируемый отрыв отечественной науки от зарубежной, нигилизм в отношении ученых прошлого, подчинение материала искусственно задаваемым схемам, ссылки на труды К. Маркса и Ф. Энгельса как на тексты Святого Писания, сам стиль и тон дискуссий вызывают явное отвращение. Период сложный, неоднозначный, но благодаря нему наша доистория заняла свое оригинальное место, по ряду позиций намного опередив современные западные течения.

ГЛАВА 4. ОТ ЦЕНТРА К ПЕРИФЕРИИ: РЕГИОНАЛЬНОЕ РАЗНООБРАЗИЕ

В данной главе я собираюсь кратко охарактеризовать развитие отечественного палеолитоведения на протяжении нескольких десятилетий позднего периода коммунистического режима и последующей “перестройки”, прежде чем перейти к рассмотрению основных тем дискуссий, занимавших умы археологов в этот период. Выбор 1960 г. в качестве точки отсчета не случаен. Именно в 1960е г.г. начала формироваться современная организационная структура археологических исследований в нашей стране. Возникают региональные центры, постепенно осваивающие все новые территории. Если в предшествовавшие десятилетия практически вся археологическая активность сосредотачивалась в Москве и Ленинграде, и мы вели речь о деятельности одного–двух десятков ученых, то с 1960х г.г. начинается ускоренный прирост кадров и экспоненциальное увеличение числа публикаций (рис. 4). При этом основное накопление информационного фонда отныне идет за счет региональных научных учреждений (рис. 21–23). Таким образом, произошла нормальная реакция на сверх–централизованный характер советской археологии 1930–1950х г.г.

Однако подобная диверсификация не снизила роли ведущих академических институтов, особенно в плане теории и методики.

Основными центрами исследований палеолита в Москве выступали кафедра археологии, музей и кафедра антропологии МГУ, Исторический Музей, Отдел каменного века Института археологии РАН.

Среди исследователей, связанных с последним учреждением, надо отметить О.Н. Бадера. В 1960–1970е г.г. он раскопал на широкой площади стоянку Сунгирь под Владимиром, доставившую уникальные образцы палеолитических погребений (рис. 24; Бадер, Громов, Сукачев, 1966; Бадер, 1978; Зубов, 1984; Бадер, Лаврушин, 1998; Алексеева, Бадер, 2000). В 1960е г.г. О.Н. Бадер начал изучение Каповой пещеры на Урале – первого памятника живописи ледникового периода на территории России (рис. 25; О.Н. Бадер, 1965). А.А. Формозов (1965) продолжил исследование древнекаменного века Северного Кавказа. Финальный палеолит Верхней Волги (Золоторучье I) стал темой изысканий Д.А. Крайнова (см. Жилин, 2007). В.Я. Сергин вел небольшие раскопки на ряде памятников Русской равнины – в Гонцах, Юдиново II и III. Отметим раскопки А.С. Фролова и А.В. Трусова на позднепалеолитических стоянках Центрального региона России (Шатрище, Заозерье I, Зарайск).

Экспедиция Института антропологии МГУ под руководством М.Д. Гвоздовер при участии ЛОИА (Г.П. Григорьев) длительное время исследовала второй комплекс стоянки Авдеево, близкий по характеру Костенкам I (Gvozdover, 1995). Интересная группа сложилась на базе Каменнобалковской экспедиции кафедры археологии МГУ под руководством Н.Б. Леоновой. Л.В. Грехова (Исторический Музей) вела раскопки на стоянках долины Десны – Тимоновке II, Юдиново II, III, Елисевицах I, II (Величко, Грехова, Губонина, 1977; Величко и др., 1997). В Москве базировалась Комиссия по изучению четвертичного периода, осуществляющая координацию усилий ученых различных специальностей, в том числе нацеленных на комплексное исследование археологических объектов плейстоценового возраста. Долгое время ее постоянным секретарем была И.К. Иванова, активно занимавшаяся геологией палеолитических памятников долины Днестра.

В Ленинграде исследователи в основном были сосредоточены в Секторе палеолита (с 1986 г. – Отделе палеолита) ЛОИА, представлявшем собой уникальный коллектив высококвалифицированных специалистов, принадлежавших к различным научным направлениям. Это позволяло во время еженедельных семинаров устраивать оживленные дискуссии, постоянное столкновение точек зрения, возможное в ином варианте только на конференциях. Сектор возглавлялся крупнейшими отечественными археологами – А.П. Окладниковым и П.И. Борисковским, а позднее – В.П. Любиным и Н.Д. Прасловым.

Сектор находился в центре неформального содружества исследователей первобытности. Археологи из разных городов стремились представить результаты своих работ на Секторе, принять активное участие в проводимых ЛОИА конференциях. Немалая заслуга в этом личных качеств возглавлявшего коллектив на протяжении 15 лет П.И. Борисковского, его исключительного такта и умения находить общий язык с разными по научному уровню и сложности характера коллегами (при этом ни на йоту не поступаясь принципами строгой научности). Жаль, что сотрясавшие Сектор в 1960–1980е гг. бурные дебаты практически не нашли отражения в публикациях, кроме тезисов и заметок на страницах “Советской археологии”.

Важнейшим событием в деле координации исследовательских усилий стало прошедшее в 1965 г. расширенное заседание Сектора, объединившее абсолютное большинство специалистов по палеолиту в масштабах страны.

Рис. 21. Карта основных центров изучения палеолита и стоянок, обследованных на территории ССР в 1960е г.г.

1 – Эйгуляй I, Эжяринас I, VIII, Нетясай I и др.; 2 – Бердыж I; 3 – Юровичи; 4 – Тимоновка II, Хотылево I, II, Елисеевичи I, Юдиново; 5 – Малый Раковец, Рокосово, Берегово I, II; 6 – Липа I, VI, Куличивка; 7 – Стинка I, Осыпка, Оселивка I–III, Кормань IV, Молодова I, V и др.; 8 – Бутешты, Старые Дуруиторы, Чунту, Тринка I, II, Костешты I, Мерсына, Брынзены I, II и др.; 9 – Выхватинцы, Атаки I, II, Йоржница, Рашков VII, Гура–Каменка IV, Бобуешты VI и др.; 10 – Большая Аккаржа, Зеленый Хутор I, II; 11 – Сагайдак I; 12 – Житомирская, Радомышль I–IV; 13 – Ключи; 14 – Мезин; 15 – Добраничевка; 16 – Межиричи; 17 – Кайстрова Балка VI; 18 – Антоновка I–III, Белокузьминовка; 19 – Рожок I, II, Носово I, Мураловка, Бессергеновка, Герасимовка; 20 – Югино II; 21 – Каменная Балка I, II; 22 – Хряци, Михайловский, Золотовка I, III; 23 – Подгородниченково I; 24 – Курск I, II; 25 – Гагарино; 26 – Костенки I, VIII, XI–XIII, XXI; 27 – Алтыново; 28 – Сунгирь; 29 – Шайтан–Коба II, Волчий Грот, Заскальная V, Ак–Кая III; 30 – Ильская; 31 – Каменноостская, Монашенская пещеры, Губский Навес I, II, Баракаевская, Сатанай, Среднехаджохское, Абадзехское и др.; 32 – Богос I–III, Нижняя Пластунка, Широкий Мыс, Малая Воронцовская, Хостинская I, II, Навалишенская, Ахитырская, Кешинская пещеры; 33 – Яштух, Апианча, Квачара, Хейвани, Джампала, Окуми I и др.; 34 – Цуцхватские пещеры; 35 – Цона, Сарекский Навес, Кударо I, Джручула, Самгле–Клде, Дзудзуана, Чахати, Самерцхле–Клде; 36 – Цопи I, Ахалкалаки I, II, Кумурдо; 37 – Кендарасы, Ереван I, II, Лусакерт I; 38 – Каялы, Чахмаклы, Шиш–Гузей и др.; 39 – Азых, Таглар; 40 – Медвежья пещера, 41 – Каповая пещера; 42 – Смеловская II, Мысовая, Каменное Кольцо; 43 – стоянки на Манглышлаке; 44 – Томчи–Су; 45 – Учтут, Иджонт, Вауш; 46 – Самаркандская, Сиабча; 47 – Ходжамазгиль; 48 – Джар–Кутан; 49 – Кара–Бура, Кухи–Пиез, Ак–Джар; 50 – Семиганч, Шугноу, Огзи–Кичик; 51 – Кайрак–Кумы; 52 – Капчигай; 53 – Кызылалма, Кульбулак; 54 – Оби–Рахмат, Ходжикент; 55 – стоянка Валиханова; 56 – Акколь, Кемер I–III, Арыстанды, Ацисай, Токалы I–III, Кзылсербек и др.; 57 – Хантау; 58 – Георгиевский Бугор; 59 – Тоссор; 60 – Передержка I, II, Батпак VII, VIII; 61 – Музбель I, II, Кзыл–Джар, Жаман–Айбат IV, V и др.; 62 – Сары–Арка I–V; 63 – Семибузгу; 64 – Кызылкайнар и др.; 65 – Кудайколь I–III; 66 – Окпекты; 67 – Черноозерье II; 68 – Волчья Грива; 69 – Озеро Светлое, Бехтемирская, Урожайная; 70 – пещера Страшная; 71 – Улалинка, Усть–Иша III, Усть–Куюм; 72 – Старокузнецк, Кузедеево; 73 – Ачинская, 74 – Дружиниха; 75 – Бирюса I; 76 – Кокорево I–IV, VI, Новоселово VI, VII, Черемушка I, II, Таштык I, II, IV, Аешка I, II, Улазы, Янова и др.; 77 – Порог I, Чинге–даг–Ужу и др.; 78 – Саглы; 79 – Красный Яр I, 80 – Черемушник I, II, Кулаково I, Бадай I, Сосновый Бор, Усть–Белая, Гора Глиняная, Гора Балушкина, Гора Каменная и др.; 81 – Верховенская Гора I, II; 82 – Макарово II; 83 – Санний Мыс; 84 – Танга; 85 – Титовская Сопка, Сохатино I, II; 86 – Икарал, Чиндант I; 87 – Усть–Тимптон, Тумулур; 88 – Дюктайская, Усть–Миль II, Верхне–Троицкая, Нижне–Троицкая; 89 – Ихине I, II; 90 – Кумары I, III, Грот Кумары; 91 – Фильмошки; 92 – Осиновка; 93 – Устиновка I, Новорыбачий, пещера Географического Общества; 94 – Уики I–V.

В плане практической работы Сектор объединял археологов, занимавшихся палеолитом различных регионов СССР. Что касается Восточной Европы, то следует начать с характеристики деятельности костенковской экспедиции. В 1960е г.г. основные усилия здесь концентрировались на раскопках и музеефикации жилища из костей мамонта на Костенках XI. Небольшие по объему работы велись на Костенках VIII, XII, XVII, XXI. С 1971 г. была начата кампания (позже прерванная) по сплошному вскрытию второго жилого комплекса Костенок I, что в принципе могло бы дать возможность подойти к решению спорных вопросов реконструкции этих наиболее сложных из числа встреченных в палеолите структур обитания. Одновременно шло изучение глубоких разрезов стоянок Костенки XII, XIV, XVII и др. (Праслов, Рогачев, 1982).

Из числа других работ по древнему каменному веку Центральной России отметим завершение Л.М. Тарасовым (1979) раскопок в Гагарино, исследование этим же автором ряда мустьерских и позднепалеолитических памятников в бассейне средней Десны. Была проведена кампания по изучению серии жилищ из костей мамонта в Юдиново (Абрамова, 1995; Абрамова, Григорьева, Кристенсен, 1997; Абрамова, Григорьева, 1997).

Рис. 22. Карта основных центров изучения палеолита и стоянок, обследованных на территории СССР в 1970е г.г.

1 – Юровици; 2 – Бердыж I, Хвойная, Коромка, Боровка; 3 – Хотылево II, Юдиново II, III, Елисеевичи I, Бетово, Коршево I, II, Косица, Чернетово; 4 – Королево I, II, Рокосово, Малый Раковец, Берегово I, II, Молочный Камень; 5 – Пронятин, Куличивка и др.; 6 – Межигирцы I; 7 – Кормань IV, Врублевцы, Кетросы, Шипот I и др.; 8 – Буздужаны I, Костешты I, Гординешты I, Корпач, Корпач–Мыс, Чунту, Старые Куконешты, Брынзены II, Тринка I–III, Ла Сэрэтурь и др.; 9 – Выхватинцы, Косауцы, Атаки I, II, Раиков VII, VIII и др.; 10 – Зеленый Хутор II; 11 – Анетовка I, II, Срединный Горб, Ивашиково VI, Царинка I и др.; 12 – Леонтьевка, Каштаева Балка; 13 – Рихта, Точильница; 14 – Добраничевка; 15 – Гонцы; 16 – Межиричи; 17 – Ворона III; 18 – Янисоль, Федоровка; 19 – Амвросиевка, Белокузьминовка; 20 – Миньевский Яр; 21 – Ямы; 22 – Говоруха; 23 – Калитвенка I; 24 – Каменная Балка II; 25 – Золотовка I; 26 – Авдеево; 27 – Костенки I, VI, VIII, XI–XIV, XVII–XIX, XXI, Боршево II; 28 – Шатрицы; 29 – Сунгирь; 30 – Чокурча II, Заскальное III–VI, IX, Ак–Кая III, Красная Балка, Пролом I, II, Сары–Кая I, Шары I–III, Бодрак I–III и др.; 31 – Ильская II; 32 – Баракаевская, Монашенская, Русланова, Касожская пещеры, Губский Навес I, Сатанай, Явора; 33 – Ацинская пещера; 34 – Яштух, Апианча, Окуми I; 35 – Цуцхватские пещеры, Ортвала, Сакажиа; 36 – Дзудзуана; 37 – Цона, Кударо I, III; 38 – Ахалкалаки I–IV; 39 – Лусакерт I; 40 – Азых, Таглар; 41 – Бызовая; 42 – Горная Талица; 43 – Гари; 44 – Каповая пещера; 45 – Мысовая; 46 – Кутурбулак, Зирабулак; 47 – Самаркандская, 48 – Худжи; 49 – Шуноу, Озгичик, Лахути I, II, Хонако I, II, Карамайдан, Обимазар, Чашманигар, Каратау I, II, Кайрубак, Сай–Сайед; 50 – Кульбулак; 51 – Оби–Рахмат, Пальтау; 52 – Жалпаксу I–III, Кзылкинды, Жанатас и др.; 53 – Жужимдык, Сусуген и др.; 54 – Георгиевский Бугор; 55 – Тоссор; 56 – Вишневка III, IV и др.; 57 – Павлодар; 58 – Шикаевка II; 59 – Черноозерье II; 60 – Венгерovo V, Ново–Тартасская; 61 – Волчья Грива; 62 – Могочино I; 63 – Шестаково, Шорохово I, Ильинка II, Шумиха I, Бедарево II и др.; 64 – Улалинка; 65 – пещера Страшная; 66 – Денисова пещера, Усть–Каракол I; 67 – Тюмечин I, II; 68 – Кара–Тенеш; 69 – Юстыд I; 70 – Ачинская, Березовый Ручей I, Большой Кемчуг; 71 – Крутогорское I, Первомайское I, II, Афанасьева Гора, Куртак III, Шленка, Новоселово XIII, Тарачиха, Чегерак, Ижумль IV, Дивный I, Аешка III и др.; 72 – Двуглазка, Малая Сья, Грот Проскурякова; 73 – Кантегир, Джой, Голубая I, IV, Означенное I и др.; 74 – Стрижовая Гора, Агул I; 75 – Усть–Кова; 76 – Большая Курья I–III, Усть–Игирма; 77 – Мыс Дунайский I, II, Монастырская Гора I, II, Жарок, Курчатовский Залив, Кежма, Леонова I–III, Праздничное и др.; 78 – Игетейский Лог I, Гора Игетей I, Гора Лысая, Гора Тарахай и др.; 79 – Сосновый Бор, Черемушник, Мальтинка, Гора Глиняная, Холмушино I; 80 – Верхоленская Гора I, II, 81 – Макарово II–IV, Шишкино II; 82 – Курла I–IV, VI; 83 – Усть–Кяхта IV; 84 – Куналей; 85 – Студеное I, II, Мельничное, Береговое, Фомичево, Читкан и др.; 86 – Варварина Гора; 87 – Толбага; 88 – Сохатино IV; 89 – Амогolon, Кубухай; 90 – Авдеиха; 91 – Курунг II, Новый Летен I, II; 92 – Усть–Тимптон I, Тумулур; 93 – Дюктайская пещера, Усть–Миль II, Эжанцы, Верхне–Троицкая; 94 – Ихине I, II; 95 – Берелех; 96 – Горбатка III, Илистая I и др.; 97 – Одопту I, II; 98 – Имчин I; 99 – Такое II, Сокол; 100 – Уики I–V.

Работы сотрудников ИИМК охватывали юг России, где Н.Д. Праслов (1968; Праслов, Щелинский, 1996) активно занимался изучением местонахождений Нижнего Дона. А.Е. Матюхин раскапывал группу разновременных мастерских близ Калитвенки и стоянок в Бирючьей Балке.

На юго–западе Восточной Европы, в бассейне Днестра, Н.К. Анисюткин (Праслов, 1981; Анисюткин, Борзьяк, Кетрару, 1986; Анисюткин, 2001, 2005) открыл и обследовал большое число ашельских и мустьерских памятников, а Г.В. Григорьева занималась поздним палеолитом (Борзьяк, Григорьева, Кетрару, 1981).

На Северном Кавказе Н.Д. Праслов возобновил работы на Ильской стоянке, а В.Е. Щелинский обнаружил рядом новое многослойное палеолитическое поселение (Ильская II). Пещерные памятники Северо–западного Кавказа в течение длительного времени изучались В.П. Любиным; особенно важную роль имеет сосредоточение многослойных мустьерских и верхнепалеолитических пещер, гротов и скальных навесов в Борисовском ущелье (Любин, 1977, 1994; Беляева, 1999). В Мезмайской и Треугольной пещерах работала экспедиция Л.В. Головановой. Что касается Причерноморья, то вслед за С.Н. Замятниным в 1960е г.г. нижний палеолит здесь исследовался И.И. Коробковым, а Е.А. Векилова провела раскопки Ахштырской пещеры. Позднее работы в этом районе были продолжены

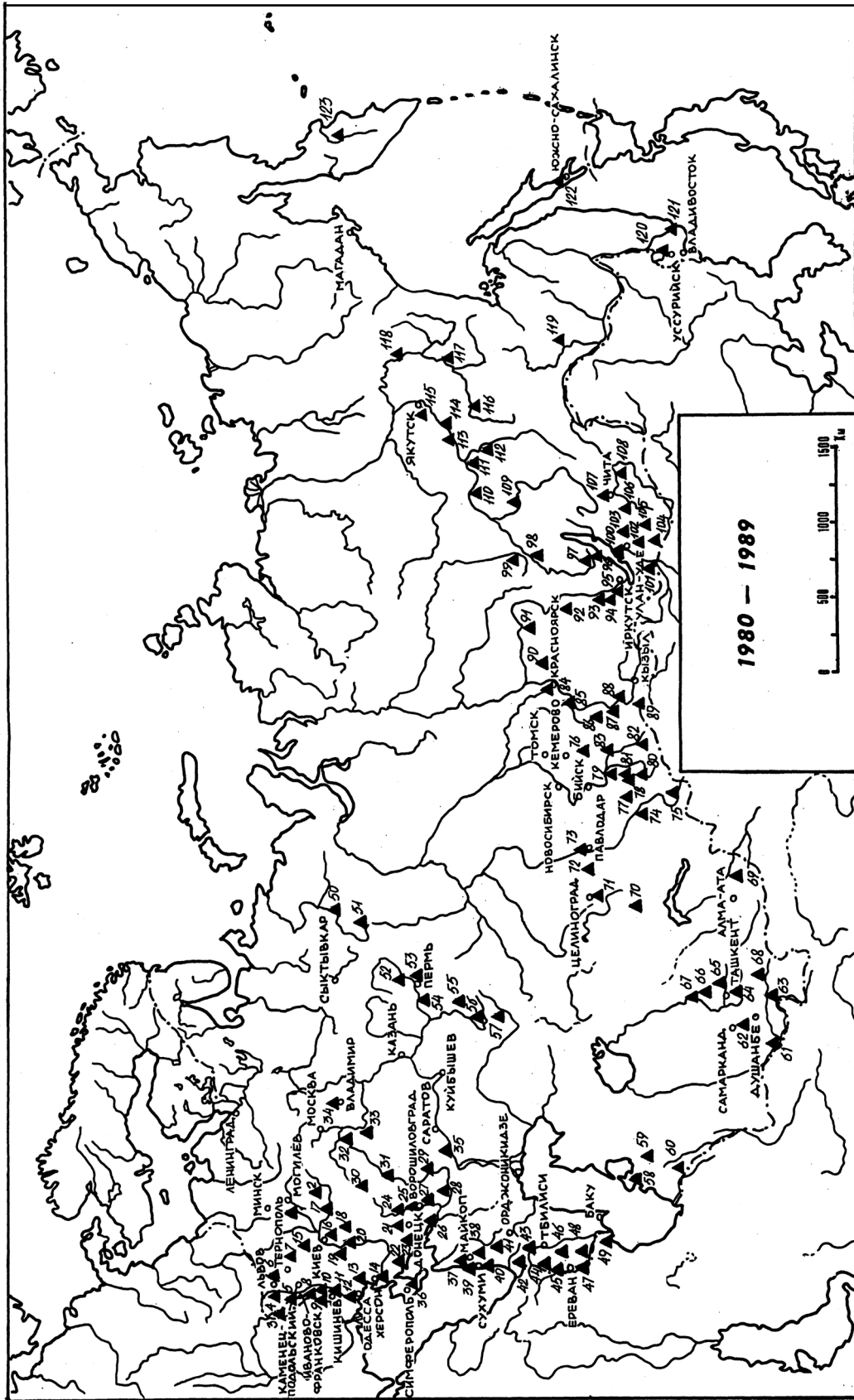
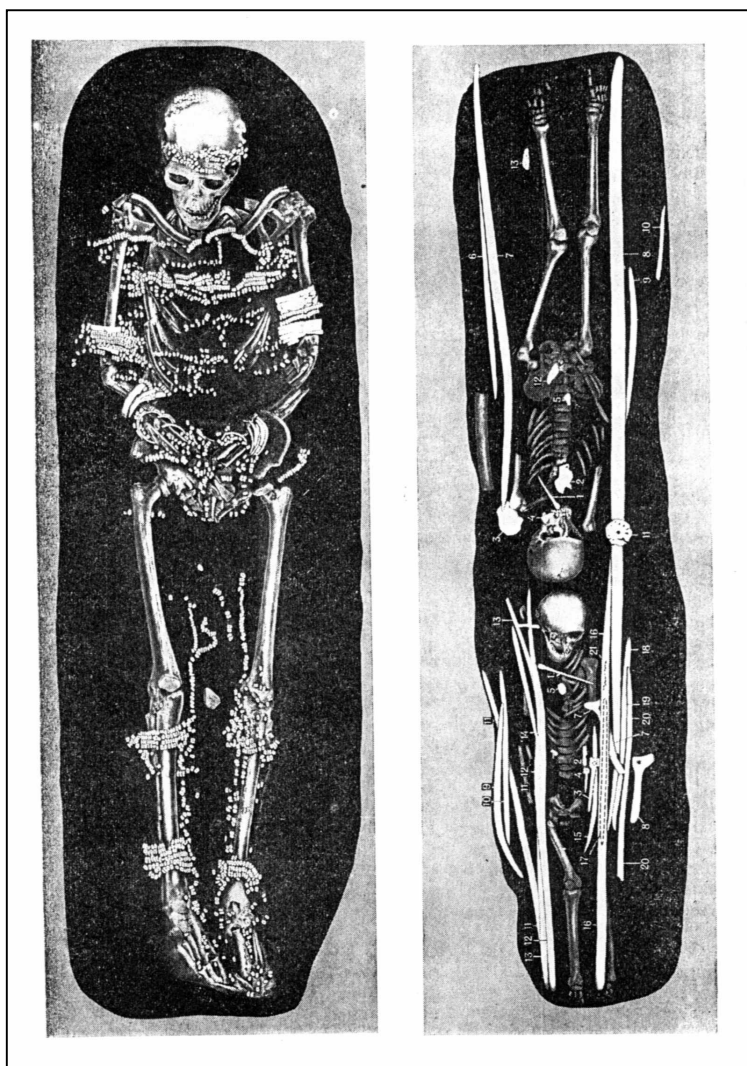

Рис. 23. Карта основных центров изучения палеолита и стоянок, обследовавшихся на территории СССР в 1980е–начале 1990х г.г.

1 – Хвойная, Боровка и др.; 2 – Юдиново I–III, Хотылево II, Бетово, Коршево I, V, Елисеевичи I, II, Чернетово, Неготино и др.; 3 – Королево I, II, Малый Раковец, Рокосово V, VI, XIV; 4 – Жидачов I; 5 – Межигирцы I; 6 – Великий Глубочок I, Пронятин и др.; 7 – Ивановчи, Куличивка; 8 – Молодова I, Врублевцы, Кетросы, Оселивка I, III; 9 – Тринка I–III; 10 – Косауцы I; 11 – Дубоссары, Погребя; 12 – Зеленый Хутор II, Большая Аккаржа; 13 – Анетовка II, Лески; 14 – Леонтьевка, Дмитриевка, Нововладимировка, Каишаева Балка и др.; 15 – Прибор XIII, Березно VI, XIV и др.; 16 – Семеновка; 17 – Пушкарки I; 18 – Гонцы; 19 – Межиричи; 20 – Шушваловка; 21 – Белокузьминовка; 22 – Федоровка; 23 – Амвросиевка; 24 – Ямы; 25 – Роголик I–IV; 26 – Каменная Балка II; 27 – Калитвенка I, II, Бирючьа Балка I, II; 28 – Малая Козлова Балка; 29 – Шлях; 30 – Авдеево, Октябрьское II; 31 – Костенки I, XI, XII, XVII, XXI, Боршево II; 32 – Зарайская; 33 – Шатрищи; 34 – Русаниха; 35 – Заикино Пепелище, Челюскинец II; 36 – Сюрень I, II, Заскальная V, Пролом II, Кабази I–V, Вишенное II, Грот им. Г. А. Бонч–Осмоловского, Биюк–Карасу III, VI, XVI, Скалистое I, Малиновое I и др.; 37 – Ильская II; 38 – Монашенская, Касожская, Мезмайская, Треугольная пещеры, Баракаевская, Губский навес I, Гуамский Грот, Матузка, Киспан, Среднехаджохская, Шахан I, II и др.; 39 – Малая Воронцовская пещера, Богос; 40 – Апианча I, Холодный Грот; 41 – Мыштулагты Лагат; 42 – Ортвала, Сакажиа, Сабеласури; 43 – Самгле–Клде, Кударо I, III; 44 – Амиранис–Гор, Баврская пещера, Баврский навес, Дманиси; 45 – Лусакерт I, Атис I, II; 46 – Зар; 47 – Газма; 48 – Азых, Таглар; 49 – Безеир; 50 – Бызовая; 51 – Медвежья Пещера; 52 – Ганичата II; 53 – Грот Большой Глухой, Заозерье, Горная Талица; 54 – Ельники II; 55 – Игнатиевская; 56 – Каповая; 57 – Богдановка; 58 – Га–Куш, Кызыл–Бурун; 60 – Алам–Куль I, II и др.; 60 – Ак–Тепе, Каргыджак и др.; 61 – Балахана; 62 – Ходжемазгиль, Зирабулак; 63 – Карамайдан, Обмазар, Лахути I, Хонако, Кульдара, Каратау I; 64 – Кульбулак; 65 – Оби–Рахмат, Пальтау, Оркутсай; 66 – стоянка Валиханова; 67 – Кошкурган; 68 – Сель–Унгур; 69 – Актогай I–IV; 70 – Озизтау I, II; 71 – Вишневка I, IV, VI, Батпак VII, Ак–Кошгар I и др.; 72 – Ангренсор II, Экибастуз XVIII; 73 – Павлодар I; 74 – Шульбинка; 75 – Козыбай; 76 – Шорохово I, Бедарево II, Мохово I, II и др.; 77 – Страшная; 78 – Денисова, Каминная, Пещера им. Окладникова, Ануй I, II, Усть–Каракол I, II; 79 – Урожайная, Сростки, Камешок I, Усть–Куюм, Усть–Сема и др.; 80 – Тюмечин I, IV, Кара–Бом. Малояломанская; 81 – Кара–Тенеш; 82 – Бигдон, Юстыд I; 83 – Уилеп III, V, Дмитриева; 84 – Шалунин Бык, Караульный Бык, Пещера Еленева, Большая Слизнева и др.; 85 – Куртак IV, Шленка, Афанасьева Гора, Новоселово XII–XIV, Сабаниха, Каменный Лог I, II, Каишанка I, Верхний Камень, Разлог II, Разлив, Бережеково и др.; 86 – Сосновое Озеро I–IV, Малая Сья; 87 – Майнинская, Уй I, II, Сизая I, V, VIII, Большой Карак и др.; 88 – Нижний Иджир I; 89 – Торгалык I, А.Б, Ирбитей, Шалаш I–V и др.; 90 – Стрижовая Гора, Казачка I, Мезенск, Потанчет III, IV и др.; 91 – Усть–Кова; 92 – Монастырская Гора I–III, Мыс Дунайский I, II, Жарок, Леонова I–III, Купреев Ручей; 93 – Гора Игетей I, Игетейский Лог III; 94 – Мальтинка, Бадай V, Усть–Белая, Сосновый Бор; 95 – стоянка Арембовского, Военный Госпиталь; 96 – Полосково III, Манзурка II; 97 – Макарово IV, VI, Шишкино II, VIII; 98 – Бальшиво I, III, Любавская I; 99 – Непа, Ербогачен; 100 – Ошурково; 101 – Усть–Кяхта XVII; 102 – Каменка I; 103 – Сапун; 104– Студеное I, II, Усть–Менза I–V, Алтан, Косая Шивера, Читкан, Мельничное, Присковое и др.; 105 – Толбага; 106 – Арта II, III; 107 – Сохатино I–VI; 108 – Кадахта III; 109 – Большой Якорь I; 110 – Хаергас; 111 – Усть–Олекма, Абага, Усть–Чара III; 112 – Курунг II; 113 – Мархачан I–III; 114 – Диринг; 115 – 27й километр; 116 – Усть–Тимптон I, Тумулур; 117 – Дюктайская Пещера, Усть–Миль, Верхне–Троицкая, Эжанцы; 118 – Ихине I, II; 119 – Баркасная Сопка I, II, Усть–Ульма I–III и др.; 120 – Горбатка III, Илистая I; 121 – Устиновка I–V, Суворово I–V; 122 – Сокол; 123 – Ушки I–V.

Д.А. Чистяковым (1996) и С.А. Кулаковым. Местонахождения открытого типа, относящиеся к различным эпохам палеолита, обследовались В.Е. Щелинским (2007). Нельзя не отметить в этой связи диссертационную работу Х.А. Амирханова (1986), посвященную обзору верхнего палеолита Северного Кавказа.

В Закавказье на территории Южной Осетии пещеры Кударо в течение нескольких десятилетий были основным местом полевых изысканий В.П. Любина (1977, 1998; Иванова, Черняховский, 1980; Любин, Беляева, 2004).

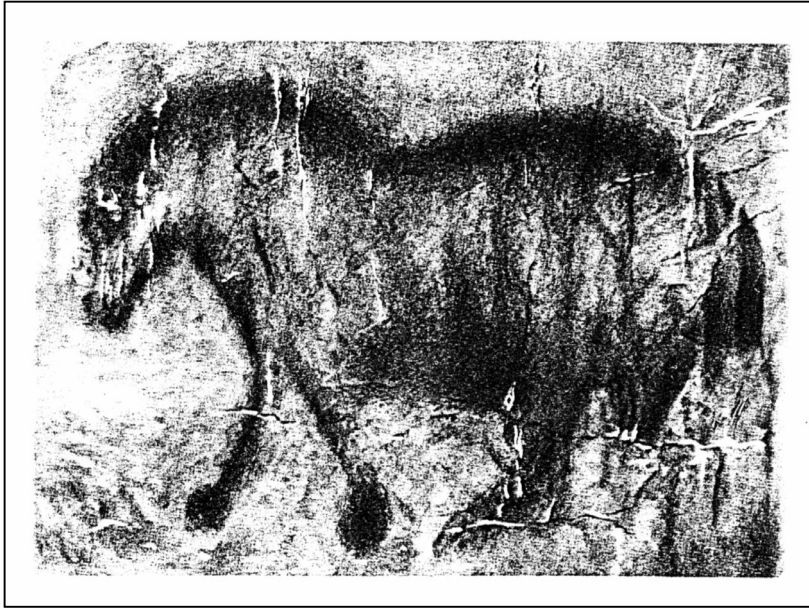

*Рис. 24. Погребения из Сунгиря (по: Бадер, 1984, рис. 2–3).
А – погребение мужчины в могиле 1;
В – погребение мальчика и девочки в могиле 2.*

В меньшей степени был затронут палеолит Урала, где можно отметить деятельность В.Е. Щелинского (1996; Ščelinsky, Širokov, 1999), продолжившего исследования О.Н. Бадера в Каповой пещере. Что касается Средней Азии, то В.П. Любин и его ученики открыли большое число подъемных местонахождений в различных уголках Туркмении (Вишняцкий, 1996).

В Сибири интересы ленинградских археологов традиционно были сосредоточены в бассейне Енисея, где последовательно осуществлялся ряд крупномасштабных археологических кампаний, связанных со строительством каскада ГЭС, – вначале Красноярской, позже Саяно–Шушенской и Майнской (Абрамова и др., 1991). В результате многолетних раскопок З.А. Абрамовой на Среднем Енисее была изучена на широкой площади серия позднепалеолитических памятников, материалы которых нашли отражение в двухтомном труде (Абрамова, 1979а, б). Впоследствии З.А. Абрамовой был раскопан грот Двуглазка с мустьерскими остатками. Эти работы были продолжены Н.Ф. Лисицыным (2000), открывшим ряд верхнепалеолитических памятников в покровных отложениях высоких террас Енисея, размываемых водохранилищем Красноярской ГЭС. В бассейне Верхнего Енисея С.Н. Астахов открыл и обследовал многочисленные местонахождения (включая ашельские и мустьерские) в Туве, а также раскопал несколько верхнепалеолитических поселений в горах Западного Саяна (Астахов, 1986). Позже к исследованиям в последнем районе подключился автор, сосредоточившись на раскопках группы многослойных памятников близ Майны, которые среди прочего доставили уникальный образец палеолитической глиняной статуэтки (рис. 26; Васильев, 1996).

Сотрудниками Сектора был издан ряд итоговых трудов, из которых стоит назвать сборник “Каменный век на территории СССР” (Формозов, 1970) и том “Палеолит СССР” из фундаментальной серии “Археология СССР” (Борисковский, 1984а).

Рис. 25. Изображение лошади из Каповой пещеры на Урале – феноменальное открытие палеолитического пещерного искусства на стыке Европы и Азии (по: О.Н. Бадер, 1965, табл. III).

Помимо ЛОИА, отметим деятельность кафедры археологии ЛГУ. Университетская экспедиция под руководством В.И. Беляевой вела раскопки Пушкарей. Специалисты по археологии палеолита работали в Гос. Эрмитаже, Музее истории религии и МАЭ им. Петра Великого. Последнее музейное собрание всегда играло особую роль как крупнейшее хранилище материалов по древнекаменному веку в нашей стране (Нечаева и др., 1964).

За пределами Москвы и Ленинграда крупных самостоятельных центров изучения палеолита в Европейской России не существовало, действовали лишь отдельные исследователи, разбросанные по университетам и музеям. Так, палеолит Северо–Востока Европейской части страны изучался археологами из Коми филиала АН СССР (Сыктывкар). Начатые в 1960е г.г. Б.И. Гуслицером и В.И. Канивцом (Гуслицер, Канивец, 1965; Канивец, 1976) работы в Медвежьей пещере и на Бызовской стоянке были продолжены П.Ю. Павловым (Гуслицер, Павлов, 1987). Совместно с А.Ф. Мельничуком и Э.Ю. Макаровым П.Ю. Павлов обследовал долины рек Камы и Чусовой, обнаружив ряд палеолитических пунктов.

В Средней России активность местных исследователей была относительно мало заметна. В Брянске в течение длительного времени работал Ф.М. Заверняев (1978), открывший как обширное ашело–мустьерское местонахождение в Хотылево, так и расположенную рядом верхнепалеолитическую стоянку восточнограветийского круга, доставившую эффектную серию женских скульптурных изображений. Л.А. Михайлова (Владимир) провела кампанию раскопок стоянки Русаниха неподалеку от Сунгиря. В Поволжье немногочисленные палеолитические пункты обследовались археологами из Самары (Л.В. Кузнецова; см. Кабытов, 2000), Саратова (А.П. Захариков), Казани (Галимова, 2001) и Волгограда (С.О. Ремезов).

На Северо–западном Кавказе нижнепалеолитические памятники на протяжении ряда десятилетий изучались П.У. Аутлевым (1963) из Майкопа. Н.И. Гиджрати из Северо–Осетинского Университета (Владикавказ) вел раскопки в пещере Мыштулагты Лагат.

Уральский палеолит был темой исследования В.Н. Широкова из Института истории и археологии Уральского отделения АН СССР (Свердловск), который раскопал средне– (Богдановка) и верхнепалеолитические (грот Бобылек) стоянки в этом слабо изученном районе. Кроме того, пещерные памятники южного Урала обследовались Ю.Б. Сериковым (1999, 2000) из Нижнего Тагила, В.Г. Котовым (Уфа) и В.И. Юриным (Челябинск).

Становление центра исследования палеолита в Новосибирске, основного координатора археологической деятельности в Азиатской части России, всецело связано с именем А.П. Окладникова. В 1961 г. он покидает Ленинград и возглавляет в Новосибирске новое учреждение, первоначально под именем Отдела гуманитарных исследований (с 1966 г. – Институт истории, филологии и философии СО АН СССР). В 1960–1970е г.г. А.П. Окладников продолжил изыскания по палеолиту Дальнего Востока, Забайкалья (Саньинский Мыс, Варварина Гора), Алтая (Страшная, Урожайная, Улалинка; см. Деревянко, Петрин, Рыбин, 1992), Западной Сибири (Волчья Грива, Шестаково, Большой Кемчуг). Он подготовил целую плеяду археологов, активно работающих

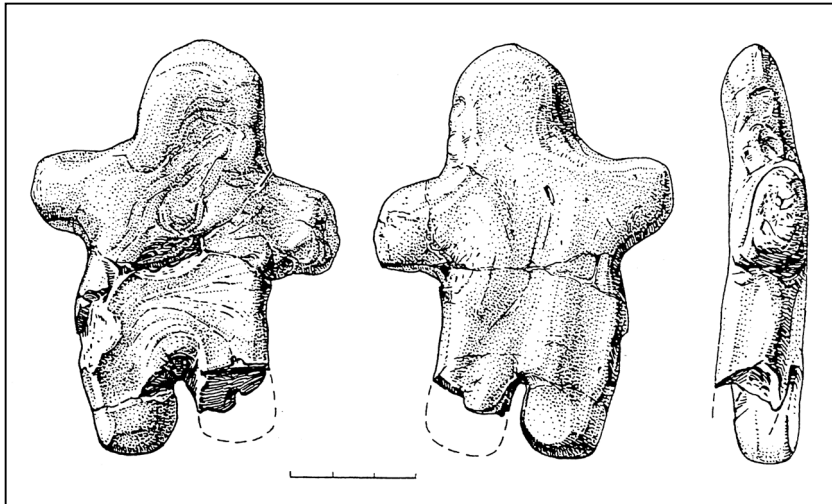

Рис. 26. Глиняная палеолитическая статуэтка из Майнинской стоянки, Сибирь (по: Васильев, 1996, рис. 70).

в различных городах Северной Азии. В 1970–1980е г.г. интересные палеолитические комплексы были открыты на юге Западной Сибири, в долинах Тобола, Иртыша (Генинг, Петрин, 1985; Петрин, 1986), Томи (Маркин, 1986), на Алтае (Шуньков, 1990).

С 1983 г. Институтом руководит ученик А.П. Окладникова, признанный лидер науки о палеолите в нашей стране академик А.П. Деревянко. Начиная с 1980х г.г. новосибирские исследователи сосредотачивают свои усилия на реализации ряда многолетних программ в различных регионах. Прежде всего, речь идет о раскопках группы пещерных памятников и стоянок открытого типа на Алтае (пещеры Страшная, Каминная, Окладникова, Денисова, Малояломанская, стоянки Кара-Бом, Кара-Тенеш, Ануй I, II, Усть-Каракол I, II; рис. 27). Благодаря полученным здесь богатейшим материалам впервые для территории Северной Азии стало возможным на основе конкретных данных анализировать такие ключевые проблемы первобытной археологии как характер варибельности мустьерских индустрий и генезис верхнего палеолита. Уникальное сосредоточение многослойных памятников пещерного и открытого типа на северо-западе Горного Алтая приобрело значение “классического” опорного района для всего палеолита Северной и Центральной Азии, сопоставимое с ролью стоянок юго-западной Франции для археологии Европы. В период “перестройки” работы велись при активном участии специалистов из США, Канады, Японии, Южной Кореи (Деревянко и др., 1990а, 1998а, б; Деревянко, Маркин, 1987, 1992; Деревянко, Волков, Петрин, 2002; Derev’anko, Shimkin, Powers, 1998; см. также Барышников, Малолетко, 1997, 1998). В Кузбассе были открыты неожиданно ранние местонахождения в Моховском карьере (Деревянко и др., 1992).

Другая область исследований новосибирских археологов – юг Дальнего Востока, где были проведены раскопки группы позднепалеолитических стоянок на р. Селемдже, притоке Зеи (Деревянко, Волков, Ли Хонджон, 1998).

За пределами российской территории новосибирские археологи работали в Монголии (см. ниже), охватывая, таким образом, обширные пространства Северной и Центральной Азии. Помимо собственно полевых и лабораторных изысканий, специалисты из новосибирского центра активно занимались внедрением методов информатики, созданием банков данных, в частности по памятникам Алтая (Деревянко, Фелингер, Холюшкин, 1989). Необычайно активная полевая и публикационная деятельность новосибирских археологов, не имевшая аналогов в отечественной археологии, вывела институт в число лидирующих в российской науке.

Самостоятельный центр изучения палеолита сложился в Алтайском Университете (Барнаул), где А.Л. Кунгуров (1993), В.П. Семибратов и М.М. Маркин исследовали верхнепалеолитические стоянки предгорной зоны Алтая. Древнекаменным веком занимались в Бийске (Б.Х. Кадиков), Горно-Алтайске (Л.М. Чевалков) и Кызыле (В.Т. Монгуш, В.И. Кудрявцев).

После длительного перерыва в 1970е г.г. возобновились работы по палеолиту в “колыбели сибирской доистории” – Красноярске. Здесь археологи были сосредоточены в двух исследовательских группах. Первая из них, руководимая Н.И. Дроздовым, была связана с Лабораторией археологии и палеогеографии Средней Сибири и Красноярским педагогическим Университетом. Основные работы велись на многослойных стоянках Усть-Кова в Приангарье, Лиственка под Красноярском и группе местонахождений (включая пункты с леваллуа-мустьерскими и предположительно ашельскими находками) на участке левобережья Красноярского водохранилища, в районе с. Куртак. При участии П.

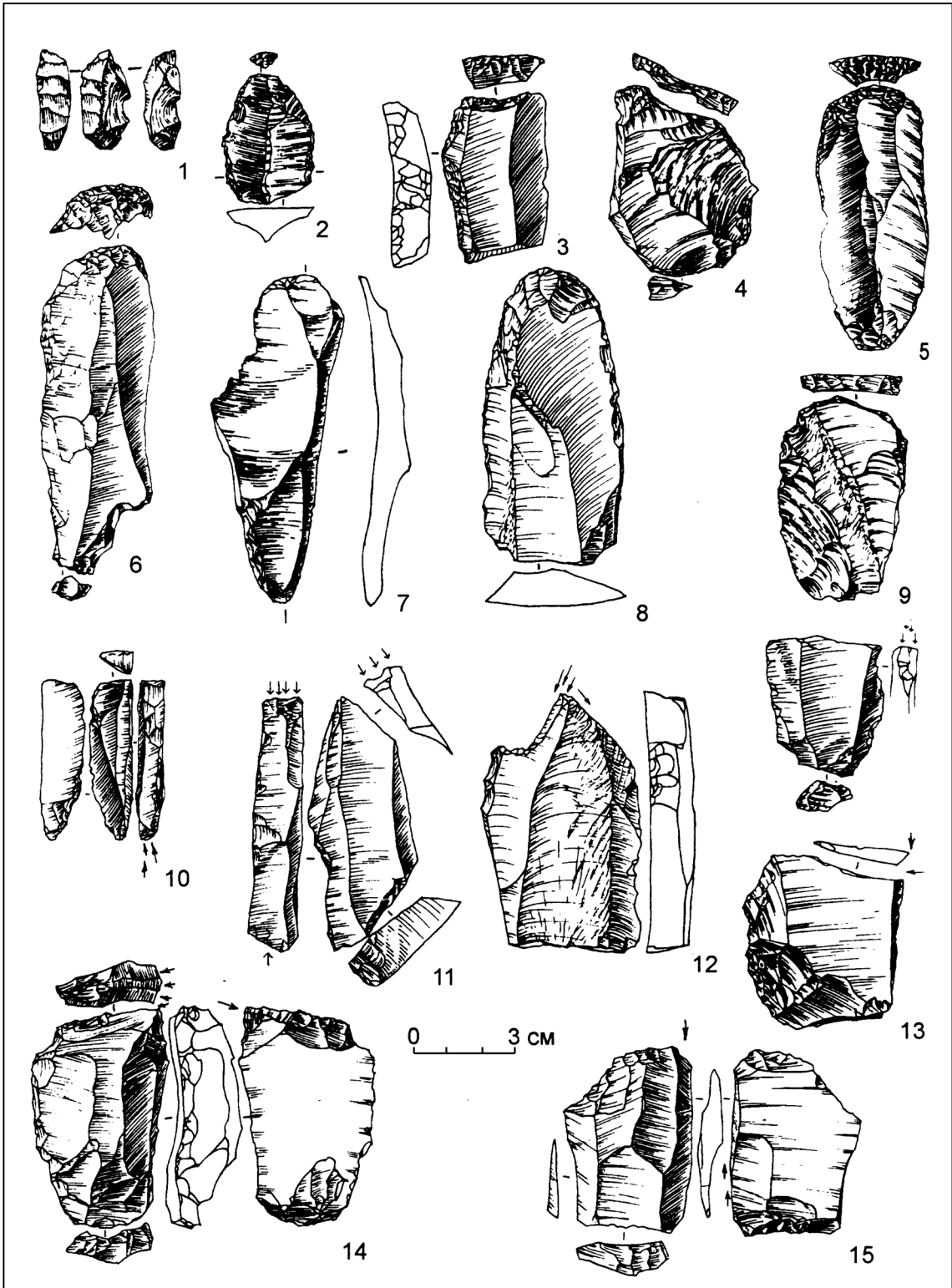

Рис. 27. Один из наиболее ранних верхнепалеолитических комплексов Сибири – материалы из 6 культурного слоя стоянки Кара-Бом на Алтае (по: Деревянко и др. 1998б, рис. 37). 1, 2, 4–9 – скребки; 3 – ретушированная пластина; 10–16 – резцы.

Эзарца (Бельгия) были возобновлены раскопки на Афонтовой Горе (Васильевский, Бурилов, Дроздов, 1988; Дроздов и др., 1990, 2000; Деревянко, Дроздов, Чеха, 1992; Дроздов, Артемьев, 1997; Акимова и др., 2005). Другая группа археологов базировалась в Красноярском краевом музее (Н.П. Макаров) и Дворце пионеров (А.С. Вдовин, П.В. Мандрыка); они исследовали позднепалеолитические стоянки (Большая Слизнева, Караульный Бык и др.) в окрестностях города.

В Восточной Сибири основным центром изучения палеолита был Иркутск. Иркутская археологическая школа сформировалась в конце 1950х г.г. на базе экспедиции М.М. Герасимова во время второй кампании раскопок Мальты. В Иркутском Университете была образована кафедра археологии и этнографии и Лаборатория палеоэкологии древнего человека. В 1960–1970е г.г. усилия археологов были сосредоточены на раскопках памятников финальноплейстоценового возраста (нижние слои Усть–Белой, Верхоленская Гора I; Медведев, 1971; Аксенов, 1980). Со временем круг обследуемых объектов заметно расширился в хронологическом плане по мере открытия ранних в пределах верхнего палеолита, а затем мустьерских и даже домустьерских памятников (Медведев, Савельев, Свинин, 1990; Воробьева, Медведев, 1984). С 1970х гг. центр внимания смещается в область выделения так называемых “пластов” – широких культурно–хронологических общностей нижнего и среднего палеолита и решения связанных с изучением данных памятников геоархеологических проблем.

С другой стороны, расширилась география полевых маршрутов, охватывая, помимо традиционного района Верхнего Приангарья и истоков Лены, также бассейн Кана на западе (Генералов, 2000), Тункинскую котловину и предгорья Восточного Саяна на юго–западе, побережье Байкала и северные районы Забайкалья на востоке, долину Лены и верхнее течение Нижней Тунгуски на севере. Вслед за работами М.П. Аксенова палеолит Верхней Лены интенсивно изучался археологами из Иркутского музея (А.В. Уваров) и Центра по сохранению историко–культурного наследия (С.Н. Пержаков, О.В. Задонин, М.Ю. Семин).

Палеолитические древности Забайкалья активно изучались археологами из Читы. Ученик А.П. Окладникова, И.И. Кириллов основал здесь Лабораторию археологии при Педагогическом институте им. Н.Г. Чернышевского. Он продолжил начатые А.П. Окладниковым исследования в восточной части региона (Окладников, Кириллов, 1980). Основные работы были связаны с раскопками богатейшего сосредоточения многослойных позднепалеолитических стоянок в Сохатино (Сухотино) на окраине Читы. Помимо остатков эффектных жилых сооружений, эти памятники доставили оригинальную серию светильников и сосудов, выполненных из мягкого камня (рис. 28). В западном Забайкалье изыскания по каменному веку велись другой группой той же лаборатории под руководством М.В. Константинова. В работах участвовали А.В. Константинов, Л.В. Семина, С.Г. Васильев, В.К. Колосов, М.Н. Мещерин, О.В. Кузнецов и др., занятые, помимо Педагогического института, в Центре сохранения историко–культурного наследия и Дворце пионеров. Были проведены крупномасштабные раскопки как ранних в пределах верхнего палеолита (Куналей, Приисковая, Толбага), так и более поздних (Усть–Менза I–IV, Студеное I, II, Косая Шивера и др.) стоянок в бассейнах Хилка и Чикоя. Особо отметим открытие значительного числа выразительных жилых комплексов (Базаров и др., 1982; Константинов, 1994).

В Якутске в качестве ведущего центра изучения доистории Северо–восточной Азии выступала Археологическая лаборатория при филиале АН СССР. Чрезвычайно энергичная полевая деятельность Ю.А. Мочанова, развернувшаяся с 1963 г., привела к открытию серии верхнепалеолитических стоянок на огромных пространствах бассейна Лены, особенно в долине Алдана. Эти материалы позволили ему выделить здесь своеобразную доктайскую культуру. Он же обследовал самое северное из известных тогда местонахождений палеолита – Берелех в Заполярье, расположенное рядом с известным “кладбищем мамонтов” (Мочанов, 1977). Экспедиционные маршруты сотрудников Ю.А. Мочанова охватили долины основных рек Якутии (Мочанов и др., 1983, 1991; Алексеев, 1987). С 1982 г. в центре внимания находился, пожалуй, самый загадочный из предположительно раннепалеолитических памятников Сибири – Диринг на Лене (Мочанов, 1992). Кроме того, работы по палеолиту вели археологи из Якутского Университета (А.Н. Алексеев, Н.М. Черосов).

Исследование древнекаменного века на Дальнем Востоке в 1960–1970е г.г. было всецело связано с деятельностью новосибирских археологов – А.П. Окладникова, а затем А.П. Деревянко, Р.С. Васильевского и др. (Окладников, Деревянко, 1973; Деревянко, 1983; Голубев, Лавров, 1988; Васильевский, Гладышев, 1989; Васильевский, Крупянко, Табарев, 1997). Позже возникают местные центры, связанные с Благовещенским (Б.С. Сапунов), Уссурийским (Кузнецов, 1992) и Южно–Сахалинским (А.А. Василевский) педагогическими Институтами, Дальневосточным Университетом (А.А. Крупянко), Институтом истории, археологии и этнографии Дальневосточного отделения АН СССР во Владивостоке (Н.А. Кононенко, А.В. Гарковик).

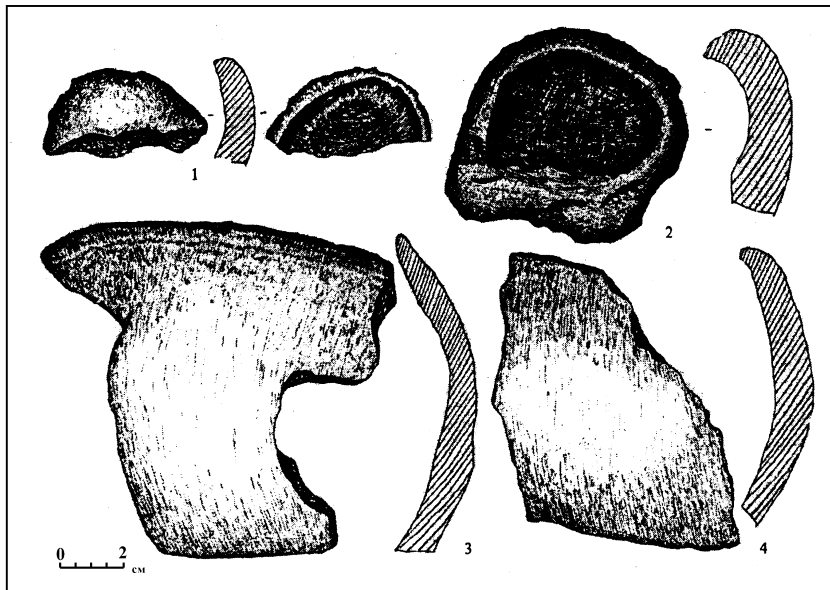

Рис. 28. Палеолитические каменные светильники и сосуды из 7 культурного слоя стоянки Сохатино IV в Забайкалье (по: Кириллов, Черенщиков, 1996, рис. 8).

На крайнем северо-востоке страны, в Археологической Лаборатории Северо-восточного комплексного НИИ (Магадан) под руководством Н.Н. Дикова, начиная с 1960х г.г., велось изучение группы многослойных стоянок на Ушковском озере (Камчатка), а также был открыт ряд предположительно палеолитических пунктов на Чукотке (Диков, 1977, 1979, 1993а, б).

Перейдем теперь к характеристике археологической деятельности в бывших республиках Советского Союза. В Белоруссии, Латвии и Литве исследования по палеолиту никогда не значились в числе приоритетных. В Литве памятники завершающего этапа палеолита изучались Р.К. Римантиене (1971; Rimantiene, 1984), в Латвии – И. Загорской. В Белоруссии после работ К.М. Поликарповича небольшие раскопки в Бердыже и Юровичах вел В.Д. Будько, а позже В.Е. Калечиц (1984, 1987, 2003) и В.П. Ксендзов (1988). В Верхнем Поднепровье ряд местонахождений с финальноплейстоценовыми находками был обследован В.Ф. Копытиным (1990, 1992).

Иным образом обстояло дело на Украине, где имелись давние традиции исследования древнекаменного века. Центральными учреждениями республики в Киеве были Институт археологии, Археологический Музей и Институт зоологии АН Украины, кафедра археологии и музееведения Киевского Университета.

С конца 1960х г.г. В.Н. Гладилин начинает работы в мало изученном дотоле Закарпатье. С 1974 г. усилия сосредотачиваются на раскопках уникальной лессово-почвенной серии Королевского местонахождения, материалы которого позволили установить последовательность развития палеолитической культуры в Центральной Европе от раннего ашеля до начала верхнего палеолита (Гладилин, Ситливый, 1990). Кроме того, в Закарпатье был исследован ряд других ашельских, мустьерских и позднепалеолитических стоянок (Кулаковская, 1989; Ткаченко, 2003).

На северо-западе Украины, в Полесье, раннепалеолитические пункты изучались С.В. Смирновым, а позднее Ю.В. Кухарчуком. Комплексы финального палеолита региона стали темой исследований Л.Л. Зализняка (1989).

В Среднем Поднепровье И.Г. Шовкопляс и И.Г. Пидопличко в течение ряда десятилетий вели раскопки в Мезине и Добраничевке, И.Г. Пидопличко – в Межиричах (Шовкопляс, 1965; Пидопличко, 1969, 1976; Бибиков, 1981; Шевченко, Шовкопляс, 1982). В результате этих широкомасштабных изысканий была открыта серия жилищ из костей мамонта (рис. 29), однако многие вопросы, связанные с интерпретацией данных структур, остались неясными. Отметим здесь же работы А.И. Пислария на Каневском местонахождении и полевые изыскания Д.Я. Телегина и Д.Ю. Нужного, обследовавших местонахождения на Кременчугском водохранилище.

Поздний палеолит востока Украины стал темой исследований А.А. Кротовой, сконцентрировавшей свое внимание на изучении Амвросиевки (Неприна, Зализняк, Кротова, 1986).

С Крымом были связаны полевые изыскания Ю.Г. Колосова. С 1969 г. он сумел открыть группу мустьерских пещерных памятников в районе Белогорска (Заскальная V, VI, IX, Ак-Кая III, Пролом II и др.), доставивших, помимо выразительных индустрий с обилием листовидных бифасов, остатки неандертальских погребений (Колосов, 1983, 1986; Колосов, Степанчук, Чабай, 1993;

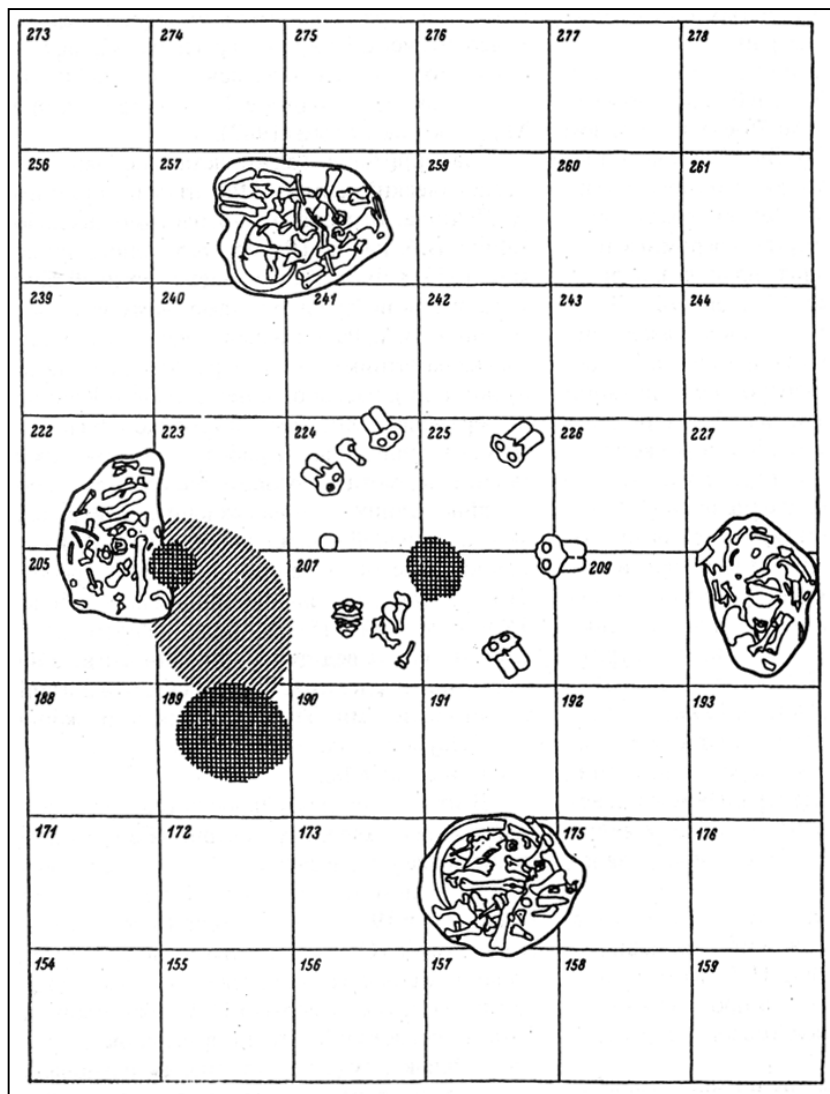

Рис. 29. Жилище из костей мамонта в сопровождении ям-хранилищ из Добраничевки (комплекс 2) (по: Шовкопляс, 1972, рис. 3).

Степанчук, 2002). Позднее работы в Крыму велись как при участии киевских, так и местных исследователей из Крымского филиала Института археологии в Симферополе.

Помимо Киева, на Украине имелся ряд региональных археологических центров. На западе республики таковым являлся Львовский Институт общественных наук. А.П. Черныш исследовал серию многослойных средне- и верхнепалеолитических стоянок в долине Днестра, особенно в районе Молодовы (Черныш, 1965, 1973; Горецкий, Цейтлин, 1977; Горецкий, Иванова, 1982; Иванова, Цейтлин, 1987). В.П. Савич (1975; Герета и др., 1981; Грибович и др., 1987) провел в 1960–1980е г.г. раскопки позднепалеолитических стоянок на Волини (Липа I, VI, Куличивка). Работы на Западной Украине вели также Л.Г. Мацкевой и В.К. Пясецкий. А.С. Сытник в Подолии раскопал серию среднепалеолитических стоянок (Ситник, Богуцкий, 1998; Ситник, 2000). Отметим здесь же исследования М.Н. Клапчука (Ивано-Франковск) и Л.И. Кучугуры (Каменец-Подольский) по палеолиту Верхнего Приднестровья.

Одесса – традиционный центр изучения археологии Причерноморья. Археологи здесь были сосредоточены в Одесском Университете, Археологическом музее и Отделе Института археологии. Наряду с П.И. Борисовским, работы в этом районе в 1960е г.г. вел В.И. Красковский (1978); позднее исследования возглавили В.Н. Станко, С.П. Смольянинова и Г.Е. Краснокутский. В течение ряда лет основным объектом раскопок была стоянка охотников на бизонов – Анетовка II (Станко, Григорьева, Швайко 1989). Кроме того, был изучен ряд пунктов с верхнепалеолитическими остатками на Буге, Ингуле и Нижнем Днестре (Смольянинова, 1990; Сапожников, Коробкова, Сапожникова, 1995; Сапожников, 2003). Сотрудник Херсонского музея Н.П. Оленковский (1991, 1992, 2000) открыл новый район сосредоточения палеолита на Нижнем Днепре. Исследования по палеолиту велись также в Запорожском Университете (Д.Р. Кобалия).

На востоке Украины, кроме старых работ В.Н. Гладиллина (1976) на Антоновских мустьерских местонахождениях, отметим многолетние исследования Донецкого Университета в Белокузьминовке, начатые в 1960е г.г. Д.С. Цвейбель, и продолженные А.В. Колесником и Ю.Г. Ковалем (Колесник, 2003). На Северском Донце А.Ф. Горелик (Луганск) исследовал серию памятников финального палеолита (Горелик, 2001).

Территория Молдавии, особенно северо-западная ее часть, необычайно богата палеолитическими остатками. Памятники исследовались здесь археологами из Института истории местной Академии наук (Н.А. Кетрару, И.А. Борзияк, С.И. Коваленко), долгое время сотрудничавших с ленинградскими коллегами. В 1960–1970е г.г. велись работы в гротах Брынзены I и Выхватинцы, а также на открытых стоянках Рашков VII, VIII, Атаки I, II, Гординешты и др. (Кетрару, 1973; Анисюткин, Борзияк, Кетрару, 1986; Борзияк, Григорьева, Кетрару, 1981; Борзияк, 1984; Кетрару, Григорьева, Коваленко, 2007). И. А. Борзияк раскопал примечательную многослойную позднепалеолитическую стоянку Косауцы.

Перейдем теперь к рассмотрению изучения палеолита в Закавказье. Наиболее активно здесь действовали грузинские археологи из Центра археологических исследований местной Академии наук и Музея Грузии (Нижнепалеолитические памятники..., 1979). В Абхазии Л.Д. Церетели и Л.О. Коркия продолжили начатые Л.Н. Соловьевым раскопки в пещере Апианча. На западе республики М.Г. Ниорадзе (1975), Д.М. Тушабрамишвили и Н.З. Бердзенишвили (1964) вели исследование ряда пещер с мустьерскими и верхнепалеолитическими остатками, преимущественно в долине р. Цхалцитела (Чахати, Ортвала, Сакажиа). В 1970е г.г. раскапывался уникальный комплекс Цуцхватских пещер (Маруашвили, 1978). Палеолит Южно-Грузинского нагорья изучался Г.К. Григолия (1963), а позднее М.К. Габуния и З.К. Кикодзе. На территории Южной Осетии ашельские и мустьерские комплексы в пещере Цона стали объектом исследований А.Н. Каландадзе, продолженных Д.М. Тушабрамишвили. Из числа наиболее значимых открытий отметим местонахождение Дманиси, позднее доставившее антропологические остатки – древнейшее свидетельство освоения человеком Кавказа.

Кроме того, палеолит Причерноморской части республики изучался Л.Н. Соловьевым (1971, 1987) из Абхазского Института языка, литературы и истории (Сухуми). Позднее, в 1980е г.г., среднепалеолитические остатки в пещере Мачагуа исследовал М.Х. Хварцкия (Хварцкия, Полякова, Очередной, 2005).

Значительно менее интенсивны были работы в других республиках Закавказья. В Азербайджане группа археологов из Института истории Азербайджанской АН (Баку) вела раскопки пещерных ашело-мустьерских стоянок в Нагорном Карабахе – Азых, Таглар (Гусейнов, 1985; Джафаров, 1983, 1999). Особого упоминания заслуживает открытие в ашельском слое Азыха антропологических остатков (Касимова, 1986). Сборы на нижнепалеолитических пунктах Западного Азербайджана вел М.М. Мансуров, а А.А. Зейналовым было начато изучение древнего каменного века Нахичевани.

В Армении исследователи из Института истории АН вели работы на мустьерских пещерных памятниках Ереван I, II и Лусакерт I (Б.Г. Ерицян), а также на открытых местонахождениях Атис I, II (Г.П. Казарян).

Обратимся к территории Средней Азии и Казахстана. В последней республике работы по палеолиту проводились в 1960–1970е г.г. в основном Х.А. Алпысбаевым (1979). Он обследовал многочисленные местонахождения на юге Казахстана. В эти же годы А.Г. Медоев охватил своими разведочными маршрутами огромные площади от полуострова Мангышлак на западе до Прибалхашья на востоке (Медоев, 1982; см. также Деревянко и др., 1993; Артюхова и др., 2001). В центральном Казахстане сборы вел М.Н. Клапчук (Караганда). Ж.К. Таймагамбетов раскопал в Восточном Казахстане верхнепалеолитическую стоянку Шульбинка (Петрин, Таймагамбетов, 2000) и продолжил работы на стоянке Валиханова (Таймагамбетов, 1990). О.А. Артюхова на юге Казахстана исследовала ряд мустьерских памятников (Актогай, Бурма). В Центральном и Северном Казахстане работы по палеолиту вели В.С. Волошин (Акмола) и В.К. Мерц (Павлодар).

Менее интенсивно изучался палеолит в Киргизии. Вслед за экспедиционными маршрутами А.П. Окладникова, П.Т. Конопли и В.А. Ранова, М.Б. Юнусалиев продолжил изучение мустьерских стоянок Тоссор, Георгиевский Бугор и др.

Более известен палеолит южного Узбекистана, где расположен Институт археологии АН республики (Самарканд) и его Ташкентский отдел. Эта территория богата многослойными памятниками, на которых осуществлялся ряд долговременных программ раскопочных работ. С 1960х г.г. М.Р. Касымов исследовал стоянку Кульбулак (Анисюткин и др., 1995). Тот же археолог вел изучение группы разновременных мастерских близ Учтута (Касымов, 1972). Р.Х. Сулейманов (1972), а позднее Т. Оманжулов раскапывали пещеру Оби-Рахмат. Мустьерская стоянка Кутурбулак стала

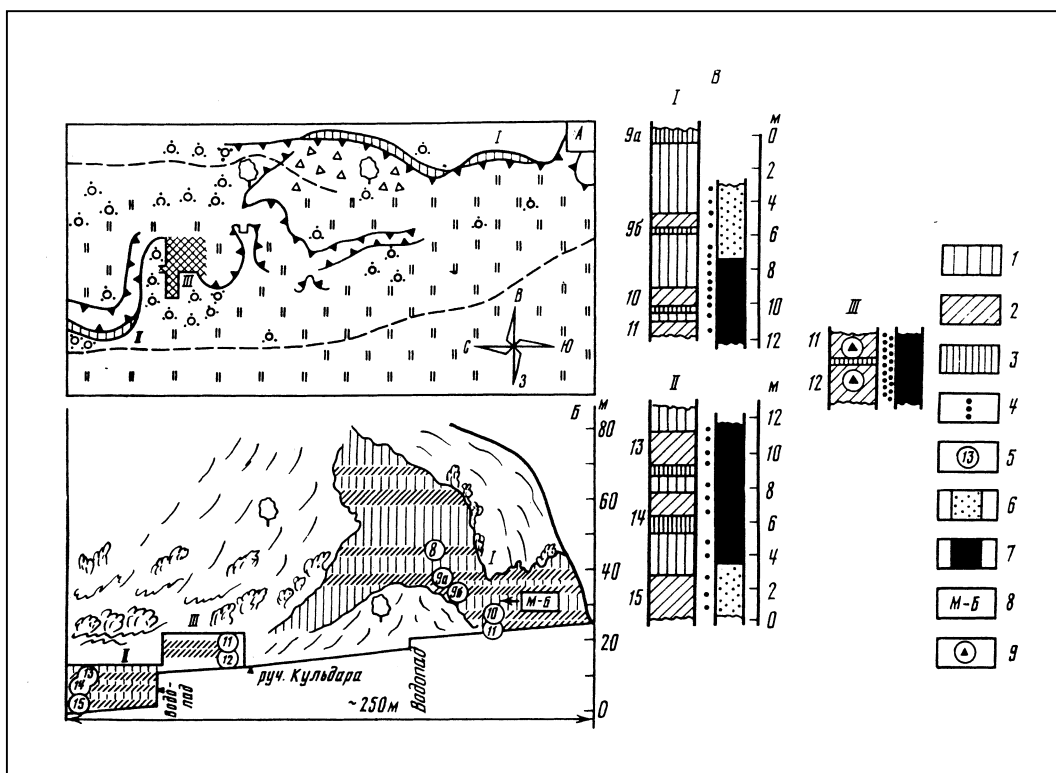

Рис. 30. Разрез Кульдары – древнейшего памятника “лессового палеолита” Средней Азии (по: Ранов и др., 1987, рис. 1).

А – план расположения разрезов I, II и раскопа III, площадь раскопа заштрихована; Б – геологический профиль вдоль оврага Кульдара; В – палеомагнитная характеристика разрезов I, II и раскопа III.

1 – лесс; 2 – погребенная почва; 3 – карбонатная корка; 4 – точки отбора образцов; 5 – номер палеопочвы; намагниченность: 6 – прямая, 7 – обратная; 8 – инверсия Матуяма–Брюнес; 9 – археологические находки.

объектом исследования Н. Х. Ташкенбаева (Ташкенбаев, Сулейманов, 1980; Джуракулов, Мамедов, 1986). С 1980 г. У.И. Исламовым велись раскопки ашельских комплексов в пещере Сель–Унгур (Исламов, Крахмаль, 1995). Основной верхнепалеолитический памятник региона – Самаркандская стоянка исследовалась до начала 1970х г.г. Д.Н. Левом, а позднее Е.Н. Амарцевой и М.Д. Джуракуловым (1987).

Институт истории им. А. Дониша играл роль основного археологического центра на территории Таджикистана. Благодаря многолетним исследованиям В.А. Ранова в Душанбе был накоплен огромный фонд материалов по древнему каменному веку республики (Ранов, 1965; Ранов, Несмеянов, 1973). В.А. Ранов начал с изучения мустьерских памятников (Кара–Бура, Ак–Джар, Джар–Кутан и др.), раскопок в пещере Огзи–Кичик и на верхнепалеолитической стоянке Шугноу. С 1970х г.г. он приступает к работам на памятниках так называемого “лессового палеолита” – необычайно ранних местонахождениях, приуроченных по большей части к ископаемым почвам в мощных лессовых толщах. Наиболее древнее из них, Кульдара, датируется временем более 0,9 млн. лет (рис. 30). Упомянем также раскопки А.Х. Юсуповым палеолитических слоев на поселении Сай–Сайед.

В итоге описанной выше деятельности информационный фонд по палеолиту Северной Евразии многократно возрос на протяжении нескольких десятилетий. По далеко не полной сводке Н.А. Береговой (1984) к 1970 г. на всей территории бывшего Советского Союза было известно более 1500 стоянок. Трудно назвать точную цифру для последующих периодов, поскольку со смертью Н.А. Береговой работа по регистрации пунктов находок прервалась. Однако, судя по материалам региональных сводок, речь должна идти о нескольких тысячах местонахождений.

Вместе с тем, сложившаяся в советское время система постоянного ежегодного финансирования раскопочных работ при крайне ограниченной возможности публикаций (особенно монографических) приводила к накоплению материала, не вводимого в научный оборот, и не

способствовала развитию новых направлений исследовательского поиска, особенно на междисциплинарной основе.

Начиная с 1960х г.г., в нашей стране сложилась достаточно логичная система публикации результатов исследований. Информационные заметки об итогах полевых работ публиковались с 1965 по 1986 г. в ежегодниках “Археологические открытия” (АО); небольшие статьи публикационного и проблемного характера – в серии “Краткие сообщения Института археологии” (КСИА). Среди выпусков КСИА отметим номера “Палеолит и неолит” и “Каменный век” – № 82, 1961; № 111, 1967; № 126, 1971; № 131, 1972; № 137, 1972; № 141, 1975; № 165, 1981; № 173, 1983; № 181, 1985; № 189; 1987; палеолиту посвящены также № 202, 1990 и № 206, 1992. Монографии и сборники выходили в упоминавшейся серии МИА (особенно важны собрания статей, озаглавленные “Палеолит и неолит”, – № 2, 1941; № 39, 1953; № 59, 1957; № 71, 1960; № 131, 1965; № 173, 1971; № 185, 1972), серии “Свод археологических источников” (САИ) и вне серий. С 1959 г. начинают издаваться тома полных библиографий по археологии России и СССР (всего к настоящему времени выпущено 12 книг, охватывающих период с 1900 по 1991 г.).

Успешно развивалось преподавание археологии, правда, основанное в большей степени на устной традиции. Стандартные советские учебники содержали крайне мало материала по каменному веку, а специальных пособий по археологии палеолита по сути дела не издавалось. В какой-то мере в качестве учебника могла служить переизданная книга П.И. Борисковского (1979). В 1960–1970е г.г. лидером в этой области была, безусловно, кафедра археологии Ленинградского университета, где, благодаря энергии М.И. Артамонова была разработана и реализована уникальная для нашей страны целостная многосторонняя программа археологического образования (см. Тихонов, 2003). Курс по археологии палеолита в течение длительного времени здесь читал П.И. Борисковский.

Далеко продвинулось вперед изучение геологии и палеогеографии палеолита (Лазуков, 1981; Долуханов, 1979). Особо стоит отметить произошедший в 1960е г.г. отказ от схемы датировки палеолита по В.И. Громову и принятие отечественными исследователями общепринятых норм оценки возраста плейстоценовых культур (Иванова, 1965). Были созданы капитальные труды, посвященные стратиграфии и хронологии памятников Русской равнины (Величко, 1961), Сибири и Дальнего Востока (Цейтлин, 1979), Средней Азии (Ранов, Несмеянов, 1973). Важную роль сыграло развитие радиоуглеродного метода, получение больших серий абсолютных датировок для палеолита Восточной Европы и Сибири (Кинд, 1974).

Особенностью советской археологии, обусловленной изолированностью страны, было ограничение полевых исследований рамками национальной территории. На протяжении длительного времени опыт анализа конкретных материалов, происходящих из зарубежья, сводился к публикации небольших по объему коллекций, собранных советскими геологами в странах Азии и Африки. Так, П.И. Борисковский издал находки из Гвинеи (Борисковский, Соловьев, 1975), В.А. Ранов – из Египта (Ранов, Буданов 1973) и Афганистана (Никонов, Ранов, 1973), Н.О. Бадер – из Сирии (Бадер, Чумаков, 1977). Даже когда советские археологи принимали участие в международных экспедициях (Нубийский проект 1961–1962 г.г.), палеолитом целенаправленно они не занимались. Открытые здесь Б.Б. Пиотровским нижнепалеолитические материалы были обработаны В.П. Любиным (1964), а себильские коллекции изучал А.В. Виноградов (1964).

В 1950–1960е г.г. единственным долговременным зарубежным предприятием наших специалистов была Советско–Монгольская экспедиция А.П. Окладникова (1981, 1986), осуществлявшаяся в стране, обладавшей особым статусом по отношению к СССР. В дальнейшем исследования в Монголии были возобновлены А.П. Деревянко. Помимо систематического обследования многочисленных поверхностных местонахождений (Деревянко и др., 1990б, 2000б, 2001а), новосибирским археологам удалось открыть и раскопать ряд многослойных памятников как открытого (пункты в долине Орхона), так и пещерного (Цаган-Агуй) типа (Деревянко, Петрин, 1995).

В 1960е г.г. небольшие работы во Вьетнаме вел П.И. Борисковский (1966); позже исследования здесь продолжили Н.К. Анисюткин (1992б) и А.Е. Матюхин. А.В. Виноградов (1979) проводил сборы палеолитических материалов в Афганистане. Позднее, начиная с 1980х г.г., Х.А. Амирханов (1991, 2006) возглавил кампанию исследования на юге Аравии, открыв выразительный комплекс древнейшего палеолита в пещере Аль-Гуза.

Может быть самой парадоксальной чертой нашей археологии являлось то, что при подобной вынужденной территориальной ограниченности полевых исследований, здесь никогда не угасал интерес к палеолитической культуре различных уголков мира. В работах отечественных ученых анализировался палеолит зарубежной Европы (Борисковский, 1957б, 1959; Гурина, 1966; Крижевская, 1966; Григорьев, 1968; Монгайт, 1973; Кольцов, 1977; Кулаковская, 1989; Гладилин, Ситливый, 1990), Ближнего Востока (Любин, 1957; Долуханов, 1966; Бадер, 1966; Григорьев, 1968; Деревянко и др.,

1999), Среднего Востока (Коробков, 1966б; Бадер, 1975), Индостана (Борисковский, 1971; Долуханов, 1972; Ранов, 1972б, 1982, 1992а), Юго-Восточной Азии (Борисковский, 1988), Австралии (Кабо, 1969; Борисковский, 1996), стран востока Азии (Ларичев, 1970б, 1976а, б, 1981; Деревянко, 1975, 1983, 1984; Кучера, 1977, 1996; Медведев, 1978; Васильевский, Лавров, Чан Су Бу, 1982; Борисковский, 1994; Ранов, 1999) и Нового Света (Ларичева, 1976; Кузнецов, 1988). Отметим здесь же совместную работу по корреляции палеолита Средней и Восточной Европы в рамках программы INQUA “Лесс-перигляциал-палеолит” (Герасимов, 1969).

В середине 1960х г.г. П. И. Борисовским была начата работа над монументальным “Палеолитом мира”. К сожалению, реальные отечественные издательские возможности оказались не соответствующими задаче выпуска многотомного труда в течение нескольких лет. Выросшее до объема шести томов издание растянулось на десятилетия, рукописи многократно переделывались авторами с учетом новейших данных. Всего появилось четыре тома, охватывающие палеолит Африки, Ближнего и Среднего Востока, Кавказа, Северной, Центральной и Восточной Азии (Борисковский, 1977, 1978, 1989а, 1994).

В результате вместо единого среза знаний о палеолите на определенном рубеже развития науки получилось достаточно разномастное собрание очерков, к тому же написанных без согласования между авторами хотя бы манеры подачи материала, не говоря уже о концептуальной трактовке. В итоге в серии оказались работы различного жанра. Одни части “Палеолита мира” написаны в свободном стиле с заметной долей субъективного авторского видения материала (таковы разделы Г.П. Григорьева о палеолите Африки). Другие представляют собой жестко построенные сводки памятников с изложением вначале фактической базы, затем сравнительного анализа концепций различных исследователей, и под конец уже авторской оценки (работы И.И. Коробкова о палеолите Ближнего Востока, В.П. Любина о Кавказе). Основная часть издания представляет собой среднее между этими крайностями (главы В.А. Ранова, А.П. Окладникова, З.А. Абрамовой, П.И. Борисовского).

Положение в области информационного обмена и контактов начинает постепенно изменяться в лучшую сторону с 1960х г.г. и особенно в период “разрядки” 1970х г.г. Переводные труды по археологии, крайне редкие в 1930–1950е г.г., с конца 1950х г.г. начинают выходить, однако в небольшом числе и по преимуществу посвященные доистории далеких экзотических стран – Африки (Алиман, 1960; Кларк, 1977; Ван Нотен, 1988) и Юго-Восточной Азии (Беллвуд, 1986). Налаживанию советско-американских связей в какой-то мере способствовало осуществление совместного проекта А.П. Окладникова и В. Лафлина, хотя он касался палеолитической тематики лишь вскользь.

1970–1990е г.г. были ознаменованы рядом крупных международных научных форумов, благоприятно сказавшихся на знакомстве советских и зарубежных коллег. К ним относится состоявшийся в Москве в 1982 г. XI Конгресс INQUA (Алексеев, Иванова, Нейштадт, 1985). С большим успехом прошли в 1978, 1981 и 1988 г.г. советско-французские, в 1989 и 1991 г.г. – советско-американские полевые семинары с посещением памятников и осуждением проблем анализа развития палеолитической культуры в Восточной Европе по сравнению с западом континента и Новым Светом (Величко, 1978, 1981; Любин, 1988; Массон, Праслов, 1989; Soffer, Praslov, 1993).

Тут же стоит отметить проведенный в 1990 г. в Новосибирске симпозиум “Хроностратиграфия палеолита Северной, Восточной, Центральной Азии и Америки”, исторически оказавшимся последним крупным событием в жизни еще советской археологии палеолита. Конференция сопровождалась не только полной публикацией представленных докладов (Хроностратиграфия..., 1990, 1992; Chronostratigraphy..., 1990), но и путеводителей трех после-конгрессных экскурсий, охватывавших основные центры сосредоточения палеолитических памятников в Сибири – Алтай (Деревянко и др., 1990а), Енисей (Дроздов и др., 1990) и Прибайкалье (Медведев, Савельев, Свинин, 1990).

Влияние советской доистории в мире проявлялось также посредством подготовки кадров археологов-палеолитоведов для стран Восточной Европы (Болгария) и третьего мира (Вьетнам, Сирия, Кот д'Ивуар, Эфиопии, Шри-Ланки, Мали, Марокко и др.).

С 1960х г.г. возрастает степень информированности советских коллег о достижениях и проблемах современной зарубежной археологии. В это время отношения Восток-Запад приобретают форму своеобразного соревнования по принципу “вызов-ответ”. Вслед за крупными новаторскими публикациями западных исследователей через несколько лет следуют аналогичные по тематике книги на русском языке. Так, в качестве отклика на издания, посвященные применению естественнонаучных методов в археологии (Heizer, Cook, 1960; Brothwell, Higgs, 1963), появляется том “Археология и естественные науки” (Колчин, 1965). Первые опыты по использованию математических методов порождают сборник “Статистико-комбинаторные методы в археологии” (Колчин, Шер, 1970). Русская версия “Man the Hunter” (Lee, de Vore, 1968) носит название “Охотники, собиратели, рыболовы” (Решетов, 1972).

Увлеченность теоретико–методологическими вопросами на западе в 1960е г.г. нашла отклик в серии сборников по общим проблемам археологической науки (Теоретические основы..., 1969; Массон, Боряз, 1975). Правда, основная масса теоретических трудов оставалась для большей части советских коллег недоступной, была переведена всего одна и очень неудачная книжка Ж.К. Гардена (1983). К тому же достижения западной теории и методологии науки, несмотря на выход на русском языке трудов К. Поппера (1983) и К. Куна (1977), в археологии практически не отразились. Отсюда понятен тот специфический характер, который приняли в СССР теоретические дискуссии.

Перейдем теперь к анализу развития различных сторон палеолитоведения в рассматриваемый нами период. Естественно начать наш обзор с вопросов методики полевого исследования, прямо влияющих на характер выводов относительно облика древних поселений. Вскрытие культурных слоев широкими площадями с поквдратной регистрацией находок с 1950х г.г. становится стандартным приемом раскопочных работ. При изучении остатков жилищ основное внимание уделялось плану, в то время как вопросы внутреннего строения культурного слоя считались мало значимыми. Это подмечал П.И. Борисковский (1958), говоря о необходимости сочетания планиграфического и стратиграфического исследования. Однако увлеченность советских археологов открытием феномена палеолитических жилищ приводила зачастую к упрощенным представлениям относительно процедуры реконструкции таких объектов, стремлению сразу получить готовые картинки жизни и быта доисторических охотников. Во многих публикациях тех лет эффектные художественные реконструкции сооружений из костей мамонта подменяли собой документацию. Особенно остро встал вопрос о возможном воссоздании облика палеолитических жилищ в связи с работами П.П. Ефименко в Костенках I. Если автор раскопок трактовал обширный жилой комплекс как остатки единой постройки, то, принимая во внимание технические трудности сооружения столь обширного перекрытия, другие археологи (Формозов, 1954; Grigor'ev, 1967) предложили альтернативные варианты интерпретации. Скорее всего, речь шла о серии округлых легких жилищ, выстроенных вдоль центральной линии очагов.

В 1970–1980е г.г. обостряется интерес к вопросам усовершенствования методических приемов. До этого подобным сюжетам были посвящены лишь небольшие статьи М.В. Воеводского (1948б) и А.Н. Рогачева (1959), скорее подводивших итоги собственного опыта ведения раскопочных работ, чем намечавших новые перспективы. Положение начинает меняться под влиянием результатов исследований А. Леруа-Гурана в Пенсеване (на русском языке вышли пространные рецензии на эти труды: Бадер, Сергин, 1976). Здесь налицо своего рода обратная связь. Как известно, подход самого А. Леруа-Гурана к полевой методике был непосредственно инициирован знакомством с русской литературой 1930–1950х г.г. (Leroi-Gourhan, 1961). Появляются новые приемы вскрытия культурного слоя с упором на индивидуальную фиксацию артефактов. Что касается стоянок открытого типа, то здесь стоит отметить цикл многолетних работ Авдеевской экспедиции (Гвоздовер, Григорьев, 1990). В результате применения сложной системы стратиграфических бровок исследователям удалось в пределах мощного культурного слоя проследить ряд периодов обитания, причем связать время функционирования характерных для исследуемого комплекса ям с начальным этапом жизни на стоянке.

Другое интересное направление, также ориентированное на микростратиграфию, было представлено работами Каменнобалковской экспедиции. Благодаря индивидуальной фиксации находок с последующим проецированием их положения на микропрофили, однородный культурный слой оказался состоящим из ряда “поверхностей обитания” (рис. 31; Леонова, Несмеянов, 1991). Некоторые группы исследователей применили методику регистрации находок, разработанную А. де Люмлеем (Lumley-Woodyear, 1972), а именно фиксацию артефактов при помощи специальных карточек (Медведев, Алаев, Алаева, 1978; Ранов, Амосова, 1990).

Что касается подъемных местонахождений, то вопросы их изучения были подробно рассмотрены И.И. Коробковым (1971). Если в упоминавшейся выше работе М.З. Паничкиной поквдратная регистрация находок на Сатани–Даре служила средством расчленения предположительно разновременных комплексов в пределах памятника, то И.И. Коробков поставил задачу выделения разнофункциональных специализированных участков. При анализе материалов особую роль он придавал корреляции морфологии изделий с характером видоизменения их поверхности (патины, окатанность, ожелезнение).

Основы методики подхода к памятникам пещерного типа изложены в нашей литературе В.П. Любиным (1990).

С 1970х г.г. перед исследователями палеолита встали новые проблемы геоархеологического плана. Они были связаны с открытием памятников, залегающих в необычных геологических контекстах и, соответственно, необходимости понять сущность накопления культурных остатков, оценить степень

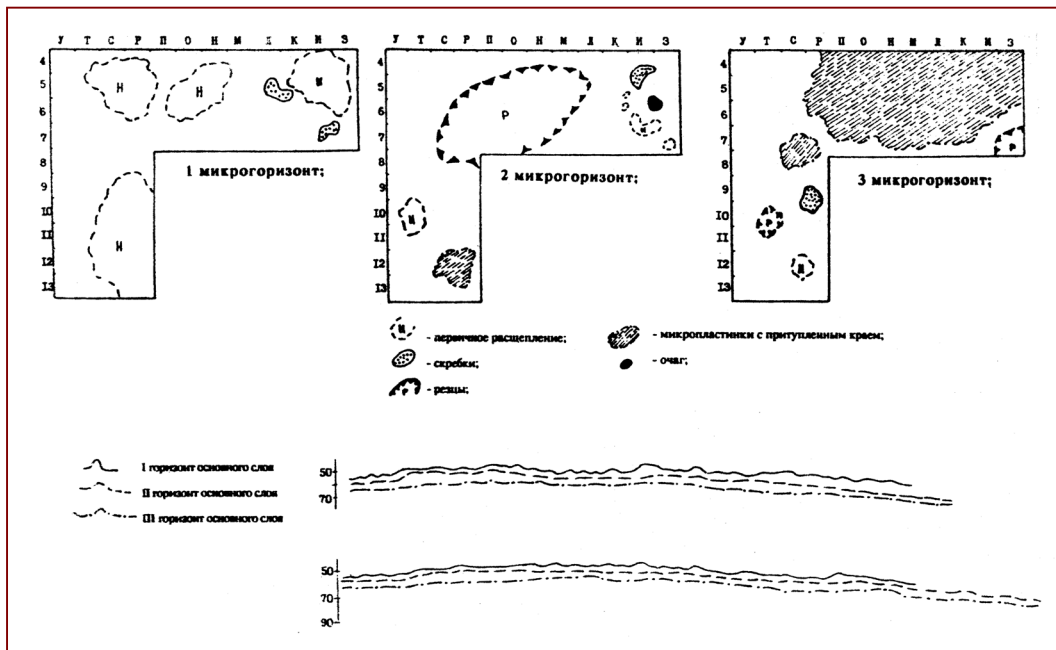

Рис. 31. Микростратиграфический анализ культурного слоя Каменной Балки II (на примере юго-восточного участка) (по: Леонова, 1993, рис. 10).

пост-депозиционных нарушений. Особенно актуальной данная тематика оказалась для иркутских археологов, начавших в эти годы активные работы на ранних верхнепалеолитических и нижнепалеолитических местонахождениях, абсолютное большинство которых испытало в той или иной мере процессы переотложения (Медведев, Савельев, Свинин, 1990). Г.И. Медведев и С.А. Несмеянов (1988) разработали классификацию типов культуровмещающих отложений. В пределах этих геологических образований они разделили собственно культурные горизонты (места “первичной” концентрации археологического материала) от слоев “остаточной” и “вторичной” концентрации артефактов. В связи с этим культурные остатки в различных вариантах их положения определялись как “первично-погребенные”, “перезахороненные” (переотложенные на том же геоморфологическом уровне), собственно “переотложенные” (смещенные на другие гипсометрические отметки) и “экспонированные” на поверхности. На конкретном примере ряда памятников Средней Азии было показано, что горизонты вторичной концентрации археологического материала принимались археологами за культурные слои. Интересны геоархеологические наблюдения А.А. Сеницына (1990) относительно вероятного механизма формирования псевдо-многослойности в результате склоновых процессов. Отметим и более общие разработки, призванные дать определение элементам и структуре культурного слоя, определить этапы его формирования (Александрова, 1990; Леонова, Несмеянов, 1991).

С геоархеологическими проблемами неразрывно связан вопрос о влиянии естественных процессов на облик самих артефактов. Эта тематика касается так называемого зубчатого мустье – варианта среднепалеолитической культуры, который вслед за Ф. Бордом советские исследователи стали выделять в различных регионах. В.Е. Щелинский (1983), проведя серию экспериментов с регулярным хождением по разбросанным на поверхности не ретушированным заготовкам, выявил появление в результате этого следов зубчато-выемчатой “обработки”. По мнению Н.Д. Праслова (1984), само понятие зубчатого мустье не более чем артефакт; речь идет о совокупности памятников особого типа со значительной долей естественно поврежденных предметов.

Новым моментом в 1980е г.г. стало использование экспериментов с целью моделирования процессов археологизации культурных остатков и функционирования древних поселений. Следует отметить, что еще в 1957 г. П.И. Борисковский (1963), открывший на Костенках XIX своеобразный очаг с канавкой, соорудил экспериментальную копию данного объекта, наглядно продемонстрировав значение канавки для усиления притока воздуха к огню. П.В. Волков (1994) провел изучение следов, остающихся на почве от горения экспериментальных костров различного типа (способы их устройства заимствованы из сибирской этнографии). Им же было исследовано пространственное рассеивание отходов производства на экспериментальной рабочей площадке при расщеплении камня (рис. 32; Волков, 1991). Упомянем опыты читинских археологов, соорудивших модель легкого переносного

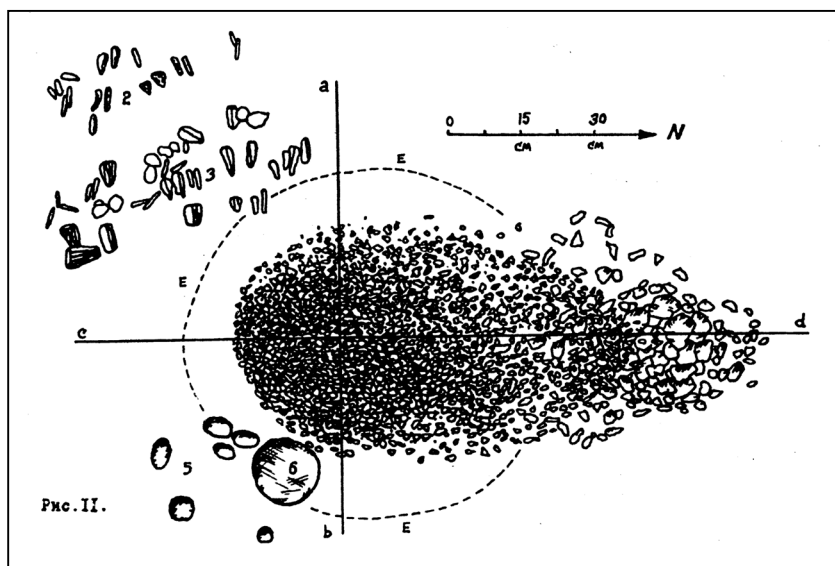

Рис. 32. Распределение остатков расщепленного камня в экспериментальной мастерской (по: Волков, 1991, рис. II).

жилища, подобного раскопанным в большом числе на стоянках Чикоя (Константинов, 2001). К сожалению, деятельность такого рода во многих случаях была лишена основных параметров научных экспериментов – серийности, четкого выделения факторов, влияющих на появление тех или иных пространственных конфигураций остатков. Соответственно и правомерность переноса полученной информации для интерпретации палеолита оставалась достаточно проблематичной. Уместно будет по данному поводу процитировать В.Е. Щелинского (1983, С. 73): “Эксперименты в археологии вряд ли способны существенно помочь исследованиям, если они не опираются на достоверные археологические факты, а результаты их не согласуются с предварительными наблюдениями или не могут быть проверены на основании того же вещественного археологического материала”.

Начало собственно планиграфических исследований в России было положено в 1970е г.г. Н.Б. Леоновой. В центре внимания археолога, обобщившей огромные материалы по верхнепалеолитическим стоянкам Сибири и Восточной Европы, находилась структура памятника, понимаемая как “общая система пространственного распространения различных объектов слоя и сочетания их с различными видами скоплений сырья и изделий” (Леонова, 1977, С. 5). Для выявления этой структуры Н.Б. Леонова применила сравнительный анализ распределения видов находок по квадратным метрам с помощью таблиц и графиков. В итоге выявились две группы поселений – стоянки–мастерские с простой структурой и базовые памятники. Наметилась определенная типология скоплений расщепленного камня – производственные центры, связанные с первичным расщеплением камня и изготовлением ядрищ, специализированные и неспециализированные скопления, где преобладало изготовление и использование орудий (Леонова, 1980).

В свою очередь, работы Н.Б. Леоновой дали толчок к появлению серии планиграфических исследований распределения инвентаря на площади поселения (Иванова, 1985; Кротова, Коен, Евтушенко, 1989). Однако, во многих случаях стандартная поквартная регистрация находок “смазывала” картину (рис. 33). К простой фиксации распределения добавилось изучение связей между участками стоянки, устанавливаемое на основе подбирающихся фрагментов, ядрищ и сколов (рис. 34; Гречкина, 1984). В русской археологической литературе для последней операции употреблялись два термина – восходящее к французской традиции слово “ремонтаж”, и изобретенный иркутскими исследователями (как всегда склонными к терминологическим новациям) “аппликативный метод” (рис. 35; Аксенов, 1981).

Сказанное касается не только изделий из камня. Планиграфический анализ распределения фаунистических остатков позволили выделить специализированные хозяйственные комплексы на стоянках (Станко, 1989). Применение археозоологических методов дало возможность, к примеру, интерпретировать известное Амвросиевское костяше как следы многократных загонных охот с последующей разделкой туш, а не отражение одновременного эпизода, согласно традиционной трактовке (Леонова, Миньков, 1987).

Намеченную в трудах П.П. Ефименко, П.И. Борисковского и А.Н. Рогачева линию на типологизацию жилых объектов палеолита продолжил В.Я. Сергин (1992). Наряду с классификацией собственно жилищ, он выделил ряд образцов пространственного размещения структур обитания на палеолитических поселениях – кучную, дугообразную, овально–сомкнутую, линейную (рис. 36). Поиск

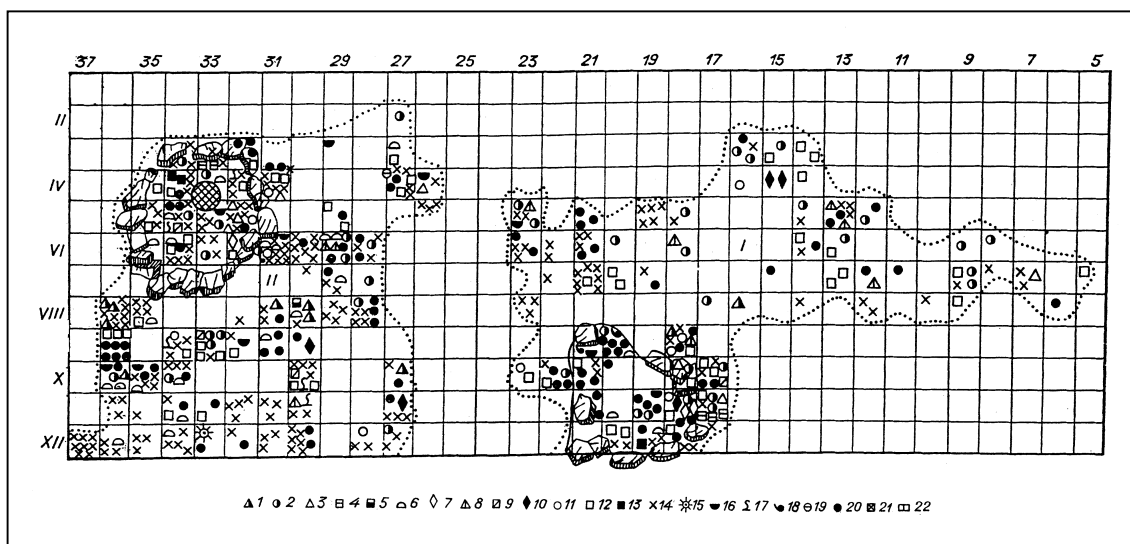

Рис. 33. Планиграфическое распределение изделий в раскопе Мальты 1957 г. (по: Холушкин, 1981, рис. 21).

I – первый участок; II – второй участок.

1 – резец; 2 – скребок; 3 – проколка; 4 – ножевидная пластинка; 5 – нож; 6 – выемчатое орудие; 7 – остроконечник; 8 – острие; 9 – долото; 10 – чоппер; 11 – скребло; 12 – нуклеус; 13 – отжимник; 14 – пластины, отщепы; 15 – пуговица; 16 – зубчатое орудие; 17 – сверло; 18 – галька; 19 – отбойник; 20 – пластины с ретушью; 21 – нуклеидное орудие; 22 – подвески из кальцита.

такого рода интересен, хотя вопрос об одновременности обитания жилищ оставался в большинстве случаев без определенного ответа.

Проблема определения длительности обитания человека на стоянках была также далека от решения. Традиционный тезис о долговременном непрерывном заселении подвергся критике со стороны палеозоологов, указывавших на сезонный характер обитания (Верещагин, Кузьмина, 1977). Эти вопросы были подробно рассмотрены В.Я. Сергиным (1988), разработавшим систему критериев оценки сезона заселения, основанную как на анализе фаунистических остатков, так и на фактах наличия/отсутствия долговременных структур, ям для хранения запасов и т.д. Несмотря на явно оценочный характер показателей и неопределенность сведений по многим стоянкам, В.Я. Сергин выделил круглогодичные памятники (например, Костенки I) и стоянки, обитавшиеся в теплое время года.

К сожалению, собственно археозоологический анализ на протяжении долгого времени применялся лишь в единичных случаях. Большинство публикаций содержало суммарные списки фауны с соответствующими палеозоологическими и палеоэкологическими комментариями (см., например, Ермолова, 1978). В сущности, господствовал традиционный палеонтологический подход. Вопрос о происхождении костных остатков, особенно костей мамонтов, которыми изобилуют верхнепалеолитические поселения Восточной Европы, оставался дискуссионным ввиду трудности достоверно разделить следы охотничьей деятельности древнего человека от собранных им костей. Представление о том, что все кухонные остатки являются неременным свидетельством охотничьей добычи, господствовало среди археологов. Напротив, палеозоологи (Верещагин, 1971; Верещагин, Кузьмина, 1977) вслед за В.И. Громовым указывали на вероятность сбора костей мамонтов на местах естественной гибели животных.

Под непосредственным влиянием новых веяний в западной археологии (White, 1985; Soffer, 1985) появились первые опыты анализа размещения стоянок на местности (Сергин, 1988; Матюшкин, 1993). И.Е. Матюшкиным была намечена (но так и не реализована) программа исследования локальной палеоэкологии, определен примерный список признаков для описания характера памятника и его непосредственного окружения.

Работ, специально посвященных палеоэкономике палеолита, было также немного. В большинстве случаев усилия в этом направлении сводились к стандартному набору фраз о “ведущей роли охоты и собирательства” и рассмотрению тех же суммарных списков фауны. В предшествующий период вопросы реконструкции хозяйственной деятельности в палеолите неоднократно привлекали

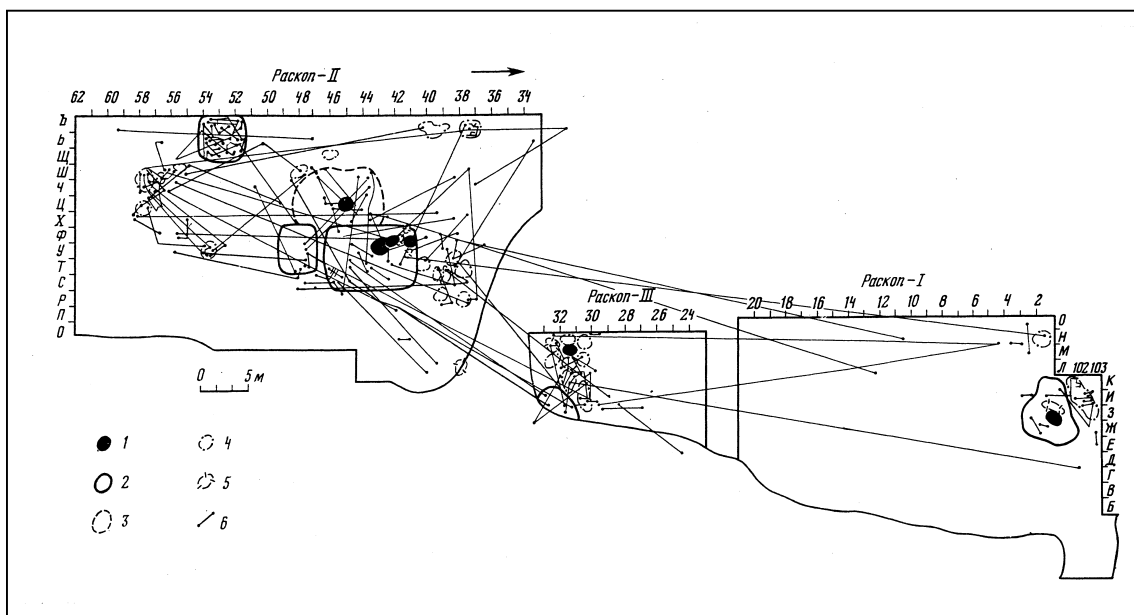

Рис. 34. Схема связей по ремонту предметов расщепленного камня в 4 культурном слое стоянки Кокорево I (по: Абрамова, Гречкина, 1990, рис. 1).

1 – очаги; 2 – концентрированные скопления расщепленного камня; 3 – контуры предполагаемого жилища; 4 – индивидуальные рабочие площадки; 5 – скопления чешуек; 6 – связи между подбирающимися частями артефактов.

внимание отечественных археологов (см. главу 3). Во многом эти работы строились на прямом переносе на палеолит этнографических моделей. Об опасности такого подхода предостерегал еще С.Н. Замятнин (1960, С. 80): "... данные археологии часто привлекаются только как иллюстрации тех или иных положений, априорно принимаемых ... Возможности, заложенные в археологических источниках, используются далеко не полностью и подчас заменяются приведением ставших уже привычными, неоднократно повторяемых традиционных выводов и немногих поверхностных этнографических сопоставлений".

Продолжая линию исследований П.П. Ефименко и С.Н. Замятнина, А.Н. Рогачев (1973б) выступил с углубленным анализом хозяйственной деятельности средне- и верхнепалеолитических обитателей Русской равнины. Открытая им в Костенках IV серия пестов-терочников дала импульс к созданию концепции так называемого "усложненного собирательства", имевшего не меньшую экономическую значимость, чем охота. Опираясь на факт открытия аналогичных вещей в мусьерских памятниках Приднестровья, А.Н. Рогачев поставил вопрос о среднепалеолитической подоснове явления. По его мнению, усложненные формы собирательства создавали в верхнепалеолитическое время предпосылки для становления производящих форм хозяйства.

Некоторое распространение в 1960–1970е г.г. получил так называемый "палеоэкономический анализ", разработанный в основном С.Н. Бибиковым (1969; см. также Черныш, 1980). В основе подхода лежала достаточно упрощенная модель, основанная к тому же на ряде не доказанных и с трудом поддающихся проверке допущений. Так, для определения численности населения на палеолитической стоянке применялось простое уравнение: 1 семья = 1 очаг внутри жилища. Число людей, составлявших такую семью и суточные нормы мяса, необходимые для прокорма, брались из различных этнографических источников по народам Севера без всяких попыток хоть как-то обосновать правомерность переноса таких расчетов на палеолит. Примерный вес охотничьей добычи подсчитывался, исходя из минимального числа особей по данным палеозоологов и, соответственно, определялась длительность обитания на стоянке. С.Н. Бибиков исходил в своих положениях из традиционного представления об оседлости, круглогодичном обитании на верхнепалеолитических поселениях, а также из допущения, что все найденные на памятнике кости являются бесспорным свидетельством охотничьей деятельности. По количеству известных стоянок он определял численность палеолитического населения по регионам.

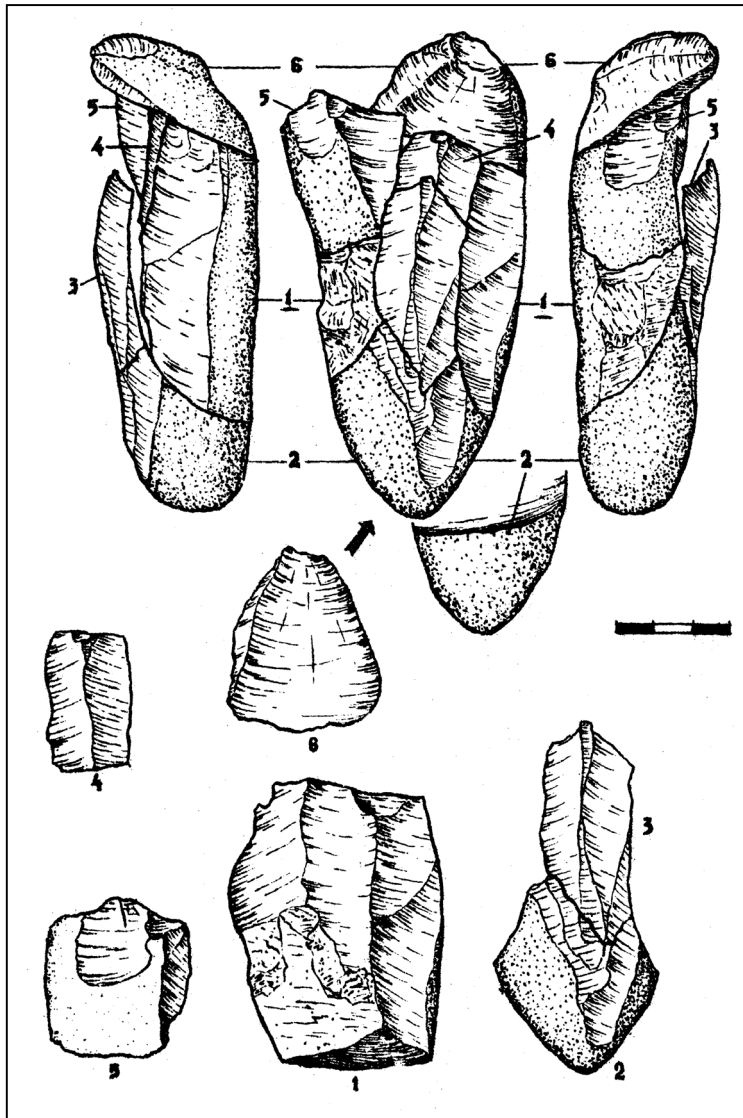

Рис. 35. Ремонтаж нуклеуса со сколами со стоянки Макарово IV (по: Аксенов, 1981, рис. 1).

Близка к данным построениям была попытка В.П. Степанова (1976) выделить хозяйственно-культурные типы верхнего палеолита Восточной Европы и Сибири на основании списков фауны и палеоэкологической характеристики отдельных видов. Как и в упомянутом выше случае, уровень подобных построений оказался весьма низким. Так, мощный культурный слой непременно принимался за признак постоянной оседлости, разбивка промысловых видов животных на лесные, степные, лесотундровые и т.д., была также далека от представлений об экологической пластичности плейстоценовой фауны.

Естественная для России географическая приуроченность исследований, анализ материала в широком пространственном диапазоне приводил к попыткам выделения ряда хозяйственных зон, обычно соотносившихся с этнографическим понятием "хозяйственно-культурный тип". Эта линия исследований берет начало в работах П.И. Борисковского (Борисковский, Праслов, 1964), где был сформулирован тезис о существовании на юге Русской равнины особой степной области, характеризующейся охотой на стадных копытных (бизона, лошадь) в условиях перигляциальных степей. Связанный с этим подвижный образ жизни и отсутствие следов постоянных жилищ противопоставлялся оседлости охотников на мамонта, обитавших в центральной части Восточной Европы. Интересно, что специально предпринятый археозоологический анализ состава фауны стоянок степной зоны (Миньков, 1991) продемонстрировал, что базовые стоянки здесь заселялись, как минимум в течение значительной части года, и речь может идти об относительно оседлом образе жизни, принципиально не отличающимся от существования обитателей северных широт. Особые характеристики культурного слоя этих памятников оказались в большей мере связанными с нарушением горизонтов обитания, чем с хозяйственной спецификой.

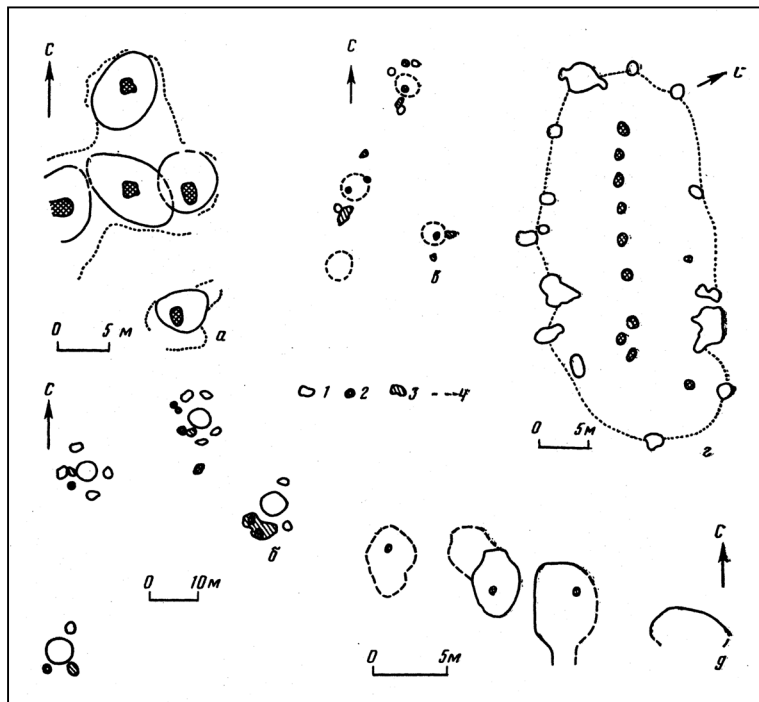

Рис. 36. Типы структуры позднепалеолитических поселений Восточной Европы и Сибири (по: Сергин, 1988, рис. 1). Расположение объектов на поселениях: а – кучное (Тельманское поселение, слой 2); б – дугообразное (Добраничевка); в – овалльно-замкнутое (Костенки I, слой 1, комплекс 1); д – линейное (Буреть). 1 – граница жилищ и хозяйственных ям; 2 – очаг; 3 – производственный участок; 4 – граница распространения культурного слоя.

Понятие хозяйственно-культурного типа довольно часто встречается в отечественной археологической литературе 1960–1990х г.г., посвященной как верхнему палеолиту (Гладких, 1991а, б), так и мустье (Дороничев, 1993). Однако в большинстве случаев речь, в сущности, шла о зонах преобладания тех или иных видов охотничьей фауны и вряд ли выделяемые таким образом ареалы могли быть напрямую интерпретированы в терминах этнографии. Другие опыты в области региональных реконструкций палеолита сводились к прямому проецированию на археологические материалы этнографических моделей, как это продемонстрировала работа Л.Л. Зализняка (1989). Данный автор для создания картины экономики, социальной организации и систем расселения в финальном палеолите Полесья, просто “наложил” на археологические данные сведения о североамериканских охотниках на карibu.

Общие проблемы взаимосвязи доисторического человека и природы живо обсуждались в 1960е – начале 1970х г.г., правда, по преимуществу в контексте попыток уловить прямую зависимость между набором артефактов и характеристиками палеосреды, реконструируемыми на основании естественнонаучных данных. Опыты подобного рода показали отсутствие корреляции между характером кремневого инвентаря и составом охотничьей фауны (Гвоздовер, 1974). В то же время, обостренное внимание к выделению локальных культур, конфигурации которых явно не совпадали с природной зональностью плейстоцена, а возраст культурных изменений – с хронологией палеоклиматических сдвигов (см. главу 5), сводило к минимуму интерес к причинно-следственным связям между палеолитическими сообществами и их природным окружением. Широкое распространение получила точка зрения, сформулированная создателем локально-культурной версии А.Н. Рогачевым (1969, С. 185–186): “... следует подчеркнуть главный вывод, заключающийся в том, что решающую роль в развитии первобытной культуры играла не природная среда, а социальные условия, то есть общественное бытие людей, которое и определяло, в частности, местные особенности культуры в среднем и позднем палеолите”. Еще более резко обозначил эту позицию Г.П. Григорьев (1974б, С. 308): “ Развитие природы и развитие общества – это два независимых процесса и влияние одного процесса на другой – редкий случай, который нужно специально отыскивать”. Правда, В.Н. Гладылин (1974) попытался связать культуру и среду через демографическую модель, выделив регионы с ускоренным и замедленным прогрессом культуры в палеолите. По его мнению, периодически возникавшие под влиянием ухудшения климата вынужденные миграции населения и, как следствие, перенаселенность в отдельных районах, заставляли древнего человека искать новые пути развития производства. Именно с этих позиций он трактовал, например, возникновение феномена верхнего палеолита.

Как указывал Г.П. Григорьев (1974а, С. 68–69): “ ... исследователи слишком часто упрощали вопрос таким образом, что сводили его к установлению простого совпадения во времени событий

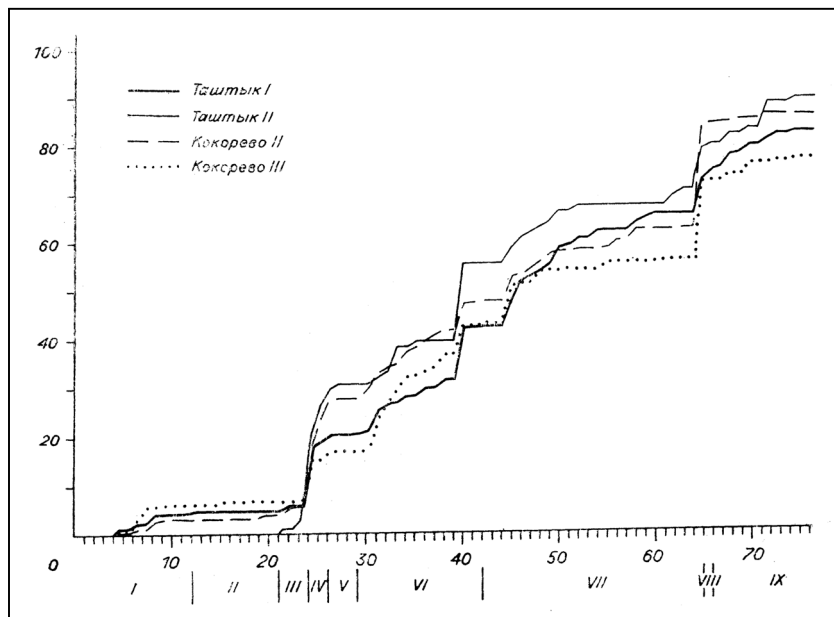

Рис. 37. Применение принципов метода Ф. Борда к сибирским материалам. Кумулятивные графики типов орудий в палеолите Енисея (по: Абрамова, 1979а, рис. 12).

культурной истории и изменений природной обстановки. Однако, совершенно очевидно, что после установления совпадения во времени изменений в природном окружении и сдвигов в составе каменных орудий как раз и начинается наиболее сложный момент исследования: доказать, что это совпадение причинно связано, а не просто связано во времени ... Сила привычки ... так велика, что, не задумываясь, в одном случае придают благотворное воздействие суровому климату перигляциала в Европе в последнем оледенении, а в другом случае – мягкому или жаркому климату Африки”.

Резко выделялась на этом фоне точка зрения П.М. Долуханова (1979), рассматривавшего древние сообщества как составную часть экосоциальной системы, включающей экологическую и социальную (экономика, народонаселение, орудия труда, культура) подсистемы. Подобная теоретическая модель оказалась, впрочем, достаточно удаленной от реальностей археологии. Проведенный П.М. Долухановым совместно с польскими коллегами многомерный статистический анализ состава каменных индустрий (описанных по обобщенной типологической схеме С. и Я. Козловских) и характеристик природной среды (несколько типов ландшафта) не привел к сколь-либо убедительным результатам (Dolukhanov, Kozlowski, Kozlowski, 1980).

Что касается сферы социальной реконструкции палеолита, то и здесь реальных достижений было немного. Частично это объяснялось тем, что данная сфера научного поиска оказалась отданной на откуп этнографам, занимавшимся так называемой “историей первобытного общества”, частично разочарованием в социологизаторских схемах стадиялистов. “... Если еще недавно социологическая направленность советской школы широко декларировалась отечественными исследователями..., то в настоящее время даже принципиальные положения этого направления практически выведены за рамки интересов археологов” (Синицын, 1992, С. 6). Можно сказать, что археологами почти единодушно признавалось наличие в верхнем палеолите таких явлений как родовая община (в качестве материального воплощения которой рассматривается стоянка с совокупностью жилищ) и парная семья (находящая отражение в преобладании небольших одноочажных жилищ; Григорьев, 1972а, 1980). В связи с открытием мустьерских жилищ, сложных проявлений культуры в раннем палеолите, феномены общины и парной семьи были перенесены вначале на мустье, а затем и на весь палеолит, начиная с олдувайской эпохи (крайнюю точку зрения см. Григорьев, 1977а). Что же касается вероятного существования и характера социальных общностей более крупного масштаба, то эта проблема упиралась в нерешенность вопроса о том, каким образом соотносить единицы археологической классификации и этнографические понятия.

Так, в области этноархеологии отечественные исследователи ограничивались обзорами иностранных публикаций, хотя “этноархеологический потенциал” нашей страны, особенно если речь идет об аборигенных народах Севера и Сибири, очень велик. Само отсутствие понятия об “общей антропологии”, разобщенность археологических и этнографических учреждений препятствовало, в отличие от США, успеху подобных предприятий. Отметим здесь же явно затянувшееся существование так называемой “истории первобытного общества”, которая, вопреки широковетательным декларациям о “синтезе” источников, сводилась на практике к дилетантским попыткам этнографов

интерпретировать археологические данные в рамках умозрительных схем, восходящих к незабвенному Л.Г. Моргану в изложении Ф. Энгельса. Не в силах оценить реальную сложность работы с археологическими источниками, деятели этого направления всегда старались выбрать из археологических концепций наиболее “живые”, соответствующие тем или иным этнографическим представлениям, тезисы (яркий пример такого подхода см.: Бромлей, 1983, 1986). Все это порождало среди основной массы археологов скептическое отношение относительно самой возможности привлечения этнографических данных для интерпретации палеолита.

Развитие подхода отечественных исследователей к анализу каменного инвентаря в описываемые десятилетия было всецело связано с критическим освоением достижений французской археологии. Новая ориентация французского палеолитоведения, связанная с появлением в конце 1940х – начале 1950х г.г. трудов Ф. Борда (Sonneville-Bordes, Perrot, 1953; Bordes, 1961a) и переходом на стандартные процедуры статистического описания комплексов каменного инвентаря, нашла отклик в нашей стране с некоторым опозданием. А.П. Черныш впервые на украинском (Черныш, 1959б), а затем и на русском языке (Черныш, 1967) публикует типлист Д. Сонневиль-Борд и Ж. Перро, иллюстрируя типы орудий образцами из собственных раскопок памятников Приднестровья.

Решающим шагом по пути широкого внедрения бордовской системы в практику советской археологии стал выход в свет обширной статьи В.П. Любина (1965), содержавшей как подробное критическое изложение итогов работы Ф. Борда, так и предложения автора по ее усовершенствованию. Если применить к отечественной литературе по палеолиту индекс цитируемости, то вероятно упомянутый труд является лидером. Для В.П. Любина классификация Ф. Борда носит чересчур общий характер, он идет по пути максимального дробления материала, предлагая, например, очень детальную схему деления форм ударных площадок. Таким же образом В.П. Любин поступил с бордовскими типами. “Почти каждый из 63 типов-эталонов может стать объектом отдельного исследования, которое в какой-то мере еще предстоит сделать” (Любин, 1965, С. 60). В соответствии с поставленной задачей исследователь показал на примере остроконечников и угловатых скребел возможности идентификации более дробных, чем у Ф. Борда, подразделений. Целью этой работы являлось, по мысли В.П. Любина, создание “региональных типологических списков” для различных территорий, учитывающих по возможности все нюансы морфологического разнообразия материала. В дальнейшем вслед за А. де Лумлеем (Lumley-Woodyear, 1969, 1971) В.П. Любин (1977) выделил при описании индустрий вторичную обработку в особый отдел (ретушь, создающая орудийное лезвие, ретушь аккомодации, следы переоформления и т.д.).

Нужно отметить, что, за исключением А.П. Черныша, никто из отечественных авторов не применял типлист Д. Сонневиль-Борд и Ж. Перро для анализа верхнепалеолитических стоянок Восточной Европы; слишком уже велики были различия в облике индустрий и слишком явно своеобразие форм изделий. Примерно то же можно сказать о мустье. Уже Н.Д. Праслов отмечал невозможность механического перенесения бордовской типологии на среднепалеолитические памятники Русской равнины. “Применение лист-типа Ф. Борда при изучении коллекций Рожка I и грота Мустье могло бы дать под одними и теми же номерами ... одинаковое количество предметов. Но разве цифровые выражения отражают сходство этих двух совершенно различных типов изделий? Именно поэтому автор не нашел возможности при изучении коллекций мустьерских памятников Восточной Европы применять метод Ф. Борда, разработанный на материалах Западной Европы, и не отражающий всего своеобразие памятников других мустьерских общностей” (Праслов, 1968, С. 141). Вслед за Н.Д. Прасловым и А.А. Формозовым (1959) в этом же направлении отрицания всеобщей ценности бордовской типологии и поиска специфических типов шел Ю.Г. Колосов (1986), выделивший разновидности двусторонне обработанных изделий в мустьерских памятниках Крыма, в основном в его список попали известные по материалам Средней Европы ножи клаузеннише, бокштайн, прондник, но есть и действительно своеобразные формы.

Несколько больший эффект идеи типолого-статистической классификации имели в Сибири. На базе “сращивания” европейских типлистов для среднего и верхнего палеолита с некоторыми видоизменениями появились классификационные списки для позднего палеолита Енисея (рис. 37; Абрамова, 1979а, б), памятников бассейна Томи (Маркин, 1986) и Западной Сибири (Петрин, 1986).

В процессе поиска оптимальных таксономических систем мнения авторов разделились. С одной стороны, наметила линия на максимально дробную фиксацию всех морфологических элементов орудий и построение на этой базе жестких искусственных классификаций. В.Н. Гладили (1976) предложил собственную оригинальную схему описания каменных индустрий. Как и у В.А. Городцова (см. главу 2), речь шла о дедуктивной системе с заранее заданными делительными линиями, априорно накладываемыми на материал. В итоге была получена многоступенчатая иерархическая классификация со следующими уровнями. Вначале все изделия делились на две категории – в первую

класс	Нижний класс				класс
	левалуазские				
отдел					радиально-перечные
					радиально-перечные
					радиально-перечные
					радиально-перечные
					радиально-перечные
					радиально-перечные
					конвергентные
тип					обалованные
					обаловно-выпуклые
					обаловно-уплощенные
					подтреугольные

класс	Нижний класс				класс
	левалуазские				
отдел					радиально-перечные
					радиально-перечные
					радиально-перечные
					радиально-перечные
					радиально-перечные
					конвергентные
тип					округлые
					округло-выпуклые
					округло-уплощенные
					подоболочные

Рис. 38. Классификация левалуазских ядриц — Закарпатья (по: — Гладили, Ситливый, 1990, рис. 21).

попали полуфабрикаты и отходы производства, во вторую – орудия. Категории подразделялись на разряды в зависимости от характера сырья. Далее шло деление на секции, классы, отделы, группы, типы, подтипы, разновидности. Например: секция: нуклевидные; класс: нуклеус; отдел: леваллуазский; группа: черепаховидный; тип: овальный и т.д. (рис. 38).

Нетрудно заметить, что выставляемая как преимущество подобной схемы дробность расчленения материала приводила к тому, что одинаковый вес приобретали признаки существенные и случайные; не законченные обработкой, бракованные или фрагментированные орудия занимали в классификации самостоятельные ячейки наряду с целостными стандартными формами орудий. В итоге система В.Н. Гладилина использовалась в полном объеме практически только его учениками (правда, Ю.Г. Колосов применял данную схему, но лишь при классификации ядрищ).

С другой стороны, в 1970е г.г. в окружении А.Н. Рогачева активно велся поиск наполнения типологических единиц содержательным смыслом, имея в виду создание некоей “морфологии” каменных орудий, противопоставлявшейся “формальной типологии” и нацеленной на выделение археологических культур (см. главу 5). В этой связи А.Н. Рогачевым было предложено понятие “технико–морфологической группы”, близкое по объему традиционному представлению о “категории” или “классе” орудий, но рассматриваемое как единство формы, функции и техники изготовления (см. Сеницын, 1978). В дальнейшем терминология усложнилась. М.В. Аникович (1991) употреблял два термина для обозначения категорий орудий – технико–морфологическая группа и техническая группа. Первый применялся им для обозначения тех групп изделий, функционально–технические параметры которых более жестко заданы (скребки, проколки, усеченные ретушью изделия и др.). Второй же носил общий характер, охватывая группы, определяемые по приемам вторичной обработки (резцовый скол, подтеска и др.), внутри которых можно выделить несколько технико–морфологических групп. К таким были отнесены резцы, пластинки с притупленным краем, бифасиальные изделия, зубчато–выемчатые орудия. В целом данные попытки усовершенствования таксономии не получили большого распространения.

Характерное для археологии 1960–1970х г.г. стремление к четкости, “объективности” классификационных схем, позволяющим вести статистическую обработку материала, проявилось в России в деятельности двух исследовательских коллективов. Первый из них, объединивший археологов Москвы и Ленинграда, исходил из популярной в те годы статистической версии типа в археологии (тип как устойчивое сочетание признаков). Применительно к каменным орудиям подобная линия исследований была непосредственно стимулирована работами Д. Сэкета (Sackett, 1966) и особенно Х. Мовиуса и его учеников (Movius et al., 1968), активно работавшими над альтернативными бордовской типологии классификациями верхнепалеолитических орудий, построенных на анализе сочетания признаков. Отечественные авторы исходили из иерархического построения схемы классификации, где на разных уровнях выделяются категории (скребки, резцы, пластинки с притупленным краем), субкатегории или надтипы (например, резцы срединные, угловые и др.), именуемые также “категориальными разновидностями” (Беляева, 1979). Ниже следовал основной уровень типов, описываемых наиболее длинным списком признаков, а иногда делящихся на подтипы. Анализируя данную таксономическую систему, в основном сформулированную в трудах Г.П. Григорьева, можно отметить, что она создавалась не без явного влияния “Аналитической археологии” Д. Кларка (Clarke, 1968). Налицо стремление в обоих случаях представить структуру понятий как иерархически организованную логически связанную систему “археологических общностей” (archaeological entities). На базе этой схемы с использованием учета взаимной встречаемости как качественных, так и количественных признаков, были построены классификации пластинок с притупленным краем (Гвоздовер и др., 1974), скребков (рис. 39; Гвоздовер, Деопик, 1984), ножей костяного типа (Беляева, 1977). Выделенные в итоге “устойчивые разновидности форм” орудий были соотношены в одних случаях с понятием “тип”, в других – с “надтипом”.

Вторая группа, работавшая в сходном ключе, – иркутская, группировавшаяся вокруг Г.И. Медведева. Как и упоминавшиеся выше исследователи, сибирские археологи исходили в своих поисках из необходимости разработки унифицированных правил ориентации, сегментации и дифференциации изделий из камня. Ими были разработаны развернутые списки признаков и терминов для описания нуклеусов (рис. 40; Медведев, Михнюк, Леженко, 1974), пластин, скребел, бифасиальных изделий (Медведев, 1975, 1981), резцов и скребков (Леженко, 1975; Медведев, Савельев, Леженко, 1981). В отличие от обычной русской номенклатуры, в большей степени ориентированной на французскую типологическую традицию, иркутские авторы ввели ряд терминов, заимствованных из англоязычной литературы, причем в некоторых случаях предлагая их взамен устоявшихся названий. На практике работа данной школы в основном свелась именно к терминологическим новациям, получившим некоторое (но отнюдь не всеобщее) признание среди сибирских археологов.

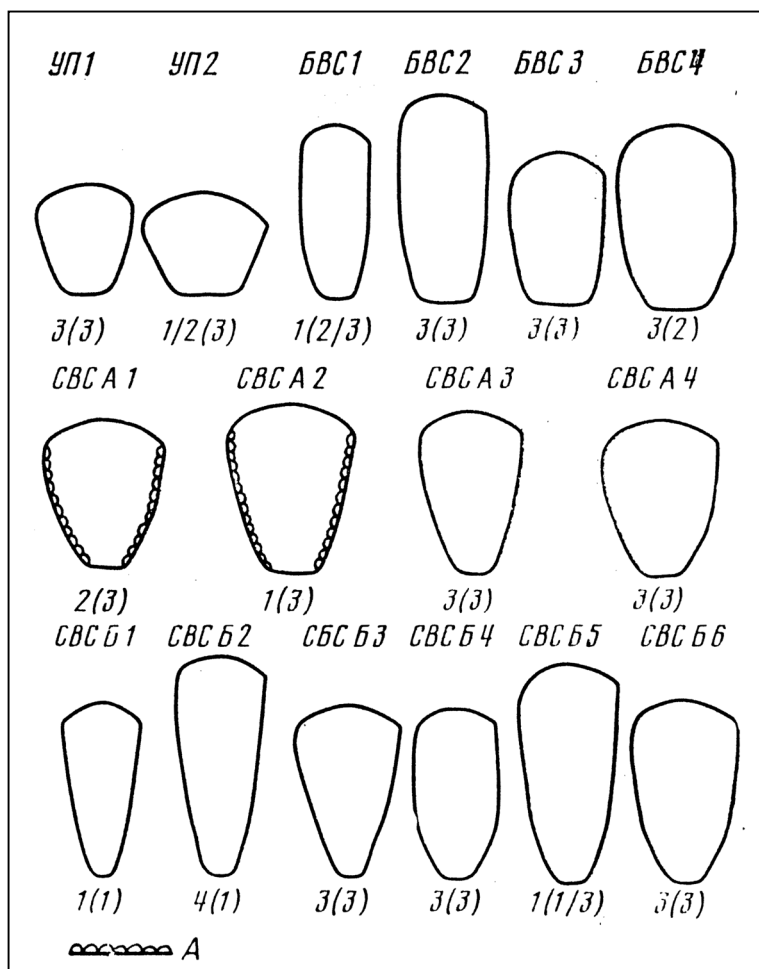

Рис. 39. Устойчивые разновидности формы (УРФ) скребков Каменной Балки II, выделенные на основе статистического анализа (по: Гвоздовер, Деоник, 1984, рис. 22).

А – схематическое изображение крутой ретуши; цифра под изображением УРФ – преобладающее значение по признаку “форма краев”; цифра в скобках справа – то же для признака “форма схождения лезвия и краев”.

Касаясь опытов по статистической классификации изделий из камня, отметим сравнительный анализ мустьерских индустрий Средней Азии (Гинзбург, Горенштейн, Ранов, 1980). Прочие проекты, связанные с применением статистико-математических методов для классификации каменных орудий, были не столь многочисленны (Матюшин, 1975; Холюшкин, 1981) и не привели к сколь либо заметным содержательным результатам.

Пожалуй, единственным исключением, когда статистические методы стали не самоцелью, и не “приложением” к традиционному исследовательскому арсеналу, а явились базой для археологических выводов, стал труд Р.Х. Сулейманова (1972), посвященный материалам грота Оби-Рахмат. Автор проследил изменения метрических параметров ядрищ и сколов по слоям памятника, а также соотношение групп ядрищ и орудий. Статистический анализ показал единство традиций оби-рахматской культуры по всей колонке.

С начала 1980х г.г., как и в западной археологии, интерес исследователей к проблеме классификации каменных изделий на основе статистических методов постепенно ослабевает. Вероятно, в основе этого лежат объективные причины – трудность, а порой и невозможность квантификации признаков на реальных вещах, гораздо меньшая степень стандартизации палеолитических артефактов по сравнению с археологическими объектами более поздних эпох, сложность учета неравного веса признаков для классификации. Никому из исследователей, ни в России, ни за рубежом, за многие годы усилий так и не удалось создать более или менее жизнеспособную типологию, построенную на основе анализа сочетания признаков. В целом же внедрение математических методов в археологии перешло от статистики и комбинаторики к информатике, созданию баз данных, применению геоинформационных систем и т.д.

Одновременно с опытами по внедрению статистико-математических методов в отечественной археологии появляется ряд оригинальных разработок, альтернативных традиционной типологии и основанных на переносе центра тяжести в классификации с уровня целых вещей на дробные единицы морфологии предметов. Эта линия поиска имеет давние корни в нашей науке, восходя к работам Г.А. Бонч-Осмоловского. Таким путем пошел И.И. Коробков, предложивший классифицировать не изделия,

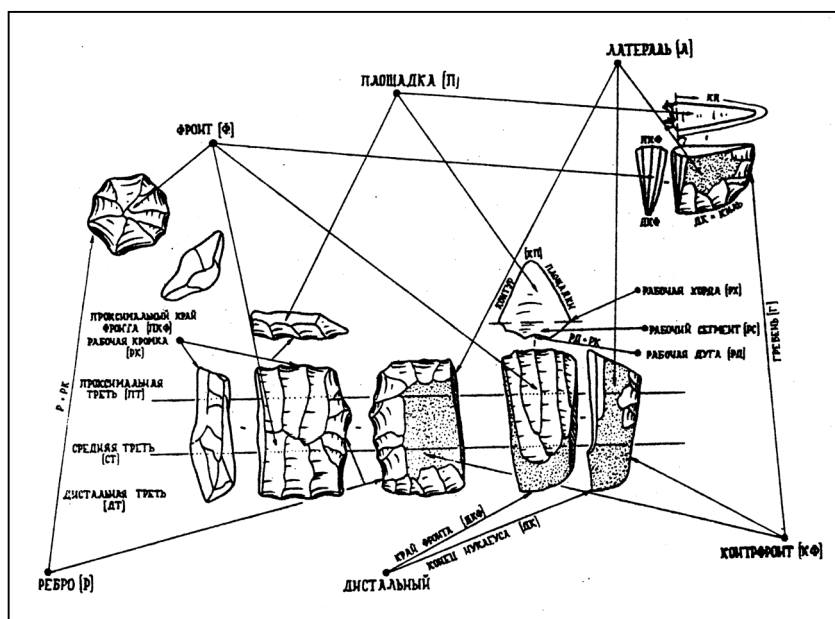

Рис. 40. Схема обозначения деталей нуклеусов (по: Медведев, Михнюк, Лещенко, 1974, рис. 1).

а “рабочие элементы” орудий. Этим типологически выделяемым элементам в его схеме приписывалось определенное функциональное значение. Выделенные группы однофункциональных рабочих элементов служили, по его мысли, основой для суждения о хозяйственной специфике стоянки, в то время как традиционные приемы оформления подобных элементов позволяли судить о месте памятника в процессе культурной эволюции. Так, классифицируя орудия из местонахождения Чахмаклы, И.И. Коробков выделил скребково-скребловидные, режущие, долотовидные элементы, острия и т.д. (рис. 41; Коробков, Мансуров, 1972). В дальнейшем И.И. Коробков принял для обозначения этих единиц классификации нейтральный термин, а именно “морфологический элемент”, объединяющий, кроме собственно рабочих элементов орудий, также детали аккомодации (см. Аникович, 1978). Идея И.И. Коробкова относительно возможности создания смешанных функционально-морфологических классификаций получила неожиданное развитие в виде попыток совместить данные трасологического анализа и типологию (Лбова, Волков, 1993).

В близком ключе работал в области классификации каменных орудий А.А. Сеницын (1988), назвавший свой подход “структурным”. По его мнению, комплекс инвентаря памятника представляет собой упорядоченную логически связанную систему, для адекватного описания которой обычный типологический метод непригоден. В основе подхода А.А. Сеницына лежала не сумма признаков, свойственная определенным вещам, а параметры орудий, комплексы характеристик, взятые отдельно от изделий. В итоге индустрия представляла в виде единства, где одни формы являлись переходом к другим (рис. 42). Идея “континуума” морфологического пространства каменного инвентаря у А.А. Сеницына, несомненно, восходит к Л. Праделю (Pradel, 1958). В качестве единицы классификации А.А. Сеницыным была предложена так называемая “морфема” – технико-типологический элемент, основанный на сочетании признаков вторичной обработки. Как и у И.И. Коробкова, классификация по “морфемам” (или “технико-морфологическим элементам”; Беляева, 1979) пересекает обычные типологические границы, и выделяемые единицы также получают функциональную интерпретацию (Сеницын, 1977). Нетрудно заметить, что “морфема” примерно соответствует тому, что Д. Кларк (Clarke, 1968) обозначил как “комплекс признаков” – совокупность связанных между собой характеристик, легко переносимых на предметы различных категорий.

Появляется и своеобразный русский вариант лапласовской “аналитической и структурной типологии” (Laplace, 1974) – подход к классификации методом полного перечисления всех элементов вторичной обработки. Он был реализован в единственной работе Л.В. Головановой (1984), посвященной ашелю северо-западного Кавказа. Так называемая “таксономическая группировка” нижнепалеолитических орудий на сколах, по Л.В. Головановой, основывалась на детальной фиксации характера серий ретуши и ее расположения на заготовке.

В целом, однако, надо признать, что призывы к разработке типологической тематики применительно к палеолиту различных регионов страны, остались на бумаге. Отсюда и старая беда отечественного палеолитоведения, точно подмеченная Г.П. Григорьевым, – тенденция к поштучному описанию вещей вместо классификации (Григорьев, Третьяков, 1970).

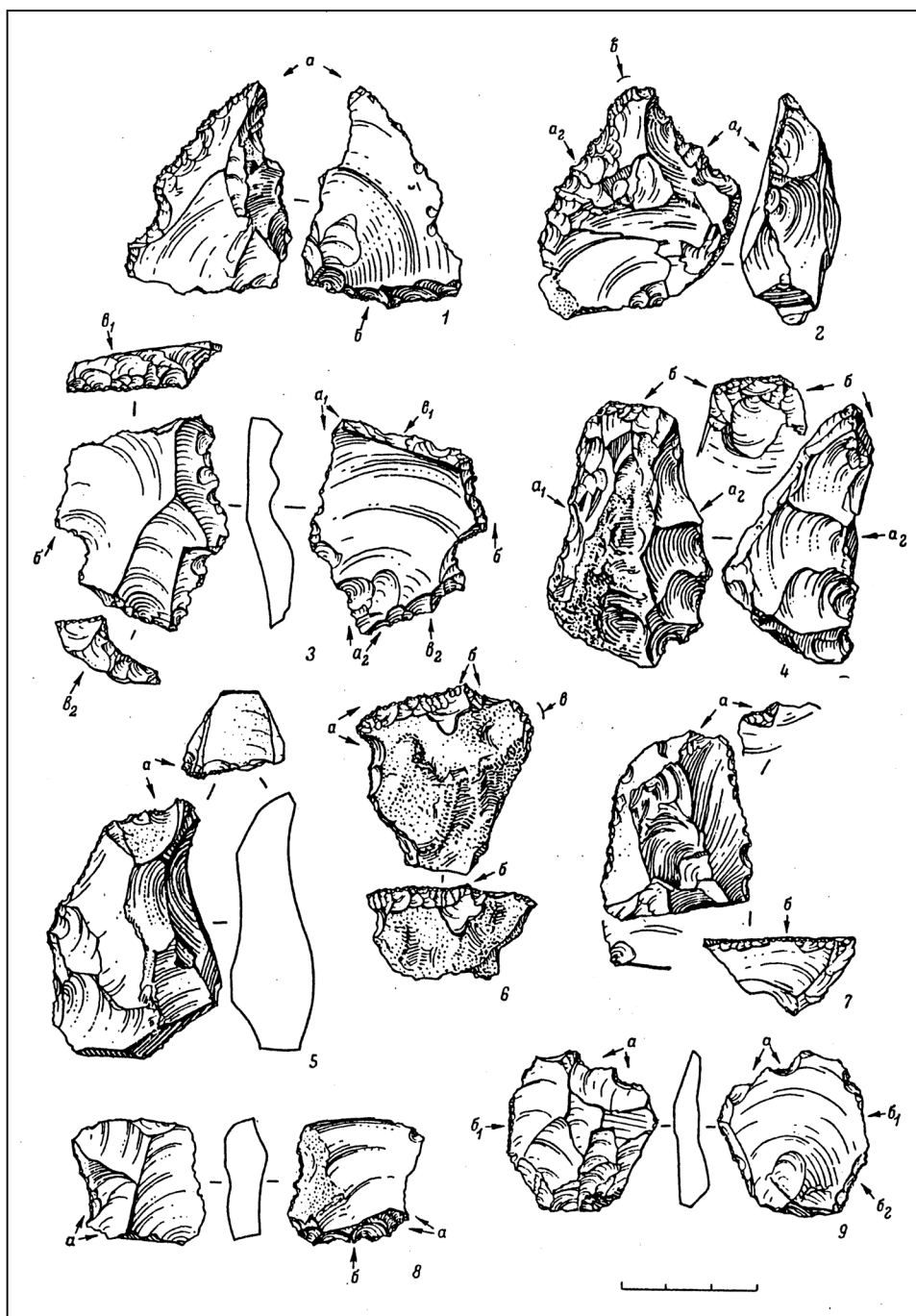

Рис. 41. Выделение "рабочих элементов" на комбинированных орудиях местонахождения Чахмаклы (по: Коробков, Мансуров, 1972, рис. 2).

1 – тейякский асимметричный остроконечник – *Racloir dejété triplex* (a – рабочий элемент – острие; б – крутое тейякское зубчатое скребло); 2 – тейякский остроконечник со скребковым выступом (a1, a2 – боковые сходящиеся крупнозубчатые края; б – узкий скребковый выступ); 3 – комбинированное орудие – резчик (a1, a2 – рабочие концы резчика; б – острие-сверло на середине бокового края; б1, б2 – крутые скошенные скребловидные края, служившие обушками); 4 – крупнозубчатое тейякское орудие с долотовидным концом (a1, a2 – боковые крупнозубчатые края, б – долотовидный рабочий элемент); 5 – резчик с "утиным клювом"; б – многофункциональное комбинированное орудие: резчик-скребок-острие (a – рабочий конец резчика и выемка; б – отвесный анкош – *encosche*); 6 – резчик-проколка (a – жальце резчика-проколки; б – отвесный крутой зубчатый скребковый край, служивший обушкой); 9 – мелкозубчатое орудие с "шипом" (a – рабочий элемент "шип", выделенный противоположащими выемками; б1, б2 – прямой скребловидный участок).

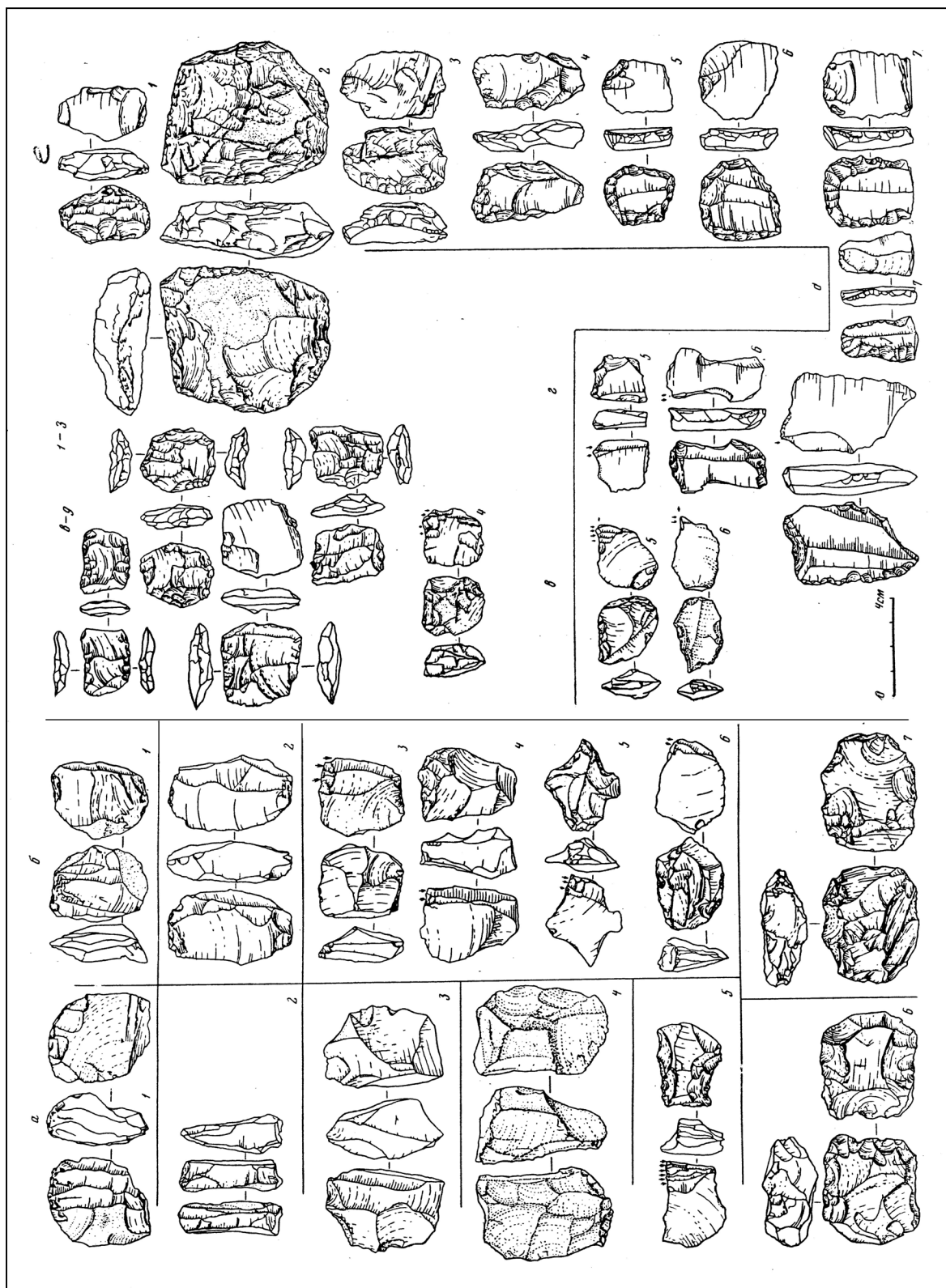

Рис.42. Континиум форм каменной индустрии Костинок XVI (по: Синицын, 1981, рис. 1).

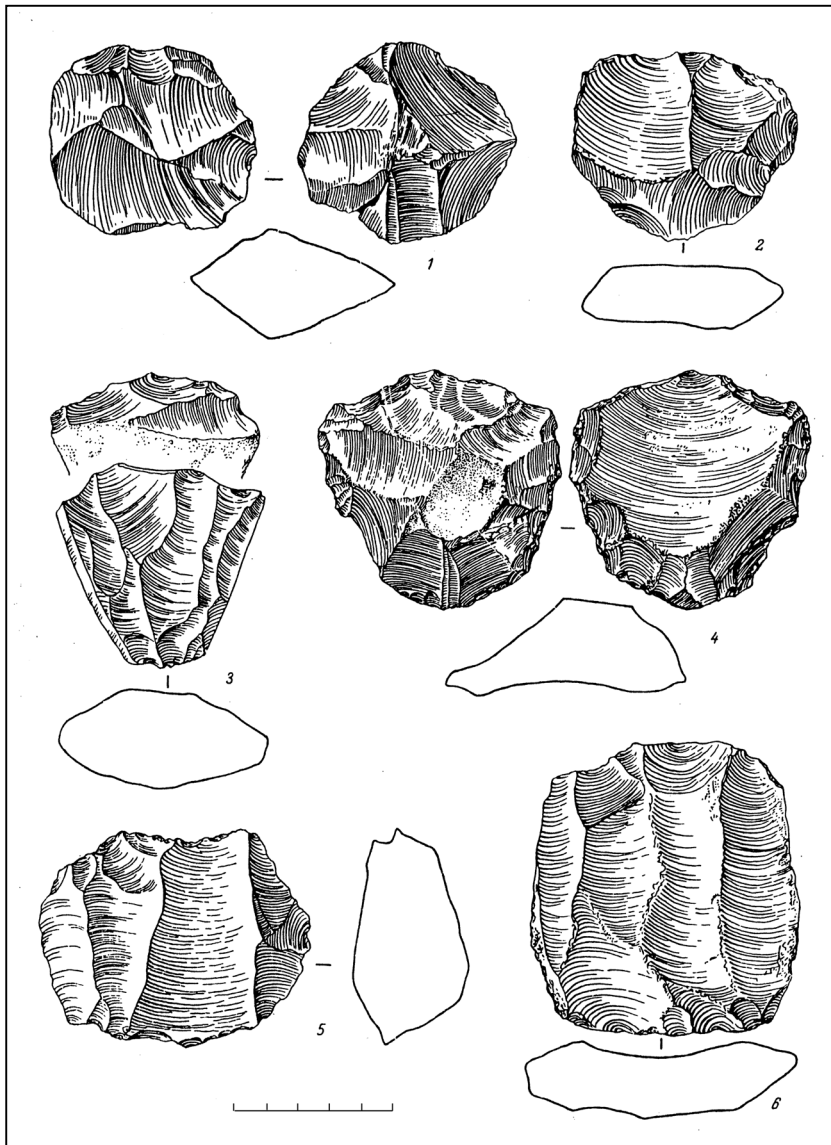

Рис. 43. Классификация ядрищ по М.З. Паничкиной (по: Любин, 1965, рис. 4).

1 – дисковидное двустороннее (тип “а”); 2 – дисковидное одностороннее (тип “б”); 3 – треугольное; 4 – черепаховидное (тип “в”); 5 – дисковидное со скалыванием в параллельном направлении (тип “г”); 6 – четырехугольное.

Другая сторона бордовской методики, также получившая широкий отклик в России, – классификация ядрищ, неразрывно связанная с проблемой леваллуа. Постороннему наблюдателю может показаться странным размах дискуссий и обилие публикаций по этой тематике в 1960–1980е г.г. “Список работ по леваллуазскому вопросу обширен. Редко кто из археологов-палеолитоведов не посвятил леваллуазскому “искусству” специальной работы. Это стало, своего рода, делом чести” (Кулаковская, 1990, С. 211). Данное обстоятельство объясняется тем, что, по сути, речь шла не об узком сюжете, касающемся реконструкции определенного приема расщепления или классификации форм ядрищ и заготовок, а о гораздо более широких проблемах эволюции и характера технического прогресса в нижнем палеолите.

Первой к вопросу об углубленном изучении нуклеусов с еще чисто типологической точки зрения (“формальный принцип” классификации по И.И. Коробкову) обратилась в конце 1950х г.г. М.З. Паничкина (1959). Классификация М.З. Паничкиной основывалась на морфологии ядрищ. Среди ашельских форм она выделила дисковидные (радиальные) нуклеусы с обработкой одной и двух сторон, черепаховидные нуклеусы и формы, переходные к ядрищам с параллельным снятием заготовок. Последние были подразделены по форме в плане на треугольные и четырехугольные (рис. 43). Среди нуклеусов верхнего палеолита М.З. Паничкина отметила призматические, конусовидные, плоские, карандашевидные и клиновидные (особенно важно введенное ей четкое определение ядрищ последней группы, чрезвычайно распространенных в палеолите Сибири). М.З. Паничкина рассматривала изменение типов ядрищ как отражение прогрессивной эволюции техники – от дисковидных форм к параллельному скалыванию. Отсюда проистекало и ее стремление придать понятию леваллуа (по Ф.

Борду) значение узко хронологического показателя, а именно приема первичного раскалывания, использовавшегося в позднем ашеле–раннем мустье.

Следующим шагом в разработке данной тематики стала уже упоминавшаяся работа В.П. Любина (1965). В отличие от М.З. Паничкиной, В.П. Любин положил в качестве основы классификации нуклеусов количество и дислокацию ударных площадок. Он выделил одно-, дву- и многоплощадочные нуклеусы, подразделенные, в свою очередь, на одно- и двусторонние с различными вариантами взаимного расположения площадок. Эта классификация, названная И.И. Коробковым (1963) “технической”, приобрела широкое применение в конкретных исследованиях. Как и большинство археологов той поры, В.П. Любин рассматривал совершенствование технических навыков в нижнем палеолите как линейный эволюционный процесс (переход от более древней радиальной к параллельной системе расщепления).

Столь же типологический и эволюционный характер носила классификация ядрищ И.И. Коробковым (1965). Этот исследователь систематизировал ядрища в основном по форме и характеру ударной площадки. Им были выделены до-леваллуазские (дисковидные, многогранные, чопперовидные, пирамидальные и др.), леваллуазские (треугольные, четырехугольные, ладьевидные и др.) и поздние нелеваллуазские (призматические, конусовидные) группы нуклеусов. Генезис леваллуазской техники, по его мнению, был связан с эволюцией веерообразного принципа расщепления и распространением техники подправки площадки. Для И.И. Коробкова нуклеусы леваллуа идентифицировались по наличию уплощающего скалывания, скошенной ударной площадке и пластинчатым негативам снятий.

Споры о леваллуа разделили исследователей на два лагеря. Первые – сторонники “узкого леваллуа”, писали о том, что сущность данного технологического приема заключается в методике подготовки ядрища для снятия одной–двух качественных заготовок с заданными предварительными операциями параметрами. Так, Н.Д. Праслов (1968) разделял сосуществовавшее на протяжении всего нижнего палеолита параллельное (“грубопризматическое”) расщепление, возникшее раньше леваллуа, и собственно леваллуазскую технику. К леваллуазским исследователи этого направления относили либо только ядрища, предназначенные для снятия одного–двух сколов (или даже единственного скола), то есть черепаховидные формы и нуклеусы для острий (Гладилин, 1976, 1989; Сулейманов, 1972; Кухарчук, 1989), либо добавляли к ним ядрища со следами параллельного скалывания, но несущими следы предварительного оформления (Григорьев, 1972б). Именно в наличии подготовительной обработки ядрищ до скалывания, предопределяющей параметры скола, последний автор видел основной признак леваллуа.

Другая группа археологов тяготела к расширительному пониманию термина леваллуа как основной системы получения стандартных заготовок в нижнем палеолите путем параллельного плоскостного скалывания (Любин, 1965; Коробков 1965; Ранов, 1965; Медведев, Михнюк, Лежненко, 1974; Казарян, 1981; Смирнов, 1983). Эту “раздвоенность” понятия леваллуа отметил А.Е. Матюхин (1996), предложивший проводить грань между “стратегическим” (в узком смысле) и “ситуационным” (в широком) леваллуа.

Естественно, различными оказались мнения относительно исторической сути леваллуа, роли этой техники в общем прогрессе нижне- и среднепалеолитической культуры. Если для В.П. Любина (1965) и С.В. Смирнова (1983) распространение леваллуазской техники являлось крупнейшим техническим достижением нижнего палеолита, основанием для пересмотра периодизации, то Г.П. Григорьев (1972б) не придавал этому моменту важного значения.

В итоге возник, по выражению В.А. Ранова (1989, 1992б), “парадокс леваллуа” – отсутствие точного определения леваллуазской заготовки и вопрос о реальной ценности вычисления индексов леваллуа. О возможном получении леваллуазских заготовок с ядрищ различных видов писали Г.П. Григорьев (1972б) и В.А. Ранов (1972а).

С 1970х г.г. намечается новый поворот в затянувшейся “леваллуазской дискуссии”, связанный с развитием технологического подхода к теме. Широкое понимание леваллуазской техники нашло подтверждение в работах В.Е. Щелинского, показавшего возможность получения леваллуазских заготовок с плоских ядрищ разнообразных типов, в том числе с конвергентным и радиальным раскалыванием. “Все эти основные приемы расщепления нуклеусов в известном смысле можно назвать леваллуазскими, так как каждый из них при подходящем сырье и регулярной подправке рабочих поверхностей давал возможность получать сколы леваллуазских типов” (Щелинский, 1983, С. 84). В.Е. Щелинский рассматривал феномен черепаховидного ядрища с технологической точки зрения как попытку снятия последнего качественного отщепы на заключительной стадии эксплуатации нуклеуса.

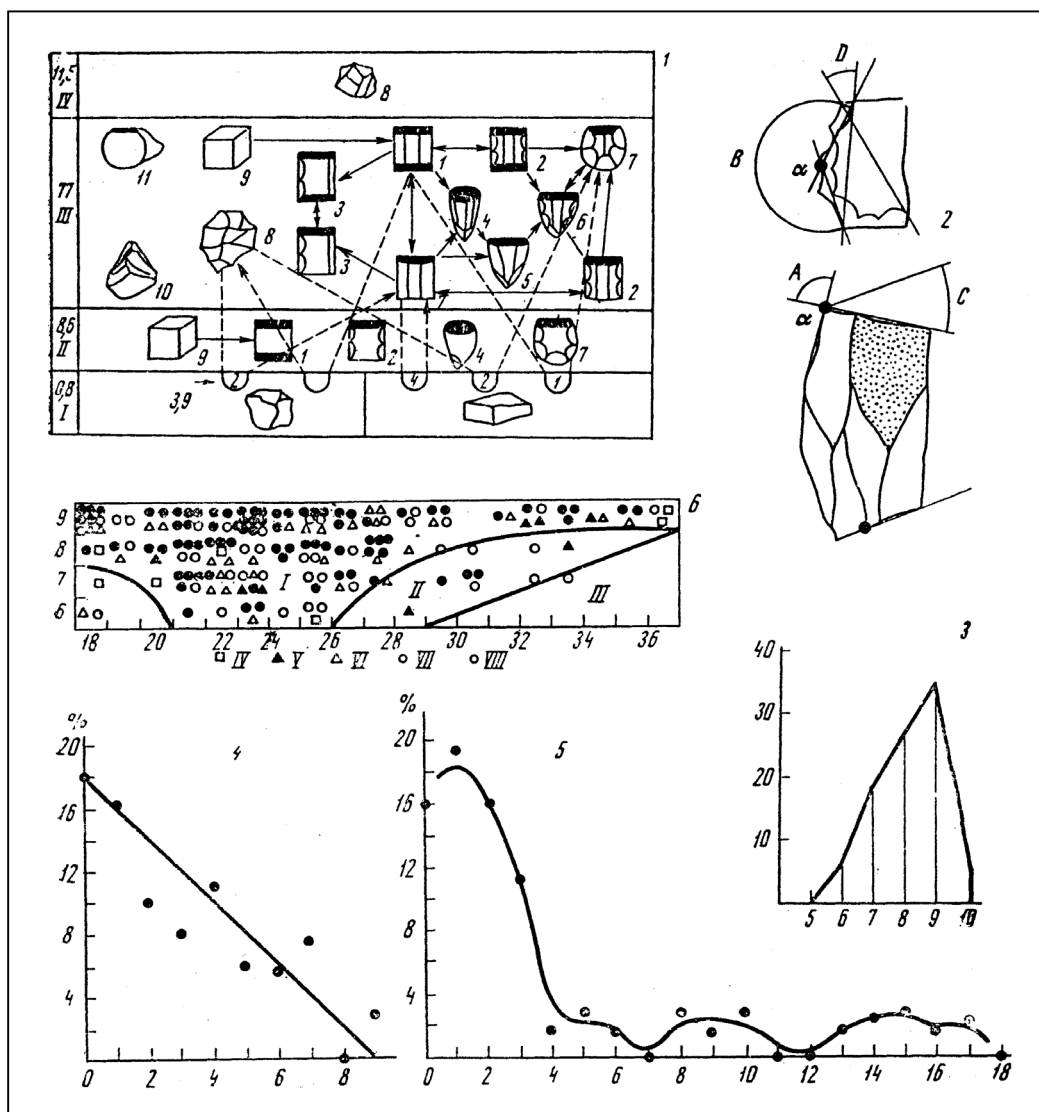

Рис. 44. Схема классификации нуклеусов I, II, III, IV стадий из грота Оби–Рахмат с указанием процентного соотношения их (по: Сулейманов, 1968, рис. 57).

I–II – схематические рисунки типов III стадии; стрелки на уровне I стадии указывают возможные направления морфологических переходов, пунктирные стрелки фиксируют случаи переоформления нуклеусов и в полукружьях на уровне I стадии – количество случаев; 2 – угловые параметры призматического нуклеуса. А – рабочий угол; В – поперечная дуга рабочей поверхности; угол; С – вертикальное расхождение рабочих углов; 3 – полигон распределения рабочего угла. По горизонтали – значения угла, по вертикали – количество случаев; 4 – линия распределения угла С. По горизонтали – значения угла, по вертикали – процентные отношения; 5 – кривая распределения угла Д. По горизонтали – значения угла, по вертикали – процентные отношения; 6 – зависимость дуги рабочей поверхности от значения рабочего угла. По горизонтали – значения угла В, по вертикали – значения угла А.

Нельзя сказать, что технологическая тематика отсутствовала в русской доистории до 1980х г.г. Кроме пионерских разработок Г.А. Бонч–Осмоловского (см. главу 2), в начале 1960х г.г. И.И. Коробков (1963) писал о важности изучения срабатывания ядриц и необходимости составления “рядов срабатывания”. На практике эти послышки были реализованы Р.Х. Сулеймановым (1972; рис. 44), наметившим по материалам грота Оби–Рахмат схему стадий использования ядриц в рамках призматического, леваллуазского и ортогонального принципов расщепления. Он разделил стадии

добычи сырья, оформления нуклеусов, систематического снятия заготовок и завершающего бессистемного расщепления.

В 1980е г.г. группа исследователей увлеченно занялась технологическим анализом каменных индустрий. В данном случае процесс шел параллельно в России и Франции (см. Julien, 1992) и имел те же причины, а именно неудовлетворенность рамками типологического подхода, стремление к наглядному воссозданию действий древних мастеров. По поводу конкретных методов такого анализа мнения археологов разделились. Одни (Гиря, Нехорошев, 1993) отдавали предпочтение решению общей задачи реконструкции способов обработки камня на основании изучения морфологии ядрищ и сколов в сочетании с экспериментом. Упор при этом делался на выявление приемов расщепления камня и построение моделей технологий. К сожалению, приверженцы данного направления существенно ограничивали познавательные возможности, отрицая, к примеру, важность ремонтажа для восстановления палеотехнологий (обратные примеры см. Гречкина, 1984).

Другие (Дороничев, 1991; Кулаков, 1993; Голованова, 1994) исходили из идеи “динамического технологического анализа” Р. Шильда (Schild, 1980), пытаясь построить графические схемы последовательности срабатывания ядрищ. Интересные перспективы открывались на стыке технологического и планиграфического методов, что позволяло оценить хозяйственную специфику памятников по соотношению изделий, представлявших различные этапы обработки камня (Кротова, 1990).

Развитию технологических исследований несомненно способствовало то, что Россия является родиной трасолого–экспериментальных разработок. Говоря об истории признания трудов С.А. Семенова в нашей стране, нельзя не отметить столь ярко проявившегося в данном случае феномена типично советского “двоемыслия”. С одной стороны, в официальной пропаганде постоянно подчеркивался прогрессивный характер советской науки (особенно это касалось общественных наук, построенных на основе “единственно верного” марксистского учения) по сравнению с “отсталой” и “загнивающей” наукой запада. С другой стороны, те же самые руководители советской науки самым тщательным образом отслеживали малейшую реакцию запада на события в СССР, молчаливо полагая, что на самом деле только международное признание является подлинной гарантией ценности отечественных достижений.

Трудная судьба С.А. Семенова – лучшая иллюстрация этого странного феномена. С одной стороны, опубликованная в 1957 г. “Первобытная техника” была в том же году удостоена престижной премии Президиума АН СССР и защищена в качестве докторской диссертации на следующий год. С самого начала метод С.А. Семенова упоминался во всех официальных обзорах достижений советской археологии как яркий показатель ее передового характера. В реальности же исследователя окружали настороженность и непонимание со стороны коллег. С.А. Семенов в течение длительного времени работал в одиночестве (лишь в 1957 г. появилась его первая ученица – Г.Ф. Коробкова).

Характерно, что перелом в отношении к исследователю наступил лишь после издания перевода книги на английский язык в 1964 г. и последовавших за тем многочисленных откликах иностранных коллег (кстати, первое предложение издания книги на западе относится уже к 1957 г.). Тогда С.А. Семенов становится руководителем небольшой исследовательской группы, у него появляются аспиранты, а лабораторию начинают посещать иностранные гости. Наконец, в 1970 г. организационно оформляется самостоятельная лаборатория экспериментально–трасологических исследований. Вершиной признания ценности трудов ученого стало присуждение ему, одному из немногих советских археологов, в 1974 г. Государственной премии за две монографии (Семенов, 1957, 1968).

Коллеги критиковали С.А. Семенова за неоднократно повторяемый им тезис об отсутствии прямой связи формы и функции у палеолитических орудий в силу их вариабельности, частой переделки и т.д. А.Н. Рогачев (1973а) упрекал С.А. Семенова в недооценке роли формы орудий, расценивавшейся тогда в качестве этнического признака.

Крайние взгляды на значение трасологического метода были позднее высказаны учеником А.Н. Рогачева, Г.П. Григорьевым (см. Аникович, 1978). По мнению Г.П. Григорьева, изучение следов сработанности указывает только на вероятную кинематику движения орудия при употреблении. При этом нельзя исключить, что реальное использование конкретного изделия могло и не соответствовать его прямому предназначению. Еще резче Г.П. Григорьев относился к экспериментами, считая, что они отражают не более чем индивидуальный опыт современного исследователя и ничем не могут помочь в деле реконструкции прошлого.

Как для “новых археологов”, так и для С.А. Семенова, основной мишенью критики была типология. Правда, порой он признавал относительную ценность типологии как вспомогательного способа первичного описания и классификации археологических находок (Semenov, 1970). В других случаях его оценка становилась более резкой: “... усовершенствовать типологию невозможно, как нельзя улучшить алхимию”.

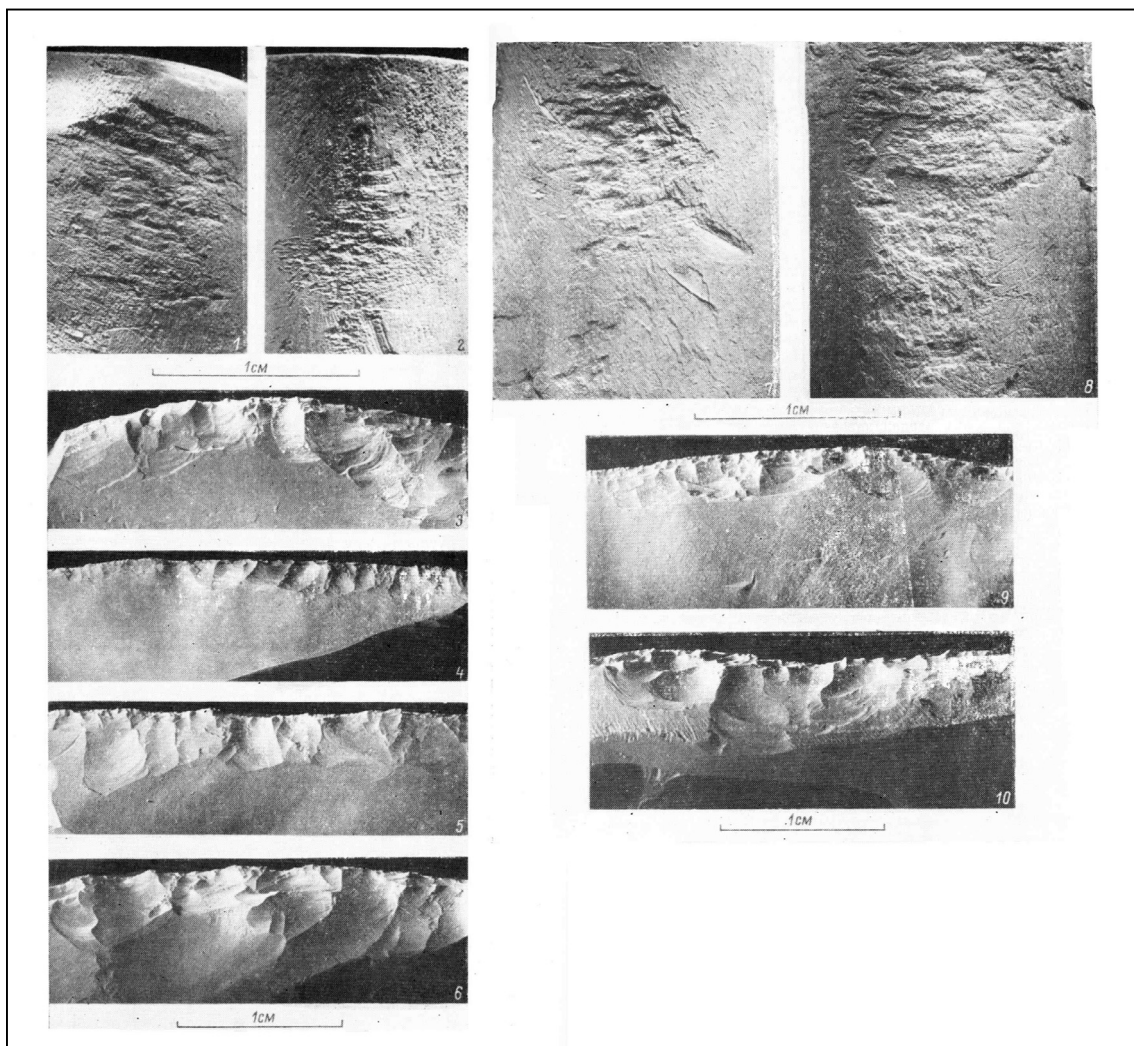

Рис. 45. Микрофотографии следов на ретушерах и различных видов обработки на экспериментальных орудиях (по: Щелинский, 1983, рис. 3).

1, 2 – следы изнашивания от работы на костяных ретушерах–отжимниках; 3–6 – типы ретуши на орудиях от использования этих ретушеров; 7, 8 – следы изнашивания от работы на костяных ретушерах–отбойниках; 9, 10 – типы ретуши на орудиях от использования этих ретушеров.

С.А. Семенов неоднократно указывал на крайнюю степень вариабельности изделий из камня, их полифункциональность и неустойчивость формы. Это делает статичное описание морфологии предметов недостаточным и неизбежно поверхностным. Именно поэтому он столь критично относился к масштабным типологическим систематизациям типа бордовской схемы. С.А. Семенов предложил термин "конструктивный трансформизм" для обозначения изменения формы предмета в процессе срабатывания и переоформления.

По мнению С.А. Семенова, палеолитическая "функционалогия" (он изобрел этот странный термин для обозначения комплексного изучения предметов расщепленного камня при помощи трасологии и эксперимента) должна была то ли дополнить, то ли даже занять место типологии камня (Семенов, 1972). Такая замена могла знаменовать переход от формально–описательного уровня изучения, свойственного начальной фазе развития научного знания, к подлинно научному уровню, нацеленному на объяснение культурного процесса. Показательно, что первоначальный вариант коллективной монографии с разделами, принадлежавшими перу самого С.А. Семенова, Г.Ф. Коробковой, А.Е. Матюхина, В.Е. Щелинского и А.К. Филиппова, носил название не "Технология производств в эпоху палеолита", а "Функциология палеолита". Этот труд, по мысли С.А. Семенова,

должен был стать альтернативой выпускаемому Сектором палеолита "Палеолиту мира", написанному с традиционных культурно–исторических позиций.

Кроме основной лаборатории в Санкт–Петербурге, возглавлявшейся после кончины С.А. Семенова Г.Ф. Коробковой (1994; Коробкова, Щелинский, 1996), трасологи работали с палеолитическими материалами в Новосибирске (Волков, 1999), Владивостоке (Н.А. Кононенко), Чите (О.В. Кузнецов). Имелись трасологические лаборатории на Украине, в Молдавии и Армении. Функционально–трасологический метод, дополненный экспериментами, послужил базой для создания очерков историко–культурного плана, посвященных совершенствованию различных сторон техники в первобытности (Семенов, 1968; Семенов, Коробкова, 1983). В дальнейшем эта область исследования претерпела диверсификацию, дав начало ряду новых направлений. К ним относятся, помимо собственно трасологии, совершенствование методов которой позволило охватить ранее недоступные нижнепалеолитические материалы (рис. 45; Щелинский, 1983), морфолого–технологическое исследование нижнепалеолитических изделий (галечные орудия, бифасы), дополненное экспериментальным моделированием (Матюхин, 1983), опытное изучение формообразования позднепалеолитических орудий для обработки дерева и рога (Филиппов, 1983). Отметим серию экспериментов по изготовлению микролитов и их использованию в качестве деталей составного охотничьего вооружения (Нужный, 1992).

Другие аспекты методики работы с каменными индустриями – оценка роли сырья, изучение его доставки и эксплуатации, вопросы зависимости формообразования от особенностей материала. Было бы неверным утверждать, что роль сырья совершенно игнорировалась российскими палеолитооведами. Так, Н.Д. Праслов (1968) связывал появление микромустьерских индустрий с использованием отдельными группами среднепалеолитического населения мелких кремневых галек и, соответственно, отрицал культурную значимость этого явления. Он же объяснял спорадическое появление своеобразных листовидных бифасиальных форм в ашеле–мустье на разных территориях и в различном индустриальном контексте за счет использования крупных тонких плиток и плоских желваков кремня. В.Е. Щелинский (1974) показал зависимость приемов обработки камня в мустье от особенностей сырья, например, связь обилия двусторонне обработанных форм с зонами плитчатого кремня. Распространенностью плитчатого сырья Ю.Г. Колосов (1986) объяснял сходство бифасиальных мустьерских индустрий Крыма и Восточной Европы.

К сожалению, собственно петроархеологическая тематика продолжала оставаться одним из наименее разработанных разделов нашей археологии. Редкие очерки по характеристике и картированию сырьевых ресурсов на территории Восточной Европы (Ковнурко, 1963; Петрунь, 1971) носили слишком общий характер. Что касается вопроса о так называемой “редукции”, изменения формы артефактов в процессе их изготовления, использования, переоформления и, соответственно, зависимости облика достоящихся нам вещей от этих факторов, то данная тематика также не получила у нас должного развития. Отметим экспериментальные наблюдения А.Е. Матюхина (1983) относительно сходства заготовок чоппингов и бифасов на определенных стадиях их изготовления с нуклеусами. Другие исследователи стали обращать внимание на трансформацию формы изделий, прослеживая, например, “историю жизни” ножей костенковского типа (Беляева, 1977).

ГЛАВА 5. ПОД ЗНАКОМ ЛОКАЛЬНЫХ КУЛЬТУР

Начиная с 1950х г.г., в центре внимания советских исследователей находился вопрос о соотношении локальных и стадиальных черт в развитии палеолитической культуры. Дискуссия была инициирована учеником П.П. Ефименко А.Н. Рогачевым. Он начал свою археологическую деятельность в Костенках в 1934 г., а уже в 1937–1938 г.г. провел самостоятельное исследование Костенок IV. Именно материалы данного памятника послужили А.Н. Рогачеву в качестве отправной точки для последующей переоценки хронологии всего костенковского комплекса и, более того, критики стадиальной концепции в целом.

Начнем с фактической стороны дела. В ходе раскопок в Костенках IV были вскрыты следы четырех жилых сооружений (двух удлиненных и двух округлых), причем круглые жилища непосредственно перекрывали длинные (рис. 46), так что первоначально А.Н. Рогачев (1940) трактовал остатки круглых и длинных жилищ как одновременные части единого поселения. Однако в дальнейшем анализ фактического материала заставил его отказаться от подобной интерпретации. Основная проблема заключалась в том, что из верхнего (с круглыми жилищами) горизонта поступила коллекция с бифасиальными листовидными формами (которую по нормам того времени определяли как “солютрейскую”), а в нижележащем слое господствовала “мадленская” индустрия. Подобная ситуация с “обратной стратиграфией” полностью противоречила сложившимся представлениям о характере эволюции верхнепалеолитической культуры. Несоответствие было столь явным, что П.И. Борисковский, к примеру, вовсе избегал в течение длительного времени касаться материалов этого памятника, ссылаясь на то, что в интерпретации его “много еще не разъясненного” (Борисковский, 1953, С. 406).

Проведенные А.Н. Рогачевым (1953) в послевоенные годы исследования многослойных памятников Костенок усугубили противоречие. Оказалось, что на Костенках VIII (Тельманской стоянке) под верхним культурным слоем, относящимся по П.П. Ефименко к очень ранней поре в пределах верхнего палеолита, залегает еще один слой. В Костенках I ниже остатков исследованного П.П. Ефименко в 1930е г.г. жилого комплекса была вскрыта серия культурных горизонтов, причем “солютрейскими” здесь оказались самый верхний и нижний слои, а между ними были вклинены комплексы иного облика без двусторонне обработанных форм. Индустрии “солютрейского типа”, таким образом, присутствовали во всех хронологических группах палеолитической последовательности Костенок, а не укладывались в определенную стадию или период.

Первоначально А.Н. Рогачев (1953, 1955) считал открытую им неравномерность развития, явно противоречащую наиболее авторитетным тогда схемам П.П. Ефименко и П.И. Борисковского (см. главу 3), отражением “этнографических особенностей” культуры отдельных общин позднего палеолита, пестроты обособленных групп древнего населения. Пожалуй, первым, кто после работ П.П. Ефименко 1920х г.г., прямо назвал эти варианты археологическими культурами, был А.Я. Брюсов. Рецензируя третье издание книги П.П. Ефименко, он особо выделил возможность сосуществования разнородных верхнепалеолитических культурных единиц. “Эти комплексы представляют собой конечно, аналогии последующим археологическим культурам неолитической эпохи” (Брюсов, 1954, С. 55).

Вскоре и сам А.Н. Рогачев (1957) начал использовать термин “археологическая культура”. На основании разработанного им совместно с А.Н. Лазуковым стратиграфического расчленения культурных слоев костенковских стоянок, основанного на идентификации маркирующих горизонтов двух гумусовых толщ, разделенных прослойкой со следами вулканического пепла, А.Н. Рогачев представил ставшую классической схему палеолита Костенок (рис. 47). А.Н. Рогачев впервые четко отделил хронологию палеолита от классификации культурного развития, тем самым решительно отказавшись от одного из центральных постулатов эволюционизма, а затем и стадиализма, а именно идеи о датирующем значении комплексов каменного инвентаря. Вопросы датировки отныне переносятся в чисто естественнонаучную плоскость. Что же касается культурного деления палеолита Костенок, то А.Н. Рогачев выделил раннюю в пределах верхнего палеолита костенковско–стрелецкую культуру, более позднюю костенковско–городцовскую, и отнес к “концу поздней поры верхнего палеолита” костенковско–виллендорфскую культуру. При этом А.Н. Рогачев указывал, что, наряду с памятниками, вписывающимися в рамки перечисленных культур, в Костенках параллельно с ними существовали индустрии, принадлежащие к своеобразным традициям. Вместо единого процесса эволюции получился своего рода “слоеный пирог” разнородных культурных проявлений.

Дальнейшее развитие и определенную абсолютизацию концепции А.Н. Рогачева об археологических культурах в палеолите можно видеть в трудах его ученика, Г.П. Григорьева. Открытие локальных культур было встречено последним с энтузиазмом. Казалось, что уже наметились единицы, соответствующие реальным группам древнего населения, и “в скором времени мы будем близки к

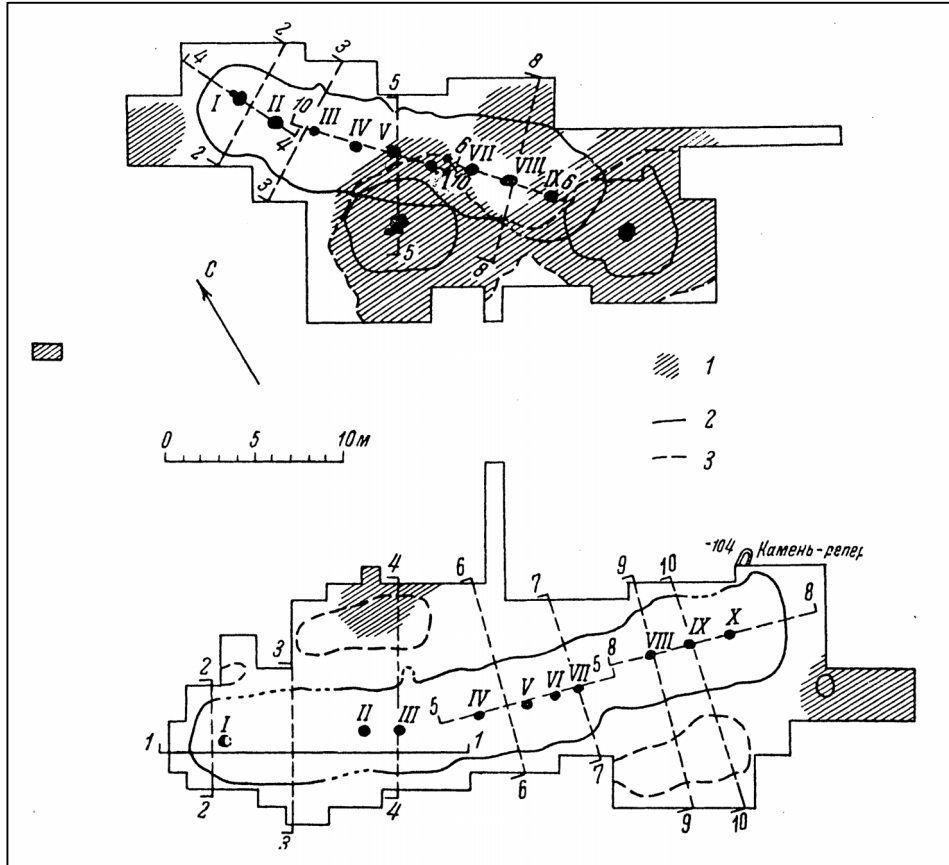

Рис. 46. Длинные и округлые жилища Костенок IV (по: Рогачев, 1955, рис. 3).
 Вверху раскоп 1938 г., внизу – раскоп 1937 г. Римские цифры обозначают остатки очагов в жилищах нижнего горизонта, арабские цифры – номера разрезов.
 1 – остатки жилищ и скопления находок верхнего горизонта; 2 – граница жилых углублений;
 3 – граница скопления культурных остатков.

пониманию конкретной истории палеолитических племен” (Григорьев, 1960, С. 14). Весь мир верхнего палеолита, а вскоре и мустье, оказывался разделенным на ячейки – локальные культуры (рис. 48; Григорьев, 1968, 1970).

Свое видение палеолита с точки зрения локальных культур А.Н. Рогачев (1961) именовал “реально-историческим” или “конкретно-историческим”, резко противопоставляя такую трактовку “стадиальному схематизму”. Кажется, впервые термин “конкретно-исторический” употребил А.П. Окладников (1941), имея в виду подход, нацеленный на установление места отдельного памятника среди окружающих стоянок сходного возраста. Однако у А.Н. Рогачева этот термин приобретает особый смысл, становясь центральным звеном всей концепции. “Наше понимание археологической культуры является принципом, методом, теорией, обеспечивающей конкретно-исторический анализ памятников” (Рогачев, Праслов, 1982, С. 264).

Идеи, пропагандируемые и отстаиваемые А.Н. Рогачевым со свойственной ему страстностью, встретили неоднозначную оценку среди археологов, на первых порах носившую скорее критический характер. В поддержку положений А.Н. Рогачева о необходимости изучения локального разнообразия культур палеолита с определенными оговорками высказались О.Н. Бадер (1961) и А.А. Формозов (1954). В.И. Громов (1961) во время дискуссии 1959 г. признал полезность разграничения периодизации древнекаменного века и классификации культур в палеолите, тем самым, опровергая свое прежнее представление о совпадении синхронности и синстадиальности в развитии индустрий.

Особая версия развития позднепалеолитической культуры была выдвинута в поздних работах П.П. Ефименко не без влияния идей А.Н. Рогачева. Критикуя последнего за представления о замкнутом характере первобытных общин, П.П. Ефименко, тем не менее, в 1950е г.г. фактически возвращается к собственному старому тезису о параллельном существовании нескольких археологических культур. По

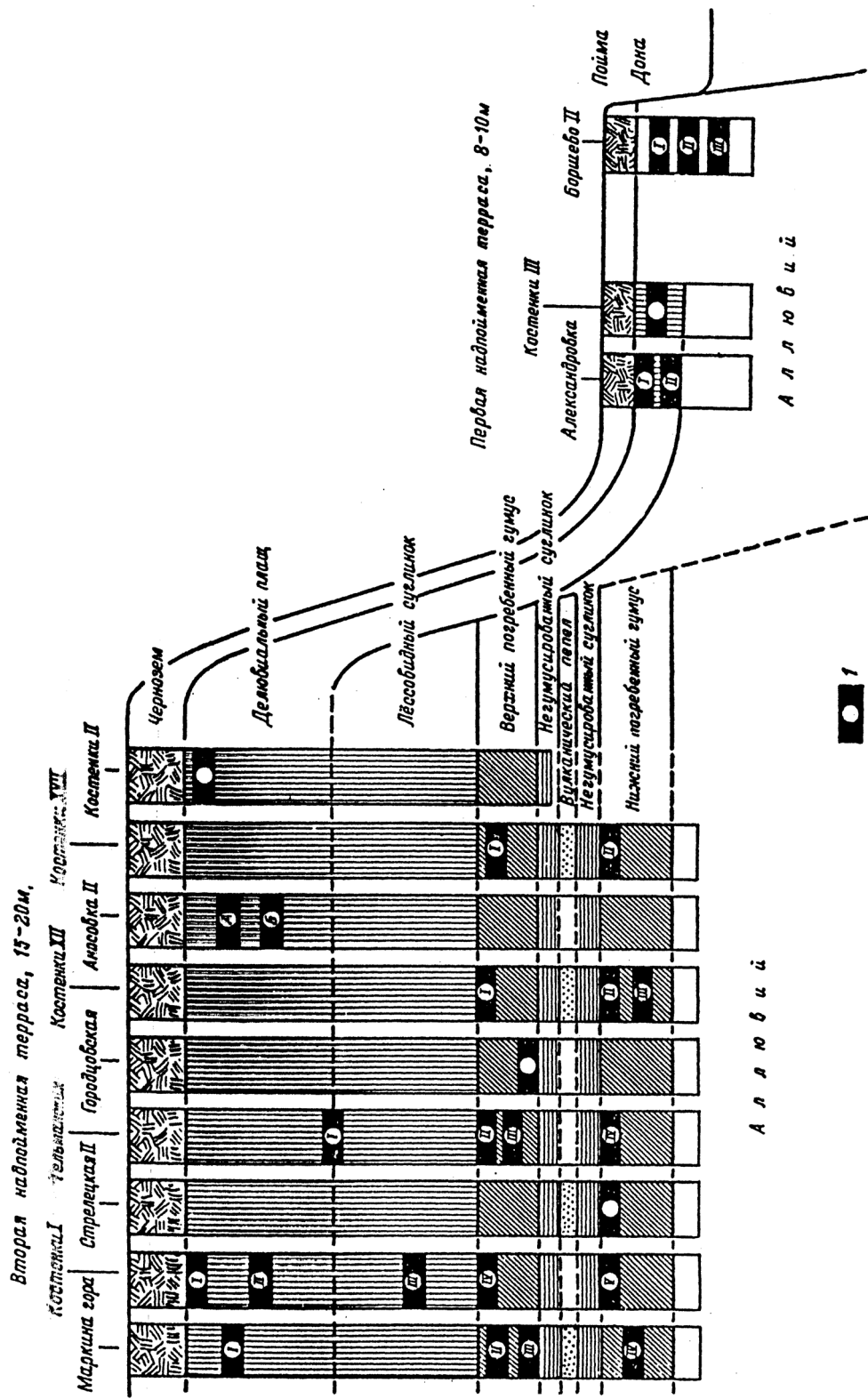

Рис. 47. Схема стратиграфического соотношения многослойных стоянок Костенково-Боршевского района — опорная для концепции локальных культур в палеолите (по: Рогачев, 1957, рис. 60).
 1 — верхнепалеолитические культурные слои и горизонты.

Рис. 48. Схема разделения раннего верхнего палеолита Европы с точки зрения локальных культур (по: Григорьев, 1968, рис. 5).

а – памятники ориньякоидного пути развития; б – памятники перигордоидного пути развития; в – памятники селетоидного пути развития; г – районы одновременного существования ориньякоидных и перигордоидных культур; д – районы одновременного существования ориньякоидных и селетоидных культур.

1 – истюрицкая культура; 2 – перигордийская и ориньякская культуры; 3 – Арси-сюр-Кюр; 4 – Сольотре; 5 – Гримальди; 6 – Бальве; 7 – Вильдмейер; 8 – Ранис; 9 – группа Фогельхерд-Зиргенштейн; 10 – кремская и вилендорфская культуры; 11 – селетская культура, группа Ишталошко-Пешко, культура Киетице-Кехнец; 12 – Ежмановице; 13 – Гура Пулавска; 14 – Рисовача, Градац; 15 – группа Бачо-Киро – В.Левского; 16 – Самулица; 17 – Иосаиель; 18 – Чахлеу; 19 – “ориньяк” Румынии; 20 – молодовская культура; 21 – Брынзены; 22 – липская культура; 23 – Радомысль; 24 – Пушкари; 25 – Костенки; 26 – Сунгирь; 27 – Сюрень.

его мнению, в верхнем палеолите прослеживаются как случаи линейной генетической преемственности автохтонных культур, допускающих их четкую периодизацию (пример тому он видел в развитии палеолита Чехословакии от селета к граветту и мадлену), так и чередование различных локальных типов и вариантов, отражающих перемещения отдельных охотничьих групп (Костенки; рис. 49). Для обозначения последних образований П.П. Ефименко использовал термин “культура” (или “этнографический тип культуры”; Ефименко, 1956б), выделив в Костенках “селетскую” (памятники стрелецкого типа) и “костенковскую” (Костенки I) культуры. С последней сосуществовали “тельманская” и “городцовская” культуры. Кроме того, имелась обособленная культура гримальдийского типа, представленная материалами нижних слоев Тельманской стоянки (Ефименко, 1956а). Публикуя материалы Костенок I, П.П. Ефименко объединил этот комплекс вместе со сходными памятниками Средней Европы в рамках костенковской культуры. В существовании подобных культур исследователь видел отражение исторических связей групп древнего населения. Он же ввел в литературу другой термин, а именно “путь развития” для обозначения параллельно эволюционировавших вариантов позднепалеолитической культуры (Ефименко, 1957, 1958). В своих последних статьях П.П. Ефименко (1960, 1964) окончательно отходит от стадиялизма и рисует картину верхнего палеолита как чередование культур, совершавших разнообразные перемещения. Фактически эта картина уже ничем отличалась от критиковавшихся на протяжении десятилетий построений А. Брейля.

В качестве оппонентов А.Н. Рогачева активно выступили более стойкие приверженцы стадияльной версии – П.И. Борисковский, С.Н. Замятин, А.П. Окладников и А.П. Черныш.

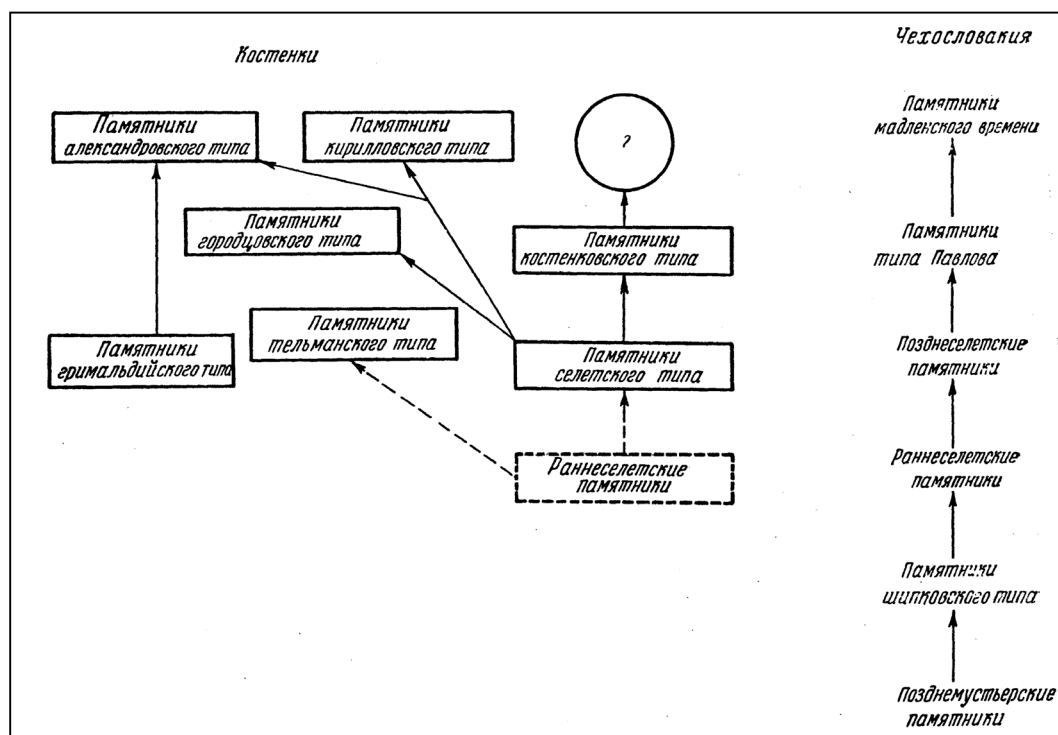

Рис. 49. Сравнительная схема развития позднего палеолита Костенок и Чехословакии (по: Ефименко, 1956а, С. 44).

П.И. Борисковский предостерегал от поспешности выделения локальных образований, справедливо отмечая выборочный характер наших знаний, которые не дают реальной возможности для реконструкции так называемой “конкретной истории” палеолита, прослеживания развития и взаимного влияния отдельных групп населения. Он отмечал: “... новые открытия и исследования позднепалеолитических памятников чаще всего заполняют белые пятна, лакуны, показывают, что элементы позднепалеолитической культуры, поспешно объявленные специфической особенностью той или иной территории, в действительности имеют очень широкое распространение. По мере накопления материала количество признаков местного своеобразия позднепалеолитических поселений различных частей Русской равнины не увеличивается, а уменьшается, и это относится не только к территории СССР” (Борисковский, 1957а, С. 189).

Говоря о единообразии культуры верхнего палеолита на Русской равнине, П.И. Борисковский (1957б, 1959) не отрицал существования локальных культур в условиях, где географические факторы приводили к изоляции отдельных групп древнего населения (например, в горных районах Балкан). В целом же П.И. Борисковский (1959) считал каменную индустрию недостаточным источником для прослеживания локальных различий. В качестве более характерных признаков, позволяющих идентифицировать отдельные группы позднепалеолитического населения, он называл особенности орнамента и стилистику произведений искусства.

В позднейших работах, признавая ценность исследования локального разнообразия палеолита, П.И. Борисковский стремился представить локальные и периодизационные исследования как взаимодополняющие, а не взаимоисключающие стороны изучения древнекаменного века. “Прослеживание общих закономерностей, выделение общих этапов развития техники и культуры должно идти рука об руку с изучением конкретных стоянок и их групп, с установлением присущих только этим стоянкам особенностей и с выяснением причин такого своеобразия” (Борисковский, 1963, С. 122). “Мне могут возразить, что долгое время советские исследователи не уделяли должного внимания детальному изучению конкретных особенностей отдельных палеолитических комплексов и их групп, их связей и взаимоотношений, грешили социологизаторским схематизмом и что поэтому данная проблематика требует сейчас особенного внимания. Это справедливо. Но ошибки и недочеты в развитии науки могут и должны исправляться в процессе всестороннего исследования, а не путем перехода от одной крайности к другой” (Борисковский, 1969, С. 11–12).

Отголоски дискуссий 1950х г.г. ощущаются даже в последних публикациях П.И. Борисковского. В 1980е г.г. исследователь продолжал поиск общих закономерностей развития позднего палеолита. Публикуя материалы своих раскопок в Курске, П.И. Борисковский отмечал наличие

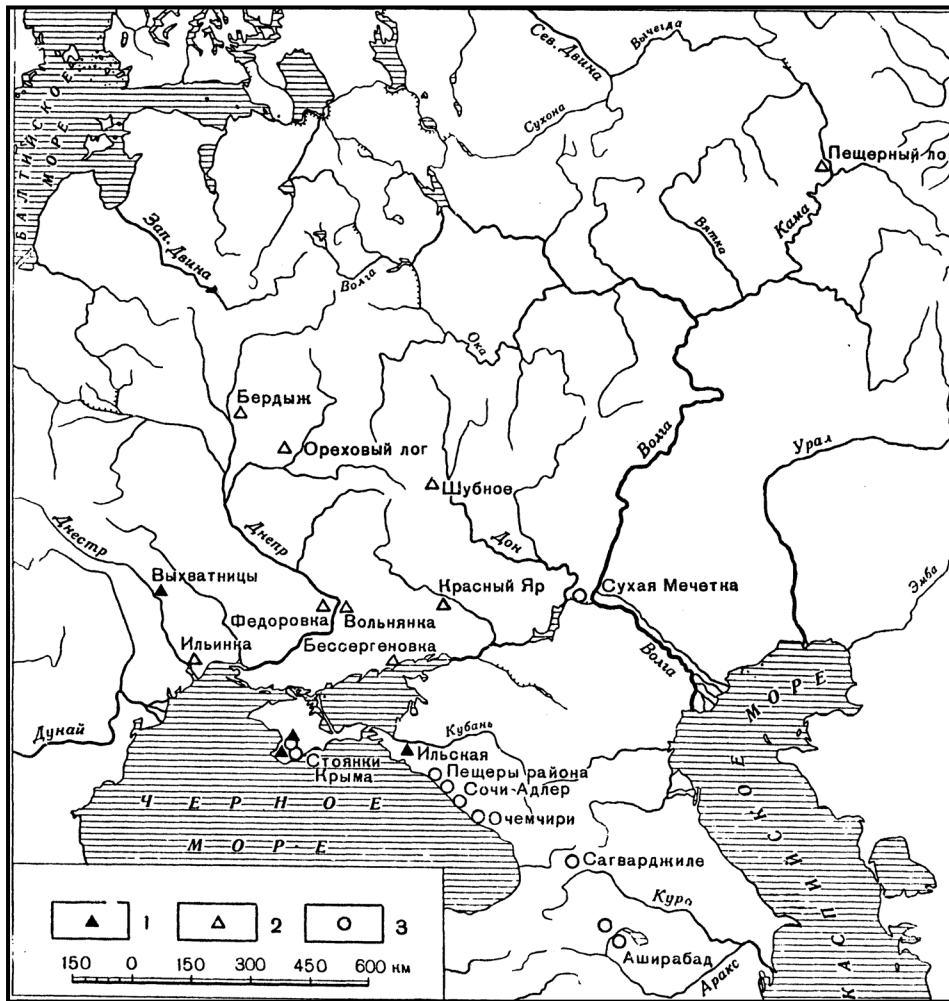

Рис. 50. Карта мустьерских памятников Европейской части СССР (по: Формозов, 1959, рис. 5). 1 – стоянки с многочисленными двусторонне обработанными орудиями; 2 – случайные находки двусторонне обработанных орудий; 3 – стоянки с инвентарем из отщепов.

сходных черт в культуре позднего этапа верхнего палеолита Русской равнины, охватывающих бассейны Дона, Сейма, Десны и Днепра (Борисковский, 1986).

С несколько иных позиций, явно смешивая классификационные и интерпретационные моменты (что, впрочем, характерно для стадиализма), критиковали концепцию локальных культур С.Н. Замятнин (1951) и А.А. Формозов (1959). Для них сложение археологических культур являлось признаком формирования племенной организации, начало которой относили тогда к мезолиту (П.И. Борисковский, кстати, считал, что подобные явления возникают только в неолите; Борисковский, 1954). Правда, С.Н. Замятнин в своих последних работах признавал наличие отдельных характерных элементов культуры, отражавших “этнографические особенности” групп верхнепалеолитического населения (Замятнин, 1960).

А.А. Формозов (1959, 1977а) в качестве главного критерия деления палеолитических индустрий рассматривал наличие техники одно- или двусторонней обработки орудий. Беря за основу такой тезис, восходящий к работам Л. Праделя (Pradel, 1950), А.А. Формозов старался проследить не узко локальные культуры, на что делал упор А.Н. Рогачев, а крупные культурные области. Отрицая, вслед за С.Н. Замятниным, наличие локального разнообразия в нижнем палеолите, он выделял в мустьерское время два типа стоянок – с бифасиальными формами и без них, отмечая определенную географическую приуроченность этих разновидностей (в Центральной Европе и на Русской равнине преобладают индустрии с двусторонне обработанными формами, а на Кавказе – с односторонними; рис. 50). Подобное членение прослеживалось им также в верхнем палеолите (стоянки солютрейского и “ориньяко-мадленского” типов в Восточной Европе). Для эпохи верхнего палеолита А.А. Формозов

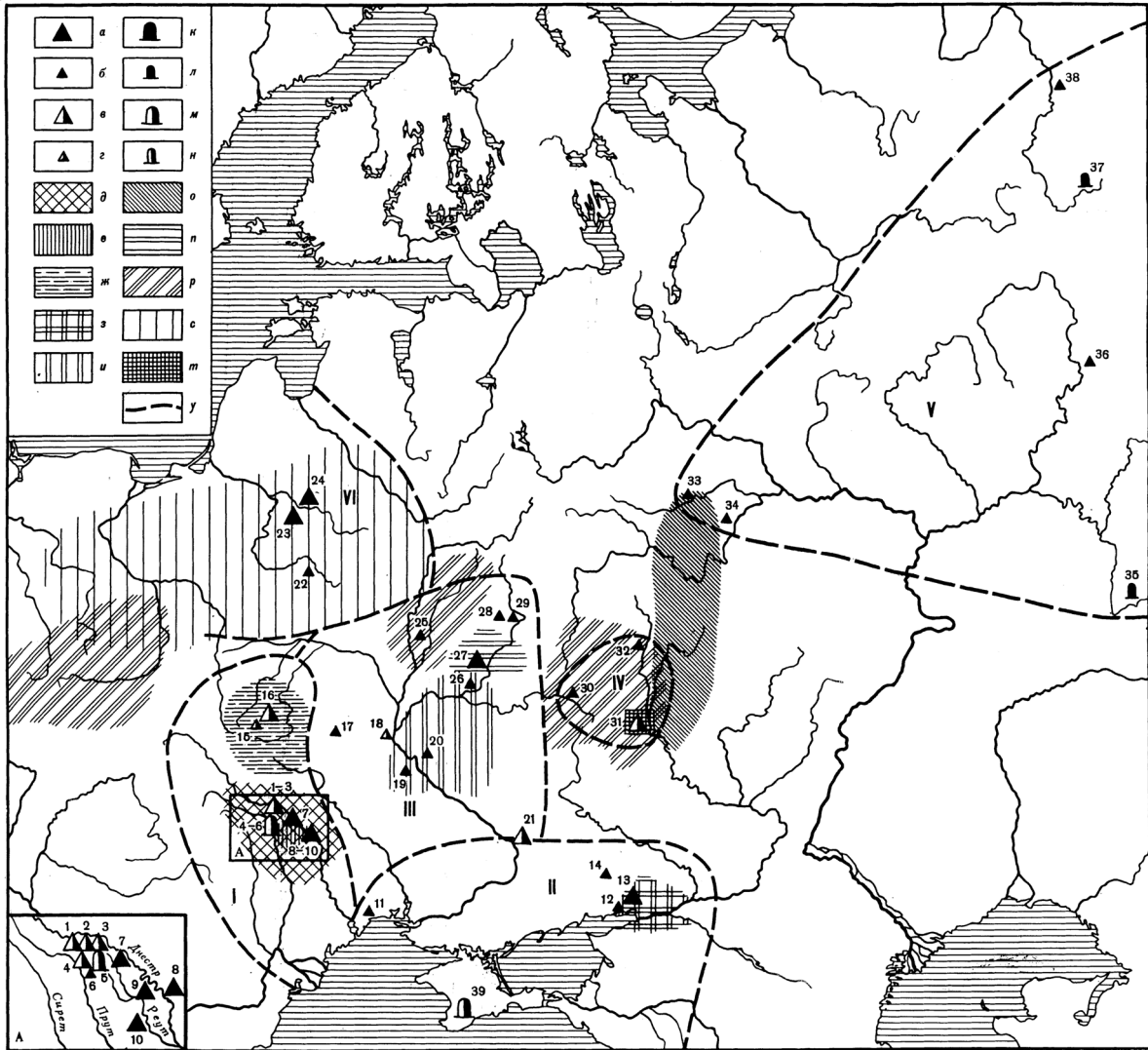

Рис. 51. Схема локальных культур в верхнем палеолите Русской равнины (по: Рогачев, Аникович, 1984, рис. 72).

A – памятники Днестровско–Прутского региона.

a – группа стоянок открытого типа; *б* – одиночные стоянки открытого типа; *в* – группа многослойных стоянок открытого типа; *г* – одиночные многослойные стоянки открытого типа; *д* – молодковская культура; *е* – брынзенская культура; *ж* – липская культура; *з* – каменнобалковская культура; *и* – мезинская и межиричско–добраничевская культуры; *к* – группа пещерных стоянок; *л* – одиночные пещерные стоянки; *м* – группа многослойных пещерных стоянок; *н* – одиночные многослойные пещерные стоянки; *о* – стрелецко–сунгирьская культура (культуры?); *п* – пушкаревская культура; *р* – виллендорфско–костенковская культура; *с* – свидерская культура; *т* – культуры, известные только в пределах Костенковско–Боршевского района (спицынская, городцовская, замятнинская); *у* – приблизительные границы областей своеобразного развития позднепалеолитической культуры на территории Восточной Европы.

I – юго–западная область; *II* – юго–восточная область; *III* – Поднепровье; *IV* – среднее Подонье; *V* – северо–восточная область; *VI* – северо–западная область.

1 – вороновицкая группа (Вороновица 1–5); 2 – бабинская группа (Бабин 1–11); 3 – молодцовско–корманская группа (Молодцова 1–8, Кормань 1–4); 4 – корпачская группа; 5 – брынзенская группа; 6 – Костешты 1; 7 – атакская группа (Атаки 1–6); 8 – рашковская группа (Рашков 1–8); 9 – бобулеитская группа (Бобулеиты 1–6); 10 – чутулеитская группа (Чутулеиты 1–3); 11 – Большая Аккаржа; 12 – Мураловка; 13 – каменнобалковская группа; 14 – Амвросиевка; 15 – Кульчицка; 16 – липская группа (Липа 1–6); 17 – Радомысль; 18 – Кирилловская стоянка; 19 – Межиричи; 20 – Добраничевка; 21 – Осокоровка, Дубовая Балка; 22 – стоянки у оз. Свитязь; 23 – Эжяринас; 24 – Вильнюс; 25 – Бердыж; 26 – Мезин; 27 – пушкаревская группа (Пушкари 1–8, Погон, Бугорок); 28 – Елисеевичи; 29 – Супонево, Тимоновка; 30 – Авдеево; 31 – группа стоянок Костенковско–Боршевского района; 32 – Гагарино; 33 – Сунгирь; 34 – Карачарово; 35 – Каповая пещера; 36 – Островская стоянка им. М. В. Талицкого; 37 – Медвежья пещера; 38 – Бызовая стоянка; 39 – Сюрень 1, 2.

намечал контуры областей, которые он именовал “этнокультурными”, явно привнося в определение интерпретационный смысл.

Сходным образом поступал с сибирским палеолитом Ю.А. Мочанов (1976, 1977), выделивший здесь бифасиальную дюктайскую общность и унифасиальную мальтинско–афонтовскую. В свою очередь, каждая из этих общностей делилась им на ряд индустриальных вариантов (или локальных культур). При этом, как и у А.А. Формозова, уни – и бифасиальные традиции имели определенную пространственную привязку. Если на востоке Сибири господствовали культуры дюктайского типа, то на западе – мальтинско–афонтовские. В то же время территория Приангарья, где были представлены обе традиции, считалась контактной зоной. Уни – и бифасиальные традиции, по мнению Ю.А. Мочанова, имели собственные среднепалеолитические корни, восходящие к индустриям с бифасами и без оных. На узость подобного подхода применительно к мустье Восточной Европы указывал Н.К. Анисюткин (1971), а к палеолиту Северной Азии – З.А. Абрамова (1975).

Что касается А.П. Окладникова и А.П. Черныша, то у этих авторов, кроме общетеоретических устремлений, в формировании позиции сыграла роль специфика материалов, с которыми им приходилось иметь дело.

А.П. Окладников (1954), признавая сложность хода культурного процесса в палеолите на Русской равнине, считал невозможным сужать поле зрения археолога до истории отдельных общин. Его в большей степени, как и С.Н. Замятина, интересовали генеральные черты, присущие палеолиту крупных областей, таких как Восточная Европа, Средняя Азия, Сибирь. Работая с единообразными на большом пространственном протяжении сибирскими материалами, А.П. Окладников считал, что мелкие локальные подразделения играют второстепенную роль (Окладников, 1973).

А.П. Черныш, исследовавший серию многослойных позднепалеолитических стоянок на Днестре, материалы которых демонстрировали отличный от Костенок пример преемственности в развитии культуры на протяжении большого отрезка времени, указывал на субъективизм и отсутствие четких критериев выделения локальных культур. Используя при сопоставлении памятников кумулятивные диаграммы, выстроенные на основе типлистов Ф. Борда, Д. Сонневиль–Борд и Ж. Перро, он видел здесь отражение общеевропейских черт единства индустрии как в леваллу–мустье, так и в верхнепалеолитическую эпоху (Черныш, 1977). Правда, в своих последних работах даже А.П. Черныш (1989) писал о разнообразии “фаций или культур” в мустье.

Следует в заключение отметить тот парадоксальный факт, что описанные выше дебаты практически не нашли отклика в западной археологии, хотя данные о сложной стратиграфической последовательности Костенок были известны (Childe, 1956). Вопрос о соотношении локальных особенностей и общих черт в развитии палеолитической культуры не привлекал внимания наших европейских коллег ни в 1950е г.г., ни позднее.

Между тем, новая версия развития палеолита завоевывала себе все больше сторонников. Можно без преувеличения сказать, что основным содержанием российского палеолитоведения 1960–1980х г.г. стало умножение числа локальных культур, которые были выделены в большом числе для верхнего палеолита всех основных регионов страны. Если для территории Русской равнины основная работа по культуровыделению была произведена А.Н. Рогачевым (1962) и Г.П. Григорьевым (рис. 51), то для Крыма и Кавказа то же сделал Н.О. Бадер (1965). Для палеолита Сибири локально–культурный подход впервые был применен З.А. Абрамовой (1966б). Начав с тезиса о параллельно развивавшихся в долине Енисея кокоревской и афонтовской культур, она затем идентифицировала ряд локальных культур в различных регионах Сибири, объединенных в несколько культурных областей (рис. 52). Стадиальные модели продолжали применяться в 1960–1970е и даже в 1980е г.г. в виде локальных

Рис. 52. Памятники и культуры палеолита Сибири (по: Абрамова, 1984, рис. 122).

а – раннепалеолитические стоянки открытого типа; крупные знаки – группы памятников, мелкие знаки – единичные памятники; *б* – раннепалеолитические пещеры и гроты; крупные знаки – группы памятников, мелкие знаки – единичные памятники; *в* – позднепалеолитические стоянки открытого типа; крупные знаки – группы памятников, мелкие знаки – единичные памятники; *г* – позднепалеолитические пещеры или гроты; *д* – афонтовская культура; *е* – кокоревская культура; *ж* – дюктайская культура; *з* – мальтинско–буретская культура; *и* – направление культурных связей.

1 – Мысовая; *2* – Шикаевка; *3* – Черноозерье; *4* – Волчья Грива; *5* – пещера Страшная; *6* – пещера Усть–Канская; *7* – Денисова пещера; *8* – Туэкта; *9* – Улалинка; *10* – Сротки; *11* – Томская; *12* – Могочино; *13* – Ачинская; *14* – Малая Сья; *15* – Саглы; *16* – Чинге–даг–Ужу; *17* – Шагонар; *18* – Хемчик; *19* – Улуг–Бюк, Порог 1; *20* – Демир–Суг; *21* – Кантегир; *22* – Голубая; *23* – Двуглазка; *24* – Таштык; *25* – Кокорево; *26* – Новоселово; *27* – Афонтова Гора; *28* – Дружиниха; *29* – Мальта; *30* – Сосновый Бор; *31* – Верхоленская Гора; *32* – Буреть; *33* – Гора Глиняная и др.; *34* – Гора Старая и др.; *35* – Изетейский Лог; *36* – Красный Яр; *37* – Федяево; *38* – Братск; *39* – Усть–Кова; *40* – Усть–Кяхта; *41* – Зарубино; *42* – Няньги, Номохоново; *43* – Ошурково; *44* – Варварина Гора; *45* – Санный Мыс; *46* – Студеное; *47* – Толбага; *48* – Куналей; *49* – Сохатино; *50* – Икарал; *51* – Макарово; *52* – Частинская; *53* – Авдеиха; *54* – Дюктайская пещера; *55* – Верхнетроицкая; *56* – Эжанцы; *57* – Ихине; *58* – Берелех; *59* – Уиковские стоянки; *60* – Кумары; *61* – Филимошки; *62* – Осиновка; *63* – пещера Географического Общества; *64* – Устиновка.

периодизационных схем, особенно популярных среди украинских исследователей (Шовкопляс, 1965; Савич, 1975; Черныш, 1985), однако и здесь подобные построения постепенно отходили на второй план.

Со временем дискуссия о соотношении стадиальных и локальных черт в развитии палеолитической культуры переходит за рамки верхнепалеолитической тематики. Вслед за Ф. Бордом (Bordes, 1961b) была поставлена проблема существования культур в мустье. Для обозначения этих явлений Г.П. Григорьев (1968) употреблял термин “вариант” вместо “археологической культуры”, так как в его представлении одним из основных показателей археологической культуры была пространственная локализация, а для мустье характерно сосуществование на одной территории 4–5 вариантов. Все же понятие археологической культуры было распространено на средний палеолит Кавказа в работах В.П. Любина (1977; рис. 53) и Средней Азии у В.А. Ранова. Правда, последний автор применительно к мустье предпочитал термины типа “локальная группа” или “технический вариант” (Ранов, 1971; Ранов, Несмеянов, 1973).

Позже процесс максимизации дробления материала перешел и границы мустье. Несмотря на относительную малочисленность ашельских комплексов, к тому же представленных в значительной мере коллекциями подъемного материала, Б.Г. Ерицян (1972) и Л.В. Голованова (1986) делали попытки выделения локальных культур в ашеле Кавказа.

Однако вопрос о вариабельности индустрий нижнего и среднего палеолита оказался гораздо более сложным. В.Н. Гладиллин (1976, 1980, 1985), понимая во многом искусственный характер бордовской классификации, и то обстоятельство, что выделяемые в нижнем палеолите фации и индустрии далеко не всегда можно соотнести с понятием археологической культуры, предложил модель, основанную на разграничении классификационной, пространственно–описательной шкалы сравнения памятников, с одной стороны, от культурно–исторической, интерпретационной, с другой. В первом аспекте все раннепалеолитические материалы делились на варианты, фации и типы индустрии. Наиболее общий уровень (варианты) основывался на классификации индустрий по совокупности трех показателей – размеров орудий (комплексы со средними размерами орудий менее 5 см получали в определении приставку микро–), наличии/отсутствии техники двусторонней обработки изделий и удельному весу зубчато–выемчатых форм. В пределах вариантов были выделены фации, примерно соответствовавшие понятию “путь развития” по Г.П. Григорьеву (см. ниже). Низший уровень (тип индустрии) определялся на основании специфических форм изделий и получал наименование от эпонимного памятника (рис. 54). Последнее понятие близко к археологической культуре, но тип индустрии, по В.Н. Гладиллину, мог представлять собой также этап развития определенной культуры или же отражать функциональную специфику памятника. Во второй, культурно–исторической плоскости, было применено географическое членение групп сходных индустрий (культура, культурная область, зона).

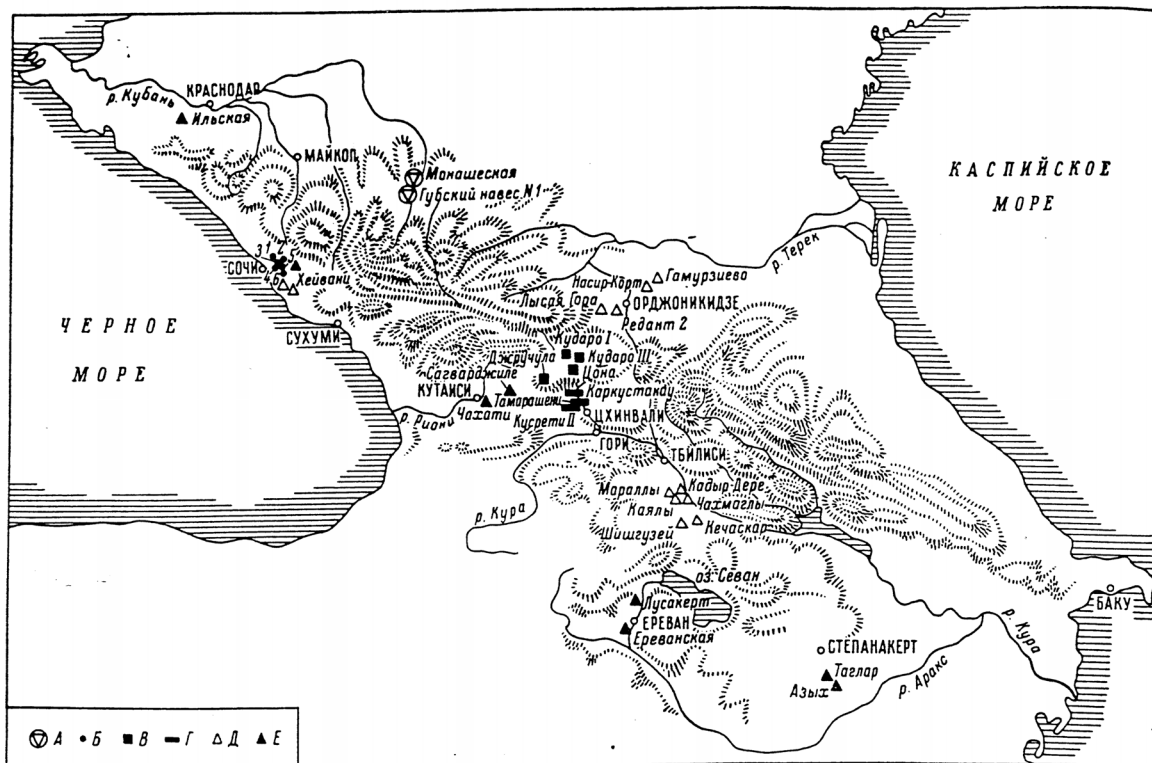

Рис. 53. Мустьерские культуры Кавказа (по: Любин, 1977, рис. 1).

А – стоянки губской культуры; Б – хостинской культуры (1 – Ацинская; 2 – Воронцовская; 3 – Хостинская I; 4 – Хостинская II; 5 – Навалишенская; 6 – Ахитырская); В – кударской культуры; Г – ихинвальской культуры; Д – местонахождения открытого типа; Е – прочие.

Особую позицию в отношении выделения культур в мустьерскую эпоху занял Н.Д. Праслов. Вместо узко локальных культур он отмечал наличие широких общностей, своего рода культурных провинций. По его мнению, “археологическую культуру можно выделить только тогда, когда прослеживается четкое сходство каменного инвентаря в группе памятников, занимающих определенную территорию и резко отличающихся от других групп синхронных памятников” (Праслов, 1968, С. 103). Ближе к приведенному выше высказыванию А.А. Формозова: “Об археологических культурах и культурных областях можно говорить лишь тогда, когда выделяется целый регион с четко очерченными границами, охватывающими группу стоянок с инвентарем сходного облика” (Формозов, 1977а, С. 29).

Феномен диффузии и “миграции типов” в межиндустриальных течениях применительно к верхнему палеолиту признавал и Г.П. Григорьев (1966, 1968). Эти явления лежали в основе выделения им “районов взаимосвязанного развития ряда культур”. Однако данная тема была затронута Г.П. Григорьевым лишь вскользь, поскольку главное внимание этот автор уделял вычленению замкнутых локальных культур. Напротив, по Н.Д. Праслову, в случае близости индустрий на широкой территории, можно выделять культурные ареалы, иногда подразделяющиеся на локальные варианты. Хочется подчеркнуть, что эта концепция относится не только к мустьерской эпохе. “В палеолите, наряду с четкими культурами, почти до самого конца этого периода отмечается и существование первобытных общностей, состоявших из мелких локальных групп” (Праслов, 1968, С. 142). С рассмотренными положениями определенное сходство имеет гипотеза Ф. Смита, применившего при интерпретации феномена солютре концепцию ареала культуры или зональной сотрадиции – сети связей групп с диффузным распространением культуры (Smith, 1966).

С самого начала формирования локально-культурного подхода исследователи обратились к вопросу об интерпретации культурных единиц. Как мы уже говорили, А.Н. Рогачев вначале был склонен считать прослеженные им различия отражением “конкретной истории первобытных общин” (Рогачев, 1953). Однако вскоре он перешел к рассмотрению этих общностей как археологических следов древних “племен” (Рогачев, 1955).

Этническая версия археологической культуры, бывшая объектом нещадной (и зачастую справедливой) критики в 1930е г.г., с 1940–1950х г.г. вновь стала доминировать в отечественной доистории. Это было связано, несомненно, с внешними причинами, особенно с разгромом марризма в 1950 г. Наиболее четко данное положение сформулировал А.Л. Монгайт (1951, С. 11): “Советские ученые не занимаются отвлеченным понятием “культуры”; они изучают конкретные культуры и стараются связать их с определенными историческими народами. Мы рассматриваем понятие “археологическая культура” как комплекс памятников, появляющихся в результате территориального обособления племенных групп населения на определенном отрезке времени”.

Отождествление верхнепалеолитических культур с племенами стало обычным в 1960–1970е г.г. Г.П. Григорьев (1968, С. 8) даже назвал данное положение “общепринятым в археологии постулатом”. Вскоре понятие этничности вслед за археологической культурой переключивается из верхнего палеолита в мустье. Для интерпретации культур среднего палеолита Г.П. Григорьев (1966, 1968) вводит понятие “предплемя”. Об этническом характере мустьерских культур писали также В.П. Любин (1977) и Р.Г. Казарян (1979). Большой сложностью отличалась позиция В.А. Ранова, в целом признававшего с определенными оговорками этнический характер палеолитических культур, но в то же время указывавшего на существенную роль технических и экологических факторов, в том числе сезонности обитания (Ранов, 1972а; Ранов, Несмеянов, 1973). Против упрощенной трактовки археологических культур как прямого отражения племенного деления выступили этнографы, говорившие о возможности иных вариантов интерпретации культурных общностей палеолита (например, через сети культурных и/или брачных контактов; Хазанов, 1971). Н.Д. Праслов (1968), исходя из своей концепции широких культурных общностей раннего палеолита, обратил внимание на искусственный характер выделения племен у охотников–собираателей, считая основной единицей первобытности малый коллектив или локальную группу.

Позже, вероятно не без учета мнения этнографов, Г.П. Григорьев (1972а) отходит от прямого отождествления археологической культуры с племенем, хотя сама идея, что за археологической культурой непременно должна стоять какая–то, пусть неизвестная нам, социальная общность древности, осталась. А.Н. Рогачев также отказался от обязательности связи племени или племенного союза с археологической культурой и от мысли воссоздания конкретной истории палеолита. “Первобытная археология ... вынуждена освещать социальный исторический процесс гипотетически и схематически, придерживаясь лишь принципа конкретно–исторического подхода, не ставя перед собой задачи написания “конкретной истории общин и племен” (Рогачев, 1979, С. 4). Однако до конца жизни А.Н. Рогачев оставался верен уравнению культурного и этнического начал. “Формы орудий наиболее четко выражают их этнические особенности... именно форма представляет безграничную возможность выявить племенные (этнические) традиции культуры” (Рогачев, 1973а, С. 21)

Со временем опыты в области интерпретации культурных образований практически сходят на нет. Простое отождествление классификационных единиц археологии с некими мифическими “этнотипами”, неоднократно опровергнутое в теоретическом плане, держалось лишь силой инерции, в основном связанной с официальным статусом археологии как раздела истории и необходимостью хоть как–то насытить археологию историческим содержанием.

Выделение советскими этнографами в 1950е г.г. (Левин, Чебоксаров, 1955) таких единиц как хозяйственно–культурный тип (общность хозяйственного развития в определенной географической зоне) и историко–этнографическая область (исторически сложившаяся в силу длительных связей и взаимовлияния общность традиционной культуры) была встречена некоторыми археологами с энтузиазмом. Именно в такой плоскости вел поиск интерпретации археологических культур палеолита М.И. Гладких (1991а, б). На основании фаунистических данных он выделил в пределах палеолита Русской равнины крупные зоны с преобладанием определенного хозяйственно–культурного типа. В свою очередь, в пределах этих зон намечаются этнокультурные области, каждая из которых делится на ряд небольших по территории археологических культур. При этом схема не носила столь однозначного характера, ибо признавалось, что и этнокультурные области и археологические культуры могут пересекать границы зон.

Получившая широкое звучание в мировой археологии 1960–1970х г.г. полемика Ф. Борда с Л. Бинфордом (Binford, Binford, 1969; Bordes, Sonneville–Bordes, 1970) относительно значимости вариации мустьерских индустрий нашла свое отражение на страницах русских изданий. Правда, здесь дискуссия не носила столь бурного характера. Абсолютное большинство отечественных исследователей (Любин, 1977; Абрамова, 1979б; Григорьев, 1987) встало на позицию Ф. Борда, считая, что размах вариации в инвентаре между разнофункциональными памятниками всегда менее значителен, чем между разнотипными.

Сложнее была позиция П.И. Борисковского, который отмечал нарастание разнообразия культуры в среднем палеолите и выделял ряд факторов, влиявших на облик каменного инвентаря. Наряду с уже явно зарождающимися техническими традициями (которые ученый в духе того времени трактовал в этническом ключе), он отмечал значимость таких моментов как особенности хозяйства, функции стоянок и специфики их исследованных участков. Не случайно П.И. Борисковский (1979, С. 92) одним из немногих отечественных археологов с сочувствием отнесся к идее Л. Бинфорда о функциональной вариабельности мустьерских индустрий. Подобное сложное понимание вариаций среднего палеолита куда ближе современному подходу к проблеме, чем предпринимавшиеся в свое время безуспешные попытки выделения мустьерских и даже ашельских “археологических культур”.

Положительно восприняли бинфордовские идеи П.М. Долуханов и И.И. Коробков. У первого из названных авторов (Долуханов, 1979) подобная интерпретация различий между индустриями была связана с креном в сторону экологического детерминизма. Гораздо больший интерес представляют построения И.И. Коробкова. Для него, как и для Л. Бинфорда, каменные индустрии воспринимались в первую очередь как источник для реконструкции хозяйственно–производственной деятельности древнего человека. Отметим, что к такой точке зрения наш исследователь пришел одновременно и независимо от Л. Бинфорда. “В каменных индустриях скрыты и более общие закономерности эволюции человеческого общества, отражающие возможный характер устройства древней человеческой общины, деление ее по производственным ячейкам и т.п. Все это заключено, как в личинке, в облике кремневого инвентаря, в характерных его наборах, в типологических особенностях оформления отдельных орудий, и сделать так, чтобы из этой личинки в конце концов появилась на свет жизнеспособная и радующая глаз расцветкой крыльев бабочка – в этом и заключается основная задача археолога” (Коробков, Мансуров, 1972, С. 55–56).

Зафиксировав на нижнепалеолитическом местонахождении Яштух пункты концентрации леваллуазских и не–леваллуазских (тейякских) индустрий, И.И. Коробков попытался объяснить эти различия в функциональном, а не в культурном плане, отвергая “презумпцию культурной показательности” всех черт кремневого инвентаря (Коробков, 1970, С. 54). По его мнению, сосуществовавшие леваллуазские и нелеваллуазские фации мустье могут быть интерпретированы как отражение различных хозяйственных функций, осуществлявшихся в пределах одной группы древнего населения (Коробков, 1966а, 1978). И.И. Коробков (1971) связывал пункты, доставившие пластинчатые индустрии, с кратковременными охотничьими стоянками, комплексы пластинчато–леваллуазских индустрий (типа Ахабиюк) – с более долговременными лагерями, а тейякские местонахождения – с долговременными поселениями. Конвергентное сходство разбросанных в различных частях ойкумены комплексов (описываемое в системе Г.П. Григорьева как “путь развития”) И.И. Коробков интерпретировал как отражение закономерностей социально–хозяйственной жизни палеолитических коллективов (Коробков, Мансуров, 1972).

В этом же плане он трактовал временную изменчивость нижнепалеолитических комплексов, введя понятие “индустриального ствола”, отражающего длительное сохранение производственных наборов орудий и их технологическую эволюцию. По мнению И.И. Коробкова (1978), культура определенной группы (пласта) населения могла опираться на несколько “индустриальных стволов”. Со временем под влиянием неясных причин социально–экономического характера технико–типологические наборы орудий, ранее сосуществовавшие в пределах определенной группы населения, отпочковываются и начинают самостоятельное развитие.

Естественным продолжением вопроса о локальных культурах в палеолите стала проблема группировки культур. Здесь налицо два аспекта – пространственный и временной. Что касается первого, то большая часть исследователей, за исключением Г.П. Григорьева (1969), объединяла сходные по облику культуры, приуроченные к определенной географической области, в культурные зоны. Терминология, использованная различными авторами, как и территориальный охват подобных культурных областей, заметно варьировала. А.Н. Рогачев (1967), например, устанавливал в пределах верхнего палеолита Европы регионы, делящиеся на археологические культуры. Таких единиц вслед за В.А. Городцовым, он насчитывал три – приатлантическую, средне– и восточноевропейскую. В свою очередь, каждая из этих областей может быть подразделена на более мелкие единицы. Так, в Восточной Европе им были выделены среднедонская, среднеднепровская, крымская и другие области. З.А. Абрамова (1975) при описании верхнего палеолита Сибири также воспользовалась понятием “культурная область” с четкой географической привязкой (южно–сибирская, среднесибирская, северо–восточносибирская области).

Для обозначения сходных черт, проявившихся в ряде культур в определенном регионе А.Н. Рогачев и М.В. Аникович (1984) предложили термин “историко–культурная область”, в принципе сходный с упоминавшимся понятием историко–этнографической области, но без этнографической

нагрузки. В пределах средней поры позднего палеолита Восточной Европы М.В. Аникович (1992) выделял южную, центральную и юго–западную историко–культурные области, характеризующиеся некоторой общностью индустрии (результат “миграции типов” между разными культурами) и сходством в охотничье–собираательской деятельности. Эта близость получает объяснение за счет длительного сосуществования групп населения и межкультурных контактов. Правда, в другом варианте данные области уже прямо характеризуются как хозяйственные зоны (юго–западная – охотники на северного оленя, южная – охотники на бизона, центральная – охотники на мамонта; Аникович, 1994).

Более узким охватом отличались понятия, введенные для обозначения группы генетически связанных между собой культур. Г.П. Григорьев (1968) применил при характеристике восточного граветта термин “виллендорфско–павловско–костенковское единство”. Данное “единство” отражало, по его мнению, процесс расселения какого–то древнего племени из Средней Европы на Русскую равнину.

Другой вопрос касается групп культур, лишенных территориальной общности, но демонстрирующих сходные черты развития. Первоначально для обозначения генетически не связанных, но близких культурных явлений, возникающих в результате конвергенции, Г.П. Григорьевым (1966, 1968) вслед за П.П. Ефименко было предложено понятие “путь развития”. Для ранней поры верхнего палеолита Г.П. Григорьев выделил ориньякоидный, селетоидный (или селетско–стрелецкий) и перигордоидный пути развития (рис. 48). По его мнению, понятие “путь развития” отражает явление синстадиальности, параллельное существование на определенном этапе культур со сходными чертами. Общие характеристики индустрии при этом распространяются на группу типов, эта близость носит неполный характер и кажется невозможным выстроить культуры, относящиеся к одному пути развития, в единую эволюционную цепочку. Параллельное существование двух культур разных путей развития на одной территории во время начального этапа верхнего палеолита (например, ориньяка и перигордьена) трактовалось Г.П. Григорьевым как остаток отмирающей мустьерской организации, когда сосуществовало значительно большее число индустрий, постепенно уступающей место четкому пространственному делению на культуры.

Позже понятие “путь развития” уже не соотносилось Г.П. Григорьевым с археологическими культурами и выступало как самостоятельная единица классификации другого порядка, основанная не на сочетании типов, а на “сопряженных группах орудий”. Далее эта тематика разрабатывалась им почти исключительно на мустьерских материалах (см. ниже).

Применительно к верхнему палеолиту ход рассуждения Г.П. Григорьева был продолжен М.В. Аниковичем (1991, 1993), для которого понятие “путь развития” выступал в качестве аналога “технокомплекса” Д. Кларка (Clarke, 1968). М.В. Аникович выделял селетоидный, ориньякоидный, граветтоидный и “песэкоидный” пути развития.

Близок по звучанию к “пути развития” термин “линия развития”, предложенный В.П. Любыным (1977) для обозначения мустьерских культур, расположенных на различных территориях, но попадающих в единый вариант по классификационной шкале Ф. Борда. С точки зрения Н.Д. Праслова (1984), подобные явления не более чем артефакт, вызванный повсеместным применением бордовской типологии. Как образно сказал по этому поводу В.Н. Гладилин: “С методической палубы сработанных по французским меркам “каравелл” не всегда можно отличить, что открывается не вновь и вновь желанная бордовская “палеолитическая Индия”, а совершенно иные, еще не изведенные раннепалеолитические “земли и континенты” (Гладилин, Ситливый, 1990, С. 15). Добавим, что в сходном с В.П. Любыным ключе трактовал прослеживаемые им черты преемственности в индустриях ашеля–мустье юго–запада Восточной Европы Н.К. Анисюткин (1992а), выделивший здесь две различные линии развития.

Дискуссии 1950–1960х г.г. привели к почти повсеместному распространению локально–культурного подхода. Однако позже этой версии предстояло принять вызов новых аргументов.

Прежде всего, стремление к дроблению материала на археологические культуры довольно скоро столкнулось с фактом чрезвычайной вариабельности каменных индустрий, отсутствию идентичных друг другу комплексов. Встал вопрос, где же проводить границы между культурами, какие различия считать существенными, а какие относить за счет вариации в пределах культур. Например, сравнение индустрий восточного граветта на различных уровнях типологического анализа показало, что группировки памятников по процентному соотношению категорий орудий, по их типам, по приемам вторичной обработки образуют разные конфигурации (Беляева, 1979) и вопрос о том, какие группы соотносятся с археологическими культурами, остался не решенным. Аналогичное явление может быть прослежено на сибирских материалах, где к вариации орудийного набора добавляется чрезвычайная изменчивость техники расщепления (Васильев, 1996).

Соответственно, центральное место заняла проблема параметров, по которым следует выделять археологические культуры. На первых порах дискуссии о локальности в палеолите этот вопрос еще не

стоял отдельным пунктом, а сам А.Н. Рогачев указывал на общие характеристики инвентаря. Позднее Г.П. Григорьев стремился определить культуру через устойчивое сочетание типов орудий, при этом особое внимание он уделял изменчивости развития (рис. 55). Такое определение в 1960–1970е г.г. приобрело статус едва ли не общепризнанного. На Совещании по каменному веку Средней Азии и Казахстана (Самарканд, 1972 г.) была сделана попытка выработать дефиницию археологической культуры применительно к палеолиту. По тексту резолюции конференции археологическая культура определялась как объективная совокупность остатков материальной культуры, представленная типами, находящимися в прочной взаимосвязи и определенным образом ограниченных во времени и в пространстве. Археологическая культура – явление территориальное, хронологическое и генетическое, материальное выражение особенностей отдельных обособленных групп древнего населения. Археологическая культура может подразделяться на локальные варианты (Григорьева, Исламов, 1974). Дефиниция, как мы видим, получилась достаточно расплывчатой и позволяющей на базе нее проводить ряд альтернативных вариантов культурного членения.

В дальнейшем определение культуры как устойчивого сочетания типов было оставлено самим Г.П. Григорьевым (1979), поскольку совокупность орудий любой конкретной индустрии явно не делилась на типы. Г.П. Григорьев пришел к мысли, что типы можно использовать преимущественно для различения культур между собой, а определение культуры должно основываться как на уровне типов, так и надтипов и групп более высокого уровня.

Для В.П. Любиной, как и для других археологов (Абрамова, 1975), основой выделения культур являлась вся сумма технико–типологических параметров каменного инвентаря, включая технику первичного раскалывания, вторичной отделки и типологию. “Определение каждой культуры должно исходить не из единичных или нескольких признаков, а из всей суммы показателей культурных остатков – этого неразрывного комплекса фактов» (Любин, 1977, С. 192). Подобная типолого–статистическая концепция, однако, не давала сколь либо четкого определения разумных границ дробления материала, а иногда и приводила ее сторонников к выделению парадоксальных культур, характеристика которых состоит в перечислении не сколько имеющихся в наличии, сколько отсутствующих признаков. “В макаровской культуре нет особых форм, которые были бы присущи только ей. Практически все они как составляющий элемент входят в ангарские комплексы. Однако сочетание отдельных форм в комплексах резко отлично и весьма своеобразно для каждой культуры” (Аксенов, 1974, С. 110). Определение культуры как уникального сочетания характеристик инвентаря в принципе может создать ситуацию, когда каждый памятник будет образовывать свою культуру.

Наряду с типолого–статистической трактовкой, в ходе дискуссии были высказаны иные точки зрения. А.А. Формозов (1959), например, считал, что выделение культур должно основываться на характеристике деталей орудий, не связанных напрямую с особенностями производства. К данной точке зрения примкнул И.И. Коробков (1971), придававший особое значение мелким деталям оформления орудий и приемам раскалывания камня. По Н.Д. Праслову “... основными показателями сходства или различия памятников ... могут являться только специфические формы изделий, имеющие определенные традиционные приемы изготовления и не являющиеся необходимым массовым материалом” (Праслов, 1968, С. 141). Ни простые широко распространенные разновидности орудий, ни числовые выражения типов не играют здесь роли. По сути дела, речь идет именно о “руководящих типах”. Косвенно в пользу подобной трактовки говорили трасологические наблюдения В.Е. Щелинского (1994), установившего наличие ряда функциональных групп орудий среднего палеолита – изделий, предназначенных для выполнения определенных производственных задач, но различающихся по технико–типологическим характеристикам. Среди них наибольшую стилистическую нагрузку несут специализированные формы. Однако количество вещей подобного рода невелико (для мустье Восточной Европы Н.Д. Праслов в качестве специфических типов сумел назвать лишь “чокурчинские треугольники”). Даже в верхнем палеолите с его большим типологическим разнообразием, индустрий с яркими легко идентифицируемыми специфическими типами немного (костенковско–авдеевская, мальтинская культуры). Наряду с ними существуют целые регионы, где наборы изделий представлены простыми разновидностями и при всем желании выделить здесь локальные культуры не представляется возможным. Примером могут служить верхнепалеолитические стоянки Десны.

Далее встал вопрос о пространственной привязке культур. В свое время Г.П. Григорьев (1968) попытался определить площадь археологической культуры в палеолите как территорию 50–150 км в поперечнике. Для Г.П. Григорьева показатель ограниченности территории играл очень важную роль; при отсутствии географической локализации какой–либо индустрии он называл ее “культурой”, а именовал неопределенным термином “группа”. Нужно сказать, что особого успеха гипотеза Г.П. Григорьева не имела. Ведь в практике изучения палеолита то и дело приходится сталкиваться то с фактами поразительной близости разделенных сотнями и тысячами километров памятников, то с

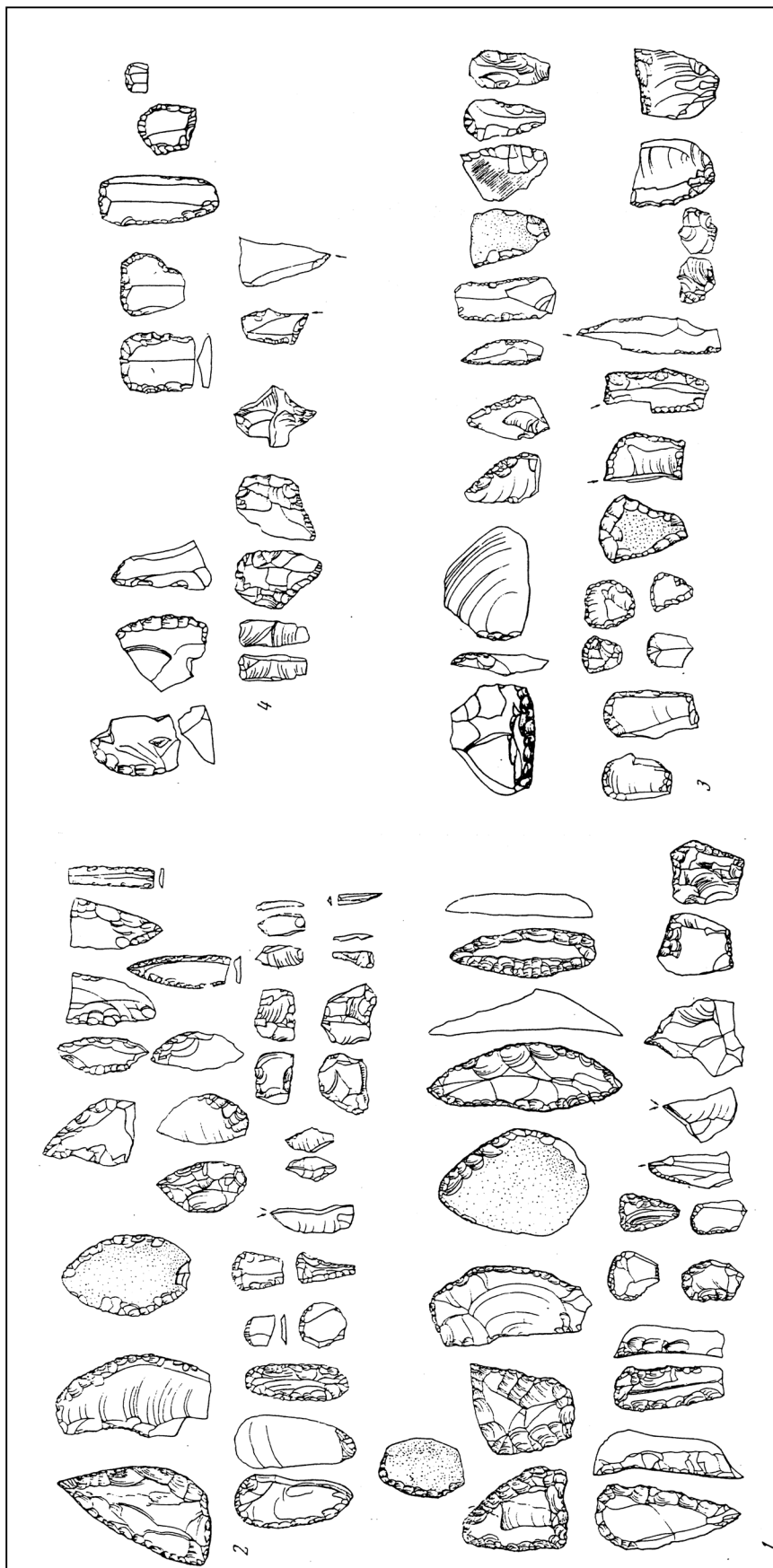

Рис. 55. Схема эволюции инвентаря городищеской культуры (по: Григорьев, 1970, рис. 3).
 1 – первая ступень, Маркина Гора (Костенки XIV); 2 – вторая ступень, Городищеская (Костенки XV); 3 – третья ступень, Волковская (Костенки XII); 4 – четвертая ступень, Углянка (Костенки XVI).

картиной беспорядочного чередования абсолютно не сходных индустрий в одном микрорайоне. Вероятно поэтому понятие археологической культуры постепенно утратило свою географическую привязку (см. ниже). З.А. Абрамова (1989) отказалась от употребления ранее применявшегося ей понятия “культурная область”, говоря лишь об “общности культур” без пространственной их локализации.

Другой интересный феномен, заметно осложнивший вопросы культуровыделения – вариабельность каменного инвентаря на площади палеолитических поселений. Для обозначения данного явления М.Д. Гвоздовер и Г.П. Григорьев (1975) применили понятие “фациальность”, что кажется не совсем удачным, учитывая давнее употребление этого термина в другом плане. Первоначально факт различия облика индустрии между комплексами в пределах стоянки трактовался как показатель того “нижнего предела” вариабельности, за который не следует переступать, проводя распределение памятников по культурам. М.И. Гладких (1977) на материалах Добраничевки и Ю.П. Холюшкин (1981) на примере Мальты подсчитали различия в процентном соотношении групп орудий и нуклеусов на участках памятников. В данном случае различия явно уступали размаху межкультурной вариации и сводились к количественным показателям. Однако в других ситуациях вариация была выражена в наличии специфических групп изделий, локализовавшихся только в пределах той или иной зоны культурного слоя (например, зубчатая “группа сопряженных орудий” на южном участке Каменной Балки II; Гвоздовер, Григорьев, 1975). Существуют и более сложные примеры. М.А. Иванова (1985), проанализировав распределение каменного инвентаря на площади нижнего культурного слоя Костенок XXI, разделила группы комплексов с различными наборами изделий. Одни скопления доставили обильный микроинвентарь с пластинками с притупленным краем, характерными формами наконечников с боковой выемкой, острьями и проколками. Другие – остря с притупленным краем и основанием, пластинки с притупленным краем и концами, ножи и остря на крупных пластинах. Разнонаправленными оказались и аналогии подобным наборам изделий на других стоянках Костенок. “Раскопки нижнего культурного слоя Костенок 21 убедительно показали, что кремневый инвентарь разных участков одного поселения может отличаться настолько, что при иных обстоятельствах эти различия безоговорочно интерпретировались бы как различия культурного порядка” (Рогачев, Аникович, 1982, С. 113).

Учет воздействия всех этих факторов послужил стимулом к постепенному отходу от крайностей локально–культурной версии. Сам Г.П. Григорьев (1987) вначале отказался от тенденции выделять локальные культуры в мустье и начал писать лишь о единственной археологической культуре среднего палеолита – мустье типа кина, выделяемой по наличию специфического типа скребел. Позднее Г.П. Григорьев (1993) делает следующий шаг, отрицая уже идею деления всего европейского верхнего палеолита на археологические культуры. По его мнению, археологическая культура, во–первых, должна быть определена на основании хотя бы одного–двух специфических типов, общих для однокультурных памятников. Во–вторых, археологическая культура должна делиться на ряд ступеней, демонстрирующих направленность развития. В–третьих, археологическая культура должна обладать четко очерченной территорией. Следуя этой логике, представленным требованиям отвечают только единицы деления верхнего палеолита юго–запада Франции, а в Восточной Европе культур вовсе не оказывается.

Итог оказался мало утешительным. Главный адепт и пропагандист локально–культурного подхода в 1960е г.г., в 1990е Г.П. Григорьев признает: ” ... попытки отыскать археологические культуры в верхнем палеолите Восточной и Средней Европы за последние 30 лет окончились неудачей. Памятники, объявленные ядром будущей археологической культуры, так и остались одиночками” (Григорьев, 1992, С. 15).

В работах последователей А.Н. Рогачева понятие “археологическая культура” утрачивает свою жесткую пространственную привязку (Аникович, 1991), становясь, таким образом, синонимом “традиции” в обычном для европейского палеолитоведения неопределенном ключе как достаточно условная единица классификации индустрий. В этом плане понятие лишается своей интерпретационной нагрузки, сохраняя смысл лишь в качестве ярлыка для обозначения группы стоянок с более или менее сходным характером каменного инвентаря. Признается даже, что в пределах одного памятника может быть выделено несколько разнокультурных компонентов.

Другой ученик А.Н. Рогачева был вынужден констатировать, что “покультурное описание первобытности ... значительно меньше, чем на то можно было надеяться в 50е годы, углубило наши представления о событиях и процессах палеолита” (Синицын, 1992, С. 8).

Подобные высказывания переключаются с мнением В.Н. Гладылина и В.И. Ситливого (1990, С. 18): “Теория локальности была противопоставлена теории стадиальности. Между тем для такого противопоставления не было и нет оснований. Оба направления исторического познания

археологических явлений – стадияльное и локальное – представляют собой как бы две стороны одной медали, они взаимно дополняют и обогащают друг друга. Пришло время, как кажется, вернуться к идее стадияльности развития общества на качественно новом восходящем витке диалектической спирали...”. Таким образом, между ранее противостоявшими друг другу позициями вырисовываются отношения дополнительности, а не противоречия.

В этой связи отметим возрастание (впервые после 30–летнего перерыва) интереса к проблеме внутренней периодизации верхнего палеолита, уже лишенной, в отличие от стадиялизма, социологической привязки, и носящей ныне более сложный характер, учитывая хронологическую чересполосицу индустрий. Г.П. Григорьев (1989) пришел к выводу о возможности трехчленного деления верхнего палеолита Восточной Европы, а именно разграничения ранней и поздней поры, между которыми вклинивается так называемый “граветтский эпизод” (виллендорфско–костенковское единство). В известной мере это означало возврат к давней точке зрения П.П. Ефименко о дифференциации вариантов культуры на начальной и конечной стадиях верхнего палеолита Европы и разделяющей их эпохе единства. М.В. Аникович (1994) говорит о наличии в Восточной Европе ранней поры верхнего палеолита. На этой фазе архаические, сохраняющие многие мустьерские черты, культуры сосуществовали с ориньякоидными и граветтоидными индустриями. Далее следует средняя пора – расцвет культуры верхнего палеолита, характеризующаяся разделением культур на три историко–культурных области (см. выше) и финальная пора верхнего палеолита, объединенная с мезолитическими индустриями. Как мы видим, периодизация здесь базируется скорее на основе внутренней структуры периодов, чем на простом перечислении общих черт культуры для того или иного этапа.

З.А. Абрамова (1989) выделила в пределах верхнего палеолита Сибири 4 “климатостратиграфических этапа”, которые, все же, судя по даваемой им характеристике, являются именно фазами археологической периодизации, а не просто хронологическими отрезками.

Прослеженная выше история дискуссий вокруг понятия локальной культуры с неизбежностью подводит к другой традиционной теме палеолитоведения – вопросу об общих закономерностях культурно–хронологического деления материала, проблеме глобального сопоставительного анализа.

Важнейшей вехой на пути исследования крупнейших культурных областей палеолита стала уже упоминавшаяся работа С.Н. Замятина (1951). Основные моменты концепции С.Н. Замятина можно кратко сформулировать следующим образом:

1. Локальные различия в палеолите не изначальны, они появляются только с началом верхнего палеолита. Исследователь резко отрицал теорию Х. Мовиуса (Movius, 1949) о делении нижнепалеолитической ойкумены на западный (с рубилами) и восточный (с галечными орудиями) культурные ареалы, отмечая находки ручных рубил на востоке Азии. Столь же критически С.Н. Замятин относился к идее локального разнообразия в среднем палеолите.

2. В эпоху позднего палеолита выделяются три крупнейшие области развития – средиземноморско–африканская, европейская приледниковая и сибирско–китайская (рис. 56). При этом отличия последней от первых двух оказывались столь разительны, что приледниковую европейскую область можно рассматривать как одну из провинций средиземноморско–африканской области.

3. Отличия средиземноморско–африканской области, охватывающей памятники Африки, Ближнего Востока, Крыма, Кавказа, юга Европы, заключаются в иной последовательности развития культуры, сохраняющей длительное время “ориньякоидный” характер.

4. Сибирско–китайская область характеризуется ограниченным распространением техники призматического нуклеуса, постоянным присутствием в индустрии архаичного компонента (скребла, остроконечники, иногда рубиловидные орудия) в необычном для верхнего палеолита сочетании с мелкими изделиями позднепалеолитического облика (скребочки, проколки, остря, изредка резцы), костяными орудиями и предметами искусства.

Причину разделения верхнепалеолитической ойкумены на указанные зоны исследователь видел не в особенностях хозяйства, а в относительной изоляции крупных групп населения, ведущих автохтонное развитие.

Версия С.Н. Замятина относительно абсолютного единообразия облика нижнепалеолитической культуры сразу же встретила возражения. Была отмечена как явная тенденциозность С.Н. Замятина в определении отдельных форм орудий, проистекающая из плохо скрываемого стремления во чтобы то ни стало опровергнуть Х. Мовиуса и доказать всеобщее распространение рубил в нижнем палеолите, так и недооценка влияния форм сырья на облик индустрий (Сорокин, 1953).

Иначе обстояло дело с восприятием историко–культурных областей верхнего палеолита, получивших практически единодушное признание. Правда, в вопросе об интерпретации этого феномена

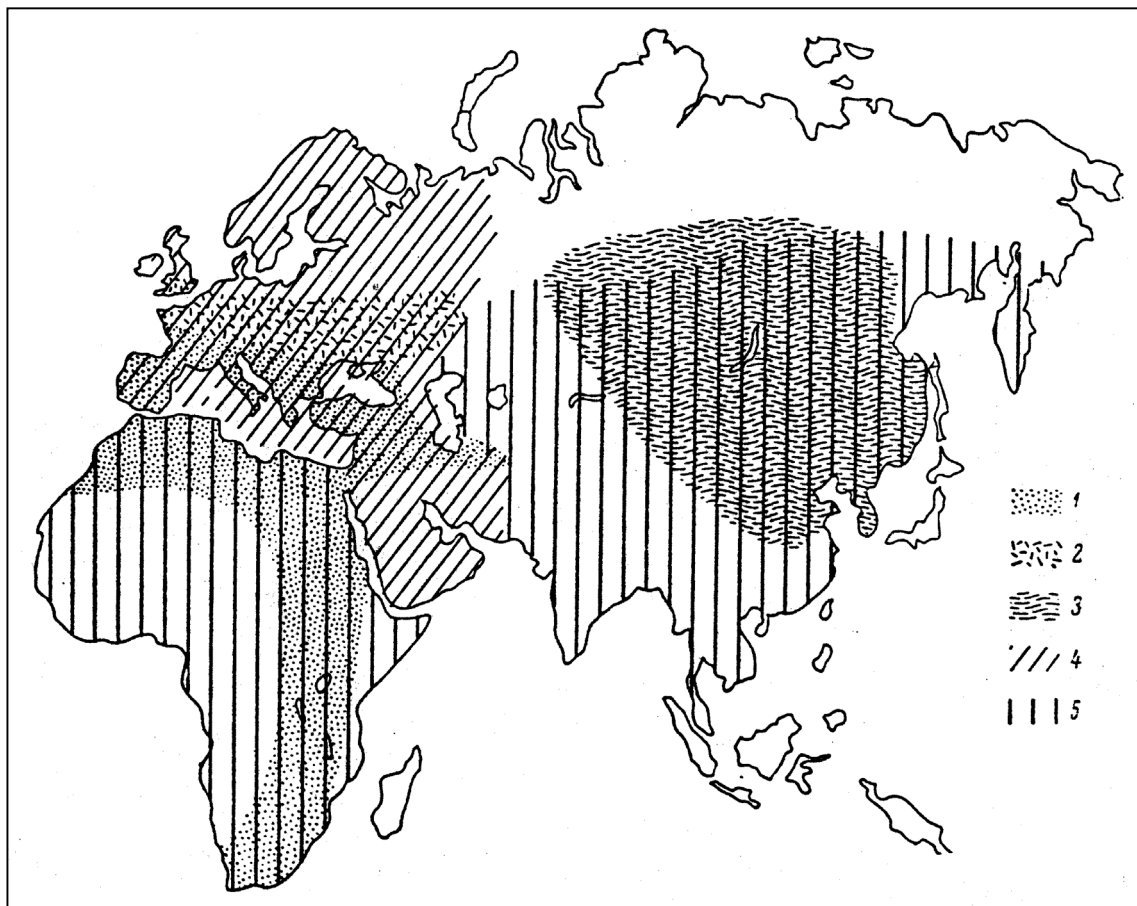

Рис. 56. Схема подразделения ойкумены на область распространения верхнего палеолита и “постмустье” (по: Григорьев, 1968, рис. 9).

Историко-культурные области по С.Н. Замятнину: 1 – средиземноморско-африканская; 2 – европейская приледниковая; 3 – сибирско-китайская.

Регионы по Г.П. Григорьеву: 4 – европейско-переднеазиатский; 5 – африканско-южноазиатский.

мнения исследователей разделились. Если для П.П. Ефименко (1953) существование таких областей трактовалось как отражение особенностей хозяйства больших групп древнего населения в различных природных зонах, то другие археологи (Брюсов, 1953) говорили о том, что выделенные ареалы свидетельствуют о начале процесса становления этнических групп в уже знакомом нам ключе приписывания любых культурных различий этническому фактору.

П.И. Борисовский поддержал основные тезисы С.Н. Замятнина (1951) о формировании локальных различий в культуре палеолита и его взгляды можно рассматривать как развитие идей С.Н. Замятнина. Рассматривая области распространения тех или иных вариантов палеолитической культуры, П.И. Борисовский избегал категоричности суждений, всегда подчеркивая громадную разницу в степени изученности древнекаменного века Европы и Ближнего Востока по сравнению с остальной частью мира. Со свойственной ему осторожностью и нелюбовью к скороспелым выводам, П.И. Борисовский скептически относился к эффектным глобальным построениям (типа известной концепции “постмустье”; см. ниже).

Вслед за С.Н. Замятниним, П.И. Борисовский различал уровни проявления локального разнообразия культуры по эпохам палеолита. Касаясь нижнего палеолита, П.И. Борисовский говорил о расплывчатом характере различий в наборах каменного инвентаря, примитивном разнообразии, свидетельствующем о неустойчивости технических навыков. Такую аморфную, слабо связанную с территориальностью, неоднородность облика индустрий он считал отражением особенностей природной среды, характера используемого сырья и хозяйственной деятельности древнейшего человека. Как и С.Н. Замятнин, П.И. Борисовский оставался стойким противником теории Х. Мовиуса

о “двух мирах” нижнего палеолита, связанных с распространением ручных рубил и чопперов–чоппингов. Он неоднократно подчеркивал чересполосное расположение комплексов с рубилами, чопперами и кливерами. Представляется, что П.И. Борисковский все же недооценивал специфику развития культуры в древнем палеолите востока Азии по сравнению с западной частью эйкумены, хотя в настоящее время исследователи далеко ушли от простого противопоставления рубил и чопперов (Ранов, 1999).

Что касается среднего палеолита, то, по мнению П.И. Борисковского, мустьерская культура была явлением отнюдь не всеобщим. Он перечислил ряд особенностей среднего палеолита Индии и Вьетнама (отсутствие остроконечников, атипичность форм изделий, наличие позднепалеолитических черт), позволяющих отделить эти индустрии от одновременных мустьерских комплексов Средней Азии, Ближнего и Среднего Востока.

Иную картину разнообразия мы находим в верхнем палеолите. Здесь уже четко проявляются очерченные в пространстве культурные регионы или провинции. Для азиатской территории ярким примером такого своеобразия была сибирская область. В нее П.И. Борисковский включал также Японию, называя общие черты культуры этих территорий – наличие клиновидных нуклеусов, микропластинок, скребел, чопперов и бифасов. Он видел и более общие черты верхнего палеолита Азии, отмечая повторяющееся в культурах финального плейстоцена Сибири и Юго–Восточной Азии сочетание позднепалеолитических типов изделий с галечными орудиями (Борисковский, 1984б). Вместе с тем, исследователь указывал на объединяющие верхний палеолит Европы и Сибири явления, такие как наличие техники призматического нуклеуса, облик жилищ и поселений, развитую обработку кости, бивня и рога. По его мнению, область распространения позднепалеолитических культур ближневосточного типа с призматическими нуклеусами, пластинками, резцами, пластинками с притупленным краем простиралась вплоть до Индии. Она сменялась где–то вблизи современной границы Индии и Бирмы аморфными индустриями архаичного облика с преобладанием орудий на отщепах и кусках камня, свойственными Юго–Восточной Азии и Австралии.

С другой стороны, идеи С.Н. Замятнина получили в 1950е г.г. продолжение в обобщающих работах А.П. Окладникова. В главах, написанных для I тома “Всемирной истории”, А.П. Окладников обрисовал не три, а целых пять областей распространения позднепалеолитической культуры, не считая рассмотренного в особых разделах палеолита Америки и Австралии. Кроме приледниковой европейской зоны, он выделил внеледниковую область, охватывавшую юг Европы, Африку, Переднюю Азию, Кавказ и отчасти Среднюю Азию и Индию. Рамки ее, таким образом, оказывались гораздо шире, чем средиземноморско–африканская область у С.Н. Замятнина. В качестве эталона позднепалеолитической культуры данного региона по–прежнему рассматривался капсий Северной Африки. Отмечается раннее появление микролитов и вкладышевой техники, обилие острий с затупленным краем, геометрических форм, резцов, массивных каменных орудий, пластинок с выемками, скребков. Двусторонне обработанные клинки отсутствуют, костяной инвентарь скуден и примитивен. В качестве особой зоны развития выступает Экваториальная и Южная Африка, где за мустье следует своеобразный верхний палеолит с остриями, близкими солютрейскому типу. В целом же культура здесь сохраняет многие мустьерские черты, наряду с пластинками с притупленным краем, резцами, скребками, отщепами с подтеской. Четвертая зона – Восточная и Северо–восточная Азия, Сибирь, Северный Китай. Особенности развития индустрии в данном регионе рассматривались А.П. Окладниковым во временном плане, в духе упомянутой выше концепции “двух циклов” североазиатского палеолита. Последняя, пятая, зона – Юго–Восточная Азия. В качестве примера берется бакшонская и хоабиньская культуры с их традицией рубящих орудий на гальках. Интересно, что к этой же зоне А.П. Окладников отнес материалы из Верхней пещеры Чжоукоудяня. Облик палеолита Австралии исследователь связывал с особенностями первоначального заселения континента. Из Юго–Восточной Азии сюда проникла индустрия грубых галечных орудий и двусторонне обработанных топоров типа тула, в то время как генезис микролитической техники был связан с территорией Индии. Упомянут и своеобразный палеолит Америки с метательными наконечниками.

Как и П.П. Ефименко, А.П. Окладников напрямую выводил особенности развития культуры в различных зонах из специфических черт хозяйственной деятельности охотников–собирателей, обусловленных природным фактором. Так, сходство культур Палестины, Ирана, Малой Азии, Кавказа и Крыма с памятниками Северной Африки объяснялось им за счет близости именно природных условий. Специфика культур Юго–Восточной Азии определяется собирательством, отсутствием долговременных поселений, палеолита Америки – напротив, охотничьим образом жизни (рис. 57; Окладников, 1955б).

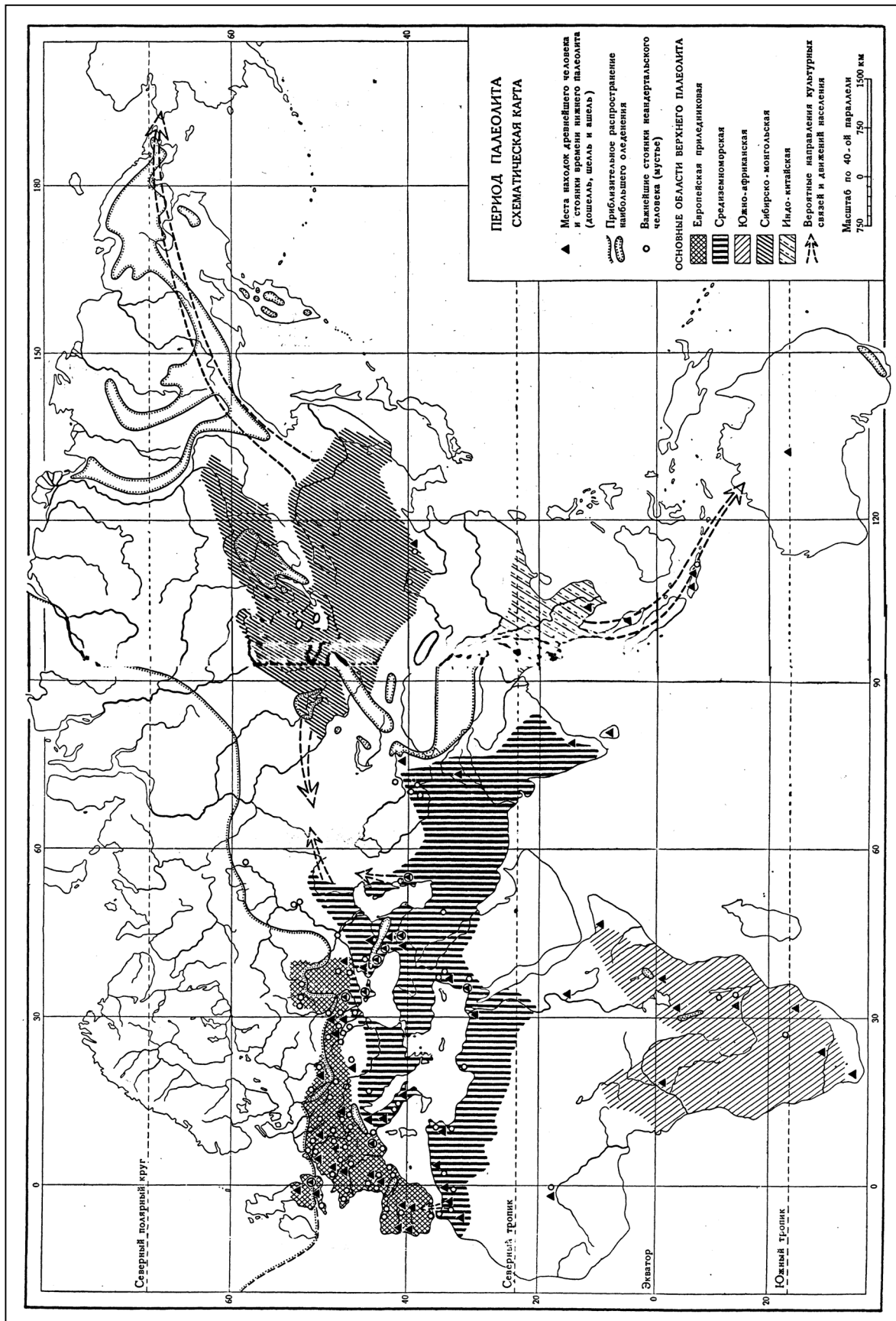

Рис. 57. Основные культурные области верхнего палеолита (по: Окладников, 1955б, С. 44–45).

Естественно, что для А.П. Окладникова проблема историко–культурных областей в первую очередь была связана с традиционной темой определения специфики североазиатских индустрий. В его работах 1950–1960х г.г. в свете новых открытий в Монголии, на Алтае и в Забайкалье, к двум упоминавшимся циклам развития палеолита Сибири (мальтинскому и афонтовскому; см. главу 3) добавился еще один этап – леваллуазский, объединяющий, по А. П. Окладникову, памятники, соответствовавшие по возрасту позднему мустье – раннему верхнему палеолиту европейской шкалы. Основные типологические характеристики леваллуазского этапа – нуклеусы для снятия пластин, дисковидные ядрища, ретушированные пластины–ножи, проколки, скребла, чопперы, выемчатые орудия. Истоки леваллуазской индустрии исследователь видел в памятниках позднемустьевого круга Средней Азии и Ирана (Окладников, Кириллов, 1980; Окладников, 1981). Правда, А.П. Окладников не всегда был последователен и иногда вместо термина “леваллуазский этап”, “леваллуазская общность” употреблял традиционные понятия “леваллуа–мустье” и “ранний верхний палеолит”, разделяя их (Окладников, 1983). На базе технических достижений леваллуазского этапа складывается специфическая для Северной Азии техника торцового (клиновидного) нуклеуса. Положения А.П. Окладникова были поддержаны Р.С. Васильевским (1983), отмечавшим широчайшее распространение леваллуазской техники в индустриях Сибири и Дальнего Востока в конце среднего – начале верхнего палеолита.

Что касается мальтинского цикла, то А.П. Окладников в работах разных лет постоянно колебался то в пользу признания его закономерным этапом развития североазиатских индустрий, то склонялся к определению Мальты как чужеродного явления западного происхождения, вклинившегося в процесс автохтонного развития.

Несколько иной по сравнению с А.П. Окладниковым вариант членения был предложен М.М. Герасимовым (1964, С. 112). К европейской приледниковой, средиземноморской (области распространения “ориньякско–капсийских” культур), южноафриканской, сибирско–монгольской и малайской (Юго–Восточная Азия) областям в его трактовке добавляется шестая, индо–гималайская зона, занимающая территорию Индии и Иранского Нагорья. Верхний палеолит данной области, по мнению М.М. Герасимова, сходен с капсием, но отличается изобилием мустьероидных форм на гальках.

Свойственная 1960м г.г. тяга к максимальному дроблению материала проявилась и в подходе к историко–культурным областям верхнего палеолита. Уже довольно скоро выяснилось, что выделенные С.Н. Замятниным зоны вовсе не однородны в культурном плане. Наметила промежуточная между европейской приледниковой и средиземноморской степная область (Борисковский, Праслов, 1964). Сама же средиземноморско–африканская область в понимании С.Н. Замятниной (от Крыма до юга Африки) оказалась достаточно разнообразной (Формозов, 1958б). Н.О. Бадер (1965) выделил здесь как минимум три провинции – в Центральной Африке, Восточной Африке и Средиземноморье, в свою очередь распадающихся на ряд локальных вариантов.

Что касается упоминавшейся концепции Х. Мовиуса, то эта теория, резко критиковавшаяся в России в 1950е г.г., получает признание под воздействием новых открытий галечных индустрий в работах А.П. Окладникова (1966) и В.А. Ранова (1965; Ранов, Несмеянов, 1973). Последний исследователь видел в Средней Азии зону контакта двух миров палеолита. По мнению В.А. Ранова, здесь в среднем и позднем палеолите сосуществовали две линии развития – А и Б. Если первая, объединяющая леваллуа–мустье и типичный верхний палеолит, группа связывалась с переднеазиатским кругом культур, то вторая, близкая соану Индии с обилием галечных форм, – с восточно–азиатскими индустриями.

Основным стержнем дальнейших дискуссий по данной тематике стала выдвинутая Г.П. Григорьевым оригинальная концепция “постмустье” – эпохи переживания мустьерских элементов в позднепалеолитическое время в афро–азиатской зоне. Первоначально Г.П. Григорьев (1966, 1968) заявил о том, что на территории Ближнего Востока и Европы верхний палеолит возник на 20 тыс. лет раньше, чем в Африке и большей части территории Азии. Он связывал этот феномен с процессом сапиентизации и считал, что Homo Sapiens в Европе и на Ближнем Востоке существовал в то же время, что неандертальцы в других зонах ойкумены. Позже об этой связи археологических и антропологических аргументов Г.П. Григорьев уже не упоминал, однако сама идея деления мира в эпоху верхнего палеолита на два региона осталась (рис. 56). Для афро–азиатского региона, по мнению Г.П. Григорьева (1970), было характерно развитие леваллуазской техники в направлении к призматической или, минуя верхнепалеолитическую стадию, прямо к микролитам. Верхнепалеолитическая культура появилась здесь лишь на финальном отрезке плейстоцена. Как отмечал Г.П. Григорьев (1969, С. 222): ”... это деление является дихотомичным, и если Передняя Азия и Европа действительно были связаны между собой, то делать вывод о единстве исторического развития

для Африки и Азии, исходя из негативного признака – отсутствия этапа позднего палеолита, было бы нелогично”. К сожалению, данная идея, как будто открывавшая путь к идентификации ряда культурных зон в верхнем палеолите, была оставлена и в дальнейшем Г.П. Григорьев к ней не возвращался.

Такое деление палеолитического мира на две области признавалось другими авторами, причем, если для Г.П. Григорьева речь шла о чисто типологических понятиях, то А.А. Величко и М.Д. Гвоздовер (1969) связывали это явление с различной ролью природной среды. Однообразное течение природного процесса в плейстоцене в тропиках вело к застою культуры, в то время как резкие климатические изменения в Европе и на Ближнем Востоке стимулировали прогрессивное развитие и возникновение верхнепалеолитической техники.

В 1973 г. понятие получает, наконец, терминологическое оформление – для эпохи переживания мустьерских индустрий в афро–азиатской зоне был предложен термин “постмустье” (Григорьев, Ранов, 1973). Так понятие “постмустье”, использовавшееся ранее во Франции для обозначения индустрий, переходных от мустье к нижнему перигордьену (Leroi-Gourhan, 1957), получило новое звучание в русской литературе. Применительно к африканской территории тема постмустье была подробно разработана в специальной монографии Г.П. Григорьева (1977а). По его мнению, в Африке почти нет чисто мустьерских памятников и вслед за ашелем здесь следует единая эпоха мустье–постмустье с сохранением леваллуазских традиций расщепления, местами переходной к призматической техникой и наличием специфических групп орудий (пикообразных, долотообразных орудий, листовидных острий) в сочетании с верхнепалеолитическим набором изделий. На основе этого своеобразного постмустье совершается переход к микролитической технике.

В том же году Г.П. Григорьев рассмотрел азиатское постмустье. По его мнению, здесь, во–первых, отсутствовала резкая смена набора орудий на рубеже мустье и позднего палеолита, во–вторых, во всех памятниках закономерно сочетаются мустьерские и верхнепалеолитические элементы, в–третьих, эти архаические компоненты продолжают свое развитие вплоть до голоцена. “Постмустье” Азии характеризуется мустьерской техникой раскалывания – дисковидными и леваллуазскими ядрищами, порой – плоскими ядрищами, несколькими разновидностями орудий, свойственных ашелю – например, чопперами, но основную массу составляют скребла, остроконечники, зубчатые орудия, а вместе с ними – резцы, скребки, изредка костяные орудия и даже украшения из камня и раковин” (Григорьев, 1977б, С. 60).

Идеи Г.П. Григорьева получили развитие в монографии М.Д. Джуракулова, по сути дела посвященной решению одного вопроса – относится ли исследуемая им Самаркандская стоянка к палеолиту сибирско–китайского или ближневосточного круга. Если в работах Г.П. Григорьева при выделении постмустье упор делался на закономерное сочетание определенных категорий орудийного набора и характеристик техники расщепления, то М.Д. Джуракулов обратил внимание на два новых аспекта. Первый из них сводится к тому, что различия европейского и азиатского палеолита проявляются в характере их внутреннего подразделения. Для верхнего палеолита Европы присущи археологические культуры, в Азии, в частности в Сибири, их нет, здесь имеются свои классификационные единицы. “Необходимо сначала доказать, что именно археологические культуры (а не другие единицы классификации) свойственны изучаемой эпохе и территории, а потом устанавливать существование определенных археологических культур” (Джуракулов, 1987, С. 6). Другой аспект заключается в том, что для палеолита внеевропейских территорий характерны иные темпы культурных сдвигов (в палеолите Сибири и Средней Азии нет ступеней развития культуры).

Что касается соотношения категорий инвентаря, то М.Д. Джуракулов обратил внимание на различия в позиции такой категории как скребла. В пределах позднего палеолита Европы скребла, конечно, распространены, но в каждой конкретной культуре присутствуют изделия только одной–двух разновидностей, типология их проста, что отличается от вариативности данной категории в Сибири. Важно отметить и то, что сравнение крупных зон развития на уровне отдельно взятых категорий инвентаря невозможно. За основу следует брать закономерное повторяющееся сочетание классов изделий. “Любой памятник верхнепалеолитического времени на территории Средней Азии и Сибири, независимо от возраста, обязательно будет отличаться от европейских памятников присутствием скребел, или зубчато–выемчатых орудий, или чопперов, и при этом он в основном, если не целиком, будет основываться на мустьерской технике раскалывания в том или ином варианте, леваллуазском или нелеваллуазском” (Джуракулов, 1987, С. 83). Нижнепалеолитические элементы присутствуют в позднем палеолите Европы и можно указать здесь архаичные по облику индустрии. Сравнение, как неоднократно подчеркивает М.Д. Джуракулов, должно вестись не на уровне отдельных стоянок, а в целом. “Разница между верхним палеолитом Европы и Ближнего Востока, с одной стороны, и сибирским палеолитом, или слоями Самаркандской стоянки, с другой, заключается не в том, что на Самаркандской стоянке есть мустьерские формы, а в верхнем палеолите Европы (или Ближнего

Востока) их нет. Разница между этими двумя огромными ареалами ... заключается в том, что в Европе и на Ближнем Востоке мустьерские элементы (иногда и ашельские, как колуны и даже чопперы) в самом деле являются пережитками” (Джуракулов, 1987, С. 114). М.Д. Джуракулов трактовал сибирско–китайскую зону как обширную область, включающую всю Азию и, вероятно, Австралию, хотя тут же отмечается отличие палеолита Сибири, Средней Азии и Китая от синхронных памятников Юго–Восточной Азии (культура шонви).

Что касается палеолита Америки, то Г.П. Григорьев рассматривал его отдельно от остальных частей света и считал, что любая таксономическая система периодизации, принятая в Старом Свете, здесь не применима.

По–иному подошел к проблеме “постмустье” И.И. Коробков (1978), пытавшийся придать этому явлению социально–экономическую значимость. На его взгляд, феномен верхнего палеолита возникает в условиях контакта разнородных групп населения на ограниченной территории под непосредственным воздействием экологического стресса (ухудшения климата) и усиления общения. При редком разрозненном населении и отсутствия резких климатических сдвигов верхнего палеолита не возникало, тут продолжали существовать “постмустьерские” культуры.

Однако в целом идеи Г.П. Григорьева не получили поддержки среди российских археологов. Особенно резкой критике подверглось применение концепции “постмустье” к сибирским материалам. Разными авторами указывалось на общность базовых элементов верхнепалеолитической культуры во всей Северной Евразии (Абрамова, 1984), на примерно синхронный характер перехода от мустье к верхнему палеолиту в Европе и Сибири (Мочанов, 1977).

В значительно меньшей степени по сравнению с тематикой историко–культурных областей верхнего палеолита, затрагивался вопрос о глобальной характеристике среднего палеолита. Единство мустьерской культуры на огромном протяжении от Западной Европы до Центральной Азии сомнений никогда не вызывало. В.А. Ранов (1990) попытался определить географические рамки данного феномена. Мустье, которое В.А. Ранов связывал с распространением неандертальцев, существовало в широком поясе, охватывающем, кроме Европы, Ближний и Средний Восток, Северную Африку, Среднюю Азию и распространялось до Сибири и Монголии (рис. 58). К востоку от очерченного таким образом ареала имелись среднепалеолитические индустрии с отдельными мустьерскими элементами.

Другая сторона расчленения палеолита в глобальном масштабе – временной аспект, выделение эпох развития и анализ эволюции индустрий в большом хронологическом диапазоне. Что касается проблем периодизации, то целостная концепция подобного рода была представлена Г.П. Григорьевым (1977а, б, 1988а). Согласно его схеме, эпохи палеолита различаются по характеру своей внутренней структуры, то есть пространственно–временной изменчивости археологического материала и тех аналитических единиц, на которые его можно разделить. Если на олдувайской ступени локального разнообразия не прослеживается, то в ашеле могут быть выделены разновидности. К ним относятся северный ашель (с рубилами), южный ашель (с колунами), ашель с чопперами (например, памятники клектонского типа в Европе; рис. 59). Эти разновидности имеют определенную территориальную приуроченность, хотя и располагаются во многом чересполосно. Для Африки более характерны комплексы южного ашеля (иногда со своеобразными пиками), в то время как в Европе и Азии встречены все три разновидности. Однако если на западе и юге Азии доминирует ашель с рубилами, то на востоке континента получает развитие ашель с чопперами, хотя памятники с рубилами здесь также встречены.

Следующая эпоха – мустьерская, понимаемая Г.П. Григорьевым как время начала массового производства орудий (скребел со сходящимися лезвиями, мустьерских остроконечников, двуконечных и листовидных острий, ножей с обушком, двусторонне обработанных ножей) на стандартных заготовках. В мустье, как и в ашеле, отсутствует такая единица как тип изделия, имеются лишь категории и субкатегории, что исключает возможность выделения археологических культур (вопреки более раннему мнению того же автора – см. выше). Поэтому для мустьерской эпохи могут быть выделены лишь пути развития – экстерриториальные единицы группировки, идентифицируемые на основании сопряженных групп орудий. Таких путей развития Г.П. Григорьев насчитывает 5–6. Так, совместная встречаемость в индустрии зубчатых, выемчатых, усеченных ретушью изделий и орудий высокой формы указывает на зубчатый вариант мустье. Сочетание угловатых и диагональных скребел с мустьерскими остроконечниками (часто также с лимасами) – признак типичной разновидности мустье, двусторонне обработанных форм типа прондник или клаузеннише – мустье с “рубильцами”, наличие орудий на гальках и галечных дольках – мустье понтийского типа, простые формы продольных скребел – мустье леваллуазской разновидности и т.д. Совокупность этих путей развития составляет единый “мустьерский комплекс” (по Ф. Борду). В то же время набор категорий изделий позволяет выделить различные “комплексы” в пределах мустье и отличить мустье европейско–переднеазиатского региона

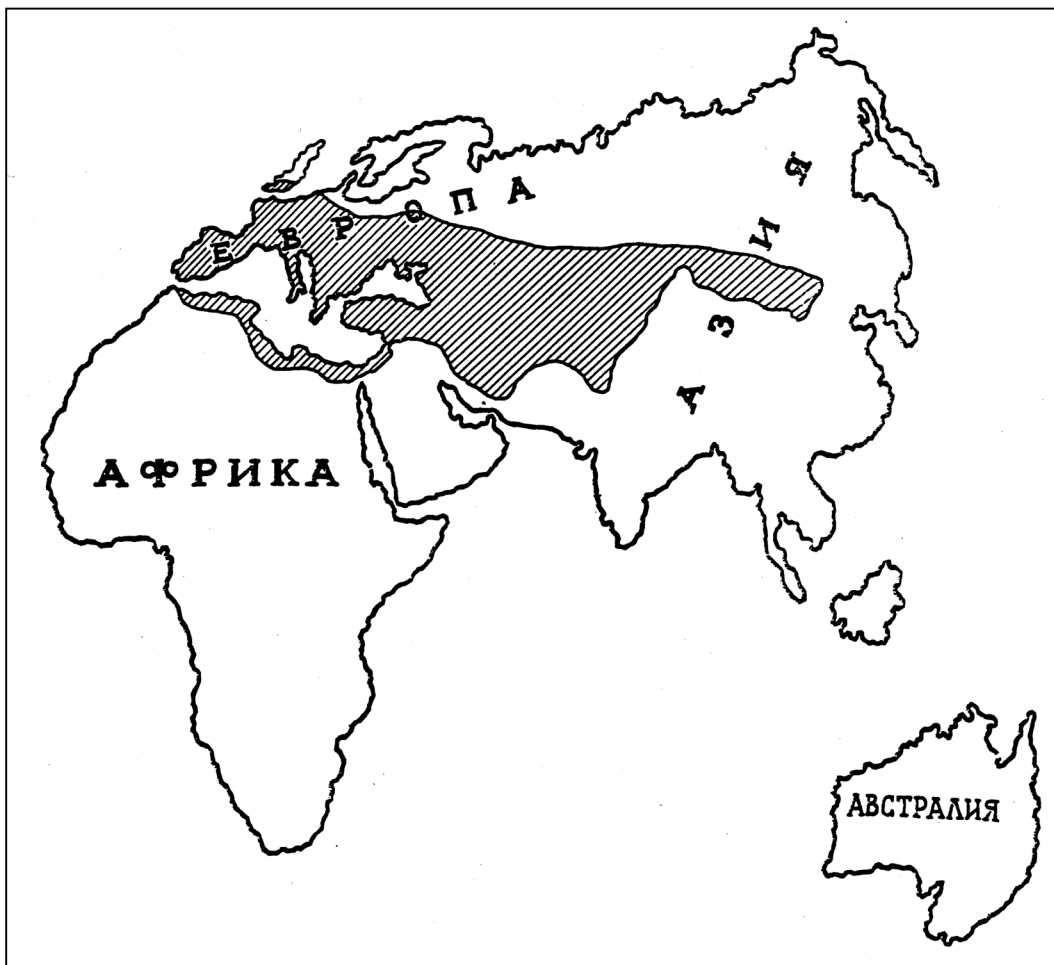

Рис. 58. Распространение мустьерской культуры в Евразии (по: Ранов, 1990, рис. 1).

от “азиатского мустье” (Григорьев, 1988б). Лишь начиная с верхнего палеолита появление типов орудий, дает возможность идентифицировать археологические культуры, и то не повсеместно, а лишь на западе Европы.

Иная общая концепция была сформулирована В.Н. Гладилыным (Гладилин, Ситливый, 1990). В основе ее лежит необходимость учета, как стадийных черт культуры, так и неравномерности ее развития. На основании общей оценки технико-типологического облика индустрий В.Н. Гладилин и В.И. Ситливый подразделили палеолит на 5 эпох. Древнейшая из них, до-олдувайская, характеризуется примитивной техникой дробления камня, микролитической индустрией при отсутствии стандартных форм орудий и большой ролью в инвентаре обломков и осколков камня. За ней следует олдувай с доминированием бессистемной техники скалывания, преобладанием в инвентаре чопперов и неустойчивых форм орудий на отщепах и обломках камня. В ашеле происходит совершенствование приемов радиального и параллельного расщепления (зародившихся еще в олдувайскую эпоху) и появление леваллуазской техники. Типологический состав индустрий определяется сочетанием рубил, колунов, чопперов с орудиями на отщепах (скребла, ножи, зубчато-выемчатые формы).

Мустьерская эпоха (в широком плане, соответствующем современному пониманию “среднего палеолита”) была обозначена как время многообразия технических приемов расщепления камня в диапазоне от бессистемного и долечного до леваллуазского и протопризматического. Среди орудий доминируют скребла и ножи на отщепах, в то время как макроорудия изживают себя. В позднепалеолитическое время параллельный принцип расщепления в его призматической и плоскостной модификациях вытесняет более древние приемы обработки камня. В типологическом наборе господствующие позиции занимают скребки, ретушированные пластины, острия, резцы, проколки, долотовидные изделия и т.д.

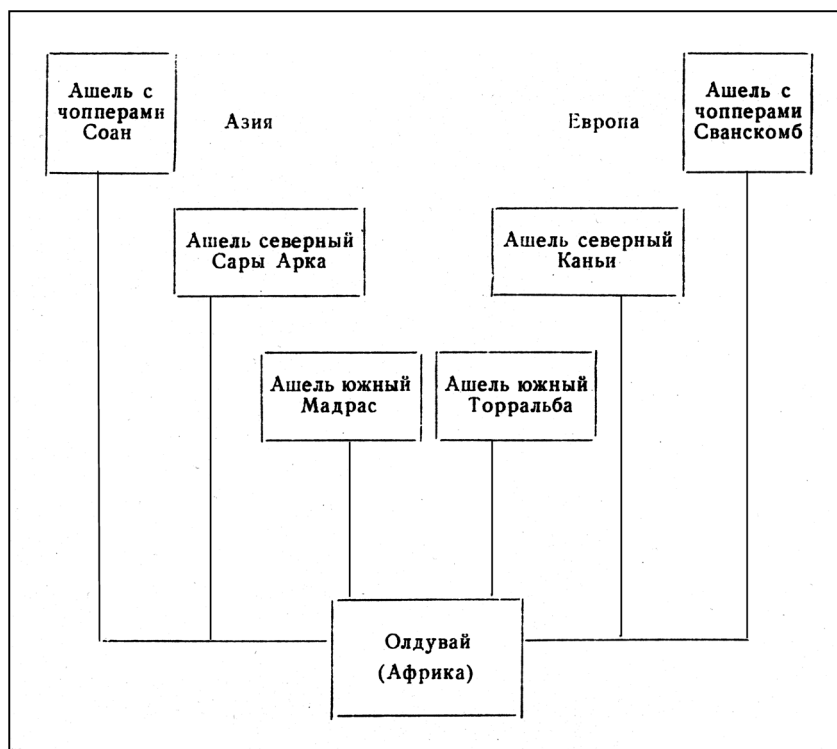

Рис. 59. Схема вариантов ашеля в Европе и Азии (по: Григорьев, 1977б, С. 49).

Как мы видим, за исключением спорного тезиса относительно “до-олдувайской” эпохи, классификация В.Н. Гладиллина и В.И. Ситливого скорее упорядочивала сложившиеся типологические представления, чем вводила новые. Интересно при этом отметить, что, по мнению В.Н. Гладиллина, за начало каждой археологической эпохи следует брать время появления первых комплексов с характерными признаками. Таким образом, предполагается длительное сосуществование индустрий, относящихся к различным эпохам.

Позднее наметились новые тенденции в подходе к периодизации палеолита. Имеется в виду попытка использовать в качестве критерия деления на эпохи характеристики технологии расщепления. Подобным образом поступили Е.Ю. Гирия и П.Е. Нехорошев (1993), разработавшие своеобразную “шкалу палеотехнологий”. По их мнению, наличие техники “перебора карниза”, то есть характерного для призматической техники приема подправки края ударной площадки ядрища мелкими сколами или подшлифовкой, составляет основную отличительную черту верхнего палеолита по сравнению с предшествующими эпохами. Также продолжается работа в области чисто типологического упорядочения периодизации, проведение деления по типам источников. Следуя этой логике, М.В. Аникович (1994) предложил обозначать верхний палеолит “эпохой кости”.

В отличие от проблемы выделения эпох, анализ эволюции каменной индустрии не привлекал в течение длительного времени сколь либо заметного интереса. Исключение составляла работа В.П. Клец (1985), попытавшейся проследить, пусть не вполне удачно, закономерности развития индустрии в нижнем палеолите. Этот подход привел исследовательницу к выводу о том, что перемежаемость различных индустриальных типов (ашеля, тейяка) в колонках многослойных памятников и флюктуации в наборе орудий аналогичны вариациям в эволюционном процессе, когда наблюдается чередование “доминантных” и “рецессивных” признаков, а также “предварение будущих этапов развития”. Интересно отметить, что и здесь наша археология несколько опередила аналогичные разработки на западе, предпринимаемые сейчас в США в рамках так называемой “эволюционной археологии”.

“Предварение будущих этапов развития” стало темой исследования Л.Б. Вишняцкого (1993), сформулировавшего оригинальную концепцию так называемого “забегания вперед” в развитии палеолитических индустрий. Подобным термином он обозначил случаи неожиданного возникновения элементов, превосходящих дальнейший ход прогресса культуры. Позже эти явления как бы исчезают, чтобы появиться вновь уже в качестве определяющих новую эпоху моментов. К числу таких преждевременных открытий Л.Б. Вишняцкий отнес ранние пластинчатые индустрии (преориньяк Ближнего Востока, комплексы типа Рьенкура в Европе и др.), зарождение геометрических микролитов в среднепалеолитической индустрии хаусон пурт на юге Африки. Как и В.П. Клец, Л.Б. Вишняцкий для объяснения данного феномена прибегнул к биологическим аналогиям. По его мнению, в культуре

имеется большой запас “резервных идей”, находящихся в рецессивном состоянии, но реализуемых под давлением экологического стресса.

В этой связи нельзя обойти молчанием такую традиционную тему, как проблема перехода от мустье к верхнему палеолиту, которая неоднократно привлекала внимание российских археологов. Наибольшее распространение в связи с открытиями в Костенках ранних комплексов стрелецкого типа получила версия о генетической связи последних с местными мустьерскими индустриями. Эта линия, подчеркивающая моменты преемственности среднего и верхнего палеолита (Ефименко, 1956б; Рогачев, 1957) была продолжена в 1960е г.г. Г.П. Григорьевым (1968), давшим развернутое обоснование версии автохтонного происхождения верхнего палеолита в Европе. Исследователь отрицал миграцию ранних *Homo Sapiens* с территории Ближнего Востока и указывал на признаки, связывающие перигордьян с мустье с ашельской традицией, а ориньяк – с мустье шарантской группы. В дальнейшем при детальном анализе конкретных индустрий Восточной Европы картина оказалась более сложной. Факт сосуществования архаичных мустьероидных и развитых верхнепалеолитических индустрий на начальном этапе верхнего палеолита общепризнан (Амирханов, Аникович, Борзияк, 1980; Рогачев, Аникович, 1984). Это явление вновь привлекло внимание к миграционным версиям. Одни авторы при этом выводили архаичные комплексы начальной поры верхнего палеолита типа костенковско–стрелецкой культуры из Азии (Гладилин, Демиденко, 1988), другие, напротив, предполагали связь архаических индустрий с местным неандертальским населением Европы, а верхнепалеолитическую культуру трактовали как результат аккультурации мустьерцев проникавшими с Ближнего Востока *Homo Sapiens* (Аникович, 1991).

Общие аспекты антропогенеза затрагивались археологами в значительно меньшей степени. Особенностью СССР в течение длительного времени была, во–первых, жесткая скованность научного поиска в этом направлении рамками энгельсовской схемы (“трудовая версия” происхождения человека), что не исключало разнообразных толкований отдельных мест этого “святого писания”. Во–вторых, кроме антропологов и археологов, то есть людей, профессионально владеющих материалами, относящимися к теме, она привлекала внимание этнографов, философов и политэкономов.

В 1950–1960е г.г. живо обсуждались различные теории антропогенеза, представленные далекими от археологии марксистскими философами (Семенов, 1966) и историками (Поршнев, 1974). Эти авторы исходили из марксистских положений об “инстинктивном труде” как первичной форме материального производства (соответствовавшей в различных вариантах то нижнему палеолиту в целом, то олдуваю–раннему ашелю) или версии смены семейно–брачных отношений как стержня периодизации первобытной истории. Что касается археологов, то абсолютное большинство их в дискуссиях по проблеме происхождения человека стояло на позициях “эмерджентизма” – появления с началом производства каменных орудий всех основных элементов человеческого общества – сознания, речи, разумного труда и каких–то форм общественного устройства. В этой связи понятие “инстинктивного труда” подвергалось постоянной критике (крайнюю точку зрения см. Григорьев, 1977а). Наибольшую поддержку получила сформулированная известным антропологом А.Я. Рогинским еще в 1930е г.г. (см. Рогинский, 1969) концепция “двух скачков” в антропогенезе, связанных с началом изготовления орудий и появлением *Homo Sapiens*.

Следуя принятой в предыдущих главах книги последовательности изложения, кратко остановимся на другой теме палеолитоведения – изучении древнейших форм искусства. Здесь фундаментальную роль сыграли труды З.А. Абрамовой, обобщившей информационный фонд по плейстоценовому искусству на территории СССР (Абрамова, 1962; Abramova, 1995) и сведения об антропоморфных изображениях палеолита в глобальном масштабе (Абрамова, 1966а). Что касается проблемы значимости палеолитического творчества, очевидно, что основным предметом споров в российской археологии стал вопрос о смысле женских статуэток. Версия П.П. Ефименко о женских божествах – хранительницах домашнего очага и господстве материнского рода в верхнем палеолите была поддержана З.А. Абрамовой, которая в то же время отмечала иные возможные интерпретации некоторых статуэток (отражение культов женщин–прародительниц, женщин – хозяек промысловых животных и т.д.; Абрамова 1966а). Последняя гипотеза основывалась на факте связи статуэток с магическими охотничьими обрядами, о чем как будто говорил контекст находок (намеренно разбитые фигурки у очагов, статуэтки, специально скрытые в ямках–хранилищах). Таким образом, здесь были намечены пути синтеза версий П.П. Ефименко и С.Н. Замятнина (см. главу 3). Магическая версия в большей степени поддерживалась А.П. Окладниковым (1967) и А.А. Формозовым (1969).

Если вплоть до 1960х г.г. исследователи подходили к проблеме интерпретации палеолитического творчества методом подбора многочисленных этнографических аналогий, призванных свидетельствовать в пользу той или иной версии, то в дальнейшем происходит перенос внимания на контекст находок. Так, М.Д. Гвоздовер (1987), основываясь на анализе положения

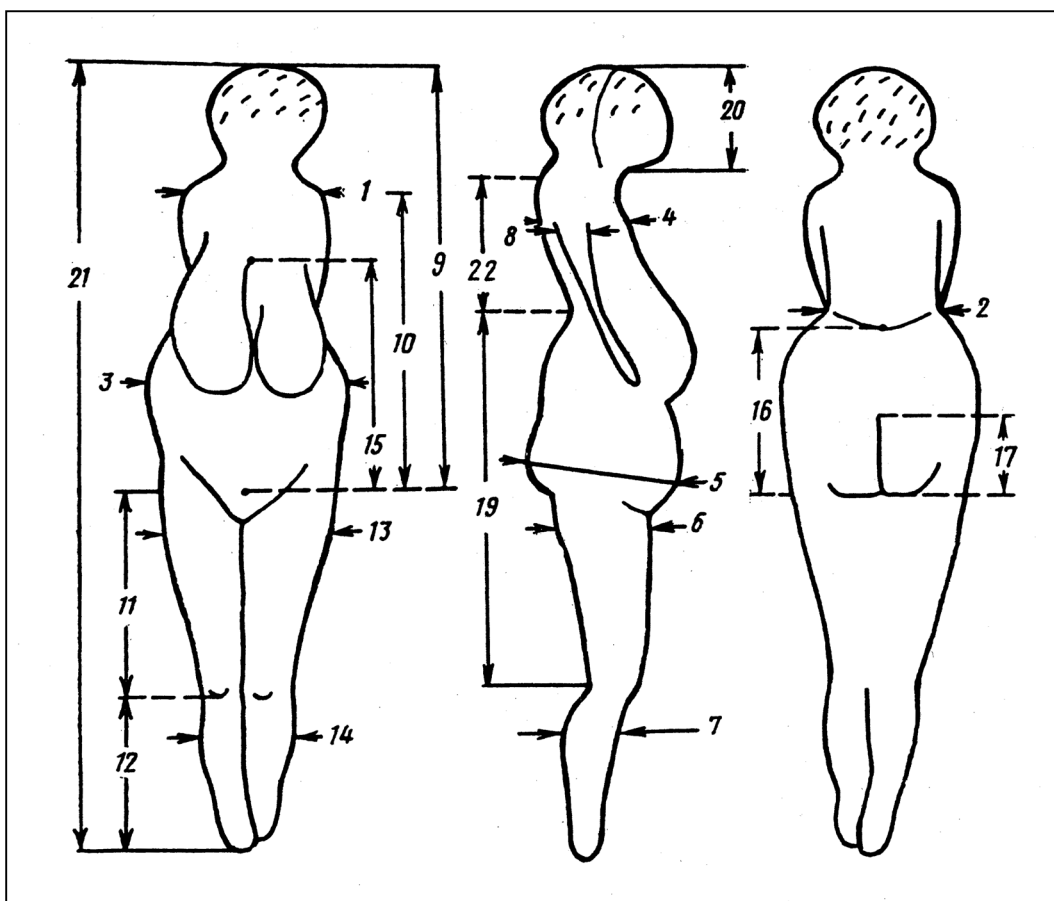

Рис. 60. Схема измерения параметров женских палеолитических статуэток (по: Гвоздовер, 1985, рис. 1).

1 – ширина плеч; 2 – ширина талии сзади; 3 – максимальная ширина таза; 4 – максимальная толщина верха туловища; 5 – максимальная толщина на уровне живот–ягодицы; 6 – максимальная толщина бедра; 7 – максимальная толщина голени; 8 – максимальная толщина плеча; 9 – расстояние от верхней точки головы до лобкового уровня (условно – длина корпуса); 10 – расстояние от уровня плечевых точек до лобка (условно – длина туловища); 11 – длина бедра; 12 – длина голени; 13 – максимальная ширина двух бедер; 14 – максимальная ширина двух голеней; 15 – расстояние от грудной железы до лобковой точки; 16 – длина седалищной (ягодичной) области; 17 – длина ягодиц; 18 – расстояние от талии до подколенной ямки; 19 – расстояние от талии до области седьмого шейного позвонка; 20 – расстояние от верхушечной точки головы до шеи (высота головы); 21 – длина статуэтки; 22 – расстояние от талии до области седьмого шейного позвонка.

статуэток в культурном слое на памятниках костенковско–авдеевской культуры, приходит к выводу об отсутствии неоднократно постулировавшейся П.П. Ефименко и С.Н. Замятниным особой связи фигурок с очагами внутри жилищ. В то же время нахождение ряда статуэток в ямах может указывать на ритуальный характер последних объектов, а следы повреждений на некоторых вещах – на магические процедуры, прделывавшиеся с ними. Контекстный анализ статуэток верхнего слоя Костенок I привел Т.Н. Дмитриеву (1985) к выводу о различиях в условиях нахождения и характере фрагментации мергелевых фигурок даже между двумя комплексами этого сложного памятника.

Предметом пристального исследования стал не только контекст находок, но и морфология самих объектов мобильного искусства. Научный поиск здесь шел как в плане изучения технологии нанесения изображений и моделировки (Филиппов, 1983), так и по линии типологического анализа предметов. М.Д. Гвоздовер (1985) на основе предложенной ей системы промеров параметров статуэток (рис. 60) разработала классификацию фигурок восточного граветта, выделив здесь 4 разновидности изделий (костенковский, авдеевский, обобщенный и гагаринско–хотылевский типы). З.А. Абрамова (1987) убедительно показала различия в пропорциях женских статуэток Европы и Сибири, возможно являющиеся отражением особенностей расовых типов палеолитических обитателей этих регионов.

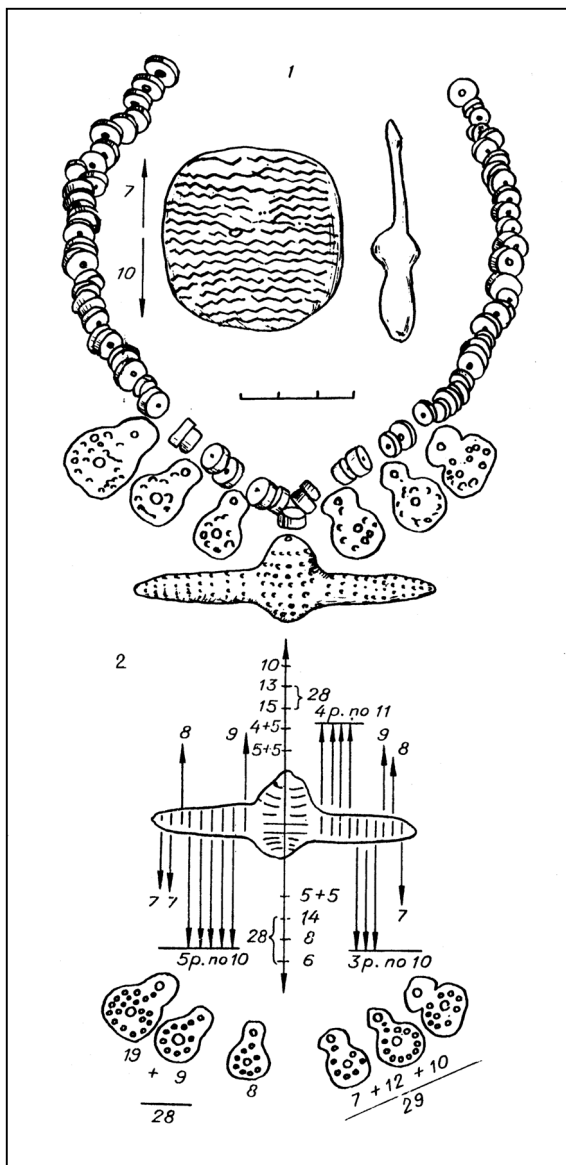

Рис. 61. Схема фиксации числа насечек на подвесках из Мальты (по: Фролов, 1974, табл. 4).

1 – ожерелье с 7 подвесками, бляха, фигурка птицы; 2 – схема размещения рядов ямок и число ямок в рядах орнамента на 7 подвесках.

Другая проблема, активно обсуждавшаяся в 1960–1980е г.г., – генезис палеолитического искусства. Она была связана с выдвинутой А.Д. Столяром (1985) гипотезой становления изобразительной деятельности на базе так называемого “натурального творчества” нижнего палеолита – экспонирования частей туши зверя на стоянках (первые признаки которой он видел в находках скелетов крупных млекопитающих на ашельских памятниках). Позднее, в мустье, совершенствование данной практики, связанной с охотничьими ритуалами, ведет к возникновению особых хранилищ натуральных символов (“медвежьих пещеры”), с началом верхнего палеолита приобретая форму “натурального макета” – глиняной модели зверя в натуральную величину, перекрывавшейся шкурой во время обрядов (Монтеспан). Именно в этих проявлениях А.Д. Столяр видел зародыш будущей лепной скульптуры и барельефа. Версия действительно оригинальная, однако по большей части основанная либо на неоднозначно интерпретируемых фактах, либо на произвольном обращении с датировками.

Наряду с попытками проникновения в ритуальный смысл древнейшего творчества, наметилось выявление зачатков положительных знаний в художественном наследии ледниковой эпохи. Параллельно с известными работами А. Маршака (Marschak, 1972), Б.А. Фролов (1974, 1992) начал в 1960е г.г. изучение генезиса счета и арифметических действий в палеолите. На основе фиксации расположения и числа насечек, ямок, резных линий на предметах мобильного искусства и украшениях из Восточной Европы и Сибири (рис. 61) он выделил определенную ритмику этих элементов. Для всей евразийской верхнепалеолитической общности Б.А. Фролов проследил наиболее часто повторяющиеся группы кратные 5 и 7. В качестве объяснения такого феномена исследователь предложил в первом

случае версию фиксации пальцевого счета, а во втором – гипотезу о связи числа 7 с лунным календарем и вероятным исчислением на этой основе сроков беременности женщин и промысловых животных. Первоначальный фундамент позитивных представлений о мире, ритмике природных процессов составлял рациональную сторону палеолитического творчества.

Немало было сделано российскими археологами в области сравнительного анализа верхнепалеолитических и особенно мустьерских погребений. Ю.А. Смирнов (1991) обобщил в капитальной монографии всю информацию по поводу последних. Эта работа написана в русле формально–структурного описания захоронений, намеченного, как и в случае с каменными орудиями (см. главу 4), московско–ленинградской группой. В основе сравнительного анализа здесь лежит детальная фиксация в табличной форме признаков, относящихся к устройству захоронения, положения в нем останков и характера сопровождающего инвентаря (Григорьев, Леонова, 1977). В итоге Ю.А. Смирнов пришел к выводу о существовании в мустьерскую эпоху как полных, так и парциальных захоронений при различных вариантах обряда, наличии погребальных ям и насыпей, сопутствующего инвентаря. Фактически перед нами все те признаки, которые характеризуют погребальный обряд позднейших эпох. Интересно, что В.А. Алекшин (1994), также много занимавшийся сбором и упорядочением сведений о мустьерских погребениях, пришел к прямо противоположному выводу. На его взгляд, между мустьерскими и верхнепалеолитическими погребениями имеется ряд фундаментальных различий. В мустье не отмечено достоверных фактов наличия погребальной пищи, инвентаря, краски, доминируют расчлененные погребения.

В заключение остановимся на вопросе об общем статусе палеолитоведения и его задачах. Уже отмеченное выше оживление теоретических дискуссий в 1960–1970е г.г. вновь, как и в 1930е, подняло проблему определения места археологии в системе наук, ее предмета и объекта (что не удивительно, исходя из гипертрофированной роли, придаваемой классификации наук в марксизме). Хотя в дебатах участвовало большое число археологов с различными исследовательскими интересами, крайние точки зрения были сформулированы именно палеолитоведами.

А.Н. Рогачев (1978), стоявший на ортодоксальных марксистских позициях, рассматривал первобытную археологию в качестве части истории, своего рода введения в “гражданскую историю”. В то же время он подчеркивал относительно самостоятельный характер первобытной археологии по сравнению с археологией античной, восточной и средневековой, которые, по его мнению, представляют собой не более чем вспомогательные дисциплины по отношению к истории.

Альтернативой культурно–исторической археологии во всех ее вариантах были радикальные воззрения С.А. Семенова (большинство теоретических трудов исследователя в силу разных причин так и не увидели свет; подробную характеристику со ссылками на архивные источники см. Васильев, 2006). С.А. Семенов считал, что основной задачей археологической науки должна стать история материальной культуры, технологии и хозяйства древних обществ, причем ориентированная на выявление генеральных тенденций развития, а не конкретных особенностей тех или иных культурных общностей.

С.А. Семенов критиковал коллег за отсутствие интереса к теоретическим и методологическим аспектам археологии. На его взгляд, следовало бы кардинальным образом переориентировать сложившуюся систему исследований, сократив размах полевых работ и соответствующее переопределение институтов и музеев горами неопубликованного материала. Вместо этого С.А. Семенов предлагал сосредоточиться на развитии новых методов лабораторного анализа уже добытых коллекций. В соответствии со своими теоретическими взглядами, исследователь предложил структурную перестройку самой археологической науки. По его мнению, место специализации археологов по памятникам той или иной эпохи или территории должна занять специализация по предмету изучения (каменные орудия, керамика, хозяйство, жилища и т.д.).

С.А. Семенов постоянно подчеркивал, что археологические данные представляют собой лишь ничтожную и в значительной мере искаженную часть материальной культуры прошлого. Поэтому все попытки реконструировать реальные исторические события первобытности, например миграции, или выделить на основании археологических источников конкретные этнические общности древности (племена, народы) заранее обречены на провал. Реконструкция культурной истории рассматривалась С.А. Семеновым как самообман и трата времени. В его работах мы найдем немало ярких примеров, заимствованных из археологии позднейших эпох, демонстрирующих спекулятивный и конъюнктурный характер подобной псевдо–истории. Он указывал на зависимость наблюдаемой вариации в составе комплексов каменного инвентаря от случайных факторов, обстоятельств оставления человеком памятника, характера выброса остатков в пределах и вне жилого пространства и т.д. С.А. Семенов рассматривал археологические культуры не как отражение этнических общностей (взгляд, доминировавший в советской археологии того времени), а как результат конвергентного технического развития или следствие долговременных обменных связей групп населения, приводивших к

унификации облика культуры на значительной территории. С.А. Семенов полагал, что подобные культурно–исторические общности чаще всего пересекают этнические границы. Он считал, что этнические особенности той или иной группы населения чаще всего проявляются в вещах, не связанных с материальной культурой.

С.А. Семенов критически относился не только к традиционным формам культурно–исторической археологии, распространенным в советской науке, но и к попыткам усовершенствования типологического метода, формализации процедуры выделения археологических культур. Он дал развернутую характеристику работ такого рода, модных во второй половине 1960х– начале 1970х г.г. на западе (И. Рауз, Д. Кларк, К.–А. Моберг, Д. Дитц и др.). Несколько более благосклонно С.А. Семенов отнесся к попыткам американских "новых археологов" (Д. Сэкинг) подойти к изучению палеолита с позиций, ориентированных на реконструкцию прошлого.

В общем виде система взглядов С.А. Семенова парадоксальным образом была близка А. Леруа-Гурану (Leroi-Gourhan, 1971). Работая с бумагами С.А. Семенова в России и А. Леруа-Гурана во Франции, мне не удалось обнаружить свидетельств взаимного интереса этих двух выдающихся исследователей к публикациям друг друга. Замечу, что С.А. Семенов предпочитал в своих печатных трудах опираться на англоязычные и немецкие, а не французские источники. Тем не менее, бросается в глаза общность принципов исследования, а именно стремление связать воедино археологические, этнографические и исторические данные с целью реконструкции истории технологии в глобальном плане и выделения закономерностей эволюции орудий труда, предметов вооружения и приспособлений. Согласно выражению С.А. Семенова, речь идет о построении в итоге своего рода "культурной стратиграфии", то есть последовательности стадий технического прогресса.

Как естественная реакция на пресловутый историзм и обязательный "гносеологический оптимизм" официальной точки зрения, на свет появилась экстравагантная версия Г.П. Григорьева (1981). Согласно ней, "чистая" археология представляет собой вполне самостоятельную науку, изучающую закономерности строения и развития так называемого "археологического универсума" – логически связанной системы археологических понятий различного уровня – типа, археологической культуры, общностей более высокого порядка, таких как эпоха, путь развития и т.д. Археологические понятия обладают самостоятельной ценностью. Хотя они могут быть сопоставлены с социальными явлениями прошлого, но эта связь не однозначна и выходит за рамки "чистой археологии". Что касается реконструкции древнейших этапов истории человечества, то данная задача, по Г.П. Григорьеву, решается в принципе лишь совместными усилиями ряда наук – археологии, этнографии, антропологии и др. (то есть речь, по сути, идет все о той же "истории первобытного общества" в советской традиции).

Еще дальше в этом направлении обособления археологии пошли иркутские доисторики, стремившиеся вывести археологию палеолита за рамки общественных наук. Очевидно, что такая постановка вопроса во многом была связана с упоминавшейся выше спецификой памятников, с которыми приходится иметь дело этим специалистам. Напомним, что по мере открытия все более древних памятников в Ангаро–Байкальском регионе от стоянок с сохранившимися культурными слоями финальноплейстоценового возраста исследователи перешли к изучению местонахождений, представляющих собой по большей части агломераты изделий из камня, переотложенных в толще пород. Выдвигавшиеся ранее "простые" интерпретации палеолитических памятников как погребенных остатков древних поселений оказались ложными, как наглядно продемонстрировали результаты возобновления раскопок Мальты. Выявилась, таким образом, прямая зависимость интерпретации от ориентации полевых изысканий на решение тех или иных проблем. По мнению иркутских исследователей (Медведев, Волосова, 1993), археология палеолита сводится по большей части к геоархеологической тематике, а попытки социальной реконструкции неизбежно носят субъективный характер. Положение меняется лишь с концом палеолита и, особенно в неолите, когда появляются категории вещей, "узнаваемых" для современного человека (гарпуны, рыболовные крючки, сосуды и др.). Для более ранних периодов единственным методом изучения вещей остается так называемая "теоретическая морфология", то есть "объективное" описание формы артефактов без попыток проникнуть в их функциональную и социальную значимость. Исследование палеолита, таким образом, целиком остается в области естественнонаучного знания.

Справедливости ради отметим, что подобные крайние взгляды как по части "историзации" археологии палеолита, так и по линии перевода ее в раздел четвертичной геологии не получили широкого распространения в профессиональной среде. Начиная с 1990х г.г., интерес к теоретическим вопросам угасает, как впрочем, и на западе. Вероятно, здесь действовали сходные факторы – усталость от бесконечного повтора сходных концепций, отрыв широковещательных деклараций от археологической практики.

ГЛАВА 6. НА ПЕРЕКРЕСТКЕ ВЛИЯНИЙ: СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ДОСТИЖЕНИЯ

Теперь перейдем к анализу современной археологии в России. Конечно, данная глава, посвященная событиям нашего времени, а не отдаленного прошлого, будет неполной, выборочной, а порой неизбежно субъективной. Более того, многие тенденции развития в сфере теории и методологии трудно уловить на столь ограниченном временном отрезке, поэтому раздел будет по большей части посвящен краткому обзору фактического состояния дел в нашей области.

Прежде всего, несколько слов о недавней истории. Экономический кризис, поразивший нашу страну в конце 1980х г.г., потрясения “перестройки” и “пост–перестройки”, распад Советского Союза больно ударили по археологии палеолита, как и по всей системе науки. Политическая нестабильность в ряде регионов некогда обширной державы имели следствием временное вынужденное прекращение полевых исследований в “горячих точках”.

Общее сокращение ассигнований на фундаментальные исследования привело к резкому спаду объема полевых работ, как финансируемых из бюджета, так и новостроечных (ввиду уменьшения объема строительства). Эти же процессы ослабили и так устаревшую лабораторную базу, препятствуя внедрению в практику работ новейших технических средств (компьютеры, современные геодезические приборы, ГИС–технологии и т.д.). Особо стоит отметить отсутствие в нашей стране лаборатории, занимающейся радиоуглеродным датированием на основе ускорителя – методики, ставшей ныне основой построения абсолютной хронологии мустье – верхнего палеолита. В итоге наметился растущий с каждым годом разрыв в уровне исследования между отечественными и зарубежными археологами, частично компенсируемый при помощи организации совместных экспедиций.

В целом по сравнению с западной российской структура организации науки отличается сосредоточенностью основных исследовательских центров в рамках Академии Наук, причем, как правило, в крупных институтах (Москва, Санкт–Петербург, Новосибирск, Екатеринбург, Владивосток). Как следствие, одной из давних бед нашей науки выступает оторванность исследовательской деятельности от системы высшего образования и слабость научной базы даже важнейших университетов (Москва, Санкт–Петербург, Воронеж, Екатеринбург, Кемерово, Иркутск, Владивосток). От этого разрыва страдают обе стороны – университеты испытывают недостаток в лабораториях и высококвалифицированных специалистах для подготовки студентов, а научные работники – нехватку заинтересованного вспомогательного персонала для работы в экспедициях и обработки материалов. Кроме того, в чисто интеллектуальном плане постоянное общение с научной молодежью создает благоприятную среду для появления и “обкатки” новых идей. К сожалению, большинство наших исследователей лишены этой “подпитки”, а многие и не осознают такой необходимости.

Сокращение, а в ряде случаев и полное прекращение поступления иностранной научной литературы усугубило традиционную изоляцию российской науки. Нищенские и нерегулярно выплачиваемые зарплаты сотрудников университетов, музеев и академических институтов привели к оттоку исследователей, особенно молодых энергичных людей, ищущих ныне приложения своих сил в более выгодных областях (справедливости ради, отмечу, что существенного влияния на науку это не оказало – уходят не лучшие). Печальнее, что по этой причине сократилось число аспирантов. В итоге наметился досадный временной разрыв между основной массой исследователей, вошедших в науку в 1960-1970е г.г., и немногочисленными пока молодыми археологами.

Финансовые трудности привели к сокращению издательской деятельности, и без того недостаточной по сравнению с объемом накопленных материалов. Еще в 1970е г.г. началось постепенное разрушение сложившейся системы археологической периодики (с 1973 г. прерывается знаменитая серия МИА). В 1988 г. вышел в свет последний выпуск АО, с 1993 г. прекратилось издание КСИА. В результате на какое–то время единственным общенациональным периодическим изданием стала выходящая 4 раза в год “Российская археология” (до 1992 г. – “Советская археология”).

В отличие от западных стран, популяризация археологии в России развита очень мало, серийных научно–популярных изданий вовсе нет, а тяжелое экономическое положение и низкий культурный уровень большинства населения явно не способствует возникновению заметного общественного интереса к археологии. Со слабым развитием туризма связано незначительное число археологических музеев. До сих пор, несмотря на многократные дискуссии по этому поводу (впервые вопрос поднимался еще в 1861 г.), в России отсутствует специальный музей национальных древностей. Можно назвать лишь три музея на палеолитических стоянках открытого типа – в Костенках, Сунгире и Юдиново. В качестве объекта туристского показа на Кавказе используется охраняемая Ахштырская пещера, а Каповая пещера на Урале преобразована в музей–заповедник “Шульган–Таш”.

Добавим к этому совершенно неблагоприятные условия, в которых вынуждены работать русские археологи, трудно сопоставимые с обстановкой на западе. За редкими исключениями, отсутствуют нормальные помещения для лабораторий. Особенно трагична ситуация с хранением коллекций, которые зачастую находятся в непригодных подвалах и чердаках, страдая от крыс, пожаров, наводнений и краж.

Однако кризис, переживаемый доисторией вместе со всей страной, носит чисто внешний характер. В отличие от других общественных наук, в большей степени испытавших при коммунистическом режиме влияние марксизма и вовлеченных в идеологические и политические игры (социология, история, этнология), далекая от бурь современности археология палеолита оставалась в стороне и не переживает ныне болезненный кризис своих методологических основ. К тому же, нет худа без добра. Общее изменение обстановки в России имеет свои положительные стороны для развития науки. Это облегчение контактов с западными коллегами, в которые вовлекается все более широкий круг исследователей, включая тех, для которых эта сфера была наглухо закрыта в советские времена. Это появление новых форм публикационной деятельности в связи с умножением числа государственных и частных издательств и ликвидацией монополии издательства “Наука”. В итоге после спада конца 1980х – начала 1990х г.г. наблюдается рост числа публикаций.

Помимо монографий и сборников, выходят в свет новые периодические издания и постепенно возобновляется выпуск ранее прерванных серий (АО – с 1993 г., КСИА – с 2001 г.). Стоит в этой связи упомянуть журнал “Петербургский археологический вестник”, издание которого с 1999 г. в заметно расширенном виде ведется в Кишиневе под заголовком “Stratum Plus”. Примечательно, что речь идет о совместном предприятии археологов России, Молдовы и Украины, что способствует поддержанию традиционных исследовательских связей. В Санкт–Петербурге издаются ежегодники “Археологические вести” (с 1992 г.) и “Записки ИИМК РАН” (с 2006 г.). С 2000 г. в Новосибирске на русском и английском языках начат выпуск журнала “Археология, этнография и антропология Евразии”, регулярно публикующего новые материалы и организующего дискуссии по различным проблемам палеолитоведения. Большой объем информации по палеолиту содержится в материалах ежегодных сессий ИАЭт СО РАН. Один за другим появляются региональные археологические журналы и периодические сборники. Среди них особый интерес для нашей темы представляют выпуски издающихся Иркутским техническим Университетом Известий лаборатории археологических технологий.

Правда, при всем нынешнем обилии печатной продукции, российская археология еще недостаточно представлена во всемирной сети Интернет (приятное исключение представляет новосибирский центр).

Президиум РАН, Российский гуманитарный научный фонд, Российский фонд фундаментальных исследований, региональные и международные фонды и программы открыли возможности для получения грантов на экспедиции, издания и научные проекты.

Новые веяния затронули организационную структуру археологии. В большинстве областей и республик созданы Центры по сохранению историко–культурного наследия и Археологические службы. К числу отрядных моментов относится оживление (впервые после 1920х г.г.) краеведческого движения, активизация работы местных музеев и обществ охраны памятников. Выходит в свет множество разнообразных краеведческих изданий, в том числе уделяющих внимание доистории родного края. В настоящее время этот процесс затронул практически все регионы России.

На базе накопившихся сведений выходят в свет выпуски “Археологической карты России”. Пока издание охватило лишь несколько областей преимущественно центра Европейской части России. Есть и региональные издания подобного типа.

2006 г. войдет в историю развития археологии в нашей стране как время возобновления одной из старейших традиций – проведения археологических съездов. Напомню, что последний в России пятнадцатый археологический съезд прошел в 1911 г. в Новгороде, а следующий, намеченный на 1914 г. в Пскове, так и не состоялся по причине Первой мировой войны. Вопрос о возобновлении данной формы ученых собраний неоднократно поднимался как в советское (однажды было даже объявлено о предстоящем проведении съезда в 1929 г.), так и в постсоветское время, но только благодаря инициативе академика А.П. Деревянко мечта воплотилась в реальность.

Состоявшийся съезд продемонстрировал качественные изменения в состоянии археологии в России. Печальным следствием бурных политических событий 1990х г.г. стала своего рода “атомизация” археологии, замыкание исследователей, озабоченных, прежде всего проблемами выживания, в рамках региональных центров. Слабый информационный обмен и трудности с поездками усугубили ситуацию. Сказалось и отсутствие авторитетного координирующего органа в масштабе страны. Долгое время российские археологи оставались по сути единственным в мире крупным

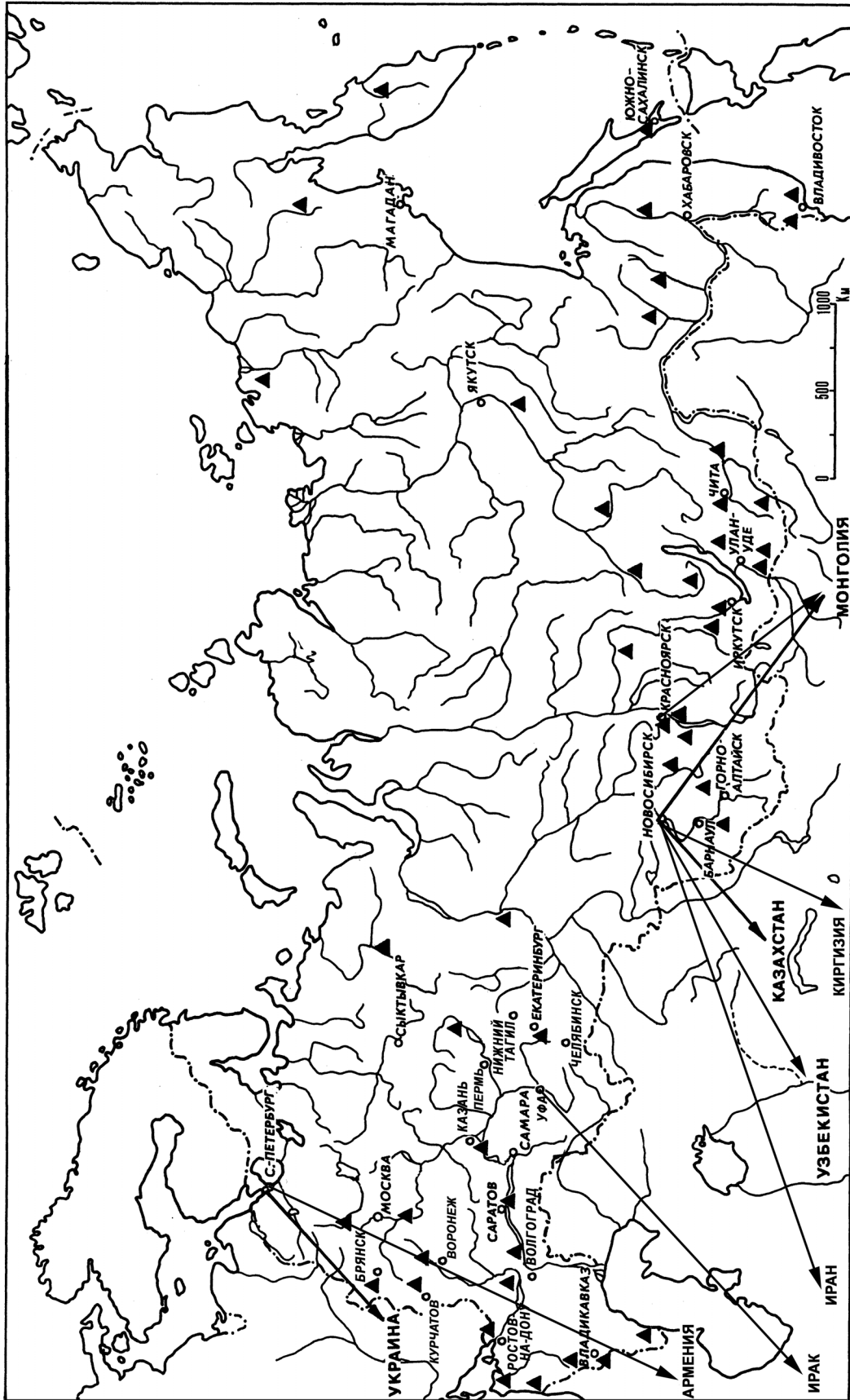

Рис. 62. Основные современные исследовательские центры и районы активных полевых исследований палеолита в России.

профессиональным сообществом, насчитывающим несколько тысяч членов, не имевшего отлаженного механизма регулярных встреч. Между тем, подобные собрания ежегодно проводятся как в Европе в рамках деятельности Европейской ассоциации археологов, так и за океаном (Общество американской археологии).

Теперь можно с уверенностью сказать, что старая традиция обрела новое дыхание и в будущем именно археологические съезды станут основным событием в научной жизни археологов России, местом контактов, обмена информацией и дискуссий.

Перейдем теперь к характеристике деятельности главных центров изучения древнекаменного века (рис. 62).

Начнем с Отдела каменного века Института археологии РАН. С 1994 г. по настоящее время основные усилия Отдела сосредоточены на осуществлении программы долгосрочного исследования Зарайской стоянки, где Х.А. Амирхановым (2000) и его сотрудниками изучаются следы жилой площадки костенковско-авдеевского типа. К числу сенсационных находок последних лет относится открытие здесь серии великолепных произведений мобильного искусства – женских статуэток, фигурки бизона (рис. 63), гравировок на бивне и др. Московские археологи возобновили работы в Хотылево (К.Н. Гаврилов, Е.В. Воскресенская), Ростиславле, Шатрище II и Трегубово II (А.В. Трусов) и на Сунгире (О.Н. Бадер, А.Б. Селезнев). С 2003 г. Х.А. Амирханов (2007) совместно с новосибирскими археологами приступает к изучению древнейших памятников Дагестана. Здесь удалось обнаружить ряд местонахождений с ашельской и галечной индустрией, относящихся к раннему плейстоцену и эоплейстоцену. Среди других работ сотрудников Отдела отметим публикацию сводки по финальному палеолиту Англии (Кольцов, 2005).

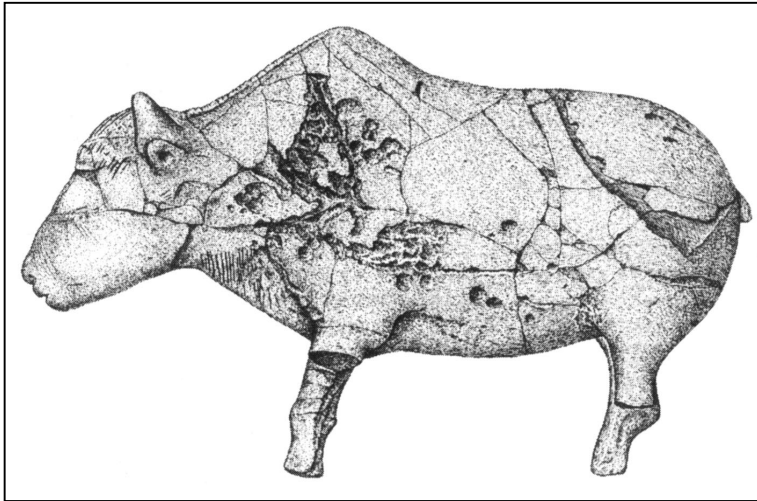
Продолжаются многолетние раскопки экспедиции МГУ на Каменной Балке (Леонова и др., 2006). Расположенная неподалеку стоянка Третий Мыс исследуется экспедицией ГИМ (Н.А. Хайкунова). В.С. Житенев (МГУ) обследует пещеры Южного Урала. Е.В. Булочниковой из Музея антропологии МГУ ведутся работы в Авдеево.

В Санкт–Петербурге Отдел палеолита ИИМК продолжает полевое исследование памятников древнекаменного века, но уже в заметно меньших объемах и преимущественно на Русской равнине и Кавказе.

После вынужденного перерыва в работе Костенковской экспедиции раскопки здесь были возобновлены тремя самостоятельными группами. А.А. Синицын сосредоточил свои усилия на изучении древнейших культурных горизонтов многослойной стоянки Костенки XIV. Здесь был открыт наиболее ранний в Восточной Европе верхнепалеолитический комплекс (рис. 64). М.В. Аникович совместно с В.В. Поповым, А.Е. Дудиным и Д. Хоффекером изучает глубокие разрезы стоянок Костенки I, VIII и XII. С.Н. Лисицын раскапывает многослойную стоянку Боршево V. Если исследователи Костенок в основном концентрируются на вскрытии ранних верхнепалеолитических комплексов, то другие ученые продолжают изучение средней поры верхнего палеолита – восточного граветта. Совместно с МГУ ведутся многолетние раскопки такого важнейшего памятника как Авдеево. Что касается поздней поры верхнего палеолита, мадленского времени, то отметим совместную с МАЭ экспедицию в Юдиново (Григорьева 1995, 1997). Наконец, пункты, относящиеся к финалу палеолита, времени распространения культур с черешковыми наконечниками, изучаются Г.В. Синицыной на Верхней Волге и Верхнем Днепре (Синицына, 1996; см. Васильев и др., 2005). Таким образом, экспедиции Отдела изучают памятники, относящиеся ко всем основным этапам развития верхнепалеолитической культуры на территории Восточной Европы.

Отметим также небольшие работы Н.К. Анисюткина на стоянке Вашана в Центральной России. А.К. Очередным в последние годы возобновлено изучение нижнепалеолитического местонахождения Хотылево на Десне. На юге Русской равнины, в Ростовской области, А.Е. Матюхин раскапывает группу разновременных мастерских близ Калитвенки и стоянок в Бирючьей Балке. П.Е. Нехорошев (1999, 2006) исследовал многослойный памятник Шлях в Волгоградской области.

В.Е. Щелинский в течение ряда лет продолжал изучение Ильской стоянки совместно с Г. Бозински (Германия). С.А. Кулаков ведет раскопки пещерных комплексов Сочинского Причерноморья, кроме того, он совместно с В.Е. Щелинским с 2002 г. руководит раскопками нижнепалеолитических местонахождений Богатыри и Родники на Тамани, связанных с эоплейстоценовой фауной. А.К. Очередной с соавторами ввел в научный оборот материалы по палеолиту Абхазии (Хварцкия, Полякова, Очередной, 2005). После длительного перерыва, В.П. Любин и Е.В. Беляева (2006) начали ряд долгосрочных проектов полевых работ на территории Северного Кавказа и Армении. Проведены успешные разведки на Ставрополье, в Ингушетии и Северной Осетии, раскопки ашельского местонахождения на горе Кинжал в Пятигорье. Изыскания в северной Армении были возобновлены с

Рис. 63. Статуэтка бизона из Зарайской стоянки (по: Амирханов, Лев, 2004, рис. 9).

2003 г. в составе российско-армянской экспедиции. Здесь несколькими отрядами исследуется Грот Печка, ашельские стоянки Даштадем 3 и Мурадово, серия открытых местонахождений.

В Средней Азии Н.К. Анисюткин вместе с узбекскими коллегами вел раскопки на Кульбулаке (Анисюткин и др., 1995).

В Сибири П.Е. Нехорошев возглавил кампанию спасательных раскопок палеолитических стоянок в Березовском карьере (Красноярский край). Подлинной сенсацией стало открытие В.В. Питулько неожиданно древнего памятника в Заполярье, в нижнем течении р. Яны (Якутия). Это открытие, несомненно, приведет к смене наших представлений о первоначальном расселении и адаптациях древнего человека в Высоких Широтах.

В полевые работы все активнее вовлекаются зарубежные археологи и специалисты-естественники, изыскания на Яне, в Костенках и на Кавказе ведутся в рамках международных проектов. В свою очередь, исследователи Отдела в 1990е г.г. стали принимать участие в изучении палеолита за пределами страны. В.П. Любин организовал первую российскую экспедицию в Африку, в Кот д'Ивуар (Любин, Гэдэ, 2000). С.Н. Астаховым (1999а) были обобщены сведения по древнейшим памятникам Японских островов, а автором – по Северной Америке (Васильев, 2004).

Учеными Отдела накоплен огромный объем коллекций, лишь в малой степени введенный в научный оборот. Такие опорные памятники как Авдеево, многослойное поселение Бирюса на Енисее, заметная часть коллекций Ильской стоянки, Ахштырская пещера, богатейшая серия Яштухских местонахождений на Кавказе и др. известны лишь по кратким неполным публикациям. Правда, в последние годы, наряду с регулярной активной публикационной деятельностью по древнекаменному веку Кавказа, начали появляться в свет сборники, посвященные костенковским материалам.

Кроме Отдела палеолита, в ИИМК РАН функционирует экспериментально–трасологическая лаборатория, сотрудники которой, наряду с собственно экспериментальными, технологическими и трасологическими штудиями, ведут активные полевые работы (их характеристику я уже привел, не отделяя их от экспедиционной деятельности членов Отдела палеолита). Лабораторией был начат выпуск серии методических руководств по изучению функций древнейших орудий (Коробкова, Щелинский, 1996).

Вне ИИМК РАН, в Санкт–Петербурге профессиональные исследователи палеолита работают в Отделе археологии Восточной Европы и Сибири Гос. Эрмитажа, Отделе археологии МАЭ им. Петра Великого, на кафедре археологии СПбГУ. Университетская экспедиция продолжает вести раскопки Пушкарей (Беляева, 2002). Т.И. Щербакова (Музей истории религии) в течение нескольких лет изучала Каповую пещеру.

П.Ю. Павловым (2004) из Сыктывкара продолжены работы по древнекаменному веку Северо-востока Европейской России. На территории Ненецкого округа им и С. Ингрелидом (Норвегия) были открыты самые северные в Европе следы палеолита. Работы на Каме велись также Э.Ю. Макаровым (Кудымкар) и С.Н. Коренюком (Пермь), а по р. Чусовой проводила разведку палеолитических пунктов Е.Л. Лычагина (Пермь).

Группу позднепалеолитических стоянок Быки на р. Сейм изучал А.А. Чубур (2001), а позднее Н.Б. Ахметгалеева (Курчатов). А.А. Чубур руководил изысканиями по палеолиту в окрестностях Брянска. Палеолитом Поволжья продолжают заниматься Л.В. Кузнецова (Самара) и А.П. Захариков (Саратов).

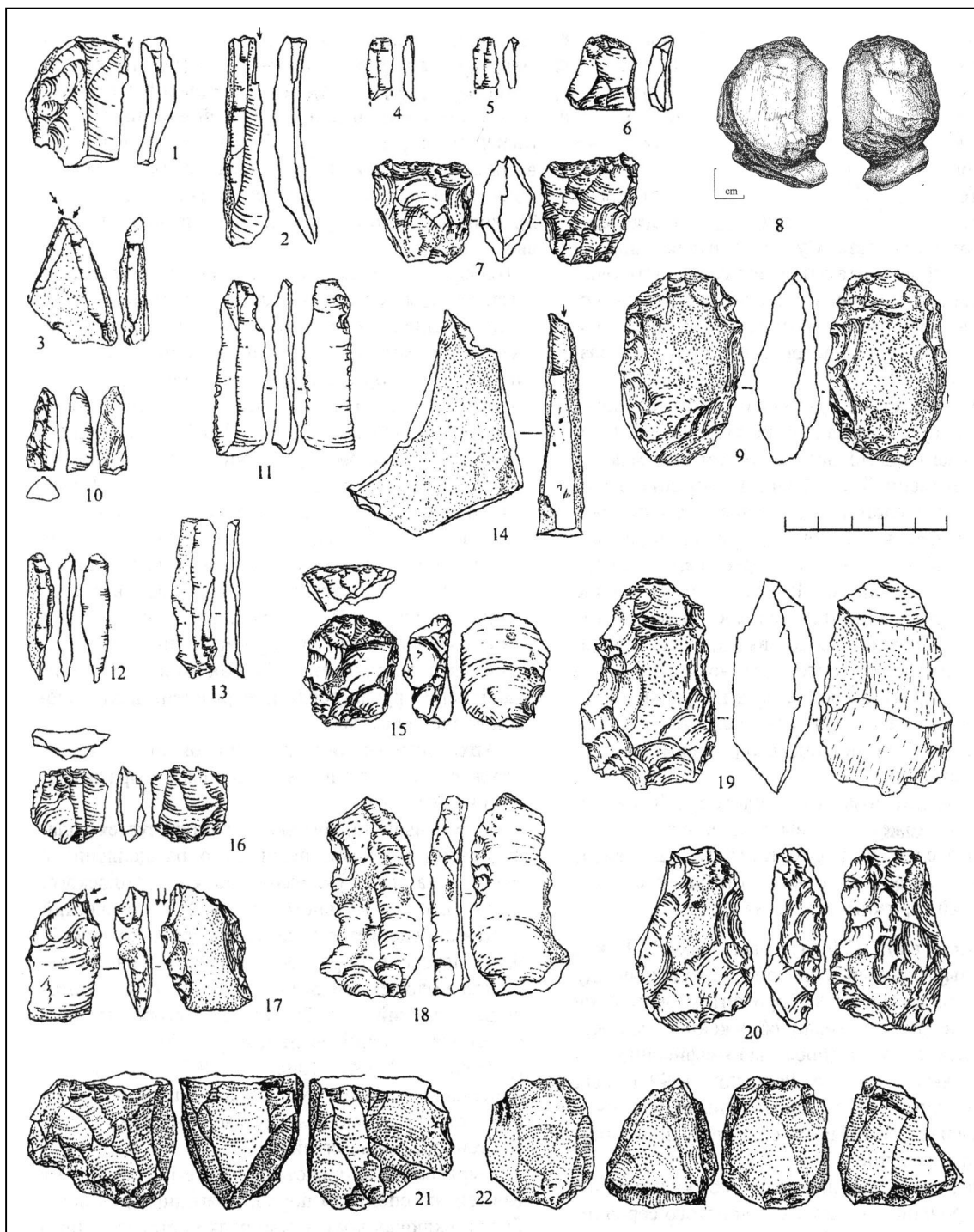

Рис. 64. Каменный инвентарь и обломок статуэтки из бивня мамонта из культурного слоя 4б Костенок XIV – древнейшая верхнепалеолитическая культура Восточной Европы (по: Синицын, 2002, рис. 7, 9).

В.Г. Котов (Уфа) ведет обследование уральских пещер, он недавно начал работы в Иракском Курдистане. Многочисленные гроты и местонахождения плейстоценовой фауны Урала и Зауралья остаются в центре внимания Ю.Б. Серикова из Нижнего Тагила (Сериков, 1999, 2007) и В.И. Юрина (Челябинск).

Новосибирский центр, с 1991 г. носящий имя Института археологии и этнографии СО РАН, продолжает укреплять свои позиции в качестве лидера отечественной археологии. Безусловно,

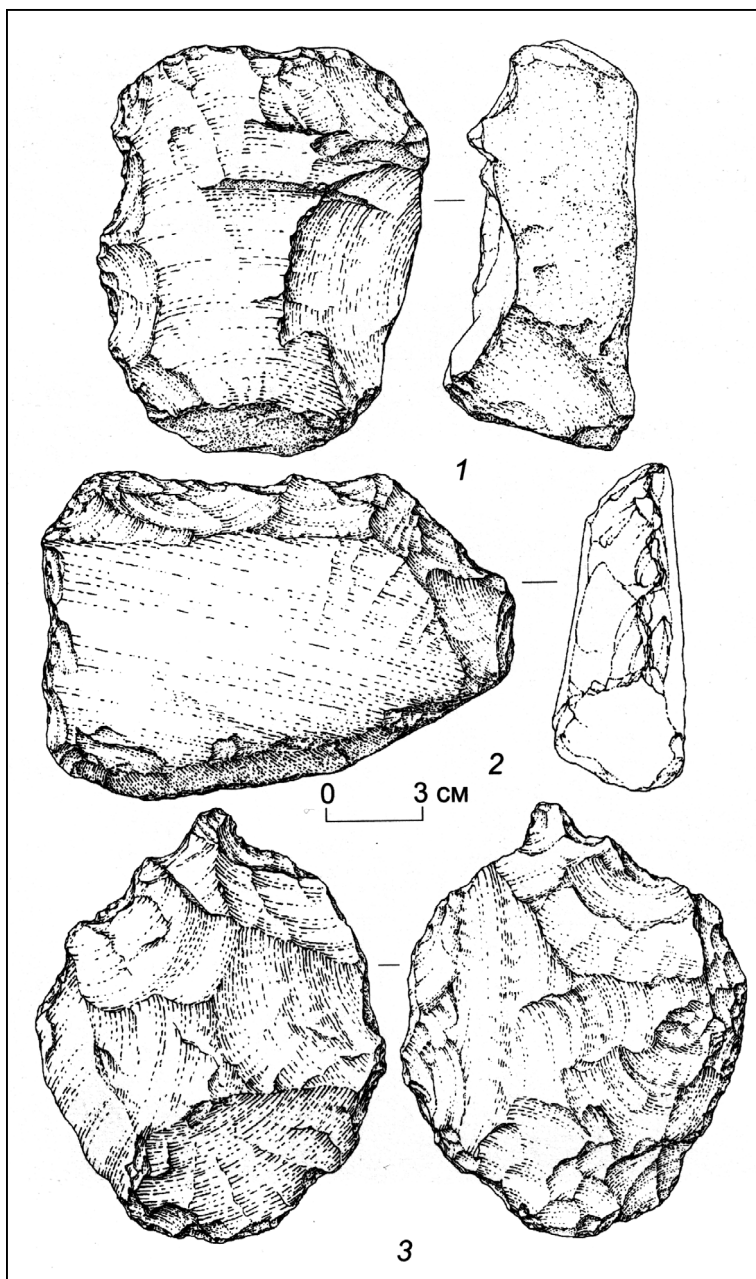

Рис. 65. Каменный инвентарь слоя 7 стоянки Карамы – древнейшего раннепалеолитического местонахождения в Сибири (по: Деревянко и др., 2005в, рис. 35).
1, 2 – скребла; 3 – орудие с шиповидным выступом в виде носика.

главную роль здесь играет продолжение многолетних исследований алтайского палеолита. Благодаря этим коллективным усилиям впервые для Сибири получена основанная на материалах четко стратифицированных многослойных памятников сквозная колонка развития древних культур от среднего плейстоцена до рубежа голоцена. В итоге удалось выделить ряд вариантов среднего палеолита и установить факт сосуществования на раннем этапе верхнего палеолита пластинчатых индустрий, сходных с комплексами Ближнего Востока (карабомовский вариант), и ориньяка (устькаракольский вариант). Далее следует средняя пора верхнего палеолита, представленная серией комплексов с граветтийскими чертами (Ануй II). Таким образом, специфика развития верхнепалеолитической культуры в Сибири по сравнению с европейско-ближневосточным миром оказалась явно преувеличенной.

Неожиданные новые перспективы в деле изучения сибирского палеолита открыла Карамы – первое четко стратифицированное многослойное нижнепалеолитическое местонахождение в Северной Азии (Деревянко и др., 2005б; рис. 65).

Работы на Алтае ведутся в содружестве с многочисленными специалистами естественных наук, обеспечивающих комплексное изучение уникального сосредоточения памятников (Дергачева, 1997; Деревянко и др., 2003в).

В Западной Сибири были возобновлены раскопки стоянок Шестаково и Волчья Грива; интересные материалы получены по палеолиту бассейна Чулыма (Деревянко и др., 2003а). Мамонтовое местонахождение Луговское доставило уникальную находку – позвонок зверя с застрявшими в нем фрагментами каменных вкладышей.

Л.В. Лбова, ранее работавшая в Улан-Удэ, исследовала серию стоянок в Западном Забайкалье (Каменка, Хотык, Варварина Гора, Ирэн-Хада и др.) и провела разведочные работы в Тункинской котловине (Лбова, 1999, 2000; Лбова, Хамзина, 1999; Лбова и др., 2003).

Продолжены традиционные для института исследования на Дальнем Востоке. На Бурее раскопана палеолитическая стоянка Малые Куруктачи I (Нестеров и др., 2000). В Приморье совместно с Дальневосточным университетом возобновлены работы на памятниках долины р. Зеркальной (Крупянко, Табарев, 2001).

Основной вектор развития сферы полевой деятельности новосибирских коллег постепенно смещается в юго-западном направлении; исследователи явно стремятся проследить пути вероятного расселения ископаемых гоминид и человека современного физического типа из Африки через Ближний и Средний Восток в Центральную Азию и далее Сибирь. Не удивительно в этой связи, что полевые работы охватили практически все центрально-азиатские республики. В Казахстане совместно с местными археологами и бельгийскими коллегами были проведены раскопки на уникальной для данной территории серии травертиновых раннепалеолитических местонахождений Кошкурган и Шоктас (Деревянко, Волков, Петрин, 1999; Деревянко и др. 2000а, 2003б). Разведочные маршруты охватили различные районы республики, от Мангышлака на западе до Зайсана и Алтая на востоке. Особое значение имеет открытие богатейшей серии памятников с бифасами в Мугоджарских горах (Деревянко и др., 2001б). В Узбекистане была реализована многолетняя программа раскопок грота Оби-Рахмат, который доставил палеоантропологические находки (Деревянко, 2004), начаты работы на стоянке Кульбулак, осуществлены успешные разведки. В Киргизии велись исследования стоянок Тоссор, Юташ-Сай и ряда других объектов.

В последние годы география полевых поисков новосибирских исследователей резко расширяется, охватывая Северный Кавказ (Дагестан, Кабардино-Балкария, север Азербайджана) и Иран.

Новый всплеск активности на территории Монголии связан с деятельностью российско-монгольско-американской экспедиции. В 1990е г.г. велось активное обследование богатейшей серии мастерских каменного века в Кремневой долине, сборы на пунктах Гобийского Алтая, возобновились раскопки пещерных памятников (Деревянко, Олсен, Цэвэндорж, 1996, 1998, 1999; Деревянко и др., 2002а). Позднее центр тяжести в исследованиях переместился на многослойную стоянку Толбор IV в бассейне Селенги, имеющую большое значение для исследования характера раннего верхнего палеолита региона.

Помимо полевых работ новосибирских археологов, отметим продолжающиеся усилия по крупномасштабному статистическому анализу данных по палеолиту различных эпох и территорий (Деревянко и др., 1995, 1998в, 2002б, в, 2005а; Холюшкин и др., 2005).

Исследователи из Алтайского университета начали систематические работы по палеолиту в Рудном Алтае и продолжили разведки и раскопки в Горной Шории (Кунгуров, 2002; Барышников и др., 2005).

Активно развивается археология палеолита в Красноярске. Были завершены работы на Лиственке, продолжено обследование Афонтовой Горы и пунктов на берегах Красноярского водохранилища, в Дербинском заливе, Краснотуранском районе, а также в окрестностях Куртака. В последние годы существенно расширяется область исследований красноярских археологов, охватывая район Канской котловины на востоке, Туву и западную Монголию на юге (Дроздов и др., 2004; Дроздов, Чеха, Хазартс, 2005).

Археологами из Иркутского университета обнаружен ряд новых палеолитических местонахождений на Ангаре, в долинах рек Куды и Белая, а также на Братском водохранилище. Неожиданные результаты дало возобновление в рамках международного проекта раскопок Мальты в 1995 г., открывшее сложный многослойный характер памятника (Медведев и др., 1996; Sitlivy, Medvedev, Lirpina, 1997). Археологи из Центра по сохранению историко-культурного наследия ведут работы на Верхней Лене (долина Куленги, район Шишкино и Кистенево). Группа из Лаборатории Технического университета сосредоточилась на обследовании долины Витима, где раскапываются многослойные четко стратифицированные стоянки Большой Якорь I и Коврижка.

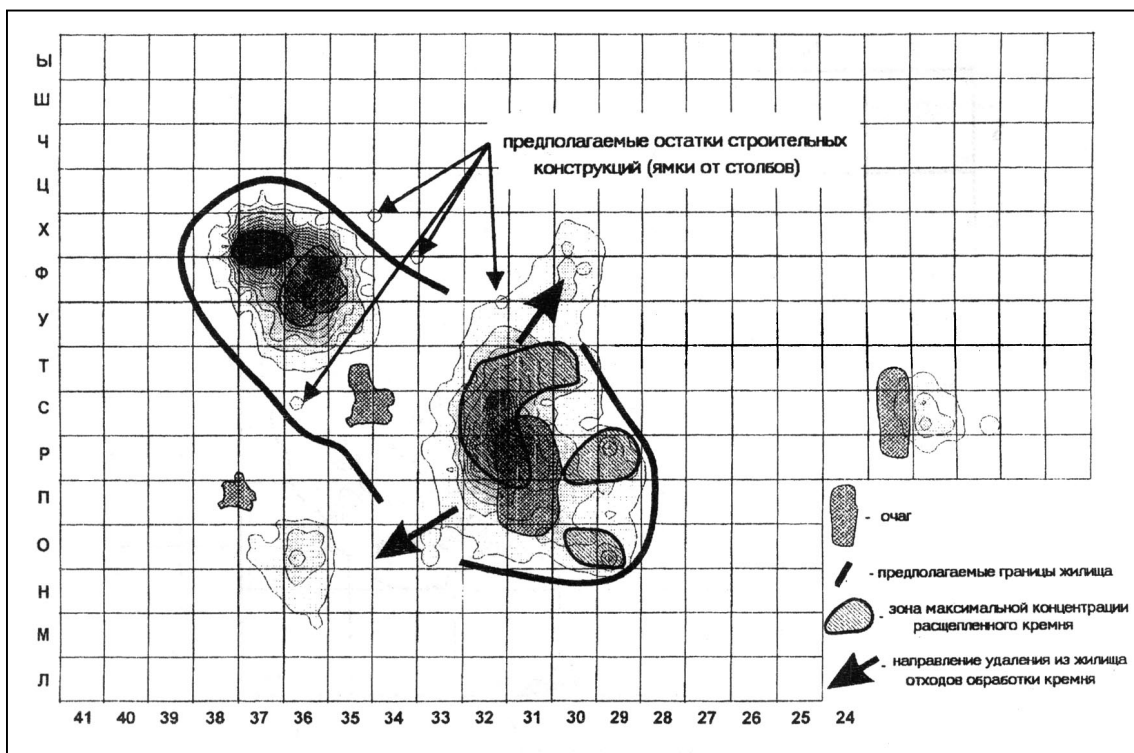

Рис. 66. Схема распределения кремневого материала внутри предполагаемого жилища на Каменной Балке I (по: Леонова, 2006, рис. 9).

В.И. Ташак (Институт монголоведения, буддологии и тибетологии, Улан-Удэ) провел кампанию раскопок группы позднелолитических стоянок в районе Усть-Кяхты (Ташак, 2005), а также исследовал поселение Подзвонкая с интересными очажными конструкциями.

Читинские археологи продолжили изучение многослойных стоянок Чикоя с выразительными остатками жилищ – Студеное I, II (Константинов, 2001). Среди наиболее впечатляющих находок – орнаментированное изделие типа “жезла начальника”. Проведены небольшие разведки на востоке Забайкалья.

Исследователи из Института археологии и этнографии народов Дальнего Востока (Владивосток) совместно с японскими и американскими коллегами раскапывали докерамические стоянки Устиновка III, VI и VII (Кононенко и др., 2003). Н.А. Кононенко успешно обследовала район оз. Хасан, а Н.А. Клюев открыл палеолитические местонахождения в центральной части Приморского края. И.Я. Шевкомуд (Хабаровск) обнаружил опорную стратифицированную стоянку верхнего палеолита на Нижнем Амуре – Голый Мыс IV.

Впечатляют успехи, достигнутые А.А. Василевским (Южно-Сахалинск) в деле исследования плейстоценовой доистории Сахалина. Им открыты как раннепалеолитическое местонахождение (Сенная I), так и выразительный многослойный позднелолитический памятник с остатками жилищ (Огоньки V).

Успешно начатые Н.Н. Диковым исследования на крайнем северо-востоке Азии были продолжены на Чукотке М.А. Кирьяк (2005). Работы в Ушках обрели второе дыхание благодаря М.А. Кирьяк и И.Ю. Понкратовой. С.Б. Слободин (1999) и И.Е. Воробей изучают местонахождения финала плейстоцена – начала голоцена на Верхней Колыме и в Приохотье.

По сравнению с предыдущим периодом, последние десятилетия отмечены бурным ростом международного научного сотрудничества. Практически все конференции проводятся ныне с международным участием. Из числа наиболее заметных событий последних десятилетий отметим представительный симпозиум по проблемам первоначального расселения человека, состоявшийся в 1993 г. под Москвой (Величко, Соффер, 1997), и масштабные конференции с полевыми экскурсиями, проведенные в Узбекистане (2004 г.) и на Алтае (2005 г.) под руководством А.П. Деревянко.

В области изучения геологии палеолита, отметим появление фундаментальных междисциплинарных трудов, посвященных палеоэкологическому анализу горного (на примере

Северного Кавказа) и равнинного (по материалам памятников Каменной Балки) палеолита (Несмеянов, 1999; Леонова и др., 2006). Выпущены в свет сводки радиоуглеродных датировок палеолита Восточной Европы и Сибири (Синицын, Праслов, 1997), каменного века Дальнего Востока России и сопредельных территорий (Кузьмин и др., 1998; Кузьмин, 2005).

Усовершенствованием методики подхода к поверхностным местонахождениям активно занимались новосибирские исследователи. На обширных камнеобрабатывающих мастерских “Кремневой долины” в Монголии была применена привязка пунктов с помощью прибора GPS, индивидуальная регистрация находок с фотофиксацией их расположения в вертикальной проекции по квадратам. В данном случае археологи полагали, что в аридных условиях Гобийского Алтая артефакты никогда не перекрывались отложениями и оставались экспонированными на поверхности с минимальным смещением (Деревянко, Олсен, Цзвендорж, 1996).

Что касается стоянок открытого типа, то важным рубежом в развитии проблематики стала итоговая публикация многолетних исследований на Каменной Балке II (Леонова и др., 2006). Работа строится на сочетании микростратиграфического анализа (позволившего при помощи серии профилей идентифицировать горизонты обитания и реконструировать палеорельеф) с планиграфией и монтажом. На основании этих данных была разработана схема размещения основных производственно-бытовых объектов стоянки. Определены примерные критерии реконструкции жилых сооружений, основанные на анализе структуры участков культурного слоя (рис. 66).

Интересную программу изучения многослойного памятника на примере стоянки Большой Якорь I разработали иркутские археологи. Методика основывается на сопоставлении результатов определения сезона обитания (устанавливаемого на основе анализа зубов животных и ихтиофауны) с планиграфической картиной (Инешин и др., 2004; Инешин, Клементьев, Тетенькин, 2005; рис. 67).

Для памятников с более сложным характером культурного слоя принципиальное значение имеет опыт раскопок Х.А. Амирханова (2000) на Зарайской стоянке. Здесь было выделено несколько последовательных генераций мерзлотных трещин. Примечателен факт активного использования обитателями стоянки крупных мерзлотных нарушений для устройства ям и в качестве мест свалки мусора. Подобная практика приспособления древнего человека к своеобразному рельефу, сформированному криогенными процессами, отмечена на стоянках Восточной Европы (Елисеевичи, Тимоновка).

Х.А. Амирханов подробно анализирует характер объектов культурного слоя – ям и очагов (рис. 68). Ямы подразделены на приочажные ямки, ямы-хранилища запасов костяного сырья и изделий из бивня, ямы-клады. В последних зафиксированы уложенные кремневые пластины-заготовки и орудия. Микростратиграфическое исследование позволило в ряде случаев восстановить последовательность функционирования ям – вначале как хранилищ, позже превращенных в места свалки отходов или разведения костров.

Х.А. Амирханов отмечает неадекватность практиковавшегося ранее прямолинейного подхода к палеолитическим памятникам, когда “следы жизнедеятельности человека, выявляемые в культурных отложениях в виде конструктивных остатков и деталей, изначально воспринимаются исследователем как руины построек” (Амирханов, 2000, С. 183). В итоге проделанной работы на основании планиграфии и микростратиграфии выделены четыре периода жизни поселения. Первый из них отмечен остатками очага, скоплением бивней и ямкой “кладикового типа”. Второй уровень определен по двум очагам, ямам-хранилищам, ямкам-кладам и др. Характер встреченных объектов находит ближайшие аналогии в материалах Костенок I и Авдеево и Х.А. Амирханов заключает, что раскопом вскрыта часть жилой площадки костенковско-авдеевского типа (возможно, фрагмент центральной линии очагов). Третий этап освоения человеком стоянки идентифицируется по очагу и нескольким ямам. Наиболее значимые изменения в облике поселения отмечены на четвертом этапе, соответствующем верхнему культурному слою, когда “происходит почти полный отход от самой идеи ямы как основного и всефункционального конструктивного элемента жилищно-хозяйственного комплекса” (Амирханов, 2000, С. 190). Добавим, что прекращение эксплуатации ям на определенном этапе жизнедеятельности человека на поселении прослеживается и в Авдеево. Однако не будем забывать, что выводы пока основываются на результатах вскрытия очень ограниченного по площади участка стоянки. Возможно, изменения в характере планиграфической картины отражают лишь смещение зон жизнедеятельности при планировке поселения в различные периоды его обитания.

Вопреки распространенному на западе мнению, изучение систем расселения и хозяйственной деятельности древнего человека по-прежнему занимает в российской доистории подчиненное место по сравнению с культурно-исторической проблематикой. Вероятно, данное обстоятельство может быть частично связано с традиционной не расположенностью нашей археологии к палеоэкологическому уклону. С другой стороны, огромные возможности “экстенсивного” освоения мало обследованных

Таблица 6. Сезоны гибели животных по культурным горизонтам

Культ. гориз.	ОСЕНЬ			ЗИМА			ВЕСНА			ЛЕТО		
	сентябрь	октябрь	ноябрь	декабрь	январь	февраль	март	апрель	май	июнь	июль	август
4Б									песец			
5									песец		утка-чирок	
6				северный олень								
7			лось									
8				северный олень								

Примечание.
 - диапазон наиболее вероятного времени функционирования стоянки.

Рис. 67. Определение сезонности обитания культурных горизонтов стоянки Большой Якорь I (по: Инешин и др., 2004, табл. 6).

территорий и открытия не изученных периодов палеолита явно не стимулируют углубленный анализ микрорайонов и поиск новых подходов к уже накопленным материалам.

Традиционная для нашей археологии тема соотношения роли палеолитического охотника и естественных факторов в образовании мощных мамонтовых местонахождений, перестает быть предметом умозрительных дискуссий. Ныне суждения основываются на результатах анализа встреченных в каждом конкретном случае остатков в плане распределения костей по половозрастному составу, представленности анатомических частей скелета, внешнего вида костей, наличия следов воздействия человека и т.д. Так, налицо попытка идентифицировать по материалам Восточной Европы практику вероятного сбора костей мамонтов на отмелях рек (более характерную для мустье и начальной поры верхнего палеолита) и специализированную охоту на этого зверя в последующие периоды (Аникович, Анисюткин, 2001/2002).

Анализ костных остатков и характера расположения памятника привел новосибирских исследователей к выводу о том, что многослойная стоянка Шестаково в бассейне Чулыма представляла собой место посещения человеком пункта естественной гибели мамонтов у минерального солонца (Деревянко и др., 2003а). Вскрытая на стоянке серия ям может интерпретироваться как лизунцовые ниши, сходные с углублениями, производимыми современными слонами. На костях мамонта полностью отсутствуют следы разделки. Исследователи полагают, что участие человека сводилось к периодическому сбору костей, в основном в качестве топлива.

Другой, мало разработанный пока у нас, тафономический аспект археологии палеолита – роль древнего человека и хищников в накоплении костей в пещерных отложениях. Палеонтолог Г.Ф. Барышников (Деревянко и др., 2005в) проанализировал под этим углом зрения коллекцию из Денисовой пещеры. При этом выяснилось значительное участие пещерных гиен в накоплении костного материала. Реконструируется сложная история пещерной полости от эпизодического посещения человеком на уровне нижних культурных слоев до активного попеременного использования места человеком и гиеной.

Новейший период в развитии нашей археологии ознаменовался решительным переломом в отношении этноархеологических изысканий, призванных найти пути реконструкции далекого прошлого. Особый интерес для темы воссоздания облика переносных жилищ и структуры сезонных

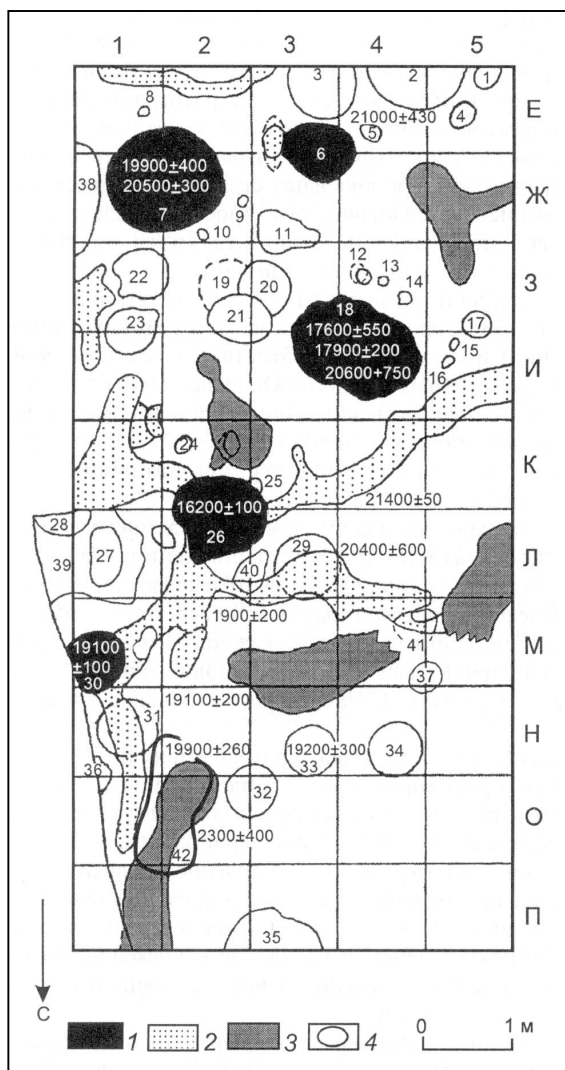

Рис. 68. Схема объектов и криогенных образований толщи культурных отложений в раскопе 4 Зарайской стоянки (по: Амирханов, 2000, рис. 19).

1 – очаги; 2 – мерзлотные трещины второй генерации; 3 – мерзлотные трещины первой генерации; 4 – ямы.

поселений эпохи верхнего палеолита имеют исследования среди эвенков северного Забайкалья, проведенные в рамках международного научного проекта (Кузнецов, 2006). В ряде других регионов России зарубежные специалисты провели полевые изыскания, посвященные изучению технологии обработки шкур, способов охоты и приемов разделки туш северного оленя. Этноархеологические данные в сочетании с трасологическим исследованием рабочих кромок скребков дают ключ к пониманию характера процессов обработки шкур животных, происходивших на палеолитической стоянке (Бейри и др., 2002).

Несмотря на указанные моменты, в целом, как я уже говорил, в сфере изучения хозяйства и поселений палеолита достижения отечественных археологов скорее относятся к 1930м г.г., чем к современности. Исследования последних десятилетий в большей мере демонстрируют некорректность старых “интерпретационных штампов”, чем намечают новые перспективы. Хочется надеяться, что здесь мы имеем дело с благодатным полем для международного сотрудничества, основанного на соединении новейших теоретических подходов и методик, разработанных на западе, с богатейшим фактическим материалом, собранным в России.

В области анализа каменных индустрий российское палеолитоведение следует общей мировой тенденции к внедрению технологического подхода. Статичное типологическое описание постепенно сменяется динамичными моделями, ориентированными на изучение способов доставки каменного сырья, выявление технологических ступеней раскалывания и изготовления орудий, их срабатывания и переоформления, и, наконец, конечного выброса. Основная проблема для нашей страны заключается в том, что, если для Западной Европы новые подходы накладываются на давно готовую типологическую сетку, позволяющую легко вписывать памятники в систему культурно–хронологического деления палеолита, то в России с ее огромными и очень слабо и неравномерно изученными в плане палеолита территориями, работа по созданию стандартных типологий еще впереди.

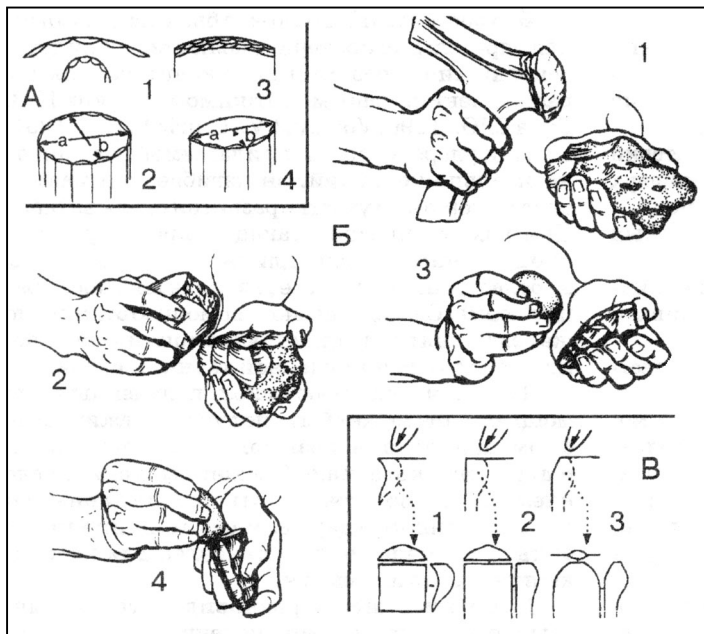

Рис. 69. Технология пластинчатого скалывания (по: Гирия, 1997, рис. 11).

А – зависимость между степенью выпуклости поверхности скалывания и отношением толщины/ширины пластин; Б – изготовление пренуклеуса для снятия призматических пластин; В – зависимость формы проксимальной части скола от формы зоны расщепления: 1 – карниз убран; 2 – карниз выровнен; 3 – карниз «перебран» – зона расщепления подготовлена редуцированием.

Решающее влияние на развитие данной сферы исследований в России имел выход в свет монографии Е.Ю. Гири, посвященной анализу технологии пластинчатого расщепления (Гирия, 1997). Подход Е.Ю. Гири основан на сочетании углубленного изучения морфологии продуктов расщепления с данными трасологии и экспериментов (рис. 69). Им развернута шкала реконструкций техники пластинчатого расщепления на разных этапах доистории (применительно к верхнему палеолиту – по материалам Костенок I и Широкого Мыса).

П.Е. Нехорошев (1999), рассматривая морфологию среднепалеолитических ядрищ и сколов, предложил несколько отличающийся подход к анализу техники расщепления. В центре его внимания находятся критерии разграничения признаков верхне- и среднепалеолитической техники скола, вопросы сущности и границ леваллуазской техники. Последняя трактуется П.Е. Нехорошевым в наиболее широком плане как совокупность приемов среднепалеолитического плоскостного и протопризматического расщепления, ориентированного на серийное производство качественных заготовок.

Все чаще мы видим попытки связать облик артефактов и использовавшиеся древними людьми технологии с характером сырья. В.И. Беляева (1994, С. 39) справедливо отмечает, что “каменный инвентарь продолжает изучаться с точки зрения его культурно–типологической принадлежности, и почти полностью исключен из программ адаптационного направления”. Исследовательница поставила на материалах стоянок костенковской культуры проблему адаптации к отсутствию близких источников сырья. Именно этим фактором она попыталась объяснить полифункциональность форм костенковских орудий, противопоставляя их обедненности и простоте изделий в инвентаре стоянок деснинского бассейна, существовавших в условиях обильной сырьевой базы.

Отметим результаты петроархеологического исследования сырьевой базы алтайских стоянок. Выявилась связь отбора определенных видов сырья для производства некоторых специализированных типов орудий (Постнов, Анойкин, Кулик, 2000).

В наше время трудно назвать кого–либо из отечественных археологов, сомневающегося в ценности трасологического метода. Тем не менее, длительная изоляция немногочисленных “трасологов” и “экспериментаторов” от основной массы “нормальных” археологов, дополнявшаяся спорами о верховенстве типологии или трасологии (как будто той или иной научный метод может быть всеобъемлющим, единственно верным и вытеснить все остальные!), продолжает сказываться и в наши дни. Во многих случаях трасологические исследования охватывают лишь небольшие выборки материала или отдельные вещи, что существенно затрудняет выполнение задачи комплексной реконструкции хозяйства древних обитателей того или иного памятника. С другой стороны, некоторые исследователи палеолита по–прежнему продолжают придерживаться культурно–исторической трактовки вариации каменных индустрий и понадобится еще немало времени и усилий для преодоления сложившейся ситуации.

Существенно расширяет пределы применения технологического метода новаторская работа Г.А. Хлопачева (2006), посвященная анализу технологии изготовления изделий из бивня. Книга Г.А. Хлопачева не имеет аналогов в мировой науке, где довольно много работ по типологии изделий из кости и рога и технологии обработки этих материалов, но нет аналогичных разработок для бивня. Г.А. Хлопачев выделил ряд приемов обработки бивня (раскалывание, разламывание, расслоение), создал оригинальную типологию отщепов бивня, болванок–заготовок и отходов производства. Стоит отметить, что изучение технологии расщепления бивня имеет, помимо научного, большое практическое значение для усовершенствования методик реставрации и консервации вещей такого рода, являющихся украшением музейных экспозиций.

В фактической части работы приведены результаты анализа нескольких тысяч изделий из бивня (мотыги разных типов, скребки, кинжалы, остря, стержни и др.), происходящих из ряда верхнепалеолитических поселений центра Русской равнины (бассейна Десны). В качестве основного памятника служит стоянка Елисеевичи, но задействованы также материалы из Мезина, Пушкарей, Супонево, Тимоновки и Юдиново. Помимо описания предметов, автор использует данные о контексте находок. Реконструируются приемы обработки бивня на разных памятниках, проводится сопоставление их с культурной принадлежностью комплексов.

Что касается изучения культурной принадлежности палеолитических памятников, то нынешний период отличается постепенной переоценкой господствовавшего на протяжении предшествовавших десятилетий локально-культурного подхода. Глядя глазами современного исследователя на споры 1950х г.г. о соотношении стадияльных и локальных черт в палеолите (см. главу 5), итоги дискуссии не представляются столь однозначными, как это казалось в 1960–1980е г.г. Действительно, огромные заслуги А.Н. Рогачева в выявлении разнообразия позднепалеолитической культуры и в целом правильное решение им сложных стратиграфических проблем Костенок общепризнанны. Однако в аргументации противоположной стороны содержалось немало справедливых моментов.

Анализируя отличия палеолитических культур от археологических культур позднейших эпох, А.А. Сеницын приходит к выводу о том, что ни один из основных признаков археологической культуры (пространственно–временная привязка, наличие центра и периферии, определяющие категории материальной культуры) в палеолите не фиксируется (Сеницын, Праслов, 1997). В связи с этим вновь оказывается актуальной точка зрения С.Н. Замятина о сложении подлинно археологических культур лишь с мезолита (Сеницына, 1999).

О “культурной непрерывности” групп памятников, а не о системе культур, применительно к восточному граветту, пишет Х.А. Амирханов (2000). Он приходит к выводу, что восточный граветт представлял собой “культурную непрерывность” групп памятников. В числе последних названы костенковско–авдеевская, хотылевско–гагаринская, костенковско–боршевская и костенковско–александровская группы. Подобная трактовка как будто близка схеме, предложенной в свое время Н.Д. Прасловым (1984) для расчленения среднего палеолита Восточной Европы.

А.А. Сеницын (1999) предлагает четырехчленное деление верхнего палеолита, причем охватывающее не только собственно европейский ареал. По его мнению, на фазе зачаточного верхнего палеолита прослеживается фундаментальное единство пластинчатых индустрий от Балкан и Ближнего Востока до Алтая. Эти редкие группировки развивались бок о бок со среднепалеолитическими комплексами. Позднее, на ранней фазе верхнего палеолита в Европе и на Ближнем Востоке складывается бинарная структура, характеризующаяся сосуществованием ориньяка с архаичными индустриями типа селета и шательперрона. На среднем этапе верхнего палеолита в Европе доминируют граветтские культуры, а на позднем проявляется географическое деление континента на три зоны со своими особенностями культурного развития (Западная и Центральная Европа, Средиземноморье и Восточная Европа).

Подводя итог, можно констатировать, что в современной российской археологии локально–культурные схемы сдают позиции, вытесняясь более сложным пониманием многофакторного характера вариации наборов каменного инвентаря. Идет отказ от использования понятия “археологическая культура” применительно к нижнему и среднему палеолиту. Да и при анализе верхнепалеолитических индустрий Восточной Европы все большее число исследователей предпочитают пользоваться принятыми в европейской археологии терминами широкого культурно–хронологического плана (ориньяк, граветт, мадлен и др.) и их производными.

Продолжается традиционная для нашей археологии разработка проблематики крупных культурных областей палеолита. Что касается раннего палеолита, то старые дискуссии относительно специфики древнейших азиатских индустрий к востоку от называемой “линии Мовиуса” вновь привлекают внимание исследователей (Вишняцкий, 1996). В.А. Ранов (1999) предложил при

определении особенностей мира восточно-азиатского палеолита не ограничиваться вопросом о наличии/отсутствии рубил, а рассматривать каменный инвентарь в комплексе. По его мнению, наряду с крайней атипичностью рубил и господством галечной индустрии вплоть до самого финала палеолита, в Азии редки элементы леваллуазской техники. В.П. Любин (1998), основываясь на фактах совместного нахождения рубил, кливеров и чопперов в комплексах Кавказа, скептически оценивает возможность географической привязки вариантов ашельской индустрии.

Свою версию глобального расчленения палеолитической культуры предложил А.П. Деревянко (2006), связав ее с волнами миграций. Раннепалеолитические микроиндустрии, широко распространенные в Евразии от Испании до Китая, по его мнению, отражают одну из волн расселения гоминид из Африки в доашельскую эпоху (другая волна ассоциируется с олдувайскими комплексами). Вторично микролитическая техника возникает в конце палеолита-мезолите, причем для этого периода А.П. Деревянко выделяет западную и восточную (Северная, Центральная и Восточная Азия, Северная Америка) области с преобладанием, соответственно, геометрических форм и микропластинчатой индустрии.

Новое звучание приобретает традиционная проблема генезиса верхнего палеолита. Благодаря серии открытий новосибирских археологов, стало возможным впервые анализировать данную проблему в евразийском масштабе, сравнивая характер перехода в Европе и на юге Сибири (Аникович, Анисюткин, Вишняцкий, 2007; Вишняцкий, 2008).

Л.Б. Вишняцкий разработал оригинальную методику ранжирования палеолитических комплексов с целью различения средне- и верхнепалеолитических черт культуры. Активно используя данную методику, Л.Б. Вишняцкий представил результаты широкого сопоставительного анализа тенденций развития среднего палеолита и очагов формирования верхнего палеолита в разных частях мира. Он подробно анализирует аргументацию сторонников моно- и полицентрической версии происхождения современного человека, рассматривает различные версии причин так называемой “верхнепалеолитической революции”. Сам Л.Б. Вишняцкий отдает предпочтение эколого-демографической версии, связывая начало изменений в культуре с ростом плотности населения предковых популяций и усилению давления на ресурсы. Он отмечает совпадение ареала распространения памятников раннего верхнего палеолита с зоной обитания неандертальцев, считая, что именно столкновение последних с расселяющимися с юга *Homo sapiens* стимулировало культурный прогресс.

Продолжается работа в области изучения палеолитического искусства. З.А. Абрамова (2005) выпустила в свет монументальную сводку по фигуративному искусству Европы малых форм. По-прежнему в центре внимания исследователей находятся вопросы генезиса древнейшего творчества. Выдвинуты гипотезы, связывающие возникновение искусства с возникновением эстетических отношений и формированием мифологических систем. В этой связи особое значение придается характеру пещерных ансамблей, рассматриваемых как целостные, сюжетно связанные композиции (Филиппов, 1997, 2004). Другие авторы связывают генезис творчества с преодолением информационного барьера на грани среднего и верхнего палеолита (Шер, 1998; Шер, Вишняцкий, Бледнова, 2004).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Теперь пора подвести итоги сложного процесса развития русской доистории. На протяжении десятилетий отечественная наука об ископаемом человеке развивалась в известной мере изолированно от мировой археологии в силу языковых, идеологических и политических барьеров. Нынешняя эпоха свободных научных обменов и сотрудничества настоятельно диктует необходимость рассмотрения места, занимаемого нашим палеолитоведением в контексте современной археологии. Это тем более важно для переживаемого нами этапа, когда при осуществлении ряда международных исследовательских программ следует четко обозначить базовые принципы подхода к анализу конкретных материалов.

Говоря об особенностях исследовательских установок у археологов различных стран, обычно приводят мнение Ф. Борда (Bordes, 1968) о существовании трех школ палеолитоведения – стратиграфо–типологической французской, энвайронменталистской англо–американской и социологической советской. Однако за прошедшие десятилетия глубокие качественные изменения в методологии подхода и интенсивное научное сотрудничество привели к возникновению принципиально новой картины.

Как известно, археология палеолита зародилась в XIX в. во Франции под непосредственным влиянием учения об эволюции. С началом XX в. в работах А. Брейля и Г. Обермайера намечается переход от однолинейного эволюционизма Г. Мортилье к изучению ареалов культур, созданию многолинейных схем развития индустрий. Длительная работа по совершенствованию стратиграфических построений и разработке типологии изделий из камня получает завершение в послевоенное время в трудах Ф. Борда и других исследователей, предложивших стандартные статистические схемы классификации. Начиная с 1960х г.г., под влиянием, с одной стороны, “поселенческой археологии” А. Леруа–Гурана, и, с другой, “новой археологии” Л. Бинфорда, происходит постепенное угасание “классической” стратиграфо–типологической школы палеолитоведения.

Каковы же общие тенденции, присущие нынешнему этапу развития науки об ископаемом человеке?

Прежде всего, палеолитоведение в целом претерпело кардинальную переориентацию исследовательских установок. Вместо проблем типологического анализа наборов каменного инвентаря и последующего пространственно–временного дробления материала на различные классификационные единицы (эпохи, фации, культуры, культурные области и др.), стоявших во главе угла в рамках культурно–исторической археологии, в центре внимания ныне находится контекст находок.

Изменилось само отношение к палеолитическим объектам. Если раньше стоянки по большей части трактовались как следы древних поселений, захороненных в толще пород, то новейшие геоархеологические исследования показали, насколько эти “интерпретационные штампы” далеки от реальности. Абсолютное большинство ниже– и значительная часть среднепалеолитических объектов в действительности представляют собой своего рода конгломераты артефактов и костных остатков, претерпевших разного рода перемещения. Соответственно, ряд структур, ранее трактовавшихся как следы искусственных сооружений, на деле оказались естественными феноменами.

Большие перемены произошли в области реконструкции образа жизни древнейшего человека. Если несколько десятилетий назад эпоха палеолита однозначно трактовалась как время господства охотничьей деятельности, а находимые при раскопках костные остатки считались следами этого рода занятий, то сейчас ясна необходимость учета такого фактора, как практика сбора падали древнейшими гоминидами, постепенно уступавшая место собственно охоте. Очевидно, что палеолитические люди интенсивно использовали места естественной гибели животных, собирая кости последних в качестве строительного и поделочного материала. Все более отчетливо вырисовывается и роль собирательства, ранее недооцениваемая.

Понимание характера развития палеолитической культуры также изменилось. В области исследования нашего основного источника – каменных индустрий, центр тяжести сместился с типологической проблематики в сферу изучения технологии операций, производившихся древним человеком с камнем, прослеживания связи облика артефактов с особенностями сырья, характером его доставки на стоянку, производственными процессами, интенсивностью реутилизации и переоформления вещей, их последующего выброса и захоронения. Мы слишком привыкли к современной технологии использования металлических монофункциональных орудий, чтобы представить себе существование принципиально иной технологической системы, свойственной изделиям из камня. В ней вещи неоднократно меняли форму, одни и те же предметы могли быть получены различными путями, облик заготовки на последовательных стадиях производства

кардинально менялся. Очевидно, что статичное описание морфологии вещей без учета технологии явно недостаточно, так что речь теперь идет о комплексном технико–типологическом изучении древней индустрии, а не о собственно типологии в классическом, “бордовском” понимании этого термина.

Все это привело к переоценке значимости выделяемых археологами вариантов культуры, которые стали трактоваться скорее как отражение различия технологических систем и способов добывания средств к существованию, чем культурных традиций. Поскольку выбор подобных стратегий на примитивном уровне развития техники у человека древнекаменного века был ограничен, это приводило к конвергентному появлению сходных феноменов в различных, зачастую отдаленных друг от друга, областях.

Далее, изменился подход к членению палеолита. Если раньше развитие древней культуры рассматривалось как процесс, проходивший через закономерные ступени, рубежами которых считались эпохи кардинальных перемен в облике культуры, то ныне подобные “разделительные линии” трактуются скорее как условные границы, во многом связанные с пробелами в наших знаниях и неполнотой геологической летописи. Открытие серии “аномально” развитых комплексов, факт сосуществования в течение длительных отрезков времени групп индустрий, традиционно относимых к разным подразделениям палеолита, заставило переосмыслить действительную ценность устанавливаемых нами рубежей.

Непременным итогом любого регионального синтеза в прошлом выступала схема членения материала на ряд классификационных единиц, которые в западной литературе обычно именовались “фациями”, “индустриями”, “традициями” или “вариантами”, а в отечественной археологии были известны под именем “археологических культур”. При этом молчаливо предполагалось, что чем более дробно разнесены стоянки, чем в большее число “ящичков с этикетками” разложен материал, тем успешнее выполнена работа, и тем более детальными будут наши выводы. Далее производилась так называемая “интерпретация”, когда этим единицам классификации приписывался ряд свойств живых существ – “культуры” эволюционировали, мигрировали, мутировали, скрещивались и т.д. При этом подразумевалось, что за каждой единицей стоит реальная группа древних людей. В настоящее время очевидно, что данная методология, восходящая к Г. Коссине и А. Брейлю, безнадежно устарела.

Упомянувшиеся Ф. Бордом три школы палеолитоведения продолжают свое существование, но в значительно измененном облике. Так, богатая кадрами и традициями французская археология по–прежнему занимает доминирующее положение в Европе (см. Васильев, 1997, 2007). Здесь ныне преобладает подход, который можно обозначить как “контекстно–технологический”. Он сформировался в основном под влиянием идей А. Леруа–Гурана. Важнейшими темами изучения палеолита считаются:

1. Анализ каменного инвентаря с технологической точки зрения, нацеленный на реконструкцию процессов производства, использования и переоформления орудий, представляемых графически в виде “операционных цепочек”;
2. Изучение планиграфии стоянок и структур обитания, реконструкция систем расселения и хозяйства древнего человека;
3. Исследование соотношения стоянок и источников сырья, прослеживание связей памятников по этому параметру, оценка влияния сырья на облик индустрии.

Традиционную стратиграфо–типологическую линию продолжают лишь отдельные археологи, в основном ориентированные на Институт палеонтологии человека; есть у них последователи и в других европейских странах.

Американское палеолитоведение (см. Васильев, 2004) оказывает в наше время все более заметное влияние не только на связанные с ним сообщества англоязычных археологов, но практически на всю мировую науку. Основной акцент представители данной школы делают на следующие темы:

1. Проблемы культурной эволюции и расселения древнейшего человека по планете в связи с изменениями природной среды;
2. Реконструкцию хозяйственной деятельности в палеолите с широким привлечением этноархеологических и археозоологических методик, комплексное исследование групп стоянок и палеоландшафта;
3. Планиграфический анализ с использованием статистики;
4. Изучение причин вариабельности палеолитических индустрий (причем особое внимание уделяется таким факторам как технология, функциональные особенности памятника и роль сырья);
5. Геоархеологические исследования, нацеленные на воссоздание процессов формирования и разрушения культуросодержащих отложений.

Как мы видим, круг интересов французских и американских археологов становится все более близким. Отметим другую общую черту современной мировой археологии – огромную роль внедрения методов информатики, охватывающих различные звенья исследования. Особое положение занимает британская археология, испытывающая разнонаправленные влияния, идущие из Франции и из–за океана (см. Васильев, 2000).

Говоря о мировом палеолитоведении, нельзя не упомянуть о существовании своеобразных школ археологии Восточной Азии – Китая и Японии (см. Chen Chun, 1989; Bleed, 1989). Хотя все большее число исследователей этих стран вовлекается в международное сотрудничество, здесь по–прежнему в качестве основной задачи археолога рассматривается установление дробной хронологии и периодизации памятников. Несмотря на широкое заимствование разработанных на западе частных методов, в первую очередь естественнонаучных, теоретические аспекты археологии как будто игнорируются.

Особый путь прошла наука о древнейшем человеке в нашей стране. Начав свое формирование в 80е г.г. XIX в. в рамках эволюционной парадигмы, русская археология уже в начале XX в. вышла на уровень мировой науки, создав собственную терминологию для описания индустрий и заложив основы ряда направлений научного поиска в области периодизации и культурного расчленения древнего каменного века Восточной Европы и Сибири. Формируется своеобразная палеоэтнологическая школа (Д.Н. Анучин, Ф.К. Волков), близкая по духу американской общей антропологии, в рамках которой совершился переход от однолинейных моделей развития древнейшей культуры к изучению многообразия вариантов палеолита, опознанию особенностей российских материалов (П.П. Ефименко).

Данные линии исследования были органически продолжены в 1920е г.г. Русская палеоэтнология этого времени наметила ряд принципиально новых моментов, во многом опередив развитие мировой науки. К ним относятся совершенствование полевой методики (изучение планиграфического распределения остатков, оригинальные приемы вскрытия и фиксации культурных слоев, как на стоянках открытого типа, так и в пещерах, открытие феномена палеолитических жилищ), интерес к технологическому анализу каменных индустрий, выработка методов статистической обработки массового материала (Г.А. Бонч–Осмоловский, М.Я. Рудинский). В области обобщения данных заслуживает внимания выделение локальных археологических культур в верхнем палеолите и изучение связи ранних этапов развития человека с изменениями природной среды (В.А. Городцов, П.П. Ефименко, Г.А. Бонч–Осмоловский).

Переломные события начала 1930х г.г. сдвинули акценты в проблематике. На первый план вышли такие моменты как реконструкция облика палеолитических жилищ и поселений, функциональная интерпретация каменных орудий, изучение палеолитического искусства в его социальном контексте. Была разработана оригинальная стадияльная версия развития палеолитической культуры, в которой особое значение придавалось исследованию проблемы культурных изменений у автохтонного населения под влиянием сдвигов в хозяйственной деятельности и социальной организации (П.П. Ефименко, В.И. Равдоникас, П.И. Борисковский, С.Н. Замятнин, С.А. Семенов).

В 1950е г.г. в ходе ожесточенных дискуссий стадияльная концепция уступает место партикулярным культурно–историческим моделям, основанным на понятии локальной археологической культуры как центральной (А.Н. Рогачев, Г.П. Григорьев, В.П. Любин, З.А. Абрамова). Такие построения господствовали в 1960–1980е г.г., однако в дальнейшем накопление фактического материала заставило поставить вопрос о сложном, многокомпонентном характере вариации каменного инвентаря и необходимости учета воздействия таких факторов как облик и доступность сырья, функционально–технологические особенности памятников и их участков и т.д.

Для современного этапа развития палеолитоведения в России характерна диверсификация подходов и сближение с практикой мировой археологической науки. Это проявляется в попытках рассмотрения индустрий в технологическом аспекте, археозоологическом анализе фаунистических комплексов, георхеологическом исследовании процессов формирования и разрушения культурного слоя и др.

Проведенное исследование показывает, что, несмотря на относительную изоляцию в рамках национальных школ, ход событий в мировой науке о палеолите демонстрирует во многом параллельное развитие. На мой взгляд, это свидетельствует о наличии определенных закономерностей познания древнейшего прошлого человечества. К ним стоит отнести в первую очередь “пульсирующий” характер проблематики, трактуемой в качестве центральной в каждый исторический период. Имеется в виду попеременное фокусирование интересов исследователей то в области таксономии и классификации, то в сфере реконструкции и интерпретации. Если в России период 1920х г.г. характеризуется интересом к классификационным проблемам, то в 1930е г.г. во главу угла ставятся вопросы реконструкции палеолита, а с 1960х г.г. практически по настоящее время вновь доминирует

классификационная тематика. Иное дело на западе, где до 1960х г.г. таксономические штудии привлекали наибольшее внимание, и лишь позднее научные интересы смещаются в сферу реконструкции.

Если сопоставлять исторический путь русской доисторической археологии с развитием американской археологии (Willey, Sabloff, 1980), то мы убедимся в различном чередовании сходных по сути периодов. В США археология от ранних версий спекулятивного периода перешла в стадии классификационно-описательного (конец XIX – начало XX в.) и классификационно-исторического (середина XX в.) периода, чтобы затем, уже с 1960х г.г. войти в фазу “объяснительного” периода. Для последнего характерно перемещение центра исследовательских интересов с восстановления хронологии и культурной таксономии на познание процессов и явлений прошлого в терминах общественных наук. В России “классификационный” период рано, уже с начала 1930х г.г. сменяется “объяснительным”, чтобы затем вновь уступить место господству классификационных разработок.

При этом интересно отметить повтор в каждый период набора стандартных обвинений в адрес представителей противоположной точки зрения. Всякий раз во время доминирования “объяснительных” концепций, адепты “строгой археологии” получают упреки в формализме, отрыве изучения артефактов от древнего общества, конструировании самоценных типологий и т.д. Напротив, в эпохи господства классификационных версий сторонники “реконструктивного” подхода обвиняются в навязывании археологическому материалу схем, заимствованных из других областей знания (истории, этнологии, социологии), забвении интересов собственной науки во имя эффективных, но всегда спорных построений.

Другая любопытная закономерность – последовательное доминирование в науке то “объединителей” (lumpers), нацеленных на выделение генеральных черт развития культуры на больших хронологических отрезках и в обширных регионах, то “дробителей” (splitters), стремящихся детально расчлнить материал на мелкие локально-хронологические ячейки. Если анализировать развитие русской доистории в этом аспекте, то до середины 1950х г.г. безусловно, господствовали “объединители” (как эволюционисты, так и стадиялисты предпочитали обрисовывать развитие палеолита “широкими мазками”, выделяя крупные периоды, эпохи, культурные области). С преобладанием локально-культурного подхода наступает пора “дробителей”. Апогей этого – работы Г.П. Григорьева 1960х г.г., в которых весь мир палеолита предстает в виде совокупности мелких разграниченных локальных культур. И лишь с 1980х г.г. появляются новые веяния, знаменующие собой возрождение интереса к проблеме периодизации. Таким образом, произошла актуализация подходов, считавшихся ранее устаревшими. Это “несовпадение по фазе” развития доистории в России и на западе привело то к опережению, то к отставанию одной или другой группы исследователей по конкретным направлениям научного поиска.

При сравнении современной российской и зарубежной археологии палеолита можно выявить немало сходств и различий. Прежде всего, следует отметить, что отечественная ориентация исследований гораздо ближе европейской традиции изучения палеолита как древнейшей составляющей национального прошлого страны, чем к американской с ее антропологическим подходом и тенденцией рассматривать конкретные материалы в качестве полигона для проверки гипотез общего плана (Dennell, 1990; Clark, 1991). Различия между американской и российской археологией в основном лежат в сфере методологии. Если американский археолог, воспитанный в духе общей антропологии, скорее склонен к проблемно-установочной процедуре, заимствованной из естественных наук, то иначе обстоит дело в России. Здесь в качестве исходного пункта и мотива для проведения исследования выступает по большей части сама стоянка или территория, подлежащая обследованию. Это чисто гуманитарный поход, ставящий во главу угла доисторические памятники как часть национального культурного и исторического наследия. Основной задачей при этом выступает реконструкция на основе археологических данных хода уникальной региональной культурной истории. Археологические классификационные единицы выступают, таким образом, как своего рода аналоги народов древности, а археология в целом стремится к созданию некоего суррогата истории для периодов, не освещенных письменными источниками (об этой черте европейского подхода см. Clark, Lindley, 1991). Отсюда понятна как сохраняющаяся тяга к этнической интерпретации археологических культур, так и крен в сторону выделения локальных культурных единиц, акцентированию сугубо местных особенностей развития.

Здесь же лежат корни и большей “артефактности” русской археологии, сосредоточенности на анализе наборов каменного инвентаря. Эта “артефактность” однако не привела ни к созданию стандартных типологий, сопоставимых с французскими схемами, ни к упорядочению номенклатуры на русском языке. Следует упомянуть также заметную разницу в манере подачи материала в публикациях. В России до сих пор принят традиционный расплывчатый гуманитарный стиль описания с

предпочтением качественных характеристик. Сухой американский стиль, сводящий основную информацию в таблицы и диаграммы, кажется чуждым.

Несмотря на все веяния последних лет, в русской доистории господствует пока по сути традиционный культурно–исторический подход. По–прежнему большинство исследователей трактует комплексы каменного инвентаря как статичные хранилища культурной информации, влияние же на их состав технологических процессов, характера сырья, функциональных особенностей памятников и т.д. неизменно преуменьшается или игнорируется. Экологический подход к изучению палеолита с большим трудом пробивает себе дорогу.

По сравнению с другими школами изучения палеолита, русская отличается отсутствием ряда базовых изданий, имеющих принципиальное значение для любой национальной археологической школы. Более полувека назад П.И. Борисковский (1953, С. 181) впервые заговорил о необходимости разработки специального пособия по полевой археологии палеолита. Осталась не реализованной и многократно высказанная тем же П.И. Борисковским (1971, С. 32) идея создания “нормативного терминологического справочника” по изучению каменных орудий. Такие работы имеются на всех основных европейских языках. Корпус отечественной археологической литературы до сих пор страдает от отсутствия специального издания подобного плана. Прошло уже более 20 лет с выпуска в свет последней сводки по древнекаменному веку нашей страны (Борисковский, 1984), а нового издания подобного типа пока не видно. Правда, удалось издать первый современный учебник по археологии палеолита (Деревянко, Маркин, Васильев, 1994) и многоязычный словарь–справочник (Васильев и др., 2007). Начат выпуск серии пособий “Сибирская полевая археологическая школа” (Волков, 2006; Воробьева, Бердникова, 2007), появилось введение в изучение первобытного искусства, включая палеолит (Шер, 2006), современные оригинальные книги по проблеме происхождения человека (Вишняцкий, 2004, 2005а), общий очерк доистории (Вишняцкий, 2005б). Издан полный каталог палеоантропологических находок эпохи палеолита на территории России и сопредельных стран (Герасимова, Астахов, Величко, 2007).

Другая отличительная черта нашей археологии – абсолютное преобладание работ регионального характера и монографических изданий памятников при крайне незначительном числе проблемных и тематических трудов. Недостаточность печатной базы привела к различной структуре презентации археологического материала у нас и на западе. В России запасы неопубликованных фактов и идей гораздо более обширны, соответственно письменная и устная форма презентации имеют иное соотношение. Так, на большинстве западных научных конференций докладчики представляют в основном данные, уже предварительно “обкатанные” в статьях. В России же устная форма передачи информации играет большую роль, как в процессе обучения студентов, так и в профессиональной среде.

Однако есть немало моментов иного плана. Я имею в виду реальные преимущества отечественного палеолитоведения, знакомство с которыми могло бы обогатить западную науку. Не будем забывать, что, в отличие от упомянутых школ доистории Китая и Японии, русская, несмотря на отмеченные выше различия, остается хоть и своеобразной, но частью европейской науки. К числу безусловных достоинств российской школы относится ее широта, стремление к глобальному анализу имеющихся в нашем распоряжении материалов. Если добавить к этому, несомненно, большую степень информированности русских коллег о достижениях западной археологии, то перспектива взаимовыгодного сотрудничества очевидна. Далее, в российской археологии наиболее разработанным оказался раздел, связанный с рассмотрением развития культуры в пространственном (а не временном, как во Франции) аспекте, и соответствующая понятийная система.

В свою очередь, “русский взгляд” на современную зарубежную археологию способен выявить ряд уязвимых пунктов. Речь идет о проблеме взаимодействия древнего общества и среды, обычно постулируемой как основная цель исследования. Можно назвать лишь небольшое число работ, где данная тема действительно связана с конкретным материалом, а не служит поводом для рассуждений спекулятивного плана. Во многих случаях господствуют упрощенные детерминистские модели, априорно трактующие сдвиги в культуре, различия в концентрации памятников на местности и т.д. как результат воздействия среды, при этом причинно–следственные связи остаются в тени. Интерес к общим проблемам палеолита конечно отраден, однако даже беглое знакомство с литературой убеждает в том, что за громкими заголовками часто скрываются стандартные и довольно скромные по реальному охвату проекты. Так что ряд различий русской и американской школ лежат просто в области терминологии и структуры презентации материала. Иногда создается впечатление, что проблемная установка и ориентация на проверку гипотез не более чем искусственная приставка к обычной устоявшейся схеме археологического исследования.

Если сравнивать российскую школу с другими национальными сообществами исследователей палеолита, то отечественная археология по широте и разнообразию интересов близка американской, в то же время сосредоточенность на анализе археологических источников роднит ее с классической французской. Все это создает между основными школами доистории отношения дополнительности, что служит, на мой взгляд, базой для перспективного сотрудничества. Подобное “многоцветье” научных школ является при условии налаженного обмена информацией хорошим стимулом к взаимному обогащению методами и идеями, что демонстрирует, например, история взаимодействия французской и американской археологии (Jelinek, 1986; Straus, 2002). Распространенная сейчас “интернационализация” научных направлений ведет к постепенному стиранию граней между собственно национальными школами и вероятно в археологии будущего разграничительные линии будут проходить не по государственным и языковым границам, а по методологическим направлениям поиска. Это приблизит структуру мировой археологии к более продвинувшимся в своем развитии областям научного знания.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамова З. А.* Палеолитическое искусство на территории СССР. САИ, вып. А4–3. М.–Л.: Наука, 1962.
- Абрамова З. А.* Изображения человека в палеолитическом искусстве Евразии. М.–Л.: Наука, 1966а.
- Абрамова З. А.* Локальные особенности палеолитических культур Сибири // VII Международный Конгресс доисториков и протоисториков. Доклады и сообщения археологов СССР. М.: Наука, 1966б, С. 46–55.
- Абрамова З. А.* Археологические культуры в палеолите Северной Азии и южно–сибирская культурная область // Соотношение древних культур Сибири с культурами сопредельных территорий. Новосибирск: ГПНТБ, 1975, С. 19–29.
- Абрамова З. А.* Палеолит Енисея. Афонтовская культура. Новосибирск: Наука, 1979а.
- Абрамова З. А.* Палеолит Енисея. Кокоревская культура. Новосибирск: Наука, 1979б.
- Абрамова З. А.* Поздний палеолит Азиатской части СССР // Палеолит СССР. Археология СССР. М.: Наука, 1984, С. 302–346.
- Абрамова З. А.* О некоторых особенностях палеолитических женских статуэток Сибири // Антропоморфные изображения. Новосибирск: Наука, 1987, С. 28–36.
- Абрамова З. А.* Палеолит Северной Азии // Палеолит Кавказа и Северной Азии. Палеолит мира. Л.: Наука, 1989, С. 145–243.
- Абрамова З. А.* Верхнепалеолитическое поселение Юдиново, вып. 1. СПб.: ИИМК РАН, 1995.
- Абрамова З. А.* Животное и человек в палеолитическом искусстве Европы. СПб.: Европейский дом, 2005.
- Абрамова З. А., Астахов С. Н., Васильев С. А. и др.* Палеолит Енисея. Л.: Наука, 1991.
- Абрамова З. А., Гречкина Т. Ю.* Культурный слой как отражение определенной конкретно–исторической реальности // КСИА, № 202, 1990, С. 9–12.
- Абрамова З. А., Григорьева Г. В.* Верхнепалеолитическое поселение Юдиново, вып. 3. СПб.: ИИМК РАН, 1997.
- Абрамова З. А., Григорьева Г. В., Кристенсен М.* Верхнепалеолитическое поселение Юдиново, вып. 2. СПб.: ИИМК РАН, 1997.
- Айналов Д. А.* Первоначальные шаги европейского искусства // СГАИМК, вып. II, 1929, С. 416–449.
- Акимова Е. В., Дроздов Н. И., Лаухин С. А. и др.* Палеолит Енисея. Лиственка. Красноярск: Изд–во КГПУ, 2005.
- Аксенов М. П.* Многослойный археологический памятник Макарово II // ДИНЮВС, вып. 1, 1974, С. 91–126.
- Аксенов М. П.* (Ред.) Мезолит Верхнего Приангарья, ч. 2. Иркутск: Изд–во ИГУ, 1980.
- Аксенов М. П.* Аппликативный метод в анализе археологических источников // Описание и анализ археологических источников. Иркутск: Изд–во ИГУ, 1981, С. 34–43.
- Александрова М. В.* Некоторые замечания по теории палеолитического культурного слоя // КСИА, № 202, 1990, С. 4–8.
- Алексеев А. Н.* Каменный век Олекмы. Иркутск: Изд–во ИГУ, 1987.
- Алексеев М. Н., Иванова И. К., Нейштадт М. И.* (Ред.) XI Конгресс INQUA. Итоги и перспективы. М.: Наука, 1985.
- Алексеева Т. И., Бадер Н. О.* (Ред.) Homo sungirensis. Верхнепалеолитический человек: экологические и эволюционные аспекты исследования. М.: Научный мир, 2000.
- Алекшин В. А.* Новые данные о мустьерских погребениях Ближнего Востока // АВ, № 3, 1994, С. 136–143.
- Алиман А.* Доисторическая Африка. М.: Изд–во иностранной литературы, 1960.
- Алпатов В. М.* История одного мифа. Марр и марризм. М.: Наука, 1991.
- Алтысбаев Х. А.* Памятники нижнего палеолита Южного Казахстана. Алма–Ата: Наука, 1979.
- Амирханов Х. А.* Верхний палеолит Прикубанья. М.: Наука, 1986.
- Амирханов Х. А.* Палеолит юга Аравии. М.: Наука, 1991.
- Амирханов Х. А.* Зарайская стоянка. М.: Научный мир, 2000.
- Амирханов Х. А.* Каменный век Южной Аравии. М.: Наука, 2006.
- Амирханов Х. А.* Исследование памятников олдована с Зарайской на северо–восточном Кавказе. М.: Таус, 2007.
- Амирханов Х. А., Лев С. Ю.* Статуэтка бизона с Зарайской стоянки // Проблемы каменного века Русской равнины. М.: Научный мир, 2004, С. 299–321.
- Амирханов Х. А., Аникович М. В., Борзияк И. А.* О проблеме перехода от мустье к верхнему палеолиту на территории Русской равнины и Кавказа // СА, 1980, № 2, С. 5–22.

- Аникович М. В.* Совещание по вопросам классификации и номенклатуры зубчато-выемчатых орудий нижнего палеолита // СА, 1978, № 3, С. 303–307.
- Аникович М. В.* Ранняя пора верхнего палеолита Восточной Европы. Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. СПб.: ИИМК РАН, 1991.
- Аникович М. В.* Южная и юго-западная историко-культурные области Восточной Европы в позднем палеолите // КСИА, № 206, 1992, С. 34–42.
- Аникович М. В.* Основные принципы хронологии и периодизации верхнего палеолита Европы // АВ, № 3, 1994. С. 144–157.
- Аникович М. В., Анисюткин Н. К.* Охота на мамонтов в палеолите Евразии // Stratum Plus, 2001/2002, № 1, С. 479–501.
- Аникович М. В., Анисюткин Н. К., Вишняцкий Л. Б.* Узловые проблемы перехода к верхнему палеолиту в Евразии. СПб.: Нестор-История, 2007.
- Анисюткин Н. К.* К вопросу о принципах подразделения мустье // МИА, № 173, 1971, С. 167–172.
- Анисюткин Н. К.* Ранний и средний палеолит Юго-запада Европейской части СССР. Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. СПб.: ИИМК РАН, 1992а.
- Анисюткин Н. К.* Находки ручных рубил на территории Вьетнама // Хроностратиграфия палеолита Северной, Центральной, Восточной Азии и Америки. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1992б, С. 5–13.
- Анисюткин Н. К.* Мустьерская эпоха на юго-западе Русской равнины. СПб.: Европейский дом, 2001.
- Анисюткин Н. К.* Палеолитическая стоянка Стинка 1 и проблема перехода от среднего палеолита к верхнему на юго-западе Восточной Европы. СПб.: ИИМК РАН, 2005
- Анисюткин Н. К., Борзаяк И. А., Кетрару Н. А.* Первобытный человек в гротах Тринка I–III. Кишинев: Штиинца, 1986.
- Анисюткин Н. К., Исламов У. И., Крахмаль К. А. и др.* Новые исследования палеолита в Ахангароне. СПб.: ИИМК РАН, 1995.
- Анучин Д. Н.* Отчет об осмотре доисторических памятников Франции // Антропологическая выставка, т. II. М., 1879, С. 362–381.
- Анучин Д. Н.* Рец.: А. С. Уваров. Археология России. I. Каменный период. М., 1881 // ЖМНП, № 219, 1882, С. 359–408.
- Анучин Д. Н.* Новейшая классификация доисторических эпох Г. де Мортилье // Археологические известия и заметки, вып. VII, 1898а, № 1, С. 7–23.
- Анучин Д. Н.* Каменный век и доисторическое население Египта по новейшим исследованиям // Археологические известия и заметки, вып. VI, 1898б, № 3–4, С. 89–131.
- Анучин Д. Н.* Беглый взгляд на прошлое антропологии и на ее задачи в России // РАЖ, 1900, № 1, С. 25–42.
- Анучин Д. Н.* О задачах и методах антропологии // РАЖ, 1902, № 1, С. 62–88.
- Ардашев Н. Н.* Граф А. С. Уваров как теоретик археологии. М.: МАО, 1911.
- Артюхова О. А., Деревянко А. П., Петрин В. Т. и др.* Палеолитические комплексы Семизбугу, пункт 4. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2001.
- Арциховский А. В.* Новые методы археологии // Вестник коммунистической Академии, № 35–36, 1930, С. 322–325.
- Арциховский А. В., Киселев С. В., Смирнов А. П.* Возникновение, развитие и исчезновение “марксистской археологии” // СГАИМК, 1932, № 1–2, С. 46–48.
- Астахов С. Н.* Палеолит Тувы. Новосибирск: Наука, 1986.
- Астахов С. Н.* Древний палеолит Японии. СПб.: ИИМК РАН, 1999а.
- Астахов С. Н.* Палеолит Енисея. Палеолитические стоянки на Афонтовой Горе в г. Красноярске. СПб.: Европейский дом, 1999б.
- Аутлев П. У.* Абадзехская нижнепалеолитическая стоянка. Майкоп: Адыгейское книжное изд-во, 1963.
- Ауэрбах Н. К.* К вопросу о материале каменных орудий Сибири // ТСА РАНИОН, вып. IV, 1928, С. 43–47.
- Ауэрбах Н. К.* Палеолитическая стоянка Афонтова III. Труды Общества изучения Сибири и ее производительных сил, вып. 7. Новосибирск: Общество изучения Сибири, 1930.
- Бадер Н. О.* Историко-культурные области верхнепалеолитического и мезолитического времени в Восточном Средиземноморье. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М.: ИА АН СССР, 1965.
- Бадер Н. О.* Различия между верхнепалеолитическими культурами Закавказья и Ближнего Востока // Археология Старого и Нового Света. М.: Наука, 1966, С. 135–143.
- Бадер Н. О.* Поздний палеолит Загра и Имеретии // Памятники древнейшей истории Евразии. М.: Наука, 1975, С. 42–49.

- Бадер Н. О., Лаврушин Ю. А. (Ред.) Позднепалеолитическое поселение Сунгирь (погребения и окружающая среда). М.: Научный мир, 1998.*
- Бадер Н. О., Чумаков И. С. Мустьерское местонахождение Эль-Кдейр в Сирийской пустыне // СА, 1977, № 2, С. 135–141.*
- Бадер О. Н. Некоторые вопросы палеогеографии Урала и Северо-восточной Европы в свете археологических данных // Материалы по четвертичному периоду СССР, вып. 2. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1950, С. 140–149.*
- Бадер О. Н. Выступление в дискуссии // ТКИЧП, вып. XVIII, 1961, С. 253–256.*
- Бадер О. Н. Каповая пещера. М.: Наука, 1965.*
- Бадер О. Н. Сунгирь. Верхнепалеолитическая стоянка. М.: Наука, 1978.*
- Бадер О. Н. Палеолитические погребения и палеоантропологические находки на Сунгире // Сунгирь. Антропологическое исследование. М.: Наука, 1984, С. 6–13.*
- Бадер О. Н., Громов В. И., Сукачев В. Н. Верхнепалеолитическая стоянка Сунгирь. ТГИН, т. 162, 1966.*
- Бадер О. Н., Сергин В. Я. Ред.: Leroi-Gourhan A., Brézillon M. L'habitation magdalénienne n 1 de Pincevent près de Montereau (Seine-et-Marne). Paris, 1966; Leroi-Gourhan A., Brézillon M. Fouilles de Pincevent. Paris, 1972 // СА, 1976, № 3, С. 333–339.*
- Базаров Д. Б., Константинов М. В., Иметхенов А. Б. и др. Геология и культура древних поселений Западного Забайкалья. Новосибирск: Наука, 1982.*
- Барышников Г. Я., Кунгуров А. Л., Маркин М. М. и др. Палеолит Горной Шории. Барнаул: Изд-во АГУ, 2005.*
- Барышников Г. Я., Малолетко А. М. Археологические памятники Алтая глазами геологов, ч. 1. Томск: Изд-во ТомГУ, 1997.*
- Барышников Г. Я., Малолетко А. М. Археологические памятники Алтая глазами геологов, ч. 2. Барнаул: Изд-во АГУ, 1998.*
- Бейри С., Васильев С. А., Давид Ф. и др. Опыт реконструкции процесса обработки шкур (по материалам верхнепалеолитической стоянки Уй I на Енисее и этноархеологическим данным) // АЭАЕ, 2002, № 2, С. 79–86.*
- Беллвуд П. Покорение человеком Тихого Океана: Юго-Восточная Азия и Океания в доисторическую эпоху. М.: Наука. 1986.*
- Беляева В. И. Опыт создания методики описания “ножей костенковского типа” // Проблемы палеолита Восточной и Центральной Европы. Л.: Наука, 1977, С. 117–126.*
- Беляева В. И. Кремневый инвентарь Костенок I. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Л.: ЛОИА АН СССР, 1979.*
- Беляева В. И. Каменный инвентарь, традиции и среда эпохи верхнего палеолита // Культурные трансляции и исторический процесс. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1994, С. 38–48.*
- Беляева В. И. Палеолитическая стоянка Пушкари. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2002.*
- Беляева Е. В. Мустьерский мир Губского ущелья (Северный Кавказ). СПб.: Петербургское Востоковедение, 1999.*
- Бердзенишвили Н. З. Новый памятник каменного века в ущелье реки Цхалцитела (на груз. яз.). Тбилиси: Мецниереба, 1964.*
- Береговая Н. А. Палеолитические местонахождения СССР. МИА, № 81, 1960.*
- Береговая Н. А. Палеолитические местонахождения СССР (1958–1970). Л.: Наука, 1984.*
- Березин Н. И. Справочник по палеолиту СССР. Л.: Изд-во АН СССР, 1936.*
- Бибиков С. Н. Некоторые аспекты палеоэкономического моделирования палеолита // СА, 1969, № 4, С. 5–22.*
- Бибиков С. Н. Древнейший музыкальный комплекс из костей мамонта. Очерк материальной и духовной культуры палеолитического человека. Киев: Наукова Думка, 1981.*
- Бибиков С. Н., Станко В. Н., Коен В. Ю. Финальный палеолит и мезолит Горного Крыма. Одесса: Весть, 1994.*
- Богаевский Б. Л. Доистория и этнология в работах проф. Освальда Менгина // Человек, 1928, № 2–4, С. 187–216.*
- Богаевский Б. Л. Техника первобытнокоммунистического общества. История техники, т. 1. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1936.*
- Бонч-Осмоловский Г. А. К вопросу об эволюции древне-палеолитических индустрий // Человек, 1928, № 2–4, С. 147–186.*
- Бонч-Осмоловский Г. А. Изучение четвертичного периода // Вестник АН СССР, 1931а, № 7, С. 14–19.*
- Бонч-Осмоловский Г. А. О нарезках на палеолитических костях // СГАИМК, 1931б, № 8, С. 25–27.*

- Бонч-Осмоловский Г. А.* О комплексном изучении четвертичного периода // СГАИМК, 1932а, № 3–4, С. 44–49.
- Бонч-Осмоловский Г. А.* Секция по изучению ископаемого человека // Труды II Международной конференции АИЧПЕ, вып. 4. Л.–М.: ГНТГНИ, 1932б, С. 72–83.
- Бонч-Осмоловский Г. А.* Итоги изучения крымского палеолита // Труды II Международной конференции АИЧПЕ, вып. 5. Л.–М.: ГНТГНИ, 1934а, С. 114–173.
- Бонч-Осмоловский Г. А.* 10 лет советских работ по палеолиту // Природа, 1934б, № 2, С. 60–64.
- Бонч-Осмоловский Г. А.* Палеолит Крыма, вып. 1. Грот Киик–Коба. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1940.
- Борзьяк И. А., Григорьева Г. В., Кетрару Н. А.* Поселения древнекаменного века на северо-западе Молдавии. Кишинев: Штиинца, 1981.
- Борисковский П. И.* Методология А. Вайзона // СГАИМК, 1931, № 7, С. 17–20.
- Борисковский П. И.* К вопросу о стадиальности в развитии верхнего палеолита. ИГАИМК, т. 14, № 4, 1932.
- Борисковский П. И.* Рец.: L. S. B. Leakey. The Stone Age of Kenya colony. Cambridge, 1931 // ПИМК, 1933, № 7–8, С. 61–62.
- Борисковский П. И.* Об изучении нижнепалеолитических материалов // ПИДО, 1934, № 2, С. 63–69.
- Борисковский П. И.* Исторические предпосылки оформления так называемого Homo Sapiens // ПИДО, 1935, № 1–2, С. 5–46; № 5–6, С. 3–36.
- Борисковский П. И.* Палеолитическая стоянка Боршево II // МИА, № 2, 1941, С. 37–60.
- Борисковский П. И.* Начальный этап первобытного общества. Л.: Изд-во ЛГУ, 1950а.
- Борисковский П. И.* Позднепалеолитические памятники Восточно-европейской равнины и проблемы их исторического освещения // Материалы по четвертичному периоду СССР, вып. 2. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1950б, С. 107–117.
- Борисковский П. И.* Палеолит Украины. МИА, № 40, 1953.
- Борисковский П. И.* Вопросы периодизации палеолита // СА, т. XXI, 1954, С. 30–37.
- Борисковский П. И.* Некоторые вопросы развития позднепалеолитической культуры Русской равнины // МИА, № 57, 1957а, С. 174–190.
- Борисковский П. И.* Очерки по палеолиту Центральной и Юго-Восточной Европы, ч. 1 // СА, т. XXVII, 1957б, С. 29–70.
- Борисковский П. И.* Изучение палеолитических жилищ в Советском Союзе // СА, 1958, № 1, С. 3–19.
- Борисковский П. И.* Очерки по палеолиту Центральной и Юго-Восточной Европы, ч. 2 // СА, т. XXIX–XXX, 1959, С. 5–41.
- Борисковский П. И.* Очерки по палеолиту бассейна Дона. МИА, № 121, 1963.
- Борисковский П. И.* Первобытное прошлое Вьетнама. М.–Л.: Наука, 1966.
- Борисковский П. И.* К изучению палеолита советскими археологами // КСИА, № 118, 1969, С. 7–12.
- Борисковский П. И.* Древний каменный век Южной и Юго-Восточной Азии. Л.: Наука, 1971.
- Борисковский П. И.* (Ред.) Возникновение человеческого общества. Палеолит Африки. Палеолит мира. Л.: Наука, 1977.
- Борисковский П. И.* (Ред.) Палеолит Ближнего и Среднего Востока. Палеолит мира. Л.: Наука, 1978.
- Борисковский П. И.* Древнейшее прошлое человечества. Л.: Наука, 1979.
- Борисковский П. И.* (Ред.) Палеолит СССР. Археология СССР. М.: Наука, 1984а.
- Борисковский П. И.* Галечные орудия в палеолите Индокитая // Проблемы исследования каменного века Евразии. Красноярск: Изд-во КГУ, 1984б, С. 44–46.
- Борисковский П. И.* Палеолитические стоянки на территории Курска // БКИЧП, № 55, 1986, С. 64–81.
- Борисковский П. И.* Палеолит и мезолит Юго-Восточной Азии // Очерки тихоокеанской археологии. Владивосток: Изд-во ДВГУ, 1988, С. 14–59.
- Борисковский П. И.* (Ред.) Палеолит Кавказа и Северной Азии. Палеолит мира. Л.: Наука, 1989а.
- Борисковский П. И.* Петр Петрович Ефименко. Воспоминания ученика // СА, 1989б, № 3, С. 253–259.
- Борисковский П. И.* (Ред.) Палеолит Центральной и Восточной Азии. Палеолит мира. СПб.: Наука, 1994.
- Борисковский П. И.* Палеолит Большой Австралии // Каменный век тихоокеанских побережий. Владивосток: Изд-во ДВУ, 1996, С. 8–54.
- Борисковский П. И., Праслов Н. Д.* Палеолит бассейна Днепра и Приазовья. САИ, вып. А1–5, 1964.
- Борисковский П. И., Соловьев В. В.* Новые материалы по каменному веку Гвинеи // Сборник МАЭ, т. XXXI, 1975, С. 124–162.
- Бромлей Ю. В.* (Ред.) История первобытного общества. Общие вопросы. Проблемы антропогенеза. М.: Наука, 1983.

- Бромлей Ю. В.* (Ред.) История первобытного общества. Эпоха первобытнородового общества. М.: Наука, 1986.
- Брюсов А. Я.* Рец.: Происхождение человека и древнее расселение человечества. ТИЭ, н.с., т. XVI, М., 1951 // ВДИ, 1953, № 2, С. 111–117.
- Брюсов А. Я.* Рец.: П. П. Ефименко. Первобытное общество. Киев, 1953 // ВДИ, 1954, № 1, С. 52–56.
- Быковский С. Н.* О предмете истории материальной культуры // СГАИМК, 1932, № 1–2, С. 3–6.
- Бэр, Шифнер.* Предисловие // Северные древности Королевского Музея в Копенгагене, отобранные и объясненные профессором Копенгагенского Университета И. И. А. Ворсо. СПб.: Изд-во Императорской АН, 1861, С. I–XI.
- Ван Нотен Ф.* (Ред.) Археология Центральной Африки. М.: Наука, 1986.
- Васильев С. А.* Поздний палеолит Верхнего Енисея. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1996.
- Васильев С. А.* Современная французская археология палеолита // Проблемы археологии каменного века. Уссурийск: УГПИ, 1997, С. 2–29.
- Васильев С. А.* Современная британская археология палеолита // АВ, № 7, 2000, С. 346–350.
- Васильев С. А.* Изучение палеолита в России: прошлое, настоящее и перспективы на будущее // Stratum Plus, 2001/2002, № 1, С. 21–170.
- Васильев С. А.* Древнейшие культуры Северной Америки. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2004.
- Васильев С. А. С. А. Семенов как теоретик археологии* // АВ, № 13, 2006, С. 363–368
- Васильев С. А.* Французская археология палеолита: новые открытия, новые тенденции // АВ, № 14, 2007, С. 233–236.
- Васильев С. А., Абрамова З. А., Григорьева Г. В. и др.* Поздний палеолит Северной Евразии: палеоэкология и структура поселений. СПб.: ИИМК РАН, 2005.
- Васильев С. А., Бозински Г., Бредли Б. и др.* Четырехязычный (русско–англо–франко–немецкий) словарь–справочник по археологии палеолита. СПб.: Петербургское востоковедение, 2007.
- Васильевский Р. С.* (Ред.) Алексей Павлович Окладников. Материалы к биобиблиографии ученых СССР. Серия истории, вып. 13. М.: Наука, 1981.
- Васильевский Р. С.* Леваллуазские традиции в каменных индустриях Северной Азии и Северной Америки // Позднеплейстоценовые и раннеголоценовые культурные связи Азии и Америки. Новосибирск: Наука, 1983, С. 27–36.
- Васильевский Р. С., Бурилов В. В., Дроздов Н. И.* Археологические памятники Северного Приангарья. Новосибирск: Наука, 1988.
- Васильевский Р. С., Гладышев С. А.* Верхний палеолит Приморья. Новосибирск: Наука, 1989.
- Васильевский Р. С., Крупяно А. А., Табарев А. В.* Генезис неолита на юге Дальнего Востока России. Владивосток: Изд-во ДВГУ, 1997.
- Васильевский Р. С., Лавров Е. Л., Чан Су Бу.* Культуры каменного века Северной Японии. Новосибирск: Наука, 1982.
- Векилова Е. А.* Каменный век Крыма. Некоторые итоги и проблемы // МИА, № 173, 1971, С. 117–161.
- Величко А. А.* Геологический возраст верхнего палеолита центральных районов Русской равнины. М.: Изд-во АН СССР, 1961.
- Величко А. А.* (Ред.) Археология и палеогеография раннего палеолита Крыма и Кавказа. М.: Наука, 1978.
- Величко А. А.* (Ред.) Археология и палеогеография позднего палеолита Русской равнины. М.: Наука, 1981.
- Величко А. А., Гвоздовер М. Д.* Роль природной среды в развитии первобытного общества // Природа и развитие первобытного общества на территории Европейской части СССР. М.: Наука, 1969, С. 227–237.
- Величко А. А., Грехова Л. В., Грибченко Ю. Н. и др.* Первобытный человек в экстремальных условиях среды. Стоянка Елисеевичи. М.: ИГ РАН, 1997.
- Величко А. А., Грехова Л. В., Губонина В. П.* Среда обитания первобытного человека Тимоновских стоянок. М.: Наука, 1977.
- Величко А. А., Соффер О. А.* (Ред.) Человек заселяет планету Земля. Глобальное расселение гоминид. М.: ИГ РАН, 1997.
- Верещагин Н. К.* Охота первобытного человека и вымирание плейстоценовых млекопитающих в СССР // ТЗИН, т. 49, 1971, С. 200–232.
- Верещагин Н. К., Кузьмина И. Е.* Остатки млекопитающих из палеолитических стоянок на Дону и Верхней Десне // ТЗИН, т. 72, 1977, С. 77–99.
- Виноградов А. В.* Себильская культура в районе Дакки // Древняя Нубия. М.–Л.: Наука, 1964, С. 69–82.

- Виноградов А. В.* Исследование памятников каменного века в Северном Афганистане // Древняя Бактрия, вып. 2, М.: Наука, 1979, С. 7–62.
- Вишняцкий Л. Б.* Доисторический человек в России (каменный век) // Г. Ф. Осборн. Человек древнего каменного века. Среда, жизнь, искусство. Л.: Путь к знанию, 1924, С. 439–506.
- Вишняцкий Л. Б.* “Забегание вперед” в развитии палеолитических индустрий: явление и его интерпретация // ПАВ, 1993, № 4, С. 7–16.
- Вишняцкий Л. Б.* Палеолит Средней Азии и Казахстана. СПб.: Европейский Дом, 1996.
- Вишняцкий Л. Б.* Человек в лабиринте эволюции. М.: Весь мир, 2004.
- Вишняцкий Л. Б.* История одной случайности или происхождение человека. Фрязино: Век 2, 2005а.
- Вишняцкий Л. Б.* Введение в преисторию. 2е изд. Кишинев: ВАШ, 2005б.
- Вишняцкий Л. Б.* Культурная динамика в середине позднего плейстоцена и причины верхнепалеолитической революции. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008.
- Воеводский М. В.* К вопросу о ранней (свидерской) стадии эпипалеолита на территории Восточной Европы // Труды II Международной конференции АИЧПЕ, вып. 5. Л.–М.: ГНТГНИ, 1934, С. 230–244.
- Воеводский М. В.* Ранний палеолит Русской равнины // УЗ МГУ. Труды Музея антропологии, т. 115, 1948а, С. 127–168.
- Воеводский М. В.* К методике раскопок открытых палеолитических стоянок // Доклады и сообщения истфака МГУ, вып. 7, 1948б, С. 82–86.
- Воеводский М. В.* Палеолитическая стоянка Рабочий Ров (Чулатово II) // УЗ МГУ, т. 158, 1952, С. 101–132.
- Волков П. В.* Опыт реконструкции мастерских по расщеплению камня // Материальная культура и проблемы археологической реконструкции. Новосибирск: ИИФиФ СО АН СССР, 1991, С. 69–88.
- Волков П. В.* Экспериментальные исследования отопительных костров древности // Методология и методика археологических реконструкций. Новосибирск: ИАЭт СО РАН, 1994, С. 105–112.
- Волков П. В.* Трасологические исследования в археологии Северной Азии. Новосибирск: ИАЭт СО РАН, 1999.
- Волков П. В.* Экспериментальная археология. Новосибирск: НГУ, 2006.
- Волков Ф. К.* Новейшие направления в антропологических науках и ближайшие задачи антропологии в России // Ежегодник Русского антропологического Общества, т. IV, 1913а, С. 1–8.
- Волков Ф. К.* Палеолит в Европейской России и стоянка в селе Мезине Черниговской губ. // Записки Отделения русской и славянской археологии РАО, т. IX, 1913б, С. 299–306.
- Волков Ф. К.* Антропология и ее университетское преподавание // Ежегодник Русского антропологического Общества, т. V, 1915, С. 99–107.
- Воробьева Г. А., Бердникова Н. Е.* Картография для археологов. Иркутск: Изд-во “Оттиск”, 2007.
- Воробьева Г. А., Медведев Г. И.* Плейстоцен–голоценовые отложения и почвы археологических памятников юга Средней Сибири, ч. 1. Иркутск: Изд-во ИГУ, 1984.
- Галимова М. Ш.* Памятники позднего палеолита и мезолита в устье р. Камы. М.: Янус-К, 2001.
- Гаммерман А. Ф.* Результаты исследования четвертичной флоры по остаткам древесного угля // Труды II Международной конференции АИЧПЕ, вып. 5. Л.–М.: ГНТГНИ, 1934, С. 60–74.
- Гарден Ж. К.* Теоретическая археология. М.: Прогресс, 1983.
- Гвоздовер М. Д.* Специализация охоты и характер кремневого инвентаря верхнего палеолита // Первобытный человек, его материальная культура и природная среда в плейстоцене и голоцене. М.: ИГ АН СССР, 1974, С. 48–52.
- Гвоздовер М. Д.* Типология женских статуэток костенковской палеолитической культуры // ВА, № 75, 1985, С. 27–66.
- Гвоздовер М. Д.* Археологический контекст женских статуэток костенковской верхнепалеолитической культуры // Проблемы интерпретации археологических источников. Орджоникидзе: Изд-во СОГУ, 1987, С. 18–33.
- Гвоздовер М. Д., Григорьев Г. П.* О фациальности в верхнем палеолите // КСИА, № 141, 1975, С. 12–17.
- Гвоздовер М. Д., Григорьев Г. П.* Новое в методике раскопок открытых стоянок верхнего палеолита // КСИА, № 202, 1990, С. 21–23.
- Гвоздовер М. Д., Григорьев Г. П., Деоник Д. В. и др.* Морфологическое описание пластинок с притупленным краем и статистический анализ их совокупности на этой основе // ДИНЮВС, вып. 1, 1974, С. 7–59.
- Гвоздовер М. Д., Деоник Д. В.* Опыт классификации каменных орудий // Типология основных элементов традиционной культуры. М.: Наука, 1984, С. 115–200.

- Генералов А. Г.* Геоархеологический объект Стрижовая Гора. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2000.
- Генинг В. Ф., Петрин В. Т.* Позднепалеолитическая эпоха на юге Западной Сибири. Новосибирск: Наука, 1985.
- Герасимов И. П.* (Ред.) Лесс-перигляциал-палеолит на территории Средней и Восточной Европы. М.: ВИНТИ, 1969.
- Герасимов М. М.* Мальта – палеолитическая стоянка. Иркутск: ИРГМ, 1931.
- Герасимов М. М.* Обработка кости на палеолитической стоянке Мальта // МИА, № 2, 1941, С. 65–85.
- Герасимов М. М.* Люди каменного века. М.: Наука, 1964.
- Герасимов М. М.* Памятники дорогового общества Прибайкалья. Иркутск: Изд-во “Оттиск”, 2007.
- Герасимова М. М., Астахов С. Н., Величко А. А.* Палеолитический человек, его материальная культура и природная среда обитания. СПб.: Нестор-История, 2007.
- Герета И. П., Грибович Р. Т., Мацкевой Л. Г. и др.* Археологічні пам'ятки Прикарпаття і Волини кам'яного віку. Київ: Наукова Думка, 1981.
- Гернес М.* Культура доисторического прошлого, ч. 1. Каменный век. М.: Фарос, 1913.
- Гинзбург Е. Х., Горенштейн Н. М., Ранов В. А.* Статистико-математическая обработка шести мустьерских памятников Средней Азии. // Палеолит Средней и Восточной Азии. Новосибирск: Наука, 1980, С. 7–29.
- Гиря Е. Ю.* Технологический анализ каменных индустрий. СПб.: ИИМК РАН, 1997.
- Гиря Е. Ю., Нехорошев П. Е.* Некоторые технологические критерии археологической периодизации каменных индустрий // РА, 1993, № 4, С. 5–24.
- Гладилин В. Н.* Роль народонаселения в процессе взаимодействия природы и общества в каменном веке // Первобытный человек, его материальная культура и природная среда в плейстоцене и голоцене. М.: ИГ АН СССР, 1974, С. 71–78.
- Гладилин В. Н.* Проблемы раннего палеолита Восточной Европы. Киев: Наукова Думка, 1976.
- Гладилин В. Н.* Принципы и критерии локального подразделения раннего палеолита // Первобытная археология: поиски и находки. Киев: Наукова Думка, 1980, С. 21–38.
- Гладилин В. Н.* Ранний палеолит // Археология Украинской ССР, т. 1. Киев: Наукова Думка, 1985, С. 12–53.
- Гладилин В. Н.* Что же такое техника леваллуа? // Каменный век: памятники – методика – проблемы. Киев: Наукова Думка, 1989, С. 30–45.
- Гладилин В. Н., Демиденко Ю. Э.* Костенковско-стрелецкая культура: Европа или Азия? // Проблемы взаимосвязи природы и общества в каменном веке в Средней Азии. Ташкент: Фан, 1988, С. 25–26.
- Гладилин В. Н., Ситливый В. И.* Ашель Центральной Европы. Киев: Наукова Думка, 1990.
- Гладких М. И.* Некоторые критерии определения культурной принадлежности позднепалеолитических памятников // Проблемы палеолита Восточной и Центральной Европы. Л.: Наука, 1977, С. 137–143.
- Гладких М. И.* Историческая интерпретация позднего палеолита. Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. Л.: ЛОИА АН СССР, 1991а.
- Гладких М. И.* Исторична інтерпретація пізнього палеоліту. Київ: НМК ВО, 1991б.
- Голованова Л. В.* Таксономическая группировка как метод анализа каменных орудий // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп: АНИИЯЛИ, 1984, С. 3–21.
- Голованова Л. В.* Ашельские памятники Северного Кавказа. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Л.: ЛОИА АН СССР, 1986.
- Голованова Л. В.* Проблемы перехода от раннего к среднему палеолиту на Северо-западном Кавказе. СПб.: ИИМК РАН, 1994.
- Голубев В. А., Лавров Е. Л.* Сахалин в эпоху камня. Новосибирск: Наука, 1988.
- Горелик А. Ф.* Памятники Рогаликско-Передельского района. Проблемы финального палеолита юго-восточной Украины. Луганск: РИО ЛИВД, 2001.
- Горецкий И. Г., Иванова И. К.* (Ред.) Молодова I. Уникальное мустьерское поселение на Среднем Днестре. М.: Наука, 1982.
- Горецкий И. Г., Цейтлин С. М.* (Ред.) Многослойная палеолитическая стоянка Кормань IV. М.: Наука, 1977.
- Городцов В. А.* Первобытная археология. М.: Печатня А. И. Снегиревской, 1908.
- Городцов В. А.* Техника каменных орудий // Ежегодник по геологии и минералогии России, т. XVI, вып. 1, 1914а, С. 18–21.
- Городцов В. А.* Руководство для археологических раскопок. М.: МАО, 1914б.
- Городцов В. А.* Археология, т. 1. Каменный период. М.–Пг.: Гос. Изд-во, 1923.

- Городцов В. А. Исследование Гонцовской палеолитической стоянки в 1915 г. // Труды Отдела археологии РАНИОН, вып. 1, 1926, С. 5–35.
- Городцов В. А. Типологический метод в археологии. Рязань: Общество исследователей Рязанского края, 1927.
- Городцов В. А. К определению древности и некоторых особенностей енисейского палеолита // Северная Азия, 1929, № 1, С. 66–76.
- Городцов В. А. Техника и типологическая классификация резцов Супоневской и Тимоновской палеолитических стоянок из раскопок 1928 и 1929 г.г. // ТСА РАНИОН, т. V, 1930, С. 15–43.
- Городцов В. А. К истории развития техники первобытных каменных орудий // СЭ, 1935а, № 2, С. 71–74.
- Городцов В. А. Социально-экономический строй древних обитателей Тимоновской палеолитической стоянки // СЭ, 1935б, № 3, С. 3–13.
- Городцов В. А. Тимоновская палеолитическая стоянка. Результаты археологических раскопок в 1933 г. Труды Института антропологии, этнографии и археологии, вып. 3. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1935в.
- Городцов В. А. 1941. Результаты исследования Ильской палеолитической стоянки // МИА, № 2, С. 7–25.
- Готье Ю. В. Очерки по истории материальной культуры Восточной Европы до основания первого русского государства, т. 1. Л.: Брокгауз и Ефрон, 1925.
- Гремяцкий М. А., Нестурх М. Ф. (Ред.) Тешик-Таш. Палеолитический человек. М.: Изд-во МГУ, 1949.
- Гречкина Т. Ю. Реконструкция видов производственной деятельности в позднем палеолите. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Л.: ЛОИА АН СССР. 1984.
- Грибович Р. Т., Мацкевой Л. Г., Пелецицин Н. А. и др. Археология Прикарпатья, Волыни и Закарпатья (каменный век). Киев: Наукова Думка, 1987.
- Григория Г. К. Палеолит Квемо-Картли (на груз. яз.). Тбилиси: Изд-во АН ГССР, 1963.
- Григорьев Г. П. Некоторые спорные вопросы верхнего палеолита Русской равнины // Сборник студенческих докладов на 5-й Всесоюзной археологической конференции. М.: ИА АН СССР, 1960, С. 5–14.
- Григорьев Г. П. К различению генетического родства, диффузии и синстадиальности // VII Международный Конгресс доисториков и протоисториков. Доклады и сообщения археологов СССР. М.: Наука, 1966, С. 27–35.
- Григорьев Г. П. Начало верхнего палеолита и происхождение Homo sapiens. М.–Л.: Наука, 1968.
- Григорьев Г. П. Культура первобытного общества и природная среда // Природа и развитие первобытного общества на территории Европейской части СССР. М.: Наука, 1969, С. 216–227.
- Григорьев Г. П. Верхний палеолит // МИА, № 166, 1970, С. 43–63.
- Григорьев Г. П. Восстановление общественного строя палеолитических охотников и собирателей // Охотники, собиратели, рыболовы. Л.: Наука, 1972а, С. 11–25.
- Григорьев Г. П. Проблемы леваллуа // МИА, № 185, 1972б, С. 68–74.
- Григорьев Г. П. Методические основания для разрешения вопроса соотношения природного окружения и культуры человека // Первобытный человек, его материальная культура и природная среда в плейстоцене и голоцене. М.: ИГ АН СССР, 1974а, С. 65–70.
- Григорьев Г. П. Выступление в дискуссии // Первобытный человек, его материальная культура и природная среда в плейстоцене и голоцене. М.: ИГ АН СССР, 1974б, С. 308.
- Григорьев Г. П. Палеолит Африки // Возникновение человеческого общества. Палеолит Африки. Палеолит мира. Л.: Наука, 1977а, С. 43–209.
- Григорьев Г. П. Заселение человеком Азии // Ранняя этническая история народов Восточной Азии. М.: Наука, 1977б, С. 47–61.
- Григорьев Г. П. Костенковская культура: методологические проблемы ее выделения // Верхний плейстоцен и развитие палеолитической культуры в центре Русской равнины. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1979, С. 28–30.
- Григорьев Г. П. Какие формы общественного устройства ископаемого человека можно предположить на основании археологических данных? // ВА, № 65, 1980, С. 29–41.
- Григорьев Г. П. О предмете археологии // Описание и анализ археологических источников. Иркутск: Изд-во ИГУ, 1981, С. 3–15.
- Григорьев Г. П. Ф. Борд и проблемы развития мустьерской культуры // Проблемы интерпретации археологических источников. Орджоникидзе: Изд-во СОГУ, 1987, С. 5–18.
- Григорьев Г. П. Эпохи палеолита как показатель развития // Закономерности развития палеолитических культур на территории Франции и Восточной Европы. Л.: Наука, 1988а, С. 13–15.

- Григорьев Г. П.* Тешик–Таш и мустье Средней Азии // Проблемы взаимосвязи природы и общества в каменном веке в Средней Азии. Ташкент: Фан, 1988б, С. 31–32.
- Григорьев Г. П.* Виллендорфско–костенковское единство в его природном окружении // Проблемы культурной адаптации в эпоху верхнего палеолита. Л.: Наука, 1989, С. 45–48.
- Григорьев Г. П.* Итоги исследования Авдеева и проблемы костенковской культуры // Новые открытия и методологические основы археологической хронологии. СПб.: ИИМК РАН, 1992, С. 13–16.
- Григорьев Г. П.* О соотношении типа и археологической культуры // ПАВ, № 6, 1993, С. 15–15.
- Григорьев Г. П., Леонова Н. Б.* Новое об антропологии грота Детей // Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. М.: Наука, 1977, С. 7–21.
- Григорьев Г. П., Ранов В. А.* О характере палеолита Средней Азии // Тезисы докладов сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований в СССР в 1972 г. Ташкент: Фан, 1973, С. 195–197.
- Григорьев Г. П., Третьяков В. П.* Рец.: Палеолит и неолит СССР, т. 5. МИА, № 131 // СА, 1970, № 4, С. 264–269.
- Григорьева Г. В.* Работы на верхнепалеолитической стоянке Юдиново в 1995 г. СПб.: ИИМК РАН, 1995.
- Григорьева Г. В.* Исследования верхнепалеолитического поселения Юдиново в 1996 и 1997 г.г. СПб.: ИИМК РАН, 1997.
- Григорьева Г. В., Исламов У. И.* Сопоставление по каменному веку Средней Азии и Казахстана // СА, 1974, № 2, С. 318–321.
- Громов В. И.* Из полевых археологических наблюдений на Енисее летом 1933 г. // ПИДО, 1934, № 2, С. 97–99.
- Громов В. И.* Основные вопросы геологической датировки археологических памятников и ближайшие задачи в этой области // БКИЧП, № 6/7, 1940, С. 19–22.
- Громов В. И.* Палеонтологическое и археологическое обоснование стратиграфии континентальных отложений четвертичного периода на территории СССР. М.: Изд-во АН СССР, 1948.
- Громов В. И.* Принципы построения схемы периодизации палеолита // ТКИЧП, т. XVIII, 1961, С. 7–21.
- Гурина Н. Н.* К вопросу о позднепалеолитических и мезолитических памятниках Польши и возможности сопоставления с ними памятников северо-западной Белоруссии // МИА, № 126, 1966, С. 14–34.
- Гусейнов М. М.* Древний палеолит Азербайджана. Баку: Элм, 1985.
- Гуслицер Б. И., Канивец В. И.* Пещеры Печорского Урала. М.–Л.: Наука, 1965.
- Гуслицер Б. И., Павлов П. Ю.* О первоначальном заселении северо-восточной Европы (новые данные). Сыктывкар: Коми филиал АН СССР, 1987.
- Гуцин А. С.* Происхождение искусства. Л.–М.: Искусство, 1937.
- Дергачева М. И.* Археологическое почвоведение. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1997.
- Деревянко А. П.* Каменный век Северной, Восточной и Центральной Азии. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1975.
- Деревянко А. П.* В поисках оленя–золотые рога. М.: Советская Россия, 1980.
- Деревянко А. П.* Палеолит Дальнего Востока и Кореи. Новосибирск: Наука, 1983.
- Деревянко А. П.* Палеолит Японии. Новосибирск: Наука, 1984.
- Деревянко А. П.* (Ред.) Грот Оби–Рахмат. Новосибирск: ИАЭт СО РАН, 2004.
- Деревянко А. П.* Раннепалеолитическая микролитическая индустрия в Евразии: миграция или конвергенция? // АЭАЕ, 2006, № 1, С. 2–32.
- Деревянко А. П., Агаджанян А. К., Барышников Г. Ф. и др.* Археология, геология и палеогеография плейстоцена и голоцена Горного Алтая. Новосибирск: ИАЭт СО РАН, 1998а.
- Деревянко А. П., Аубекеров Б. Ж., Петрин В. Т. и др.* Палеолит Северного Прибалхашья. Новосибирск: ИАЭт СО РАН, 1993.
- Деревянко А. П., Волков П. В., Ли Хонджон.* Селемджинская позднепалеолитическая культура. Новосибирск: ИАЭт СО РАН, 1998.
- Деревянко А. П., Волков П. В., Петрин В. Т.* Технология галечного расщепления в палеолите. Новосибирск: ИАЭт СО РАН, 1999.
- Деревянко А. П., Волков П. В., Петрин В. Т.* Зарождение микропластинчатой техники расщепления камня. Новосибирск: ИАЭт СО РАН, 2002.
- Деревянко А. П., Гричан Ю. В., Дергачева М. И. и др.* Археология и палеогеография палеолита Горного Алтая. Новосибирск: ИИФиФ СО АН СССР, 1990а.
- Деревянко А. П., Дорж Д., Васильевский Р. С. и др.* Каменный век Монголии: палеолит и неолит Монгольского Алтая. Новосибирск: Наука, 1990б.

- Деревянко А. П., Дроздов Н. И., Чеха В. П. (Ред.)* Археология, геология и палеогеография палеолитических памятников юга Средней Сибири. Красноярск: ИАЭТ СО РАН, 1992.
- Деревянко А. П., Зенин А. Н., Олсен Д. и др.* Палеолитические комплексы Кремневой долины. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2002а.
- Деревянко А. П., Зыкина В. С., Маркин С. В. и др.* Первые раннепалеолитические объекты Кузнецкой котловины. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1992.
- Деревянко А. П., Кривошапкин А. И., Ларичев В. Е. и др.* Палеолит восточных предгорий Арц–Богдо. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2001а.
- Деревянко А. П., Маркин С. В.* Палеолит Чуйской котловины. Новосибирск: Наука, 1987.
- Деревянко А. П., Маркин С. В.* Мустье Горного Алтая. Новосибирск: Наука, 1992.
- Деревянко А. П., Маркин С. В. (Ред.)* Проблемы палеоэкологии, геологии и археологии палеолита Алтая. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1998б.
- Деревянко А. П., Маркин С. В., Васильев С. А.* Палеолитоведение: введение и основы. Новосибирск: Наука, 1994.
- Деревянко А. П., Молодин В. И., Зенин В. Н. и др.* Позднепалеолитическое местонахождение Шестаково. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2003а.
- Деревянко А. П., Олсен Д., Цэвдорж Д. (Ред.)* Археологические исследования российско–монгольско–американской экспедиции в Монголии в 1995 г. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1996.
- Деревянко А. П., Олсен Д., Цэвдорж Д. (Ред.)* Археологические исследования российско–монгольско–американской экспедиции в Монголии в 1996 г. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1998.
- Деревянко А. П., Олсен Д., Цэвдорж Д. (Ред.)* Археологические исследования российско–монгольско–американской экспедиции в Монголии в 1997–1998 г.г. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1999.
- Деревянко А. П., Петрин В. Т.* Исследование пещерного комплекса Цаган–Агуй на южном фазе Гобийского Алтая в Монголии. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1995.
- Деревянко А. П., Петрин В. Т., Гладышев С. А. и др.* Ашельские комплексы Мугоджарских гор. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2001б.
- Деревянко А. П., Петрин В. Т., Зенин А. Н. и др.* Исследования российско–казахстанской экспедиции в Казахстане (1998–2001). Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2003б.
- Деревянко А. П., Петрин В. Т., Рыбин Е. П.* Комплексы каменной индустрии палеолитического памятника Сопка Урожайная. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1992.
- Деревянко А. П., Петрин В. Т., Рыбин Е. П. и др.* Палеолитические комплексы стратифицированной части стоянки Кара–Бом. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1998б.
- Деревянко А. П., Петрин В. Т., Таймагамбетов Ж. К. и др.* Раннепалеолитические микроиндустриальные комплексы в травертинах Южного Казахстана. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2000а.
- Деревянко А. П., Петрин В. Т., Цэвдорж Д. и др.* Каменный век Монголии: палеолит и неолит северного побережья Долины Озер. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2000б.
- Деревянко А. П., Фелингер А. Ф., Холушкин Ю. П.* Методы информатики в археологии каменного века. Новосибирск: Наука, 1989.
- Деревянко А. П., Холушкин Ю. П. (Ред.)* Математические методы в археологических реконструкциях. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1995.
- Деревянко А. П., Холушкин Ю. П., Воронин В. Т. и др.* Корреляция среднепалеолитических индустрий Ближнего Востока и Кавказа, ч. II. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2005а.
- Деревянко А. П., Холушкин Ю. П., Ростовцев П. С. и др.* Статистический анализ позднепалеолитических комплексов Северной Азии. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1998в.
- Деревянко А. П., Холушкин Ю. П., Ростовцев П. С. и др.* Статистический анализ среднепалеолитических индустрий Ближнего и Среднего Востока. Новосибирск: Изд–во ИДМИ, 1999.
- Деревянко А. П., Холушкин Ю. П., Ростовцев П. С. и др.* Статистический анализ мустьерских индустрий Кавказа, ч. 1. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2002б.
- Деревянко А. П., Холушкин Ю. П., Ростовцев П. С. и др.* Корреляция среднепалеолитических индустрий Средней Азии и Кавказа. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2002в.
- Деревянко А. П., Шуньков М. В., Агаджанян А. К. и др.* Природная среда и человек в палеолите Горного Алтая. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2003в.
- Деревянко А. П., Шуньков М. В., Болиховская Н. С. и др.* Стоянка раннего палеолита Карамы на Алтае. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2005б.
- Джафаров А. К.* Мустьерская культура Азербайджана. Баку: Ылым, 1983.

- Джафаров А. К.* Средний палеолит Азербайджана. Баку: Элм, 1999.
- Джуракулов М. Д.* Самаркандская стоянка и проблемы верхнего палеолита в Средней Азии. Ташкент: Фан, 1987.
- Джуракулов М. Д., Мамедов Э. Д.* Геология археологических памятников Зеравшана. Каменный век. Ташкент: Укитувчи, 1986.
- Диков Н. Н.* Археологические памятники Камчатки, Чукотки и Верхней Колымы. М.: Наука, 1977.
- Диков Н. Н.* Древние культуры Северо-восточной Азии. М.: Наука, 1979.
- Диков Н. Н.* Азия на стыке с Америкой в древности. СПб.: Наука, 1993а.
- Диков Н. Н.* Палеолит Камчатки и Чукотки в связи с проблемой первоначального заселения Америки. Магадан: ДВО РАН, 1993б.
- Дмитриева Т. Н.* Опыт выработки конкретно-исторического подхода к реконструкции тотемизма по археологическим источникам позднего палеолита. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Л.: ЛОИА АН СССР, 1985.
- Докучаев В. В.* Рец.: А. С. Уваров. Археология России. I. Каменный век. М., 1881 // Труды Санкт-Петербургского Общества естествоиспытателей, т. XIII, вып. 1, 1882, С. 1–54.
- Долуханов П. М.* Палеогеография палеолита Восточного Средиземноморья // Археология Старого и Нового Света. М.: Наука, 1966, С. 97–122.
- Долуханов П. М.* Палеогеография каменного века Индии // Страны и народы Востока, т. XII, 1972, С. 260–274.
- Долуханов П. М.* География каменного века. М.: Наука, 1979.
- Дороничев В. Б.* Анализ технологии расщепления камня в раннем палеолите: проблема метода // СА, 1991, № 3, С. 130–142.
- Дороничев В. Б.* Мустьерские индустрии Большого Кавказа // ПАВ, № 7, 1993, С. 14–23.
- Дроздов Н. И., Артемьев Е. В.* Новые страницы в изучении палеолита Афонтовой Горы. М.: ИНКВА, 1997.
- Дроздов Н. И., Баасандорж Ц., Чеха В. П. и др.* Результаты полевых исследований российско-монгольской комплексной экспедиции в 2001 г. Красноярск: Изд-во КГПУ, 2004.
- Дроздов Н. И., Чеха В. П., Артемьев Е. В. и др.* Четвертичная история и археологические памятники Северо-Минусинской впадины. Куртак: КГПУ, 2000.
- Дроздов Н. И., Чеха В. П., Лаухин С. А. и др.* Хроностратиграфия палеолитических памятников Средней Сибири. Новосибирск: ИИФиФ СО АН СССР, 1990.
- Дроздов Н. И., Чеха В. П., Хазартс П.* Геоморфология и четвертичные отложения Куртакского георхеологического района (Северо-Минусинская впадина). Красноярск: КГПУ, 2005.
- Ерицян Б. Г.* К вопросу о выделении нижнепалеолитических культур на Армянском Нагорье // Каменный век Средней Азии и Казахстана. Ташкент: Фан, 1972, С. 24–28.
- Ермолова Н. М.* Териофауна долины Ангары в позднем антропогене. Новосибирск: Наука, 1978.
- Ефименко П. П.* Каменные орудия стоянки в с. Мезине, Черниговской губ. // Ежегодник Русского антропологического Общества, т. IV, 1913а, С. 67–102.
- Ефименко П. П.* Рец.: И. И. Фомин. Искусство палеолитического периода в Европе. М., 1912 // Ежегодник Русского антропологического Общества, т. IV, 1913б, С. 185–187.
- Ефименко П. П.* Костенковская палеолитическая стоянка // Ежегодник Русского антропологического Общества, т. V, 1915а, С. 13–26.
- Ефименко П. П.* К вопросу о стадиях каменного века в Палестине // Ежегодник Русского антропологического Общества, т. V, 1915б, С. 63–88.
- Ефименко П. П.* Доисторическая археология, ее задачи и перспективы в областном изучении // Краеведение, 1923, № 2, С. 93–98.
- Ефименко П. П.* Статуэтка солютрейского времени с берегов Дона // Материалы по этнографии, № 3, вып. 1, 1926а, С. 139–142.
- Ефименко П. П.* Экспедиция для изучения палеолитических культур // СГАИМК, 1926б, № 1, С. 319–320.
- Ефименко П. П.* Некоторые итоги изучения палеолита СССР // Человек, 1928, № 1, С. 45–59.
- Ефименко П. П.* Значение женщины в ориньякскую эпоху // ИГАИМК, т. 11, вып. 3–4, 1931а.
- Ефименко П. П.* Палеолит СССР. Итоги и перспективы его изучения // СГАИМК, 1931б, № 3, С. 7–9.
- Ефименко П. П.* Капсийцы – охотники и собиратели // ИГАИМК, вып. 100, 1933, С. 83–99.
- Ефименко П. П.* Дородовое общество. ИГАИМК, вып. 79, 1934а.
- Ефименко П. П.* Итоги работ в Костенках // ПИДО, 1934б, № 4, С. 64–71.
- Ефименко П. П.* Палеолитические стоянки Восточно-европейской Равнины // Труды II Международной конференции АИЧПЕ, вып. 5. Л.–М.: ГНТГНИ, 1934в, С. 88–113.

- Ефименко П. П.* Первобытное общество. Л.: Соцэкгиз, 1938.
- Ефименко П. П.* Современное состояние советской науки об ископаемом человеке // Материалы по четвертичному периоду СССР, вып. 2. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1950, С. 81–89.
- Ефименко П. П.* Первобытное общество. Киев: Изд-во АН УССР, 1953.
- Ефименко П. П.* К вопросу о характере исторического процесса в позднем палеолите Восточной Европы // СА, т. XXVI, 1956а, С. 28–53.
- Ефименко П. П.* Новое в вопросе о происхождении культуры позднего палеолита Средней и Восточной Европы // Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae, № 7, 1956б, С. 281–289.
- Ефименко П. П.* Глава 1. Древнекаменный век (палеолит) // Очерки истории СССР. Первобытнообщинный строй и древнейшие государства. М.: Изд-во АН СССР, 1956в, С. 15–46.
- Ефименко П. П.* Про періодизацію пізнього палеоліту східної Європи // Археологія, т. X, 1957, С. 3–10.
- Ефименко П. П.* Костенки I. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1958.
- Ефименко П. П.* Переднеазиатские элементы в памятниках позднего палеолита Северного Причерноморья // СА, 1960, № 4, С. 14–25.
- Ефименко П. П.* К вопросу о возрасте позднепалеолитической стоянки в Самарканде. Вероятность раннего возраста стоянки // Ученые записки Самаркандского Гос. Университета, н.с., т. 135, 1964, С. 110–112.
- Ефименко П. П., Береговая Н. А.* Палеолитические местонахождения СССР // МИА, № 2, 1941, С. 254–292.
- Жаков М. П.* К вопросу о генезисе человеческого общества // ПИДО, 1934а, № 5, С. 29–45.
- Жаков М. П.* Труд, техника и отношения производства возникающего общества // ПИДО, 1934б, № 6, С. 9–45.
- Жилин М. Г.* Финальный палеолит Ярославского Поволжья. М.: ИА РАН, 2007.
- Жуков Б. С.* Происхождение человека. 4е изд. М.–Л.: Гос. изд-во, 1930.
- Заверняев Ф. М.* Хотылевское палеолитическое местонахождение. Л.: Наука, 1978.
- Зализняк Л. Л.* Охотники на северного оленя Украинского Полесья эпохи финального палеолита. Киев: Наукова Думка, 1989.
- Замятин С. Н.* Экспедиция по изучению культур палеолита в 1927 г. // СГАИМК, т. II, 1929, С. 209–214.
- Замятин С. Н.* Раскопки у с. Гагарино (верховья Дона) // ИГАИМК, вып. 118, 1935а, С. 26–77.
- Замятин С. Н.* Новые данные по палеолиту Закавказья // СЭ, 1935б, № 2, С. 116–123.
- Замятин С. Н.* Палеолит Абхазии. Труды Института Абхазской культуры, вып. X(1). Сухуми: ИАК АН СССР, 1937.
- Замятин С. Н.* О возникновении локальных различий в культуре палеолитического периода // ТИЭ, н.с., т. XVI, 1951, С. 88–152.
- Замятин С. Н.* Палеолит Западного Закавказья // Сборник МАЭ, т. XVII, 1957, С. 432–499.
- Замятин С. Н.* Некоторые вопросы изучения хозяйства в эпоху палеолита // ТИЭ, н.с., т. 54, 1960, С. 80–108.
- Замятин С. Н.* Очерки по палеолиту. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1961.
- Замятин С. Н., Борисковский П. И.* Габриель де Моргилье // ПИДО, 1934, № 7–8, С. 88–107.
- Золотарев А. М.* Исторические предпосылки формирования Homo Sapiens в освещении советских археологов // Антропологический журнал, 1936, № 3, С. 351–361.
- Зубов А. А.* (Ред.) Сунгирь. Антропологическое исследование. М.: Наука, 1984.
- Иванова И. К.* Геологический возраст ископаемого человека. М.: Наука, 1965.
- Иванова И. К., Цейтлин С. М.* (Ред.) Многослойная стоянка Молодова V. М.: Наука, 1987.
- Иванова И. К., Черняховский А. Г.* (Ред.) Кударские пещерные палеолитические стоянки в Юго-Осетии. М.: Наука, 1980.
- Иванова М. А.* Структура Гмелинского палеолитического поселения. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Л.: ЛОИА АН СССР, 1985.
- Илларионов В. Т.* Мамонт. К истории его изучения в СССР. Горький: ГГПИ, 1940а.
- Илларионов В. Т.* К проблеме палеолита СССР в археологии Западной Европы // Труды Горьковского Гос. Педагогического Института, т. V, 1940б, С. 79–101.
- Илларионов В. Т.* Опыт историографии палеолита СССР. Горький: Горьковское обл. изд-во, 1947.
- Илларионов В. Т.* Введение в историографию древнейшей истории. Горький: Изд-во ГГУ, 1960.
- Инешин Е. М., Климентьев А. М., Мартынович Н. В. и др.* Проблематика и вопросы методологии зооархеологических исследований Большого Якоря I // Известия Лаборатории древних технологий ИрГТУ, вып. 2, 2004, С. 49–86.

- Инешин Е. М., Климентьев А. М., Тетенькин А. В.* Планиграфический анализ культурных горизонтов многослойного местонахождения Большой Якорь I на Нижнем Витиме // Известия Лаборатории древних технологий ИрГТУ, вып. 3, 2005, С. 74–108.
- Исламов У. И., Крахмаль К. А.* Палеоэкология и следы древнейшего человека в Центральной Азии. Ташкент: Фан, 1995.
- Кабо В. Р.* Происхождение и ранняя история аборигенов Австралии. М.: Наука, 1969.
- Кабытов П. С.* (Ред.) История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Каменный век. Самара: СНЦ РАН, 2000.
- Казарян Г. П.* Об этноспецифичности функций мустьерских орудий // Вестник общественных наук АрмССР, 1979, № 9, С. 98–110.
- Казарян Г. П.* К проблеме техники леваллуа // Историко–филологический журнал, т. 94, 1981, № 3, С. 261–273.
- Каландадзе А. Н.* (Ред.) Жизнь и деятельность Георгия Ниорадзе (на груз. яз.). Тбилиси: Мецниереба, 1989.
- Калечиц Е. Г.* Первоначальное заселение территории Белоруссии. Минск: Наука и техника, 1984.
- Калечиц Е. Г.* Памятники каменного и бронзового веков Восточной Белоруссии. Минск: Наука и техника, 1987.
- Калечиц Е. Г.* Человек и среда обитания. Восточная Беларусь. Каменный век. Минск: Экоперспектива, 2003.
- Канивец В. И.* Палеолит крайнего Северо–востока Европы. М.: Наука, 1976.
- Касимова Р. М.* Первая находка самого древнего пещерного человека на территории СССР (Азербайджанская ССР, Азых). Баку: Элм, 1986.
- Касымов М. Р.* Кремнеобрабатывающие мастерские и шахты каменного века Средней Азии. Ташкент: Фан, 1972.
- Кашин В. А.* Палеолит Северо–восточной Азии. Итоги исследований 1940–1980. Новосибирск: Наука, 2003.
- Кащенко Н. Ф.* Скелет мамонта со следами употребления некоторых частей тела этого животного в пищу современным ему человеком. Записки АН по физико–математическому отделению, т. XI (7), 1901.
- Кельсиев А. И.* Палеолитические кухонные остатки в с. Костенках Воронежского уезда // Труды МАО, т. 9, 1883, № 2–3, С. 154–180.
- Кетрару Н. А.* Памятники эпох палеолита и мезолита. Археологическая карта Молдавской ССР. Кишинев: Штиинца, 1973.
- Кетрару Н. А., Григорьева Г. В., Коваленко С. И.* Верхнепалеолитическая стоянка Рашков VII. Кишинев: АН Респ. Молдова, 2007.
- Кинд Н. В.* Геохронология позднего антропогена по изотопным данным. М.: Наука, 1974.
- Кириллов И. И., Черенщиков О. Ю.* Нетрадиционные изделия в камне из многослойного верхнепалеолитического поселения Сухотино–4 // Археология, палеоэкология и этнология Сибири и Дальнего Востока, ч. 1. Иркутск: Изд–во ИГУ, 1996, С. 125–130.
- Кирьяк М. А.* Каменный век Чукотки. Магадан: Кордис, 2005.
- Кларк Г.* Доисторическая Европа. Экономический очерк. М.: Изд–во иностранной литературы, 1953.
- Кларк Д. Д.* Доисторическая Африка. М.: Наука, 1977.
- Клейн Л. С.* Феномен советской археологии. СПб.: Фан, 1993.
- Клец В. П.* Проблемы формообразования нижнепалеолитических орудий труда. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Л.: ЛГУ, 1985.
- Ковнурко Г. М.* О распространенности кремня на территории Европейской части СССР // Новые методы в археологических исследованиях. М.–Л.: Изд–во АН СССР, 1963, С. 234–240.
- Колесник А. В.* Средний палеолит Донбасса. Археологический альманах, № 12. Донецк: ООО “Лебедь”, 2003.
- Колосов Ю. Г.* Шайтан–Коба – мустьерска стоянка Криму. Київ: Наукова Думка, 1972.
- Колосов Ю. Г.* Мустьерские стоянки района Белогорска. Киев: Наукова Думка, 1983.
- Колосов Ю. Г.* Аккайская мустьерская культура. Киев: Наукова Думка, 1986.
- Колосов Ю. Г., Степанчук В. Н., Чабай В. П.* Ранний палеолит Крыма. Киев: Наукова Думка, 1993.
- Колчин Б. А.* (Ред.) Археология и естественные науки. МИА, № 129, 1965.
- Колчин Б. А., Шер Я. А.* (Ред.) Статистико–комбинаторные методы в археологии. М.: Наука, 1970.
- Кольцов Л. В.* Финальный палеолит и мезолит Южной и Восточной Прибалтики. М.: Наука, 1977.
- Кольцов Л. В.* Мезолит Британских островов. М.: ИА РАН, 2005.

- Кононенко Н. А., Кадзивара Х., Гарковик А. В. и др.* Охотники–собиратели бассейна Японского моря на рубеже плейстоцена и голоцена. Новосибирск: ИАЭт СО РАН, 2003.
- Копопацкий А. К.* Прошлого великий следопыт. Академик А. П. Окладников. Страницы биографии. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001.
- Константинов А. В.* Древние жилища Забайкалья. Новосибирск: Наука, 2001.
- Константинов М. В.* Каменный век восточного региона Байкальской Азии. Улан–Удэ – Чита: ИОН БНЦ РАН, 1994.
- Константинов М. В.* Оракулы веков. Этюды об исследователях Сибири. 2е изд. Новосибирск: Изд–во СО РАН, 2002.
- Копытин В. Ф.* Каменный век на территории Белоруссии. Минск: Изд–во МГПИ, 1990.
- Копытин В. Ф.* Памятники финального палеолита и мезолита Верхнего Поднепровья. Могилев: Изд–во МГПИ, 1992.
- Коробков И. И.* О методике определения нуклеусов // СА, 1963, № 4, С. 10–19.
- Коробков И. И.* Нуклеусы Яштуха // МИА, № 131, 1965, С. 76–110.
- Коробков И. И.* К вопросу о дивергентном характере эволюции древнепалеолитических индустрий // VII Международный Конгресс доисториков и протоисториков. Доклады и сообщения археологов СССР. М.: Наука, 1966а, С. 5–13.
- Коробков И. И.* Исследование палеолита в Ираке // Археология Старого и Нового Света. М.: Наука, 1966б, С. 123–134.
- Коробков И. И.* Замечания в связи со статьей Г. П. Григорьева “Новые аспекты происхождения Homo Sapiens” // ВА, № 34, 1970, С. 51–54.
- Коробков И. И.* К проблеме изучения нижнепалеолитических поселений открытого типа с разрушенным культурным слоем // МИА, № 173, 1971, С. 61–99.
- Коробков И. И.* Палеолит Восточного Средиземноморья // Палеолит Ближнего и Среднего Востока. Палеолит мира. Л.: Наука, 1978. С. 7–185.
- Коробков И. И., Мансуров М. М.* К вопросу о типологии тейяско–зубчатых индустрий // МИА, № 185, 1972, С. 55–67.
- Коробкова Г. Ф.* Экспериментально–трасологические разработки как комплексное исследование в археологии // Экспериментально–трасологические исследования в археологии. СПб.: Наука, 1994, С. 3–21.
- Коробкова Г. Ф., Щелинский В. Е.* Методика микро–макроанализа древних орудий труда, ч. 1. СПб.: ИИМК РАН, 1996.
- Красковский В. И.* Памятники палеолита и мезолита Северо–западного Причерноморья. Киев: Наукова Думка, 1978.
- Крижевская Л. Я.* Новые данные о хронологии позднепалеолитических и мезолитических памятников севера ГДР и ФРГ // МИА, № 126, 1966, С. 47–63.
- Криштафович Н. А.* О геологическом исследовании палеолитических стоянок Европейской России летом 1904 г. // Древности. Труды МАО, т. XXI, 1907, № 2, С. 174–183.
- Кротова А. А.* Об одном из аспектов изучения кремневого инвентаря позднепалеолитических памятников // Каменный век на территории Украины. Киев: Наукова Думка, 1990, С. 81–90.
- Кротова А. А., Коен В. Ю., Евтушенко А. И.* Опыт изучения кремнеобрабатывающего производства позднепалеолитической стоянки Ямы // Каменный век: памятники–методика–проблемы. Киев: Наукова Думка, 1989, С. 125–135.
- Крофорд О. Г. С.* Человек и его прошлое. Л.: Начатки знания, 1924.
- Крупяно А. А., Табарев А. В.* Археологические комплексы эпохи камня в Восточном Приморье. Новосибирск: Сибирское университетское изд–во, 2001.
- Ксендзов В. П.* Палеолит и мезолит Белорусского Поднепровья. Минск: Наука и техника, 1988.
- Кузнецов А. М.* Каменный век Аляски: проблемы палеолита и мезолита // Проблемы тихоокеанской археологии. Владивосток: Изд–во ДВГУ, 1988, С. 60–100.
- Кузнецов А. М.* Поздний палеолит Приморья. Владивосток: Изд–во ДВГУ, 1992.
- Кузнецов О. В.* Этноархеология и поселенческая археология палеолитических охотников и собирателей // Этнографо–археологические комплексы. Проблемы культуры и социума, т. 9. Омск: Наука, 2006, С. 9–26.
- Кузьмин Я. В.* Геохронология и палеосреда позднего палеолита и неолита умеренного пояса Восточной Азии. Владивосток: Тихоокеанский институт географии ДВО РАН, 2005.
- Кузьмин Я. В., Алкин С. В., Оно А. и др.* Радиоуглеродная хронология древних культур каменного века Северо–Восточной Азии. Владивосток: Тихоокеанский Институт географии ДВО РАН, 1998.

- Кулаков С. А. Технология расщепления камня на Абадзехском нижнепалеолитическом местонахождении // РА, 1993, № 3, С. 120–139.
- Кулаковская Л. В. Мустьерские культуры Карпатского бассейна. Киев: Наукова Думка, 1989.
- Кулаковская Л. В. Мустье Азии: взгляд из Европы // Хроностратиграфия палеолита Северной, Восточной и Центральной Азии и Америки. Новосибирск: ИИФиФ СО АН СССР, 1990, С. 210–214.
- Кун Т. Структура научных революций. М.: Прогресс, 1977.
- Кунгуров А. Л. Палеолит и мезолит Алтая. Барнаул: Изд-во АГУ, 1993.
- Кунгуров А. Л. Каменный век Рудного Алтая, ч. 1. Барнаул: Изд-во АГУ, 2002.
- Кунгуров А. Л., Цыро А. Г. История открытия и изучения палеолита Алтая. Барнаул: Азбука, 2006.
- Курінний П. Вадим Щербаківський (з нагоди 70 років життя). Полтава: Видавничий центр “Археологія” ЦОДПА, 1995.
- Кухарчук Ю. В. К историографии проблемы леваллуа // Каменный век: памятники–методика–проблемы. Киев: Наукова Думка, 1989, С. 17–30.
- Кучера С. Китайская археология. 1965–1974. М.: Наука, 1977.
- Кучера С. Древнейшая и древняя история Китая. М.: Восточная литература, 1996.
- Лазуков Г. А. (Ред.) Природа и древний человек. М.: Мысль, 1981.
- Ларичев В. Е. Палеолит Северной, Центральной и Восточной Азии, т. 1. Новосибирск: Наука, 1969.
- Ларичев В. Е. 40 лет среди сибирских древностей. Новосибирск: Западно–Сибирское книжное изд-во, 1970а.
- Ларичев В. Е. Палеолит и мезолит Японии // Сибирь и ее соседи в древности. Новосибирск: Наука, 1970б, С. 66–108.
- Ларичев В. Е. Палеолит Северной, Центральной и Восточной Азии, т. 2. Новосибирск: Наука, 1972.
- Ларичев В. Е. Палеолит Кореи // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в древности: эпоха палеолита. Новосибирск: Наука, 1976а. С. 25–83.
- Ларичев В. Е. Палеолит Маньчжурии, Внутренней Монголии и Восточного Туркестана // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в древности: эпоха палеолита. Новосибирск: Наука, 1976б, С. 94–154.
- Ларичев В. Е. Палеолит Китая // Этническая история народов Восточной и Юго–Восточной Азии в древности и средние века. М.: Наука, 1981, С. 4–46.
- Ларичева И. П. Палеоиндейские культуры Северной Америки. Новосибирск: Наука, 1976.
- Лбова Л. В. (Ред.) Палеоэкология человека Байкальской Азии. Улан–Удэ: БНЦ СО РАН, 1999.
- Лбова Л. В. Палеолит северной зоны Западного Забайкалья. Улан–Удэ: БНЦ СО РАН, 2000.
- Лбова Л. В., Волков П. В. Инструментарий палеолитического местонахождения Каменка-1: типология и функция // Культуры и памятники эпохи камня и раннего металла Забайкалья. Новосибирск: Наука, 1993, С. 3–20.
- Лбова Л. В., Резанов И. Н., Калмыков Н. П. и др. Природная среда и человек в неоплейстоцене. Улан–Удэ: БНЦ СО РАН, 2003.
- Лбова Л. В., Хамзина Е. А. Археологические памятники Бурятии. Улан–Удэ: БНЦ СО РАН, 1999.
- Леббок Д. Доисторические времена или первобытная эпоха человечества, представленная на основании изучения остатков древности и нравов и обычаев современных дикарей. М.: Природа, 1876.
- Лебедев Г. С. История отечественной археологии. 1700–1917. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1992.
- Лев Д. Н. Поселение древнекаменного века в Самарканде. Исследования 1958–1960 г.г. // Труды Самаркандского Гос. Университета, н.с., т. 135, 1964, С. 5–109.
- Левин М. Г., Чебоксаров Н. Н. Хозяйственно–культурные типы и историко–этнографические области // СЭ, 1955, № 4, С. 3–17.
- Лежненко И. Л. Опыт выделения конструктивных элементов модели скребка, их терминология и метрика // Проблемы терминологии и анализа археологических источников. Иркутск: Изд-во ИГУ, 1975, С. 43–49.
- Леонова Н. Б. Закономерности распределения каменного инвентаря на верхнепалеолитических стоянках и отражение в них специфики палеолитических поселений. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М.: МГУ, 1977.
- Леонова Н. Б. Характер скоплений кремня на кремнеобрабатывающих мастерских // Вестник МГУ, серия 8, 1980. № 5, С. 67–79.
- Леонова Н. Б. Длительность обитания на верхнепалеолитических стоянках // Проблемы палеоэкологии древних обществ. М.: Изд-во РОУ, 1993, С. 74–99.

- Леонова Н. Б.* Особенности формирования культурного слоя в жилищах и на жилых площадках // Культурные слои археологических памятников. Теория, методы и практика. М.: НИИ-Природа, 2006, С. 14–28.
- Леонова Н. Б., Миньков Е. В.* К вопросу об интерпретации Амвросиевского костяка – уникального памятника позднего палеолита Приазовья // Проблемы интерпретации археологических источников. Орджоникидзе: Изд-во СОГУ, 1987, С. 34–49.
- Леонова Н. Б., Несмеянов С. А.* Проблемы палеоэкологической характеристики культурных слоев // Методы реконструкций в археологии. Новосибирск: Наука, 1991, С. 219–246.
- Леонова Н. Б., Несмеянов С. А., Виноградова Е. В. и др.* Палеоэкология равнинного палеолита. М.: Научный мир, 2006.
- Лисицын Н. Ф.* Поздний палеолит Чулымо–Енисейского междуречья. СПб.: Петербургское востоковедение, 2000.
- Литвинский Б. А., Окладников А. П., Ранов В. А.* Древности Кайрак–Кумов. Душанбе: Изд-во АН ТаджССР, 1962.
- Любин В. П.* Палеолит Турции и проблема раннего расселения человечества // СА, т. XXVII, 1957, С. 71–90.
- Любин В. П.* Нижний палеолит в районе Дакки–Коштамны // Древняя Нубия. М.–Л.: Наука, 1964, С. 32–68.
- Любин В. П.* К вопросу о методике изучения нижнепалеолитических каменных орудий // МИА, № 131, 1965, С. 7–75.
- Любин В. П.* Мустьерские культуры Кавказа. Л.: Наука, 1977.
- Любин В. П.* (Ред.) Закономерности в развитии палеолитических культур на территории Франции и Восточной Европы. Л.: Наука, 1988.
- Любин В. П.* Стоянки в скальных убежищах: специфика и методика полевых исследований // КСИА, 1990, № 202, С. 68–77.
- Любин В. П.* (Ред.) Неандертальцы Гупского ущелья на Северном Кавказе. Майкоп: Меоты, 1994.
- Любин В. П.* Ашельская эпоха на Кавказе. СПб.: Петербургское востоковедение, 1998.
- Любин В. П., Беляева Е. В.* Стоянка Homo Egectus на центральном Кавказе (пещера Кударо 1). СПб.: Петербургское востоковедение, 2004.
- Любин В. П., Беляева Е. В.* Ранняя преистория Кавказа. СПб.: Петербургское востоковедение, 2006.
- Любин В. П., Гэдэ Ф. И.* Палеолит Республики Кот д’Ивуар. СПб.: Петербургское востоковедение, 2000.
- Ляйель Ч.* Геологические доказательства древности человека с некоторыми замечаниями о теории происхождения видов. СПб.: Типография О. И. Бакста, 1864.
- Маркин С. В.* Палеолитические памятники бассейна р. Томи. Новосибирск: Наука, 1986.
- Март Н. Я.* Напутствие // Сборник аспирантов ГАИМК, вып. 1. Л.: ГАИМК, 1929, С. 1–10.
- Март Н. Я.* Что дает яфетическая теория истории материальной культуры? // СГАИМК, 1931, № 11–12, С. 7–24.
- Март Н. Я.* Доистория, преистория, история и мышление. ИГАИМК, вып. 74, 1933.
- Маруашвили Л. И.* (Ред.) Изучение пещер Колхиды. Тбилиси: Мецниереба, 1978.
- Массон В. М., Боряз В. Н.* (Ред.) Предмет и объект археологии и вопросы методики археологических исследований. Л.: Наука, 1975.
- Массон В. М., Праслов Н. Д.* (Ред.) Проблемы культурной адаптации в эпоху верхнего палеолита. Л.: Наука, 1989.
- Матюхин А. Е.* Орудия раннего палеолита // Технология производства в эпоху палеолита. Л.: Наука, 1983, С. 134–187.
- Матюхин А. Е.* Палеолитические мастерские Восточной Европы. Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. СПб.: ИИМК РАН, 1996.
- Матюшин Г. Н.* О методах классификации кремневого инвентаря // Проблемы терминологии и анализа археологических источников. Иркутск: Изд-во ИГУ, 1975, С. 11–14.
- Матюшкин И. Е.* Модель построения локальной палеоэкологической реконструкции // Проблемы палеоэкологии древних обществ. М.: Изд-во РОУ, 1993, С. 59–74.
- Медведев Г. И.* (Ред.) Мезолит Верхнего Приангарья, ч. 1. Иркутск: Изд-во ИГУ, 1971.
- Медведев Г. И.* К проблеме формально–типологического анализа каменных изделий палеолитических и мезолитических индустрий // Проблемы терминологии и анализа археологических источников. Иркутск: Изд-во ИГУ, 1975, С. 16–33.

- Медведев Г. И.* Замечания о докерамическом периоде Японии и некоторые вопросы археологии палеолита и мезолита Северной Азии // Археология и этнография Восточной Сибири. Иркутск: Изд-во ИГУ, 1978, С. 16–23.
- Медведев Г. И.* К проблеме морфологического анализа каменного инвентаря палеолитических и мезолитических ансамблей Восточной Сибири // Описание и анализ археологических источников. Иркутск: Изд-во ИГУ, 1981, С. 16–33.
- Медведев Г. И., Алаев С. Н., Алаева Т. В.* Опыт применения полевой фиксационной карточки на палеолитических местонахождениях // Археология и этнография Восточной Сибири. Иркутск: Изд-во ИГУ, 1978, С. 85–86.
- Медведев Г. И., Волосова Е. Б.* О термине “освоение” и некоторых проблемах археологического познания (геоархеологический аспект) // Исторический опыт освоения восточных районов России, ч. 1. Владивосток: ДВО РАН, 1993, С. 56–61.
- Медведев Г., Ков Н., Воробьева Г. и др.* Мальтинское палеолитическое местонахождение. Иркутск: ИГУ, 1996.
- Медведев Г. И., Михнюк Г. Н., Лежненко И. Л.* О номенклатурных обозначениях и морфологии нуклеусов в докерамических комплексах Приангарья // ДИНЮВС, вып. 1, 1974, С. 60–90.
- Медведев Г. И., Несмеянов С. А.* Типизация “культурных отложений” и местонахождений каменного века // Методические проблемы археологии Сибири. Новосибирск: Наука, 1988, С. 113–142.
- Медведев Г. И., Савельев Н. А., Лежненко И. Л.* Моделирование и технологическая классификация резцов и скребков // Описание и анализ археологических источников. Иркутск: Изд-во ИГУ, 1981, С. 104–115.
- Медведев Г. И., Савельев Н. А., Свинин В. В.* (Ред.) Стратиграфия, палеогеография и археология юга Средней Сибири. Иркутск: Изд-во ИГУ, 1990.
- Медоев А. Г.* Геохронология палеолита Казахстана. Алма-Ата: Наука. 1982.
- Мережковский К. С.* Отчет о предварительных исследованиях каменного века в Крыму // ИРГО, т. XVI, 1880, № 2, С. 106–146.
- Мережковский К. С.* Несколько дополнений к программе исследования костеносных пещер // ИРГО, т. XVII, 1881а, № 3, С. 1–2.
- Мережковский К. С.* Каменный век в Египте и Сирии // ИРГО, т. XVII, 1881б, № 5, С. 287–312.
- Мерперт Н. Я.* (Ред.) Антология советской археологии, т. 1 (1917–1933). М.: ИА РАН, 1995а.
- Мерперт Н. Я.* (Ред.) Антология советской археологии, т. II (1930е г.г.). М.: ИА РАН, 1995б.
- Мерперт Н. Я.* (Ред.) Антология советской археологии, т. III (1941–1956). М.: ИА РАН, 1996.
- Мещанинов И. И.* Палеоэтнология и Homo sapiens. ИГАИМК, т. 6, 1930, № 7.
- Миллер А. А.* Первобытное искусство. Л.: Изд-во “П. И. Сойкин”, 1929.
- Миллер М. А.* Палеолит Надпоррижжя. Аугсбург: Вольная Украинская Академия наук, 1948.
- Миллер М. А.* Археология в СССР. Мюнхен: Институт по изучению СССР, 1954.
- Миллер М. А.* Первобытный период в истории Нижнего Днепра. Мюнхен: Институт по изучению СССР, 1965.
- Миньков Е. В.* Охотничье хозяйство населения Северного Причерноморья в эпоху позднего палеолита. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М.: МГУ, 1991.
- Могилянский Н.* Несколько слов по поводу статьи А. А. Спицына // ЖМНП, н.с., т. LXII, 1916, С. 328–336.
- Монгайт А. Л.* Кризис буржуазной археологии // КСИИМК, № 40, 1951, С. 3–15.
- Монгайт А. Л.* Археология Западной Европы. Каменный век. М.: Наука, 1973.
- Морган Ж. де.* Доисторическое человечество. Общий очерк доисторического периода. М.–Л.: Гос. изд-во, 1926.
- Мортилье Г. де, Мортилье А. де.* Доисторическая жизнь. Происхождение и древность человека. СПб.: XX Век, 1903.
- Мочанов Ю. А.* Палеолит Сибири // Берингия в кайнозое. Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1976, С. 540–565.
- Мочанов Ю. А.* Древнейшие этапы заселения человеком Северо-восточной Азии. Новосибирск: Наука, 1977.
- Мочанов Ю. А.* Древнейший палеолит Диринга и проблема внетропической прародины человечества. Новосибирск: Наука, 1992.
- Мочанов Ю. А., Федосеева С. А., Алексеев А. Н. и др.* Археологические памятники Якутии. Бассейны Алдана и Олекмы. Новосибирск: Наука, 1983.
- Мочанов Ю. А., Федосеева С. А., Константинов А. В. и др.* Археологические памятники Якутии. Бассейны Вилюя, Анабара и Оленека. Новосибирск: Наука, 1991.

- Неприна В. И., Зализняк Л. Л., Кротова А. А.* Памятники каменного века Левобережной Украины. Киев: Наукова Думка, 1986.
- Несмеянов С. А.* Геоморфологические аспекты палеоэкологии горного палеолита. М.: Научный мир, 1999.
- Нестеров С. П., Гребенцов А. В., Алкин С. В. и др.* Древности Бурей. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2000.
- Нехорошев П. Е.* Технологический метод изучения первичного расщепления камня среднего палеолита. СПб.: Европейский Дом, 1999.
- Нехорошев П. Е.* (Ред.) Археология Нижнего Поволжья, т. 1. Каменный век. Волгоград: Волгоградское научное изд-во, 2006.
- Нечаева Л. Г., Попова Т. А., Федоров Ф. Ф. и др.* Археологические собрания Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого // Сборник МАЭ, т. XXII, 1964, С. 151–168.
- Нидерле Л.* Человечество в доисторические времена. Доисторическая археология Европы и в частности славянских земель. СПб.: Изд-во Л. Ф. Пантелеева, 1898.
- Нижнепалеолитические памятники...* Нижнепалеолитические памятники Грузии (на груз. языке). Тбилиси: Мецниереба, 1979.
- Никольский В. К.* Очерк первобытной культуры. М.–Пг.: Изд-во Л. Д. Френкель, 1923а.
- Никольский В. К.* Комплексный метод в доистории // Вестник Социалистической Академии, 1923б, № 4, С. 309–349.
- Никонов А. А., Ранов В. А.* Новые данные об археологии каменного века и возрасте речных террас Афгано–Таджикской депрессии // БКИЧП, № 40, 1973, С. 35–51.
- Ниорадзе Г. К.* Палеолитический человек из Девис–Хврели (на груз. яз.). Труды Музея Грузии, т. VI. Тифлис, 1933.
- Ниорадзе Г. К.* Человек каменного века в пещере Сакажиа (на груз. яз.). Тбилиси: Техника да шрома, 1953.
- Ниорадзе М. Г.* Пещера Самерцхле–Клде и верхний палеолит Западной Грузии (на груз. яз.). Тбилиси: Мецниереба, 1975.
- Нужний Д. Ю.* Розвиток мікролітичної техніки в кам'яному віці. Київ: Наукова Думка, 1992.
- Обермайер Г.* Доисторический человек. СПб.: Брокгауз–Ефрон, 1913.
- Окладников А. П.* Рец.: Г.А. Бонч-Осмоловский. Грот Киик–Коба. М., 1940 // КСИИМК, № 9, 1941, С. 125–128.
- Окладников А. П.* Освоение палеолитическим человеком Сибири // Материалы по четвертичному периоду СССР, вып. 2. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1950а, С. 150–158.
- Окладников А. П.* Неолит и бронзовый век Прибайкалья. МИА, № 18, 1950б.
- Окладников А. П.* Некоторые вопросы изучения верхнего палеолита СССР в свете новейших исследований // СА, т. XXI, 1954, С. 5–29.
- Окладников А. П.* Глава I. Возникновение человеческого общества. Ранний древнекаменный век // Всемирная история, т. I. М.: Гос. изд-во политической литературы, 1955а, С. 17–49.
- Окладников А. П.* Глава II. Развитие первобытнообщинного строя. Поздний древнекаменный век // Всемирная история, т. I. М.: Гос. изд-во политической литературы, 1955б, С. 50–88.
- Окладников А. П.* К вопросу о мезолите и эпипалеолите Азиатской части СССР // МИА, № 126, 1966, С. 213–223.
- Окладников А. П.* Утро искусства. Л.: Искусство, 1967.
- Окладников А. П.* Этногенез и культурогенез // Проблемы этногенеза народов Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1973, С. 5–11.
- Окладников А. П.* Палеолит Центральной Азии. Мойльтын Ам (Монголия). Новосибирск: Наука, 1981.
- Окладников А. П.* Палеолит Монголии в свете новейших исследований // Позднеплейстоценовые и раннеголоценовые культурные связи Азии и Америки. Новосибирск: Наука, 1983, С. 8–21.
- Окладников А. П.* Палеолит Монголии. Новосибирск: Наука, 1986.
- Окладников А. П., Деревянко А. П.* Далекое прошлое Приморья и Приамурья. Владивосток: Дальневосточное кн. изд-во, 1973.
- Окладников А. П., Кириллов И. И.* Юго-восточное Забайкалье в эпоху камня и ранней бронзы. Новосибирск: Наука, 1980.
- Оленковский Н. П.* Поздний палеолит и мезолит Нижнего Днепра. Херсон: Украинский фонд культуры, 1991.
- Оленковский Н. П.* Пам'ятки доби палеоліту. Археологічна карта Нижньодніпровського регіону, вып. 1. Херсон: Херсонський обл. музей, 1992.

- Оленковский Н. П.* Палеолит та мезолит Присивашся. Проблеми епигравету України. Херсон: Придніпров'я, 2000.
- Осборн Г. Ф.* Человек древнего каменного века. Среда, жизнь, искусство. Л.: Путь к знанию, 1924.
- Оссовский Г. О.* Опыт хронологической классификации находок каменного века в России по находкам, добытым из пещер Келецкой губернии и окрестностей Кракова // Труды VI АС, т. I, 1886, С. 47–71.
- Оссовский Г. О.* О геологическом и палеоэтнологическом характере пещер юго-западной окраины Европейской России и смежных с ней областей. Томск: Типография П. И. Макушина, 1895.
- Павлов А. П.* Геологическая история европейских земель и морей в связи с историей ископаемого человека. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1936.
- Павлов П. Ю.* Ранняя пора верхнего палеолита на северо-востоке Европы. Сыктывкар: УРО РАН, 2004.
- Паничкина М. З.* Палеолит Армении. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1950.
- Паничкина М. З.* Палеолитические нуклеусы // Археологический сборник Гос. Эрмитажа, № 1, 1959, С. 7–77.
- Петри Б. Э.* Сибирский палеолит // Труды Иркутского Гос. Университета, т. 5, 1923а, С. 209–253.
- Петри Б. Э.* Программа исследования стоянок под открытым небом. Иркутск: Этнологическая секция Восточно-Сибирского Отдела РГО, 1923б.
- Петри Б. Э.* Сибирский палеолит. Атлас, вып. 1. Ангарский палеолит. Иркутск: Изд-во ИГУ, 1927.
- Петрин В. Т.* Палеолитические памятники Западно-Сибирской равнины. Новосибирск: Наука, 1986.
- Петрин В. Т., Таймагамбетов Ж. К.* Комплексы палеолитической стоянки Шульбинка из верхнего Приртышья. Алма-Ата: КГНУ, 2000.
- Петрунь В. Ф.* К петрофизической характеристике материала каменных орудий палеолита // МИА, № 173, 1971, С. 282–297.
- Пидопличко И. Г.* Позднепалеолитические жилища из костей мамонта на Украине. Киев: Наукова Думка, 1969.
- Пидопличко И. Г.* Межиричские жилища из костей мамонта. Киев: Наукова Думка, 1976.
- Поликарпович К. М.* Палеолит Верхнего Поднепровья. Минск: Наука и техника, 1968.
- Поляков И. С.* Антропологическая поездка в Центральную и Восточную Россию, исполненная по поручению Императорской Академии наук. Приложение к XXXVII т. Записок Императорской АН, № 1, 1880.
- Поляков И. С.* Исследования по каменному веку в Олонецкой губ., в долине Оки и на верховьях Волги // Записки ИРГО по отделению этнографии, т. IX, 1882, С. 1–164.
- Поппер К. Р.* Логика и рост научного знания. М.: Прогресс, 1983.
- Поршнев Б. Ф.* О начале человеческой истории. М.: Мысль, 1974.
- Постнов А. В., Анойкин А. А., Кулик Н. А.* Критерии отбора каменного сырья для индустрий палеолитических памятников бассейна реки Ануй // АЭАЕ, 2000, № 3, С. 18–30.
- Праслов Н. Д.* Ранний палеолит северо-восточного Приазовья и Нижнего Дона. МИА, № 157, 1968.
- Праслов Н. Д.* (Ред.) Кетросы. Мустьерская стоянка на Среднем Днестре. М.: Наука, 1981.
- Праслов Н. Д.* Ранний палеолит Русской равнины и Крыма // Палеолит СССР. Археология СССР. М.: Наука, 1984, С. 94–111.
- Праслов Н. Д., Рогачев А. Н.* (Ред.) Палеолит Костенковско-Боршевского района на Дону. 1879–1979. Л.: Наука, 1982.
- Праслов Н. Д., Щелинский В. Е.* Верхнепалеолитическое поселение Золотовка I на Нижнем Дону. СПб.: ИИМК РАН, 1996.
- Рабинович М. Г.* О положении в археологической науке // КСИИМК, № 29, 1949, С. 125–129.
- Равдоникас В. И.* За марксистскую историю материальной культуры. ИГАИМК, т. 7, 1930, № 3–4.
- Равдоникас В. И.* К вопросу о социологической периодизации палеолита в связи со взглядами Маркса и Энгельса на первобытное общество. ИГАИМК, т. 9, 1931, № 2.
- Равдоникас В. И.* О закономерности развития доклассового общества // ПИМК, 1933, № 9–10, С. 4–13.
- Равдоникас В. И.* О периодизации истории доклассового общества // ПИДО, 1934а, № 7–8, С. 72–87.
- Равдоникас В. И.* Первобытнокоммунистическое общество // ИГАИМК, вып. 99, 1934б, С. 9–88.
- Равдоникас В. И.* История первобытного общества, ч. 1. Л.: Изд-во ЛГУ, 1939.
- Ранов В. А.* Каменный век Таджикистана, вып. 1. Душанбе: Дониш, 1965.
- Ранов В. А.* К изучению мустьерской культуры в Средней Азии // МИА, № 173, 1971, С. 209–232.
- Ранов В. А.* О некоторых вопросах, связанных с выделением локальных вариантов (фаций) в эпоху палеолита // УСА, № 2, 1972а, С. 7–12.
- Ранов В. А.* Средняя Азия и Индия в эпоху палеолита // Страны и народы Востока, т. XII, 1972б, С. 275–297.

- Ранов В. А.* Соанская культура: миф или действительность? // Древняя Индия. М.: Наука, 1982, С. 267–296.
- Ранов В. А.* Парадокс леваллуа // Каменный век: памятники–методика–проблемы. Киев: Наукова Думка, 1989, С. 46–50.
- Ранов В. А.* О восточной границе мустьерской культуры // Хроностратиграфия палеолита Северной, Центральной, Восточной Азии и Америки. Новосибирск: ИИФиФ СО АН СССР, 1990, С. 262–268.
- Ранов В. А.* Палеолит в предгорьях Гималаев // Раннепалеолитические комплексы Евразии. Новосибирск: Наука, 1992а, С. 28–49.
- Ранов В. А.* Еще раз о “парадоксе леваллуа” // Теория и методика исследования археологических памятников лесостепной зоны. Липецк: Изд-во ЛГПИ, 1992б, С. 43–44.
- Ранов В. А.* Ранний палеолит Китая. М.: ИНКВА, 1999.
- Ранов В. А., Амосова А. Г.* О методике раскопок палеолитических стоянок в палеопочвах Южного Таджикистана // КСИА, № 202, 1990, С. 53–62.
- Ранов В. А., Буданов В. И.* Коллекция каменного века из Аравийской пустыни (АРЕ). М.: Наука, 1973.
- Ранов В. А., Додонов И. Е., Ломов С. П. и др.* Кульдара – новый нижнепалеолитический памятник Южного Таджикистана // БКИЧП, № 56, 1987, С. 65–75.
- Ранов В. А., Несмеянов С. А.* Палеолит и стратиграфия антропогена Средней Азии. Душанбе: Дониш, 1973.
- Рейнак С.* Аполлон. Всеобщая история искусств. СПб.: Типография Э. Э. Фришмут, 1913.
- Решетов Л. М.* (Ред.) Охотники, собиратели, рыболовы. Л.: Наука, 1972.
- Римантене Р. К.* Палеолит и мезолит Литвы. Вильнюс: Минтис, 1971.
- Рогачев А. Н.* Палеолитическое поселение Костенки IV // КСИИМК, № 4, 1940, С. 36–41.
- Рогачев А. Н.* Новые данные о стратиграфии верхнего палеолита Восточно–европейской равнины // МИА, № 39, 1953, С. 39–55.
- Рогачев А. Н.* Александровское поселение древнекаменного века у с. Костенки на Дону. МИА, № 45, 1955.
- Рогачев А. Н.* Многослойные стоянки Костенковско–Боршевского района на Дону и проблема развития культуры в эпоху верхнего палеолита на Русской равнине // МИА, № 59, 1957, С. 9–134.
- Рогачев А. Н.* Раскопки палеолитических стоянок и погребений // Известия на Болгарския Археологическая Институт, кн. XXII, 1959, С. 3–13.
- Рогачев А. Н.* Некоторые вопросы стратиграфии и периодизации верхнего палеолита Восточной Европы // ТКИЧП, т. XVIII, 1961, С. 40–45.
- Рогачев А. Н.* Основные итоги и задачи изучения палеолита Русской равнины // КСИА, № 92, 1962, С. 3–11.
- Рогачев А. Н.* Некоторые проблемы изучения палеолита Европы // Тезисы докладов сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1966 г. Кишинев: ИА АН СССР, 1967, С. 7–9.
- Рогачев А. Н.* Значение и роль социальной среды в развитии культуры первобытного общества // Природа и развитие первобытного общества на территории Европейской части СССР. М.: Наука, 1969, С. 181–196.
- Рогачев А. Н.* Каменные орудия как исторический источник // КСИА, № 137, 1973а, С. 14–21.
- Рогачев А. Н.* Об усложненном собирательстве как форме хозяйства в эпоху палеолита на Русской равнине // Антропологическая реконструкция и проблемы палеоэтнографии. М.: Наука, 1973б, С. 127–142.
- Рогачев А. Н.* О предмете и методе первобытной археологии // КСИА, № 152, 1978, С. 17–23.
- Рогачев А. Н.* О методике полевого исследования палеолитических поселений // КСИА, № 157, 1979, С. 3–9.
- Рогачев А. Н., Аникович М. В.* Костенки 9 (Бирючий Лог) // Палеолит Костенковско–Боршевского района на Дону. 1879–1979. Л.: Наука, 1982, С. 109–113.
- Рогачев А. Н., Аникович М. В.* Поздний палеолит Русской равнины и Крыма // Палеолит СССР. Археология СССР. М.: Наука, 1984, С. 162–271.
- Рогачев А. Н., Праслов Н. Д.* Заключение // Палеолит Костенковско–Боршевского района на Дону. 1879–1979. Л.: Наука, 1982, С. 260–167.
- Рогинский А. Я.* Проблемы антропогенеза. М.: Высшая школа, 1969.
- Рудинский М. Я.* Журавка // Антропология, кн. III, 1930, С. 97–122.
- Рудинский М. Я.* (Ред.) Мізін. І. Визначні серії кістяні виробів Мізинської палеолітичної стації в освітленні Федора Вовка. Київ: Видання Всеукраїнської Академії Наук, 1931.

- Рудинский М. Я. Пушкари // СА, т. IX, 1947, С. 171–198.
- Савич В. П. Пізньопалеолітичне населення південно-західної Волині. Київ: Наукова Думка, 1975.
- Сапожников И. В. Большая Аккаржа. Хозяйство и культура позднего палеолита Степной Украины. Одесса: Шлях, 2003.
- Сапожников И. В., Коробкова Г. Ф., Сапожникова Г. В. Хозяйство и культура населения Южного Побужья в позднем палеолите и мезолите. Одесса–СПб.: ИА НАН Украины, 1995.
- Сардарян С. А. Палеолит в Армении. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1954.
- Семенов С. А. Изучение следов работы на каменных орудиях // КСИИМК, № 4, 1940а, С. 21–26.
- Семенов С. А. Результаты исследования поверхности каменных орудий // БКИЧП, № 6–7, 1940б, С. 110–113.
- Семенов С. А. Первобытная техника. МИА, № 54, 1957.
- Семенов С. А. Развитие техники в каменном веке. Л.: Наука, 1968.
- Семенов С. А. Функциология палеолита // Краткие тезисы докладов к пленуму, посвященному итогам археологических исследований 1971 г. Л.: ЛОИА АН СССР, 1972, С. 3–4.
- Семенов С. А., Коробкова Г. Ф. Технология древнейших производств. Л.: Наука, 1983.
- Семенов Ю. И. Как возникло человечество. М.: Наука, 1966.
- Сергин В. Я. Структура Мезинского палеолитического поселения. М.: Наука, 1987.
- Сергин В. Я. Классификация палеолитических поселений с жилищами на территории СССР // СА, 1988, № 3, С. 5–20.
- Сергин В. Я. Палеолитические поселения европейской части СССР. Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. М.: ИА РАН, 1992.
- Сериков Ю. Б. Палеолит Среднего Зауралья. Нижний Тагил: НГПУ, 1999.
- Сериков Ю. Б. Палеолит и мезолит Среднего Зауралья. Нижний Тагил: НГПИ, 2000.
- Сериков Ю. Б. Гаринская палеолитическая стоянка и некоторые проблемы уральского палеолитоведения. Нижний Тагил: НГСПА, 2007.
- Синицын А. А. К проблеме морфологического анализа каменного инвентаря // Проблемы палеолита Восточной и Центральной Европы. Л.: Наука, 1977, С. 158–166.
- Синицын А. А. Вопросы методики и техники исследования каменных орудий палеолита // СА, 1978, № 3, С. 307–313.
- Синицын А. А. О кремневом инвентаре стоянки Костенки XVI // КСИА, № 165, 1981, С. 33–36.
- Синицын А. А. Эмпирическое и логическое единство кремневой индустрии и проблема аналогий // Закономерности развития палеолитических культур на территории Франции и Восточной Европы. Л.: Наука, 1988, С. 10–12.
- Синицын А. А. О признаках нарушений культурного слоя // КСИА, № 202, 1990, С. 33–37.
- Синицын А. А. П. П. Ефименко и современная проблематика изучения палеолита // КСИА, № 206, 1992, С. 6–11.
- Синицын А. А. Верхний палеолит: современное состояние проблемы локальных различий // Локальные различия в каменном веке. СПб.: МАЭ РАН, 1999, С. 104–106.
- Синицын А. А. Нижние культурные слои Костенок 14 (Маркина Гора) (раскопки 1998–2001 гг.) // Особенности развития верхнего палеолита Восточной Европы. СПб.: ИИМК РАН, 2002, С. 219–236.
- Синицын А. А., Праслов Н. Д. (Ред.) Радиоуглеродная хронология палеолита Восточной Европы и Северной Азии. Проблемы и перспективы. СПб.: ИИМК РАН, 1997.
- Синицына Г. В. Исследование финальнопалеолитических памятников в Тверской и Смоленской областях. СПб.: ИИМК РАН, 1996.
- Синицына Г. В. О локальных различиях в финальном палеолите северо-запада Русской равнины // Локальные различия в каменном веке. СПб.: МАЭ РАН, 1999, С. 130–132.
- Ситник О. Середній палеолит Поділля. Львів: Національна Академія наук України, 2000.
- Ситник О., Богущький А. Палеоліт Поділля: Великий Глибочок. Львів: Українські технології, 1998.
- Слободин С. Б. Археология Колымы и континентального Приохотья в позднем плейстоцене и раннем голоцене. Магадан: СВКНИИ, 1999.
- Смирнов С. В. Палеоліт Дніпровського Надпоріжжя. Киев: Наукова Думка, 1973.
- Смирнов С. В. Становление основ общественного производства. Киев: Наукова Думка, 1983.
- Смирнов Ю. А. Мустьевские погребения Евразии. М.: Наука, 1991.
- Смольянинова С. П. Палеолит и мезолит Степного Побужья. Киев: Наукова Думка, 1990.
- Соловьев Л. Н. Первобытное общество на территории Абхазии. Сухуми: Алашари, 1971.
- Соловьев Л. Н. Памятники каменного века Абхазии. Тбилиси: Мецниереба, 1987.
- Сорокин В. С. О локальных различиях в культуре нижнего палеолита // СЭ, 1953, № 3, С. 145–160.

- Сосновский Г. П.* Палеолитические стоянки Северной Азии // Труды II Международной конференции АИЧПЕ, вып. 5. Л.–М.: ГНТГНИ, 1934, С. 246–292.
- Сосновский Г. П.* Поселение на Афонтовой Горе // ИГАИМК, вып. 118, 1935, С. 125–151.
- Спицын А. А.* Производство археологических раскопок. СПб.: Императорская археологическая Комиссия, 1895.
- Спицын А. А.* Археологические разведки. СПб.: Императорская археологическая Комиссия, 1908.
- Спицын А. А.* Русский палеолит // Записки Отделения русской и славянской археологии РАО, т. XI, 1915, С. 133–172.
- Станко В. Н.* Производственные комплексы по утилизации охотничьей добычи в позднем палеолите // Первобытная археология. Киев: Наукова Думка, 1989, С. 54–63.
- Станко В. Н., Григорьева Г. В., Швайко Т. Н.* Позднепалеолитическое поселение Анетовка II. Киев: Наукова Думка, 1989.
- Степанов В. П.* Природная среда и зональность первобытного хозяйства в эпоху верхнего палеолита на территории СССР // Проблемы общей физической географии и палеогеографии. М.: Изд–во МГУ, 1976, С. 300–322.
- Степанчук В. Н.* Поздние неандертальцы Крыма. Киев: Стилос, 2002.
- Столяр А. Д.* Происхождение изобразительного искусства. М.: Искусство, 1985.
- Сулейманов Р. Х.* О нуклеусах из пещерной стоянки Оби–Рахмат // КСИА, № 114, 1968, С. 124–130.
- Сулейманов Р. Х.* Статистическое изучение культуры грота Оби–Рахмат. Ташкент: Фан, 1972.
- Супруненко О. Б., Шовкопляс И. Г.* (Ред.) Михайло Якович Рудинский (1887–1958) – археолог, музеезнавец і пам'яткоохоронець. Полтава: Полтавський краєведческий музей, 1993.
- Таймагамбетов Ж. К.* Палеолитическая стоянка им. Ч. Ч. Валиханова. Алма–Ата: Наука, 1990.
- Тарасов Л. М.* Гагаринская стоянка и ее место в палеолите Европы. Л.: Наука, 1979.
- Ташак В. И.* Палеолитические и мезолитические памятники Усть–Кяхты. Улан–Удэ: Изд–во БНЦ СО РАН, 2005.
- Ташкенбаев Н. Х., Сулейманов Р. Х.* Каменный век долины Зеравшана. Ташкент: Фан, 1980.
- Теоретические основы...* Теоретические основы советской археологии. Л.: ЛОИА АН СССР, 1969.
- Тихонов И. Л.* Археология в Санкт–Петербургском университете. Историографические очерки. СПб.: Изд–во СПбГУ, 2003.
- Ткаченко В.И.* Пізній палеоліт Закарпаття. Київ: Шлях, 2003.
- Тушабрамишвили Д. М.* Палеолитические остатки в пещере Гварджилас–Клде (на груз. яз.). Тбилиси: Изд–во АН ГССР, 1960.
- Уваров А. С.* Что должна обнимать программа для преподавания русской археологии и в каком систематическом порядке должна быть распределена эта программа? // Труды III АС, т. V, 1878, С. 19–38.
- Уваров А. С.* Археология России. I. Каменный период, т. I, II. М.: Синодальная типография, 1881.
- Уваров А. С.* Русская археология // А. С. Уваров. Материалы к биографии и статьи по теоретическим вопросам, т. III. М.: МАО, 1910, С. 262–303.
- Удальцов А. Д.* (Ред.) Против вульгаризации марксизма в археологии. М.: Изд–во АН СССР, 1953.
- Фармаковский М. В.* Институт археологической технологии // Известия Института археологической технологии, вып. I. Пг.: РАИМК, 1922, С. 1–8.
- Ферсман А. Е., Фармаковский М. В.* Три года работы Института археологической технологии. Известия Института археологической технологии, вып. II. Л.: РАИМК, 1924.
- Филиппов А. К.* Проблемы технического формообразования орудий труда в палеолите // Технология производства в эпоху палеолита. Л.: Наука, 1983, С. 9–71.
- Филиппов А. К.* Происхождение изобразительного искусства. СПб.: ИИМК РАН, 1997.
- Филиппов А. К.* Хаос и гармония в искусстве палеолита. СПб.: ЛОО “Сохранение природы и культурного наследия”, 2004.
- Флоренсов В. А., Флоренсов Н. А., Медведев Г. И.* Непроторенным путем: жизнь и творчество М. М. Герасимова. Иркутск: Иркутское книжное изд–во, 1979.
- Фомин И. А.* Искусство палеолитического периода в Европе. М.: Печатня А. И. Снегиревской, 1912.
- Формозов А. А.* Новые работы по каменному веку СССР // ВДИ, 1954. № 3, С. 100–104.
- Формозов А. А.* Пещерная стоянка Староселье и ее место в палеолите. МИА, № 71, 1958а.
- Формозов А. А.* О “капсийском” характере палеолита Кавказа // Краткие сообщения Института этнографии, № 30, 1958б, С. 159–165.
- Формозов А. А.* Этнокультурные области на территории Европейской части СССР в каменном веке. М.: Изд–во АН СССР, 1959.
- Формозов А. А.* Очерки по истории русской археологии. М.: Изд–во АН СССР, 1961.

- Формозов А. А. Каменный век и энеолит Прикубанья. М.: Наука, 1965.
- Формозов А. А. Очерки по первобытному искусству. М.: Наука, 1969.
- Формозов А. А. (Ред.) Каменный век на территории СССР. МИА, № 166, 1970.
- Формозов А. А. Проблемы этнокультурной истории каменного века на территории Европейской части СССР. М.: Наука, 1977а.
- Формозов А. А. О критике источников в археологии // СА, 1977б, № 1, С. 5–14.
- Формозов А. А. Собиратели каменных орудий в России в середине XIX в. // СА, 1981, № 3, С. 97–106.
- Формозов А. А. Начало изучения каменного века в России. М.: Наука, 1983.
- Формозов А. А. Общее и особенное в сложении археологии как науки в России // СА, 1985, № 1, С. 5–8.
- Формозов А. А. Страницы истории русской археологии. М.: Наука, 1986.
- Франко О. Е. Федір Вовк. Київ: Вид-во Європ. ун-ту, 2001.
- Фролов Б. А. Числа в графике палеолита. Новосибирск: Наука, 1974.
- Фролов Б. А. Первобытная графика Европы. М.: Наука, 1992.
- Хазанов А. М. Рец.: Каменный век на территории СССР. МИА, № 166. М., 1970 // СЭ, 1971, № 5, С. 170–173.
- Хварцкия М. Х., Полякова Н. Е., Очередной А. К. Мачагуа – памятник среднего каменного века в Абхазии. СПб.: Копи-Р, 2005.
- Хвойко В. В. Древние обитатели Среднего Приднепровья и их культура в доисторические времена. Киев: Типография Е. А. Синькевич, 1913.
- Хлопачев Г. А. Бивневые индустрии верхнего палеолита Восточной Европы. СПб.: Наука, 2006.
- Холушкин Ю. П. Проблемы корреляции позднепалеолитических индустрий Сибири и Средней Азии. Новосибирск: Наука, 1981.
- Холушкин Ю. П., Васильев С. А., Воронин В. Т. и др. Динамика развития позднепалеолитической культуры на Верхнем Енисее: опыт статистического исследования. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2005.
- Хроностратиграфия..., Хроностратиграфия палеолита Северной, Восточной и Центральной Азии и Америки. Новосибирск: ИИФиФ СО АН СССР, 1990.
- Хроностратиграфия..., Хроностратиграфия палеолита Северной, Центральной, Восточной Азии и Америки. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1992.
- Худяков М. Г. Русская дореволюционная археология на службе эксплуататорских классов. Библиотека ГАИМК. № 13, 1933.
- Цейтлин С. М. Геология палеолита Северной Азии. М.: Наука, 1979.
- Чайлд Г. Прогресс и археология. М.: Изд-во иностранной литературы, 1949.
- Черныш А. П. Володимирівська палеолітична стоянка. Київ: Изд-во АН УССР, 1953.
- Черныш А. П. Поздний палеолит Среднего Приднестровья. ТКИЧП, т. XXV, 1959а.
- Черныш А. П. Про статистичний метод у вивченні палеоліту та мезоліту // Матеріалі і дослідження з археології Прикарпаття та Волині, вып. 2. Київ: Изд-во АН УССР, 1959б, С. 29–40.
- Черныш А. П. Палеолітична стоянка Молодове V. Київ: Наукова Думка, 1961.
- Черныш А. П. Ранний и средний палеолит Приднестровья. ТКИЧП, т. XXV, 1965.
- Черныш А. П. О номенклатуре позднепалеолитических орудий // КСИА, № 111, 1967, С. 3–11.
- Черныш А. П. Палеолит и мезолит Приднестровья. М.: Наука, 1973.
- Черныш А. П. Многослойная палеолитическая стоянка Кормань IV и ее место в палеолите // Многослойная палеолитическая стоянка Кормань IV. М.: Наука, 1977, С. 7–77.
- Черныш А. П. К вопросу о длительности существования палеолитических поселений и количестве их обитателей // Первобытная археология: поиски и находки. Киев: Наукова Думка, 1980, С. 57–63.
- Черныш А. П. Поздний палеолит // Археология Украинской ССР, т. 1. Киев: Наукова Думка, 1985, С. 54–83.
- Черныш А. П. О результатах сопоставления нижних слоев многослойных стоянок Среднего Поднестровья // Первобытная археология. Киев: Наукова Думка, 1989, С. 35–42.
- Черский И. Д. Несколько слов о вырытых в Иркутске изделиях каменного периода // Известия Сибирского отдела РГО, т. III, 1872, № 3, С. 167–172.
- Чистяков Д. А. Мустьерские памятники Северо-Восточного Причерноморья. СПб.: Европейский Дом. 1996.
- Чубур А. А. Быки. Новый палеолитический микрорегион и его место в палеолите Русской равнины. Брянск: Брянск сегодня, 2001.
- Шевченко А. И., Шовкопляс И. Г. Палеолит Киевского Приднепровья. Киев: Институт геологических наук, 1982.
- Шер Я. А. (Ред.) Первобытное искусство. Кемерово: КГИИК, 1998.

- Шер Я. А. Первобытное искусство. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2006.
- Шер Я. А., Вишняцкий Л. Б., Бледнова Л. С. Происхождение знакового поведения. М.: Научный мир, 2004.
- Шовкопляс И. Г. Мезинская стоянка. Киев: Наукова Думка, 1965.
- Шовкопляс И. Г. Добраничевская стоянка на Киевщине // МИА, № 185, 1972, С. 177–188.
- Шульков М. В. Мустьерские памятники межгорных котловин Центрального Алтая. Новосибирск: Наука, 1990.
- Щелинский В. Е. Свойства кремневого сырья и техника изготовления орудий мустьерской эпохи // Первобытный человек, его материальная культура и природная среда в плейстоцене и голоцене. М.: ИГ АН СССР, 1974, С. 52–57.
- Щелинский В. Е. К изучению техники, технологии изготовления и функций орудий мустьерской эпохи // Технология производства в эпоху палеолита. Л.: Наука, 1983, С. 72–133.
- Щелинский В. Е. Трасология, функции орудий труда и хозяйственно–производственные комплексы нижнего и среднего палеолита. Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. СПб.: ИИМК РАН, 1994.
- Щелинский В. Е. Некоторые итоги и задачи исследований пещеры Шульган–Таш (Каповой). Уфа: ИИМК РАН, 1996.
- Щелинский В. Е. Палеолит Черноморского побережья Северо–западного Кавказа. СПб.: Европейский дом, 2007.
- Щелинский В. Е., Кулаков С. А. Ильская мустьерская стоянка. СПб.: Европейский дом, 2005.
- Щербакова Т. Н. Материалы верхнепалеолитической стоянки Талицкого (Островской). Екатеринбург: УРО РАН, 1994.
- Щуровский Г. Е. Общая программа для исследования костеносных пещер // Труды Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, т. XVII. Труды Антропологического отдела, № 1, 1878, С. 82–88.
- Abramova Z. A. L'art paléolithique d'Europe orientale et de Sibérie. Grenoble: Ed. Jérôme Millon, 1995.
- Anderson P., Korobkova G. F., Longo L. et al. Various viewpoints on the work of S. A. Semenov // The roots of use–wear analysis: selected papers of S. A. Semenov. Verona: Museo Civico, 2005, P. 11–19.
- Baye J. de, Volkov Th. Le gisement paléolithique d'Aphontova Gora, près de Krasnoïarsk (Russie d'Asie) // L'Anthropologie, t. XVII, 1899, P. 172–178.
- Binford L. R. Post–Pleistocene adaptations // New perspectives in archaeology. Chicago: Aldine, 1968, P. 313–341.
- Binford L. R., Binford S. R. Stone tools and human behavior // Scientific American, vol. 220, 1969, № 1, P. 70–84.
- Bleed P. Foreign archaeologists in Japan: strategies for exploitation // Archaeological review from Cambridge, vol. 8, 1989, № 1, P. 19–26.
- Bonch-Osmolovsky G., Gromov V. The Paleolithic in the Union of Soviet Socialist Republics // Report of the XVI Session of the International Geological Congress, vol. 2. Washington, 1936, P. 1291–1324.
- Bordes F. Typologie du Paléolithique ancien et moyen. Publications de l'Institut de Préhistoire de l'Université de Bordeaux, mem. 1. Bordeaux: Delmas, 1961a.
- Bordes F. Mousterian cultures in France // Science, vol. 134, № 3482, 1961b, P. 803–810.
- Bordes F. The Old Stone Age. New York–Toronto: Toronto University Press, 1968.
- Bordes F. A tale of two caves. New York: Harper and Row, 1972.
- Bordes F., Sonneville-Bordes D. de. The significance of variability in Palaeolithic assemblages // World archaeology, vol. 2, 1970, № 1, P. 61–73.
- Bowdoin van Riper. Men among the mammoths: Victorian science and the discovery of human prehistory. Chicago: University of Chicago Press, 1993.
- Breuil H. Les subdivisions du Paléolithique supérieur et leur signification // Congrès Internationale d'Anthropologie et d'Archéologie préhistorique. Compte Rendu de la XIVe Session. Genève, 1912.
- Breuil H. Les industries à éclats du Paléolithique ancien. I. Le Clactonien // Préhistoire, t. I, 1932, fasc. II, P. 16–190.
- Brothwell D., Higgs E. (Eds.) Science in archaeology. Bristol: Thames and Hudson, 1963.
- Chauvet G. Comparaison des industries primitives de France et d'Asie // Congrès Internationale d'Archéologie préhistorique et d'Anthropologie. Pième Session à Moscou, 1892, vol. I, P. 57–66.
- Chen Chun. Chinese archaeology and the West // Archaeological review from Cambridge, vol. 8, 1989, № 1, P. 27–35.
- Childe V. G. The Danube in prehistory. Oxford: The Clarendon press, 1929.
- Childe V. G. Kostienki: East Gravettian or Solutrean? // Institute of Archaeology of the University of London. XII Annual report, 1956, P. 8–19.

- Christenson A. L.* (Ed.) *Tracing archaeology's past: the historiography of archaeology*. Carbondale: Southern Illinois University press, 1989.
- Chronostratigraphy...*, *Chronostratigraphy of the Paleolithic in North, Central, East Asia and America*. Novosibirsk: IIFiF SO AN SSSR, 1990.
- Clark G. A.* (Ed.) *Perspectives on the past. Theoretical biases in Mediterranean hunter-gatherer research*. Philadelphia: University of Pennsylvania press, 1991.
- Clark G. A., Lindley M.* On paradigmatic biases and Paleolithic research traditions // *CAn*, vol. 32, 1991, № 5, P. 577–587.
- Clarke D. L.* *Analytical archaeology*. London: Methuen, 1968.
- Cohen C.* *Le destin de mammoth*. Paris: Seuil, 1994.
- Cohen C.* *L'homme des origines. Savoir et fictions en préhistoire*. Paris: Seuil, 1999.
- Cohen C., Hublin J.-J.* *Boucher de Perthes. Les origines romantiques de la préhistoire*. Paris: Belin, 1989.
- Coye N.* *La préhistoire en parole et en acte: methodes et enjeux de la pratique archeologique: 1830–1950*. Paris: L'Harmattan, 1998.
- Daniel G.* *A short history of archaeology*. London: Thames and Hudson, 1981.
- Davies W., Charles R.* (Eds.) *Dorothy Garrod and the progress of the Palaeolithic*. Oxford: Oxbow Books, 1999.
- Davis R.* Theoretical issues in contemporary Soviet Paleolithic archaeology // *Annual review of anthropology*, vol. 12, 1983, P. 403–428.
- Delporte H.* *Edouard Piette. Histoire de l'art primitif*. Paris: Ed. Picard, 1987.
- Dennell R.* Progressive gradualism, imperialism and academic fashion: Lower Palaeolithic archaeology in the 20th century // *Antiquity*, vol. 64, 1990, № 244, P. 549–558.
- Derev'anko A. P., Shimkin D. B., Powers W. R.* (Eds.) *The Paleolithic of Siberia*. Urbana: The University of Illinois Press, 1998.
- Desbrosse R., Kozłowski J.* *Hommes et climats à l'âge de mammoth. Le Paléolithique supérieur d'Eurasie Centrale*. Paris: Masson, 1988.
- Dolukhanov P. M., Kozłowski J. K., Kozłowski S. K.* *Multivariate analysis of Upper Paleolithic and Mesolithic stone assemblages*. Uniwersytet Jagellonski. *Prace Archeologiczne, zestyt 30*, 1980.
- Ebert M.* *Südrussland in Alterum*. Bonn–Leipzig: Schoeder, 1921.
- Garrod D.* *The Upper Palaeolithic in Britain*. Oxford: The Clarendon press, 1926.
- Garrod D.* The Upper Palaeolithic in the light of recent discoveries // *Proceedings of the Prehistoric Society*, n.s, vol. 4, 1938, № 1, P. 1–26.
- Golomshtok E. A.* The Old Stone Age in European Russia. *TAPS*, n.s., vol. XXIV, pt. II, 1938.
- Gran-Aymerich E.* *Naissance de l'archeologie moderne: 1798–1945*. Paris: CNRS, 1999.
- Grayson D. K.* *The establishment of human antiquity*. New York: Academic press, 1983.
- Grigor'ev G. P.* A new reconstruction of the above-ground dwelling at Kostienki I // *CAn*, vol. 8, 1967, № 3, P. 344–349.
- Groenen M.* *Pour une histoire de la préhistoire. Le Paléolithique*. Grenoble: Ed. Jérôme Millon, 1994.
- Guidi A.* *Storia della palethnologia*. Bari: Editori Laterra, 1988.
- Gvozdover M. D.* *Art of the mammoth hunters: The finds from Avdeevo*. Oxford: Oxbow Books, 1995.
- Heizer R., Cook S.* (Eds.) *The application of quantitative methods in archaeology*. Viking fund of publications of anthropology, № 28, 1960.
- Hodder I.* (Ed.) *Archaeological theory in Europe. The last three decades*. London: Routledge, 1991.
- Hofman J. L.* The refitting of chipped stone artifacts as an analytical and interpretative tool // *CAn*, vol. 22, 1981, № 6, P.691–693.
- Hrdlička A.* *The Neanderthal phase of man. Annual report of the Board of Regents of the Smithsonian Institution for 1928*. Washington: Smithsonian Institution, 1929.
- Hudson V.* *A social history of archaeology. The British experience*. London: The MacMillan press, 1981.
- Jelinek A. J.* *La coopération américano-française en archéologie préhistorique // Les nouvelles de l'archéologie*, № 22, 1986, P. 64–67.
- Julien M.* *Du fossile directeur à la chaîne opératoire // La préhistoire dans le monde*. Paris: PUF, 1992, P. 163–193.
- Junghans C.* *Gabriel de Mortillet 1821–1898. Eine Biographie*. Bonn: *Archaeologische Berichte*, 1. 1987.
- Kozłowski L.* *Starsza epoka kamienna w Polsce (Paleolit)*. Poznan: *Poznanski towarzystwo przyjaciel nauk*, 1922.
- Laplace G.* *Typologie analytique et structurale. Base rationnelle d'étude des industries lithiques et osseuses // Les banques de données archéologiques*. Marseille: CNRS, 1974, P. 91–143.
- Lee R. B., Vore I. de* (Eds.) *Man the hunter*. Chicago: Aldine, 1968.

- Leroi-Gourhan A.* Le Post-Moustérien // Lexique stratigraphique international, vol. 1, fasc. 4b. Paris: CNRS, 1957, P. 77–78.
- Leroi-Gourhan A.* Préhistoire et archéologie préhistorique soviétiques // Cahiers du monde Russe et Soviétique, vol. 11, 1961, № 2, P. 262–272.
- Leroi-Gourhan A.* L'homme et la matière. Paris: Albin Michel, 1971.
- Leroi-Gourhan A., Brézillon M.* L'habitation magdalénienne n 1 de Pincevent près de Montereau // Gallia préhistoire, vol. 9, 1966, fasc. 2, P. 263–385.
- Leroi-Gourhan A., Brézillon M.* Essai d'analyse ethnographique d'un habitat magdalénien. VIIe supplément à "Gallia préhistoire". Paris: CNRS, 1972.
- Lumley-Woodyear H. de* Le Paléolithique inférieur et moyen du midi Méditerranéen dans son cadre géologique, t. 1. Paris: CNRS, 1969.
- Lumley-Woodyear H. de* Le Paléolithique inférieur et moyen du midi Méditerranéen dans son cadre géologique, t. 2. Paris: CNRS, 1971.
- Lumley-Woodyear H. de* Méthodes de fouilles et d'étude d'un gisement préhistorique // La grotte de l'Hortus. Marseille: CNRS, 1972, P. 17–21.
- Marshack A.* The roots of civilization. New York: Academic press, 1972.
- Meltzer D.J.* Search for the first Americans. Washington: Smithsonian Books, 1993.
- Merejkowsky C. de.* Station moustérienne en Crimée // L'Homme, vol. 1, 1884, № 10, P. 300–302.
- Merhart G.* The Paleolithic period in Siberia. Contribution to prehistory of the Jenissei region // American Anthropologist, vol. 25, 1923, № 1, P. 21–55.
- Movius H. L.* The Lower Paleolithic cultures of Southern and Eastern Asia. TAPS, n.s., vol. XXXVIII, pt. 4, 1949.
- Movius H. L., Bricker H. M., Clay R. B. et al.* The analysis of certain major classes of Upper Paleolithic tools. Cambridge: Peabody Museum, 1968.
- Murray T.* (Ed.) Encyclopedia of archaeology. Great archaeologists, vol. 1–2. Oxford–Santa Barbara: ABC–Clio, 1999.
- Patterson T. C.* Toward a social history of archaeology in the United States. Orlando: Harcourt Brace, 1995.
- Perelló E.R.* El Abate Henri Breuil (1877–1961). Madrid: Universidad Nacional de Educación a Distancia, 1994.
- Pradel L.* Les gisements moustériens de Fontmaure, commune de Vallèches (Vienne) // Congrès préhistorique de France, 13e Session, 1950, P. 349–362.
- Pradel L.* Du racloir au biface, formes intermédiaires // BSPF, t. 55, 1958, fasc. 1–2, P. 64–70.
- Raphael M.* Prehistoric cave paintings. Washington: Marchbanks press, 1946.
- Richard N.* (Ed.) L'invention de la préhistoire, une anthologie. Paris: Agora, 1992.
- Rimantiene R.* Akmens amžius lietuvoje. Vilnius: Mosklas, 1984.
- Renfrew C.* (Ed.) The explanation of culture change. Models in prehistory. London: Duckworth, 1973.
- Sackett J. R.* Quantitative analysis of Upper Paleolithic stone tools // American Anthropologist, vol. 68, 1966, № 2, pt. 2, P. 356–394.
- Savenkov J.* Sur les restes de l'époque paléolithique dans les environs de Krasnoïarsk (Gouv. de Ienisséïsk, Sibérie) // Congrès Internationale d'Archéologie préhistorique et d'Anthropologie, IIème Session à Moscou, t. 1, 1892, P. 57–66.
- Ščelinsky V. E., Širokov V. V.* Höhlenmalerei im Ural: Kapova und Ignatievka. Die Altsteinzeitlichen Bilderhöhlen im Südlichen Ural. Sigmaringen: Thorbecke, 1999.
- Schiffner M. B.* Behavioral archaeology. New York–London: Academic press, 1976.
- Schild R.* Introduction to dynamic technological analysis of chipped stone assemblages // Unconventional archaeology. Wrocław: PAN, 1980, P. 57–85.
- Schmidt R.* Die diluviale Vorzeit Deutschlands. Stuttgart: Nägel und Sproeser, 1912.
- Schnapp A.* La conquête du passé. Aux origines de l'archéologie. Paris: Carré, 1993.
- Semenov S. A.* The forms and functions of the oldest tools // Quartär, Bd. 21, 1970, P. 1–20.
- Sitlivy V., Medvedev G. I., Lipnina E. A.* Les civilisations préhistoriques d'Asie Centrale, № 1. Bruxelles: Musées Royaux d'Art et d'Histoire, 1997.
- Smith P. E. L.* Le Solutréen en France. Publications de l'Institut de préhistoire de l'Université de Bordeaux, mem. 5. Bordeaux: Delmas, 1966.
- Sonneville-Bordes D. de, Perrot J.* Essai d'adaptation des méthodes statistiques au Paléolithique supérieur. Premiers résultats // BSPF, t. 50, 1953, fasc. 5–6, P. 323–333.
- Soffer O.* The Upper Paleolithic of the Central Russian Plain. Orlando: Academic press, 1985.
- Soffer O., Praslov N. D.* (Eds.) From Kostenki to Clovis: Upper Paleolithic – Paleo-Indian adaptations. New York–London: Plenum press, 1993.

- Spenser F.* (Ed.) History of physical anthropology, vol. 1–2. New York–London: Garland, 1997.
- Straus L. G.* (Ed.) The role of American archaeologists in the study of the European Upper Palaeolithic. BAR Int. Series, № 1048, 2002.
- Trigger B. G.* A history of archaeological thought. Cambridge: Cambridge University press, 1990.
- Trigger B. G.* The coming of age in the history of archaeology // Journal of anthropological research, vol. 2, 1994, № 1, P. 113–136.
- Ucko P.* (Ed.) Theory in archaeology. A world perspective. London: Routledge, 1995.
- White R.* Upper Paleolithic land use in the Périgord. A topographic approach to subsistence and settlement. BAR Int. series, № 253, 1985.
- Willey R., Sabloff J. A.* A history of American archaeology. 2nd ed. San Francisco: W. H. Freeman and Co, 1980.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АВ – Археологические вести. СПб.
АС – Археологический съезд.
АИЧПЕ – Ассоциация по изучению четвертичного периода Европы. М.–Л.
АЭАЕ – Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск.
БКИЧП – Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода. М.
ГАИМК – Государственная Академия истории материальной культуры. Л.
ДИНЮВС – Древняя история народов юга Восточной Сибири. Иркутск.
ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения. СПб.
ИГАИМК – Известия Государственной Академии истории материальной культуры. Л.
ИРГО – Известия Русского Географического Общества. СПб.
КСИА – Краткие сообщения Института археологии АН СССР. М.
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР. М.
МАО – Московское археологическое Общество. М.
МАЭ – Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого. СПб.
МГУ – Московский Государственный Университет. М.
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. М.–Л.
ПАВ – Петербургский археологический вестник. СПб.
ПИДО – Проблемы истории докапиталистических обществ. Л.
ПИМК – Проблемы истории материальной культуры. Л.
РА – Российская археология. М.
РАЖ – Русский антропологический журнал. СПб.
РАО – Русское археологическое Общество. СПб.
СА – Советская археология. М.
САИ – Свод археологических источников. М.–Л.
СГАИМК – Сообщения Государственной Академии истории материальной культуры. Л.
СЭ – Советская этнография. М.
ТЗИН – Труды Зоологического Института АН СССР. Л.
ТИЭ – Труды Института этнографии АН СССР. М.–Л.
ТКИЧП – Труды Комиссии по изучению четвертичного периода. М.
ТСА РАНИОН – Труды секции археологии Российской Ассоциации научно–исследовательских Институтов общественных наук. М.
УЗ МГУ – Ученые записки Московского Государственного Университета. М.
УСА – Успехи среднеазиатской археологии. Л.
BAR – British Archaeological Reports. Oxford.
BSPF – Bulletin de la Société Préhistorique Française. Paris.
CAn – Current Anthropology. Chicago.
ERAUL – Etudes et recherches archéologiques de l'Université de Liège. Liège.
TAPS – Transactions of the American Philosophical Society. Philadelphia.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	5
Глава 1. Зарождение исследований: дореволюционный период.....	9
Глава 2. В преддверии перемен: 1920е годы.....	21
Глава 3. Взлет и падение стадиализма.....	37
Глава 4. От центра к периферии: региональное разнообразие.....	59
Глава 5. Под знаком локальных культур.....	98
Глава 6. На перекрестке влияний: современные проблемы и достижения.....	130
Заключение.....	145
Литература.....	151
Список сокращений.....	178

Васильев Сергей Александрович

ДРЕВНЕЙШЕЕ ПРОШЛОЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА: ПОИСК РОССИЙСКИХ УЧЕНЫХ

Оригинал-макет А.Б. Вольновой

Отпечатано методом оперативной полиграфии
в ООО «Элексис-Принт», СПб., ул. Моисеенко, 10

Формат 60x84 1/8. Объем п.л. Тираж 300 экз. Заказ №